

В. Ф. ХОДАСЕВИЧЪ

Д Е Р Ж А В И Н Ъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ»

ANNALES CONTEMPORAINES

106, rue de la Tour, Paris (16e)

ПАРИЖЪ

1 9 3 1

Copyright 1931 by V. Hodassevitch.
Tous droits réservés.

Послѣ колоссальной изслѣдовательской работы, совершенной Я. К. Гротомъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ новыхъ извѣстій о жизни Державина почти не являлось. Точно такъ же и авторъ предлагаемаго сочиненія не ставилъ себѣ неисполнимой задачи сообщить какія-либо новыя, неопубликованныя данныя. Нашею цѣлью было лишь по новому рассказать о Державинѣ и попытаться приблизить къ сознанію современнаго читателя образъ великаго русскаго поэта, — образъ отчасти забытый, отчасти затемненный широко распространенными, но невѣрными представленіями.

Біографъ — не романистъ. Ему дано изъяснять и освѣщать, но отнюдь не выдумывать. Изображая жизнь Державина и его творчество (поскольку оно связано съ жизнью), мы во всемъ, что касается событій и обстановки, остаемся въ точности вѣрны свѣдѣніямъ, почерпнутымъ и у Грота, и изъ многихъ иныхъ источниковъ. Мы, однако, не дѣлаемъ сносокъ, такъ какъ иначе пришлось бы ихъ дѣлать едва ли не къ каждой строкѣ. Что касается дословныхъ цитатъ, то мы приводимъ ихъ только изъ воспоминаній самого Державина, изъ его переписки и изъ показаній его современниковъ. Такія цитаты заключены въ кавычки. Діалогъ, порою вводимый въ повѣствованіе, всегда воспроизводитъ слова, произнесенныя въ дѣйствительности, и въ томъ самомъ видѣ, какъ они были записаны Державинимъ или его современниками.

I.

Въ XV вѣкѣ, при великомъ князѣ Василии Васильевичѣ Темномъ, татаринъ мурза Багримъ пріѣхалъ изъ Большой Орды на Москву служить. Великій князь крестилъ его въ православную вѣру, а впослѣдствіи за честную службу пожаловалъ землями. Отъ Багрима, по записи Бархатной книги російскаго дворянства, произошли Нарбековы, Акинфовы, Кеглевы (или Теглевы). Одинъ изъ Нарбековыхъ получилъ прозвище Держава. Началъ онъ свою службу въ Казани. Отъ него произошелъ родъ Державиныхъ. Были у нихъ недурныя помѣстья, отъ Казани верстахъ въ 35 - 40, межъ Волгой и Камою, на берегахъ рѣчки Мѣши.

Земли, однако-жъ, дробились между наслѣдниками, распродавались, закладывались, и уже Роману Николаевичу Державину, который родился въ 1706 году, досталось всего лишь нѣсколько разрозненныхъ клочковъ, на которыхъ крестьяне числились не сотнями, не десятками, а единицами.

Еще въ 1722 году, при Петрѣ Великомъ, Романъ Николаевичъ вступилъ въ армію и служилъ попеременно въ разныхъ гарнизонныхъ полкахъ. Подобно достаткамъ, и чины его были невелики, хотя отъ начальства онъ пользовался довѣріемъ, отъ сослуживцевъ — любовью. Но былъ человѣкъ неискательный, скромный, отчасти, можетъ быть, неудачникъ. Тридцати шести лѣтъ онъ женился на дальней своей родственницѣ, бездѣтной вдовѣ

Өеклѣ Андреевнѣ Гориной, урожденной Козловой. Бракъ не прибавилъ ему достатку: Өекла Андреевна была почти такъ же бѣдна, какъ онъ самъ, и ея деревеньки въ такихъ же лежали клочьяхъ. Впрочемъ, и изъ-за этихъ убогихъ помѣстій Державинымъ приходилось вести непрестанныя тяжбы съ сосѣдями. Времена же были безсудныя. Дѣло иной разъ доходило до драки. Такъ, нѣкій помѣщикъ Чемадуровъ однажды зазвалъ Романа Николаевича въ гости, напоилъ крѣпкимъ медомъ, а потомъ, не пощадивъ чина-званія, избилъ съ помощію своихъ родственниковъ и слугъ. Романъ Николаевичъ нѣсколько мѣсяцевъ прохворалъ, а послѣ того Державины съ Чемадуровыми враждовали изъ рода въ родъ безъ малаго полтора ста лѣтъ: только въ восьмидесятихъ годахъ минувшаго вѣка ихъ распри кончились.

Женившись, Романъ Николаевичъ жилъ то въ самой Казани, то по близости отъ нея, въ одной изъ деревень своихъ, — неизвѣстно, въ которой именно. Тамъ и родился у него, въ обрѣзъ черезъ девять мѣсяцевъ послѣ свадьбы, первенецъ. Это событіе произошло 3 іюля 1743 года, въ воскресеніе. По празднуемому 13 числа того мѣсяца собору Архангела Гавріила младенецъ и наречень.

Отъ рожденія былъ онъ весьма слабъ, малъ и сухъ. Лечение примѣнялось суровое: по тогдашнему обычаю тѣхъ мѣстъ, запекали ребенка въ хлѣбъ. Онъ не умеръ. Было ему около году, когда явилась на небѣ большая комета съ хвостомъ о шести лучахъ. Въ народѣ о ней шли зловѣщіе слухи, ждали великихъ бѣдствій. Когда младенцу на нее указали, онъ вымолвилъ первое свое слово:

— Богъ!

Вскорѣ Державина-отца перевели по службѣ въ городъ Яранскъ, Вятской губерніи, потомъ въ Ставрополь, что на Волгѣ, въ ста верстахъ отъ Самары. Городишки были убогіе: кучи деревянныхъ домишекъ. Жизнь — тоже убогая, захолустная, гарнизонная. Къ тому же — достатки малые, а семья росла. Черезъ годъ послѣ перваго

родился второй сынъ, а потомъ и дочь, которая, впрочемъ, прожила недолго.

Державины были люди не большихъ познаній. Оекла Андреевна и вовсе была полуграмотна: кажется, только умѣла подписывать свое имя. Ни о какихъ наукахъ, либо искусствахъ, въ домѣ и рѣчи не было. По трудности этого дѣла, дѣтей, можетъ быть, не учили бы ничему, если бы не дворянское званіе.

Въ видахъ предстоящей службы нѣкоторыя познанія въ наукахъ были тогда для дворянскихъ дѣтей обязательны. Объемъ этихъ познаній былъ весьма невеликъ, но приобрѣсти ихъ было чрезвычайно трудно. На всю Россію было два-три учебныхъ заведенія, въ Москвѣ да въ Петербургѣ. Помѣщать туда дѣтей удавалось немногимъ — по дальности разстоянія, по недостатку вакансій и проч. Поэтому дворянскимъ недорослямъ давались отсрочки для обученія наукамъ на дому. Обученіе, однако же, провѣрялось правительствомъ, для чего надо было въ положенные сроки представлять дѣтей губернскимъ властямъ на экзамены, или, по тогдашнему, на «смотриы». Первый такой смотръ полагался въ семь лѣтъ, второй въ двѣнадцать, третій въ шестнадцать. Въ двадцать лѣтъ надобно было начинать службу.

Столичные жители, при извѣстномъ достаткѣ, могли отдавать дѣтей въ пансіоны (впрочемъ — плохіе и немногочисленные), либо нанимать учителей. Для провинціаловъ, къ тому же бѣдныхъ, каковы были Державины, все это было недоступно. Поэтому вопросъ объ образованіи мальчиковъ очень рано и очень надолго сдѣлался для нихъ своего рода терзаніемъ. Уже по четвертому году Ганюшку стали приучать къ грамотѣ. Это было еще не столь затруднительно: нашлись какіе-то «церковники», то-есть дьячки да пономари, которые были его первыми учителями. Отъ нихъ научился онъ читать и писать. Конечно, мать прибѣгала и къ поощреніямъ: игрушками да конфетами старалась его приохотить къ чтенію книгъ духовныхъ: то были — псалтырь, житія святыхъ. Впрочемъ, для перваго смотра этого было достаточно, и Державинъ благополучно отбылъ его.

Дальше стало труднѣе. Познанія «церковниковъ» бы-

ли уже исчерпаны, а мальчикъ росъ. Ему минуло уже восемь лѣтъ, когда судьба занесла семью въ Оренбургъ. Городъ въ тѣ поры перестраивался: его переносили на новое мѣсто. На работы были въ большомъ количествѣ пригнаны каторжники. Одинъ изъ нихъ, нѣмецъ Іосифъ Розе, устроился, однако жъ, особымъ образомъ: онъ открылъ въ Оренбургѣ училище для дворянскихъ дѣтей обою полу. Въ этомъ не было ничего удивительнаго: и въ тѣ времена, и много еще спустя, иностранцы-учителя чаще всего вербовались изъ разнаго сброду. Благороднѣйшія оренбургскія семьи стали охотно отдавать ребятъ на выучку къ Іосифу Розе. Другой школы не было. Попалъ туда и Державинъ.

Въ своемъ заведеніи Розе былъ и директоромъ, и единственнымъ преподавателемъ. Нравомъ и обычаемъ былъ онъ каторжникъ, а познаніями невѣжда. Дѣтей подвергалъ мучительнымъ и даже какимъ-то «неблагопристойнымъ» карамъ. Обучалъ же всего одному предмету — нѣмецкому языку, грамматики котораго самъ не зналъ. Учебниковъ не было. Дѣти списывали и заучивали наизусть разговоры да вокабулы, написанные самимъ Розе, впрочемъ — съ великимъ каллиграфическимъ искусствомъ, котораго онъ требовалъ и отъ учениковъ. Какъ бы то ни было, Державинъ все-таки у него научился говорить, читать и писать по-нѣмецки. То было важное пріобрѣтеніе: нѣмецкій языкъ тогда былъ началомъ и признакомъ всякой образованности. Французскій вытѣснилъ его лишь впоследствии.

Мальчикъ былъ даровитъ и смысленъ отъ природы. Но и сама жизнь очень рано заставила его быть любознательнымъ: хочешь, не хочешь — надо было пріобрѣтать познанія, собирать ихъ крохами, гдѣ только случится. Каллиграфическія упражненія натолкнули его на рисованіе перомъ. Ни учителей, ни образчиковъ не было. Онъ сталъ срисовывать богатырей съ лубочныхъ картинокъ, дѣйствуя чернилами и охрой. Этому занятію предавался «денно и ночью», между уроковъ и дома. Стѣны его комнаты были увѣшаны и оклеены богатырями. Тогда же случайно пріобрѣлъ онъ и нѣкоторыя познанія въ черченіи и въ геометріи — отъ геодезиста, состоявшаго

при его отцѣ: тотъ по службѣ былъ занятъ какими-то межеваніями.

Проживъ года два въ Оренбургѣ, снова перебрались на казанскія свои земли. Осенью 1753 года Романъ Николаевичъ рѣшился предпринять далекое путешествіе, въ Москву, а потомъ въ Петербургъ. Было у него на то двѣ причины. Первая: отъ полученнаго когда-то конскаго удара страдалъ онъ чахоткою и намѣревался выйти въ отставку; это дѣло надобно было уладить въ Москвѣ. Вторая причина заключалась въ томъ, что хотѣлъ онъ устроить будущую судьбу сына, заранѣе, по тогдашнимъ законамъ, записавъ его въ Сухопутный кадетскій корпусъ или въ артиллерію. Это уже требовало поѣздки въ Петербургъ, и Романъ Николаевичъ взялъ мальчика съ собою. Но въ Москвѣ хлопоты объ отставкѣ затянулись, Романъ Николаевичъ поиздержался, и на поѣздку въ Петербургъ у него уже не осталось денегъ. Такъ и пришлось ему возвращаться въ родныя мѣста, не устроивъ сына. Въ началѣ 1754 года вышелъ указъ объ отставкѣ Романа Николаевича, а въ ноябрѣ того же года онъ умеръ.

Вдову и дѣтей онъ оставилъ въ самомъ плачевномъ состояніи. Даже пятнадцати рублей долгу, за нимъ оставшагося, уплатить было нечѣмъ. Имѣнія по прежнему не давали доходу; самоуправцы-сосѣди то просто захватывали куски земли, то, понастроивъ мельницъ, затопляли державинскіе луга. Теперь вся судебная волокита легла на плечи вдовѣ. У нея не было ни денегъ, ни покровителей. Въ казанскихъ приказахъ сильная рука противниковъ перемогала. Съ малыми сыновьями ходила Ѳекла Андреевна по судьямъ; держа сиротъ за руки, простаивала у дверей и въ переднихъ часахъ, — ее прогоняли, не выслушавъ. Она возвращалась домой лить слезы. Мальчикъ видѣлъ все это, и «такое страданіе матери отъ неправосудія вѣчно осталось запечатлѣннымъ на его сердцѣ».

*
**

Межъ тѣмъ, приближалось время второго смотра. Какъ ни трудно было, Ѳекла Андреевна взяла двухъ учителей: сперва гарнизоннаго школьника Лебедева, а потомъ ар-

тиллеріи штыкъ-юнкера Полетаева. И тотъ, и другой сами были въ наукахъ не очень свѣдуши. Въ ариѳметикѣ ограничивались первыми дѣйствіями, а въ геометріи черченіемъ фигуръ. Впрочемъ, для смотра этого было достаточно, и въ 1757 году Ѳекла Андреевна повезла обоихъ сыновей въ Петербургъ, намѣреваясь представить ихъ тамъ на смотръ, а затѣмъ отдать въ одно изъ учебныхъ заведеній.

Въ Москвѣ остановились, чтобы оформить въ герольдіи дѣла съ бумагами мальчиковъ. Но у Ѳеклы Андреевны не оказалось нужныхъ документовъ о дворянствѣ и службѣ покойнаго ея мужа. Пока тянулась волокита, подошла распутица, да и деньги изсякли. О Петербургѣ опять нечего было думать.. Хорошо еще, что нашелся въ Москвѣ добрый родственникъ. Съ его помощью получили для недоросля Гавріила Державина новый отпускъ, до шестнадцати лѣтъ, и вернулись въ Казань, положивъ ѣхать въ Петербургъ черезъ годъ.

Но не судьба была Державину учиться въ Петербургѣ. Въ слѣдующемъ году открылась въ Казани гимназія — какъ бы колонія или высылки молодого Московскаго университета. Державинъ поступилъ въ гимназію.

Обучали въ ней многимъ предметамъ: языкамъ латинскому, французскому и нѣмецкому, а также ариѳметикѣ, геометріи (безъ алгебры), музыкѣ, танцамъ и фехтованію. Но учителя были не лучше гарнизоннаго школьника Лебедева и штыкъ-юнкера Полетаева. Учебниковъ не было по прежнему. Учили «вѣрѣ — безъ катехизиса, языкамъ — безъ грамматики, числамъ и измѣренію — безъ доказательствъ, музыкѣ — безъ нотъ, и тому подобное». Учителя ссорились и писали въ Москву доносы другъ на друга и на директора Веревкина. Веревкинъ же былъ воспитанникъ Московскаго университета, человѣкъ молодой, не слишкомъ ученый, зато дѣятельный и умѣвшій пустить пылъ въ глаза начальству. Недостатки преподаванія старался онъ возмѣстить торжественными актами, на которыхъ ученики разыгрывали трагедіи Сумарокова и комедіи Мольера. Также произносили затверженныя наизусть рѣчи на четырехъ языкахъ, сочиненныя учителями. Служились молебны, палили изъ пушекъ. Въ аллего-

рическихъ изображеніяхъ картонныя фигуры Ломоносова и Сумарокова (оба тогда еще были живы) взбирались на скалистый Парнасъ, дабы тамъ, по указанію картоннаго Юпитера, воспѣвать императрицу Елисавету Петровну... Иногда лучшихъ учениковъ, въ томъ числѣ Державина, отправляли въ странныя командировки: то производить раскопки въ Болгарахъ, древнемъ татарскомъ городѣ, то перепланировывать городъ Чебоксары. Обо всемъ этомъ Веревкинъ писалъ велерѣчивыя донесенія въ Москву, главному куратору, Ивану Ивановичу Шувалову. Въ 1760 году Державину объявили, что за успѣхи по геометріи зачисленъ онъ въ инженерный корпусъ. Онъ облекся въ мундиръ инженернаго корпуса и съ тѣхъ поръ при гимназическихъ торжествахъ состоялъ по артиллерійской части.

Черезъ три года по поступленіи въ гимназію, неожиданно пришлось ее бросить, не приобрѣтя особыхъ познаній. Шуваловъ въ Петербургѣ чего-то напуталъ съ бумагами казанскихъ гимназистовъ, и вмѣсто инженернаго корпуса Державинъ оказался записаннымъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ солдатомъ, съ отпускомъ всего лишь по 1 января 1762 года. Когда изъ Преображенскаго полка пришелъ въ казанскую гимназію «паспортъ» Державина, этотъ срокъ уже миновалъ. Выхода не было: Державинъ изъ гимназиста очутился солдатомъ. Надо было немедленно отправляться въ Петербургъ. Мать собрала денегъ на дорогу и еще сто рублей на предстоящую жизнь. Былъ февраль мѣсяць 1762 года. До Петербурга Державинъ добрался только въ мартѣ.

II

— О, братъ! просрочилъ! — съ хохотомъ закричалъ дежурный по полку маіоръ Текутьевъ, взглянувъ на паспортъ.

И громовымъ голосомъ приказалъ отвести Державина на полковой дворъ.

Для начала грозилъ арестъ за просрочку и опозданіе. Но въ канцеляріи Державинъ не растерялся и заставилъ пересмотрѣть все дѣло. Онъ въ правѣ былъ требовать отчисленія въ инженерный корпусъ и отпуска до двадцати лѣтъ. Но для того нужны были деньги и покровители. Пришлось удовольствоваться тѣмъ, что не подвергнувъ наказанію, его зачислили рядовымъ въ третью роту. По бѣдности онъ не могъ снять квартиру, какъ пристало бы дворянину. Пришлось поселиться въ казармѣ.

Его облачили въ форму Преображенскаго полка. То былъ кургузый темнозеленый, съ золотыми петлицами, мундиръ голштинскаго образца; изъ-подъ мундира виднѣлся желтый камзолъ; штаны тоже желтые; на головѣ — пудренный парикъ съ толстой косою, загнутой кверху; надъ ушами торчали букли, склеенные густой сальной помадой.

Времена для военныхъ были суровыя. Императоръ Петръ III царствовалъ всего третій мѣсяць, самодурствуя, круто преобразуя армію на голштинско - прусскій манеръ и готовясь къ бессмысленному походу въ Данію.

Унтеръ - офицеръ (по тогдашнему флигельманъ) съ перваго дня сталъ обучать Державина ружейнымъ прие-

мамъ и фрунтовой службѣ. Мысли Державина были направлены въ иную сторону, солдатчина ему представлялась бѣдствіемъ и обидою. Но по неизмѣнному усердію своему и по упорству, съ какимъ давно привыкъ браться за всѣ дѣла, онъ и въ этой учебѣ захотѣлъ догнать рогныхъ товарищей, начавшихъ службу раньше него. Изъ ста рублей, данныхъ матерью, вздумалъ онъ платить флигельману за добавочные уроки, и вскорѣ такъ преуспѣлъ въ экзерциціяхъ, что стали его въ числѣ прочихъ отряжать на смотры, до которыхъ Петръ III былъ великій охотникъ.

Служба была не шуточная и отнимала весь день. Кромѣ строевыхъ ученій и смотровъ, приходилось нести караулы, то на полковомъ дворѣ, то при дворцовыхъ погребяхъ (во внутренніе дворцовые караулы Державину по началу попадать не случалось); солдатъ то и дѣло отряжали на работу, вродѣ уборки снѣга, очистки каналовъ, доставки провіанта изъ магазинововъ; наконецъ, офицеры гоняли ихъ по своимъ порученіямъ. Отпусковъ не было.

Съ работъ и ученій онъ возвращался вечеромъ. Казарма, въ которой стоялъ онъ, была невелика; досчатая перегородки дѣлили ее на нѣсколько каморокъ. Кромѣ Державина, жило здѣсь еще пятеро солдатъ: двое холостыхъ и трое женатыхъ; при женатыхъ были солдатки и дѣти; у одной изъ солдатокъ Державинъ и столовался.

Еще въ Казани онъ пристрастился къ рисованію перомъ и къ игрѣ на скрипкѣ, которой въ гимназіи обучалъ преподаватель по фамиліи Орфеевъ. Въ казармѣ и то, и другое пришлось забросить: рисованіе — по причинѣ темноты, а скрипку — чтобы не докучать сожителямъ. Зато по ночамъ, когда всѣ улягутся, онъ читалъ книги, какія случалось достать, русскія и нѣмецкія.

Его литературныя познанія до сихъ поръ были скудными. Въ гимназическую пору прочелъ онъ переводъ фенелона «Телемака» (неизвѣстно чей, прозаическій; знаменитая «Тилемахида» Тредьяковскаго вышла позже); затѣмъ — политическій романъ Джона Баркляя «Аргенида» и «Приключенія маркиза Глаголя», то-есть «*Mémoires du marquis *** ou Aventures d'un homme de qualité qui*

s'est retiré du monde» — романъ аббата Прево. Изъ отечественныхъ авторовъ зналъ оды Ломоносова да сумаровскія трагедіи.

Тогда же, еще въ Казани, онъ сталъ сочинять и самъ. Теперь, въ ночной тишинѣ казармы, порой продолжалъ свои упражненія: безъ правилъ, по слуху писалъ стихи, подражая сперва все тѣмъ же Ломоносову и Сумарокову, а потомъ — прочитаннымъ въ Петербургѣ нѣмцамъ: Галлеру, Гогедорну. Выходило коряво и неуклюже; ни стихъ, ни слогъ не давались, — а показать было некому, спросить совѣта и руководства — не у кого. Впрочемъ, онъ вскорѣ закаялся слѣдовать высокому ладу славныхъ пѣнцовъ. Для торжественныхъ одъ и важныхъ предметовъ онъ не располагалъ ни ученостію, ни знаніемъ жизни. Олимпійцевъ онъ путалъ, царя видывалъ развѣ что на разводахъ. Онъ рѣшилъ впредь не гнаться за Пиндаромъ и пѣть по-просту, въ такомъ родѣ:

Чего же мнѣ желать? Пишу я и цѣлую
Анюту дорогую.

Впрочемъ, никакой Анюты въ дѣйствительности не было. Однако, солдатики почему-то провѣдали, что онъ грамотѣй, а за солдатками — вся компанія. Державинской Музой, разумѣется, не любопытствовали. Но стали просить его писать для нихъ письма въ деревню, и вскорѣ, умѣя потрафить крестьянскому вкусу, онъ сдѣлался живымъ казарменнымъ письмовникомъ. Надо еще прибавить, что все изъ тѣхъ же неизсякаемыхъ ста рублей материнскихъ онъ порою ссужалъ товарищей по рублю, по два — и сталъ, такимъ образомъ, любимцемъ всей роты. Сама его Муза не чуждалась казармы: ради упражненія онъ прелагалъ стихами казарменныя прибаски скромнаго содержанія, то насчетъ разныхъ полковъ гвардейскихъ, то по случаю любопытныхъ событій полковой и трактирной жизни. Стишки имѣли успѣхъ.

Но держался онъ все-таки себѣ на умѣ. Въ разговоры мѣшался мало: былъ занятъ службою да своими думами. Между тѣмъ, наступило лѣто.

Не даромъ явилась на небѣ 1744 года та шестихвостая комета, которую указали младенцу-Державину. Сулила она не бѣдствія, какъ въ народѣ думали, но все же событія величайшей важности. Въ тотъ самый годъ, девятого февраля, прибыла въ Москву принцесса Софія-Фредерика Ангальтъ-Цербстская. Императрица Елисавета Петровна вызвала ее въ Россію и выдала замужъ за своего племянника, великаго князя Петра Ѳеодоровича. Принцесса стала великой княгиней Екатериной Алексѣвной, женою наследника русскаго престола. 25 декабря 1761 года, за два мѣсяца съ небольшимъ до пріѣзда Державина въ Петербургъ, Елисавета Петровна скончалась, и Петръ III сталъ императоромъ. Будучи глупъ и грубъ, онъ въ первые же мѣсяцы своего царствованія сумѣлъ привить народу и войску то отвращеніе къ своей особѣ, которое давно испытывала его супруга. Войска роптали на вводимую прусскую форму, на прусскую экзерцицію, на ежедневные вахтпарады. Но всего болѣе раздражало то, что императоръ привелъ въ Россію полки изъ своей родной Голштиніи, расквартировалъ ихъ въ своей резиденціи Ораніенбаумѣ и оказывалъ голштинцамъ явное предпочтеніе передъ русской арміей.

Державинъ, конечно, замѣчалъ этотъ ропотъ, но держался въ сторонѣ. Жгучая обида заглушила въ немъ многое. Его положеніе въ гвардіи было унизительно, и онъ не хотѣлъ раздѣлять ея чувства. Мало того, что онъ былъ принужденъ служить рядовымъ, — его уже начали обходить чинами: нѣкоторые молодые солдаты, начавшіе службу позже него, были уже капралами, а онъ по прежнему оставался рядовымъ. Причина была все та же: бѣдность. Наконецъ, дошло до того, что онъ встрѣтилъ нѣкоего пастора Гельтергофа, котораго зналъ по Казани, и съ его помощью вознамѣрился перейти въ голштинскія войска. Это дѣло для него облегчалось знаніемъ нѣмецкаго языка. Въ любезныхъ императору голштинскихъ войскахъ Гельтергофъ обѣщалъ Державину офицерскій чинъ.

Тѣмъ временемъ подошелъ юнь мѣсяць. Очередной дворцовый переворотъ назрѣлъ. Устраненіе императора имѣло подавляющее большинство сторонниковъ при дворѣ и въ войскахъ. Во главѣ заговора стояла императрица Екатерина.

27 іюня, утромъ, съ Державинымъ приключилось несчастіе. Покуда онъ былъ въ строю, украли у него всѣ деньги: тѣ самыя, завѣтные сто рублей (или что отъ нихъ оставалось), которые онъ хранилъ въ подголовкѣ. Укралъ слуга молодого солдата Лыкова, тоже дворянина, стоявшаго въ одной казармѣ съ Державинымъ. Воръ съ добычею скрылся, а Державинъ весь день ходилъ самъ не свой.

Между тѣмъ, кто-то изъ солдатъ, по пьяному дѣлу, вышелъ на галлерею и сталъ кричать, что какъ выведутъ полкъ изъ города (тутъ подразумѣвался ожидаемый походъ въ Данію) — «то мы спросимъ, зачѣмъ и куда насъ вѣдутъ, оставя нашу матушку Государыню, которой мы ради служить».

Державинъ на эти рѣчи не обратилъ вниманія: пропажа денегъ сдѣлала его ко всему безучастнымъ. Онъ только и ждалъ, чтобъ вернулись солдаты, которые, любя его, бросились по дорогамъ ловить вора. Наконецъ, къ вечеру, воръ былъ пойманъ, деньги нашлись при немъ почти полностью, Державинъ утѣшился и только теперь началъ замѣчать, что въ полку творится неладное.

Въ полночь разнесся слухъ, что гренадерской роты капитанъ Пассекъ арестованъ и посаженъ подъ карауль. Казармы всполошились. Солдаты, вооружась, выбѣжали на ротный плацъ. Однако, нѣсколько пошумѣвъ, они разошлись, и все, казалось, утихло.

На самомъ дѣлѣ событія только теперь начались. Пассекъ былъ въ числѣ заговорщиковъ. Императрица жила въ Петергофѣ, Петръ III — въ Ораніенбаумѣ. Арестъ Пассека заставилъ заговорщиковъ торопиться. Въ пять часовъ утра Алексѣй Орловъ посадилъ Екатерину въ одноколку и привезъ въ Петербургъ, прямо въ казармы Измайловскаго полка. Возмущеніе началось.

Въ восьмомъ часу утра въ Преображенскій полкъ прискакалъ верховой, который кричалъ, чтобы шли къ госу-

дарынь въ каменный Зимній дворець. Рота выбѣжала на плаць, Державинъ за нею. Изъ казармъ Измайловскаго полка доносился барабанный бой. Поднялась тревога. Гэ-родъ уже всполошился.

Державинъ видѣлъ, какъ роты Преображенцевъ, на бѣгу заряжая ружья, помчались къ Зимнему дворцу. Офицеры бездѣйствовали. Только на Литейной улицѣ маіоръ Воейковъ, верхомъ на конѣ, пытался остановить свою гренадерскую роту. Обнаживъ шпагу, онъ съ бранью сталъ рубить гренадеръ по шапкамъ. Рота вдругъ зарычала и кинулась на него со штыками. Воейковъ поскакалъ прочь, гренадеры за нимъ. Они загнали его вмѣстѣ съ конемъ въ Фонтанку, а сами кинулись дальше.

Постепенно весь полкъ стянулся къ Зимнему Дворцу. Потомъ преображенцевъ размѣстили внутри зданія.

Дворцовыя революціи XVIII столѣтія давно втянули гвардію въ политику. Солдаты уже привыкли штыками рѣшать династическіе вопросы и въ этомъ смыслѣ знали себѣ цѣну. Должно быть, среди преображенцевъ одинъ Державинъ не раздѣлялъ общаго одушевленія. Новичекъ въ жизни и несмышленикъ въ дѣлахъ государственныхъ, врядъ ли онъ даже понималъ смыслъ и необходимость переворота. Ему было ясно лишь то, что переворотъ нанести сокрушительный ударъ послѣдней его надеждѣ: если Петръ III будетъ низложенъ, — не станетъ голштинскихъ войскъ, а Державинъ не будетъ въ нихъ офицеромъ.

Онъ не кинулся съ прочими, а не спѣша пришелъ по слѣдамъ полка во дворець, не спѣша отыскалъ свою роту и сталъ по ранжиру въ назначенное мѣсто. Вскорѣ прибылъ Измайловскій полкъ, и разнеслась вѣсть, что императрица во дворцѣ. Солдаты поочередно ей присягали, цѣлуя крестъ. Полки прибывали одинъ за другимъ, гвардейскіе и армейскіе. Ихъ также приводили къ присягѣ, а затѣмъ выстраивали: гвардейцевъ по берегу Мойки, армейцевъ вдоль по Морской и прочимъ улицамъ, до самой Коломны.

Такъ прошло время до самаго вечера. Погода стояла ясная. Наконецъ, появились всадники. Впереди, на бѣломъ конѣ «Бриллиантъ», сидя верхомъ по мужски, въ сапогахъ со шпорами, въ преображенскомъ мундирѣ, мед-

ленно ѣхала Екатерина. Опускаясь, вечернее лѣтнее солнце, солнце Петербурга, свѣтило ей прямо въ лицо — ясное, благосклонное, съ тонкимъ носомъ, круглѣющимъ подбородкомъ и маленькимъ, нѣжнымъ ртомъ. Распущенные волосы, лишь схваченные бантомъ у шеи, падали изъ-подъ трехуголки до лошадиной спины. Вѣтеръ ихъ шевелилъ. Маленькая ручка въ бѣлой перчаткѣ поднимала вверхъ узкую серебристую шпагу. Полки кричали ура. Барабаны били. Такою впервые увидѣлъ ее Державинъ.

Она проѣхала. Скомандовали церемоніальный маршъ, выстроились повзводно, и войска за ней двинулись.

Такъ маршировали до полуночи, когда, вмѣстѣ съ Екатериной, остановились на отдыхъ у Краснаго Кабачка. Потомъ двинулись дальше. Было свѣтло, бѣлыя ночи еще не кончились. Рано утромъ, опередивъ государыню, стали подходить къ Петергофу. Голштинскія войска, стянутыя туда Петромъ III, но имъ покинутыя, сдались безъ единого выстрѣла. Въ одиннадцать часовъ прибыла Екатерина, вновь встрѣченная кликами ура и пушечною пальбой.

Въ Петергофѣ полки были расположены по саду. Тутъ же и отобѣдали; были даны солдатамъ быки и хлѣбъ; сварили кашу. Войска отдыхали. Часу въ пятомъ увидѣлъ Державинъ большую четырехмѣстную карету, запряженную въ шесть лошадей, съ опущенными гардинами. На запяткахъ, на козлахъ и по подножкамъ стояли и сидѣли гренадеры; конный конвой ѣхалъ за каретой. Это везли въ Ропшу только что отрешагося императора.

Въ седьмомъ часу двинулись въ обратный путь. На сей разъ шли медленно, и до Петербурга добрались только въ полдень, а по квартирамъ распущены въ два часа.

Это былъ самый Петровъ день, и день выдался самый жаркій. Съ непривычки Державинъ едва доплелся до казармы. Теперь, на свободѣ, онъ могъ призадуматься надъ превратностію Фортуны: какъ никакъ, онъ самъ только что принялъ участіе въ сверженіи Петра III и тѣмъ самымъ — въ разрушеніи своей мечты сдѣлаться голштинскимъ офицеромъ. Съ другой стороны, хорошо было то, что все-таки не успѣлъ сдѣлаться: иначе его положеніе было бы теперь не изъ легкихъ.

Времени для такихъ размышленій у него оказалось довольно: строевыя ученія были отмѣнены, кругомъ шло ликованіе. «Кабаки, погреба и трактиры для солдатъ растворены: пошеть пирь на весь міръ; солдаты и солдатки, въ неистовомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, медь, шампанское и всякія другія дорогія вина и лили все вмѣстѣ безъ всякаго разбору въ кадки и боченки, что у кого случилось».

Такъ продолжалось весь день, ночь и еще весь день. На второй день гульбы, къ полуночи, Измайловскій полкъ, возведшій Екатерину на тронъ, окончательно потерялъ голову, будучи обуянъ пьянствомъ, гордостью и «мечтательнымъ превозношеніемъ». Разнесся слухъ, что Екатерина похищена. Солдаты требовали, чтобъ она была имъ показана. Уговоры не дѣйствовали, потому что солдатамъ равно хотѣлось и проявить усердіе къ государынѣ, и надъ ней покуражиться. Они явились ко дворцу. Екатерина уже спала. Ее заставили встать, одѣться въ гвардейскій мундиръ и проводить полкъ до казармъ.

Ей вообще не легко было унять разгулявшихся своихъ сторонниковъ. Въ подкрѣпленіе приказамъ, на мостахъ, площадяхъ и перекресткахъ, а въ особенности вокругъ дворца, пришлось разставить пикеты съ заряженными пушками и зажженными фитилями. Тревожное состояніе длилось больше недѣли. Наконецъ, Алексѣй Орловъ отпавился въ Ропшу — и 6 іюля отрекшійся императоръ скончался «обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ геморроидическимъ». Это извѣстіе отрезвило всѣхъ. Тишина водворилась сама собою...

За три дня до того мушкатуеру Державину исполнилось девятнадцать лѣтъ.

*
**

Минуя восьмилѣтняго своего сына, императрица торопилась закрѣпить престолъ за собою. На другой же день послѣ убійства Петра III, когда тѣло его еще не было погребено, въ манифестѣ было объявлено «о бытіи коронаціи въ сентябрѣ». Затѣмъ началось переселеніе лицъ, учреждений и гвардіи изъ Петербурга въ Москву.

Въ августѣ мѣсяцѣ Державину данъ былъ отпускъ, съ тѣмъ, чтобъ явиться къ полку въ Москвѣ, въ первыхъ числахъ сентября. Онъ отправился въ путь своимъ коштомъ, «снабдясь кибитченкой и купя одну лошадь». Въ Москвѣ слонялся безъ дѣла, вызывая насмѣшки голштинскимъ своимъ нарядомъ. Такой же солдатъ изъ дворянъ, Петръ Шишкинъ, дорогою перебралъ у него почти всѣ деньги займы (безъ отдачи). Такъ что пришлось бы и голодать, если бъ не поселился онъ у двоюродной тетушки, Ѳеклы Савишны Блудовой. Жила тетушка на Арбатѣ, въ собственномъ домѣ, и была женщина по природѣ умная, но крайне непросвѣщенная. Зато отличалась прочностью возрѣній, благочестіемъ и властнымъ характеромъ.

Наконецъ, Екатерина съ дворомъ приблизилась къ Москвѣ и остановилась невдалекѣ отъ нея, въ селѣ Петровскомъ, имѣніи графа Разумовскаго. Съ этого дня начались коронаціонныя торжества, а для Державина — новыя тяготы. Тетушку пришлось покинуть и вернуться къ житью солдатскому. Только и утѣшенія было, что выдали новые мундиры, ужъ не такіе смѣшныя, каковы были прежніе.

Пирами, празднествами, потѣшными огнями чествовалъ счастливый Кирила Григорьевичъ Разумовскій высокихъ гостей въ великолѣпномъ дворцѣ, въ обширныхъ садахъ, на славныхъ прудахъ своего помѣстія. Мушкатель Державинъ при сихъ событіяхъ стоялъ на часахъ.

13 сентября, при звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ, при кликахъ народа, средь пышнаго шествія вступила Екатерина въ первопрестольную столицу. Державинъ терялся въ нескончаемыхъ рядахъ парадомъ построенныхъ войскъ. 22 числа Екатерина короновалась въ Успенскомъ соборѣ, по обрядамъ благочестивыхъ царей и императоровъ Россійскихъ. Она торжествовала, ея приближенные ликовали, на нихъ сыпались ордена, чины, дома, земли,—мушкатель Державинъ все такъ же стоялъ на часахъ. Потомъ на Красной площади гуляли народныя толпы; для нихъ были выставлены жареные быки, начиненные живностью, изъ ренскаго вина пущены были фонтаны; вечеромъ городъ переливался иллюминаціей; чадили плошки, по зданіямъ, по кремлевскимъ стѣнамъ рѣяли

черныя тѣни флаговъ, гремѣла музыка, — Державинъ стоялъ на часахъ.

Схлынула первая волна празднествъ, но Москва вся еще полна была шумомъ событій, баловъ, разговоровъ. Изъ внутреннихъ покоевъ кремлевскаго дворца Екатери-на хаживала въ присутствіи Сената: давать широкія предначертанія, воскрешать память Петра Великаго, закладывать первыя основы великолѣпнаго царствованія, привлекать сердца, восхищать умомъ, чаровать улыбками. А Державинъ все былъ мушкатеромъ и все стоялъ на часахъ. Раза два, впрочемъ, проходя мимо караула, его пожаловали къ рукѣ.

На зиму изъ неблагоустроеннаго кремлевскаго дворца императрица переѣхала въ Головинскій, въ Нѣмецкую слободу; Державинъ ставалъ на часахъ и тутъ; однажды ночью, позади дворца, въ полѣ, онъ чуть было не замерзъ въ своей будкѣ; подоспѣвшая смѣна его спасла.

На масляницѣ опять пировала Москва народная. Были блины, гулянія, горы. По улицамъ разѣзжалъ театръ; подъ управленіемъ славнаго актера Федора Григорьевича Волкова представляемы были разныя комедіи, пѣлись пѣсни, осмѣивались пороки и порочные люди: картежники, пьяницы, мздоимцы-подъячїе, судьи-взяточники. Державинъ не веселился. Жилось ему трудно.

Опять стоялъ онъ съ даточными солдатами, на Тверской, въ домѣ Киселевыхъ, во флигелѣ. Кромѣ карауловъ, отправлялъ и другія «низкія должности». Особенно часто случалось ему разносить по офицерскимъ квартирамъ полковые приказы, съ вечеру отданные. На ту бѣду офицеры поразселились по всей Москвѣ: кто жилъ на Никитской, кто на Тверской, на Арбатѣ, на Прѣснѣ, за Москвой-рѣкой на Ордынкѣ... Чтобъ раздать всѣ пакеты къ утру, приходилось отправляться въ путь съ самой полуночи. Зима же была многоснѣжная, вьюжная; улицы темны и непролазны; глубокою ночью, на глухой Прѣснѣ, какъ-то разъ чуть было вовсе не утонулъ онъ въ снѣгу, — а тутъ напали собаки, и онъ насилу отбился отъ нихъ, рубя тесакомъ.

Въ другой разъ, позднимъ вечеромъ, принесъ онъ пакетъ прапорщику третьей роты кн. Козловскому, не-

безызвѣстному стихотворцу. У Козловскаго были гости — и неспроста: Василій Ивановичъ Майковъ, будущій творецъ «Елисѣя», изволилъ читать учиненный имъ переводъ «Меропы» вольтеровой. При появленіи вѣстового чтеніе прервалось, затѣмъ снова возобновилось. Вручивъ пакетъ, Державинъ не спѣшилъ выйти; сталъ у дверей и заслушался. Тогда, обернувшись къ нему, хозяинъ дома сказалъ спокойно: — Поди, братецъ служивый, съ Богомъ; чего тебѣ попусту зѣвать? вѣдь ты ничего не смыслишь...

Наконецъ, откуда-то онъ провѣдалъ, что Шуваловъ собирается за-границу. Сочинилъ къ вельможѣ письмо: напомнилъ объ успѣхахъ своихъ въ Казанской гимназіи и просилъ взять въ чужіе края, «дабы чему-нибудь тамъ научиться». Съ письмомъ явился въ передней Шувалова, среди бѣдняковъ и челобитчиковъ. Шуваловъ, проходя мимо, принялъ письмо, остановился, прочелъ и велѣлъ побывать еще разъ. Обрадованный Державинъ поспѣшилъ къ тетушкѣ Блудовой — подѣлиться надеждами. Но Оеклѣ Савишиной оказалось извѣстно, что Шуваловъ — масонъ. Она же твердо знала, что масоны — вѣроотступники, еретики, богохульники, преданные антихристу, и что за нѣсколько тысячъ верстъ заочно непріятелей своихъ умерщвляютъ. Слѣдственно, учинила она неопытному племяннику за знакомства такія ужаснѣйшія нагоняи и накрѣпко запретила ходить къ Шувалову, грозя, въ случаѣ ослушанія, обо всемъ отписать въ Казань, матери. Для Державина это было «жестокимъ пораженіемъ», но, воспитанный въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ, не дерзнулъ онъ ослушаться тетушки и къ Шувалову болѣе не бывалъ.

Зима кончилась, прошла и весна. Только въ іюнѣ, въ годовщину петергофскаго похода, счастье впервые улыбнулось Державину слабой улыбкой: много разъ обойденный при производствахъ, подалъ онъ челобитную самому Алексѣю Орлову и произведенъ былъ въ капралы. Отъ капральства до офицерства было еще весьма далеко, но онъ и тѣмъ былъ доволенъ. Захотѣлъ показаться матери въ новомъ чинѣ и отпросился въ годовой отпускъ въ Казань.

Нашлись и попутчики: своего же полка такой же капраль Аристовъ и нѣкая «прекрасная, молодая благородная дѣвица», возвращавшаяся въ Казань къ роднымъ. Впро-

чемъ, дѣвица была снисходительныхъ нравовъ и состояла любовницей того самого Веревкина, который нѣкогда былъ директоромъ Казанской гимназіи, а теперь сдѣлался товарищемъ губернатора. Аристовъ за нею ухаживалъ. Державинъ плѣнился красавицей чрезвычайно. Дорогою курамшилъ, подлипалъ и махался, какъ только могъ. «Будучи непрестанно вмѣстѣ и обходясь попросту, имѣлъ удачу живостью своею и разговорами ей понравиться такъ, что товарищъ, сколь ни завидовалъ и изъ ревности сколь ни дѣлалъ на всякомъ шагу и во всякомъ удобномъ случаѣ возможныя препятствія, но не могъ воспретить соединенію ихъ пламени». Послѣ соединенія пламени какъ-то такъ вышло, что Державинъ взялъ на себя путевыя издержки благородной дѣвицы. Сіе было принято съ благосклонностію, но оказалось не подъ силу тощему кошелку его. На рѣкѣ Клязьмѣ паромщики и извозчики отказались ѣхать по цѣнѣ, предложенной Державинымъ. Оставивъ путниковъ на паромѣ, они разбѣжались, а красавица, прождавъ полчаса, стала роптать и плакать. «Кого же слезы любимаго предмета не тронуть? Страстный капралъ, обнажа тесакъ, бросился искать перевозчиковъ». Тѣ упрямылись и куражились. Вскорѣ дѣло дошло до новаго, только что купленнаго въ Москвѣ ружья. Къ счастью, оно не выстрѣлило. Державинъ вновь взялся за тесакъ и сталъ носиться съ нимъ по деревнѣ. Все это могло кончиться кровопролитіемъ, но Державина кое-какъ уняли.

Добравшись, наконецъ, до Казани, хотѣлъ онъ и тамъ съ красавицей своей чаще видѣться. «Но, будучи небольшого чина и не богатъ, не могъ имѣть свободнаго входа къ ней въ покой». Къ тому же мать поспѣшила отправить его въ городъ Шацкъ: то ли по наслѣдственнымъ дѣламъ, то ли чтобы убрать его отъ грѣха подальше. Изъ Шацка проѣхалъ онъ прямо въ оренбургскую деревню, гдѣ и мать находилась къ тому времени. Словомъ, больше ужъ онъ никогда не видалъ «сего своего предмета».

Такъ кончились его первыя любовныя шашни, и такъ, въ бою съ паромщиками, онъ проявилъ впервые свой буйный нравъ.

Черезъ годъ въ Петербургѣ возобновилась прежняя жизнь: та же все солдатня, служба, чтеніе и кропаніе стиховъ украдкою отъ товарищей. Державинъ прочиталъ Клопштока, Клейста (старшаго), пробовалъ переводить стихами «Телемака», клопштокову «Мессиаду». Самъ довольно много писалъ въ различныхъ родахъ; сочинялъ мадригалы, идилліи, сатиры, эпиграммы, басни, въ которыхъ подражалъ Лафонтену чрезъ нѣмца Геллерта. Отдалъ онъ также дань и распространенному тогда виду поэзіи — конфетнымъ билетцамъ. То были двустихія, предназначенныя для бумажекъ, въ которыя завертывались конфеты. Державинъ, впрочемъ, писалъ ихъ не ради прибыли, но для упражненія.

Старался онъ усвоить и правила ремесла стихотворнаго: тщательно изучалъ теоретическія сочиненія Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова. По сочиненіямъ обидчика своего, кн. Козловскаго, наконецъ, научился правильно ставить цезуру въ александрійскомъ стихѣ. Этимъ размѣромъ написалъ онъ тогда же стансы къ Наташѣ, «прекрасной солдатской дочери, въ сосѣдствѣ въ казармахъ жившей». Завель и знакомство литературное: бывалъ иногда на пирушкахъ у земляка своего, купческаго сына Осокина, любителя поэзіи, издавашаго, впрочемъ, одну только книгу: «Примѣчаніе для приведенія въ лучшую доброту разныхъ російскихъ шерстей». У Осокина онъ встрѣтился съ Тредьяковскимъ. Тредьяковскому было уже за шестьдесятъ, жизнь его клонилась къ концу, вліятельною литературною силой онъ уже не былъ. Но онъ могъ быть прекраснымъ учителемъ для Державина, тѣмъ болѣе, что тотчасъ угадалъ его дарованіе. Развить это знакомство Державинъ, однако же, не сумѣлъ или не посмѣлъ. При всей живости, былъ онъ солдатчиною по прежнему какъ бы придавленъ: все это время и жилъ, и работалъ, словно бы съежившись, подобравшись. Его успѣхи въ поэзіи были невелики: все та же корявость и неумѣлость, скучныя пѣсни, тяжеловѣсныя идилліи, беззубыя эпиграммы.

Только скромные стишки по прежнему вызывали веселость товарищей. Но одна пьеска обошлась ему на сей разъ дорого. Въ ней шла рѣчь о нѣкоемъ капралѣ, жену котораго любилъ полковой секретарь. Стишки пошли гулять по казармѣ, перекинулись къ офицерамъ и попали въ руки самому секретарю. Послѣ того полковой секретарь цѣлыхъ два съ половиною года вычеркивалъ Державина изъ списка представляемыхъ къ повышенію, и два съ половиною года Державинъ ходилъ въ капралахъ. Одно было облегченіе: жилъ онъ теперь съ дворянами. Тѣ были почище и не столь грубы въ обращеніи. За то предавались всяческимъ шалостямъ, и Державинъ, глядя на чихъ, сталъ понемногу «въ нравахъ своихъ развращаться».

Наконецъ, врагъ его, полковой секретарь, былъ смѣненъ другомъ, нѣкіимъ Неклюдовымъ, и въ сентябрѣ 1766 года Державинъ произведенъ въ фурыеры, а вслѣдъ за тѣмъ въ каптенармусы. Въ началѣ 1767 года императрица предприняла вторую поѣздку въ Москву — для открытія Комиссіи по составленію новаго уложенія. Державинъ, подъ началомъ двухъ офицеровъ, братьевъ Лутовиновыхъ, командированъ былъ на ямскую подставу — надзирать за приготовленіемъ лошадей къ проѣзду двора. Одинъ Лутовиновъ былъ посланъ въ Яжелбицы, другой — въ Зимогорье. То были двѣ станціи, расположенныя вблизи знаменитаго Валдая, о ксторомъ Радищевъ писалъ: «Кто не бывалъ въ Валдаяхъ, кто не знаетъ Валдайскихъ баранокъ и Валдайскихъ разумяненныхъ дѣвокъ? Всякаго проѣзжающаго наглыя Валдайскія и стыдъ сотрясшія дѣвки останавливаютъ и стараются возжигать въ путешественникѣ любострастіе, воспользоваться его щедростію на счетъ своего цѣломудрія». Разумѣется, Лутовиновы проводили все время въ гостепріимномъ Валдаѣ. Они либо играли въ карты съ проѣзжими, либо пьянствовали, иной разъ на всю ночь запираясь въ кабакѣ и никого, кромѣ дѣвокъ, къ себѣ не пуская. Державинъ волей или неволей дѣлилъ забавы начальства. Правда, отъ вина онъ воздерживался, но карты мало по малу его увлекли, онъ къ нимъ пристрастился. Такъ жилъ онъ четыре мѣсяца. Наконецъ, въ концѣ марта, дворъ проѣхалъ, старшій Лутовиновъ

попалъ подъ судъ за растраты и буйство, а Державинъ благополучно добрался до Москвы.

Съ началомъ теплой погоды императрица отправилась въ путешествіе по Волгѣ, а гвардіи было приказано возвратиться въ Петербургъ. Державинъ этимъ воспользовался и вновь отпросился въ отпускъ въ Казань, къ матери и брату, которыхъ не видѣлъ больше двухъ лѣтъ.

Неизвѣстно, случилось ли хоть отчасти Державину видѣть историческое «шестіе» императрицы по Волгѣ. Неизвѣстно и то, кто кого обогналъ на этомъ пути: Державинъ императрицу или императрица Державина. Во всякомъ случаѣ, ему довелось быть свидѣтелемъ ея пребыванія въ Казани. Словно сама судьба такъ устраивала, что онъ вновь, уже въ который разъ, оказался незамѣтнымъ спутникомъ Екатерины. Въ тѣ поры онъ нарушилъ обѣтъ, нѣкогда данный самому себѣ — не гоняться за Пиндаромъ и не пѣть царей. Еще въ Валдаѣ, живя съ Лутовиновыми, онъ отважился написать «ямбическіе экзаметры» на переѣздъ царицы черезъ рѣчку Мохость, протекающую въ тѣхъ мѣстахъ. Теперь же, въ Казани, далъ себѣ волю: явились стихи «На шестіе Императрицы въ Казань», «На маскарадъ, бывшій передъ Императрицей въ Казани» и наконецъ — первая «Ода Екатерины II».

Но царица проѣхала, поэтической пылъ Державина ослабѣлъ (потому, можетъ быть, что и стихи опять вышли не такъ хороши, какъ хотѣлось бы), и Державинъ вновь погрузился въ дѣла житейскія. Мать по прежнему билась, какъ рыба объ ледъ, хозяйствуя въ деревенькахъ, тягаясь съ сосѣдями и непрестанно что-то закладывая, покупая и продавая. Братъ окончилъ гимназію, и уже давно пора было ему вступать въ службу. Проживъ лѣто и осень съ родными въ Оренбургской губерніи, Державинъ собрался въ Петербургъ: отпускъ его кончался. Наконецъ, онъ тронулся въ путь, принявъ на себя два порученія: во-первыхъ, довести брата до Петербурга и тамъ опредѣлить его въ полкъ; во-вторыхъ, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, купить у нѣкихъ господъ Таптыковыхъ небольшую, душъ въ тридцать, деревушку, лежавшую на рѣкѣ Вяткѣ. На это мать дала ему денегъ.

Въ Москвѣ случилось дѣло слишкомъ обыкновенное:

совершенство купчей крѣпости съ господами Таптыковыми замедлилось. Тогда Державинъ отправилъ брата въ Петербургъ, къ полковому секретарю Неклюдову, съ просьбою зачислить молодого человѣка въ тотъ же Преображенскій полкъ, что и было исполнено. Себѣ же Державинъ просилъ двухмѣсячной отсрочки для устройства дѣлъ. Эта просьба тоже была уважена, и Державинъ даже былъ около того времени произведенъ въ сержанты. Онъ остался въ Москвѣ, намѣреваясь довершить покупку имѣнія. Но внезапно дѣла приняли оборотъ совершенно невѣроятный.

Поселился Державинъ по родственному, у двоюроднаго своего брата, маіора Ивана Яковлевича Блудова, сына той самой тетушки Ѳеклы Савишны, о которой выше говорено. Въмѣстѣ съ Блудовымъ жилъ его дальній родственникъ и закадычный другъ, отставной подпоручикъ Максимовъ, человѣкъ забубенной жизни, другъ-пріятель не одному Блудову, но и всей Москвѣ, особенно разнымъ сенатскимъ чиновникамъ. Можно было черезъ него обдѣлывать всевозможныя дѣла, чистыя и сомнительныя, — сомнительныя въ особенности. Блудовъ находился подъ его вліяніемъ. Домъ съ утра до вечера полонъ былъ всякаго люда. Картежъ и попойки не прекращались.

Карты занимали Державина сильно еще со времени пребыванія въ Валдаѣ. Теперь, въ обществѣ Блудова и Максимова, онъ сталъ иногда поигрывать. Сперва игралъ робко и понемногу, но потомъ, разумѣется, втянулся. Новичкамъ обычно везеть, но съ Державинымъ случилось иначе. Съ каждой игрой дѣла его становились труднѣе, но былъ онъ упрямъ, горячъ и не зналъ поговорки: играй, да не отыгрывайся. Лишившись собственныхъ денегъ, онъ не бросилъ игры, а пустилъ въ ходъ материнскія, данныя на покупку имѣнія, — и въ недолгое время проигралъ ихъ всѣ, до послѣдней копѣйки.

Двоюродный братецъ Блудовъ изъ этой бѣды какъ будто бы его выручилъ, но на самомъ дѣлѣ забралъ въ сущую кабалу. А именно — онъ далъ Державину денегъ на покупку имѣнія, но въ обезпеченіе долга взялъ съ него закладную, да не только на эту деревню, а еще и на другую, тоже принадлежавшую матери. Совершать по-

добную сдѣлку Державинъ не имѣлъ никакого права; слѣдственно, ему теперь уже до зарѣзу надобно было раздобыться деньгами, чтобъ закладную у Блудова выкупить. Для этого былъ единственный способъ — опять таки отыграться.

И вотъ, располагая всего лишь грошами, онъ сталъ съ отчаянія день и ночь ѣздить по трактирамъ — искать игры. Вскорѣ онъ сдѣлался завсегдатаемъ такихъ мѣстъ и другомъ тамошнихъ завсегдатаевъ. Иначе сказать — «спознакомился съ игроками или, лучше, съ прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками; у нихъ научился заговорамъ, какъ новичковъ заводить въ игру, подборамъ картъ, поддѣлкамъ и всякимъ игрецкимъ мошенничествамъ».

Надо сказать правду: и въ этомъ обществѣ сохранилъ онъ извѣстное благородство души, впрочемъ весьма не рѣдко свойственное и заправскимъ шулерамъ. Конечно, онъ не гнушался «обыгрывать на хитрости» — иначе бы и не вступалъ въ такую компанію. Но, помня, должно быть, собственную свою исторію, новичкамъ и неопытнымъ людямъ иногда покровительствовалъ. Такъ, однажды онъ спасъ отъ мошенниковъ заѣзжаго недоросля изъ Пензы, «слабаго по уму, но довольно достаточнаго по имуществу». Въ отместку за это составленъ былъ цѣлый заговоръ, чтобъ Державина поколотить, а можетъ быть и убить вовсе. Но, по странному совпаденію, тутъ его спасъ другой, тоже имъ облагодѣтельствованный человѣкъ: офицеръ Гасвицкій, которому какъ разъ незадолго до того, въ какомъ-то трактирѣ, Державинъ успѣлъ шепнуть, что его обыгрываютъ на биллиардѣ при помощи поддѣльныхъ шаровъ.

Однако, шулерство не принесло ему пользы. То ли онъ горячился и самъ проигрывалъ еще болѣе ловкимъ игрокамъ, то ли существовали другія, неизвѣстныя намъ причины, — только сколотить нужную сумму и расплатиться съ Блудовымъ Державинъ не могъ. Хуже того: иногда проигрывался до нитки и принужденъ былъ бросать игру, пока не раздобывался какими-нибудь деньженками. Случалось, не на что было не только играть, но и жить. Тогда, запершись дома, «ѣлъ хлѣбъ съ водою и ма-

раль стихи». Иногда на него находило отчаяніе. Тогда за-творялъ онъ ставни и сидѣлъ въ темной комнатѣ, при свѣтѣ солнечныхъ лучей, пробивавшихся въ щели. Такъ проводить несчастливые дни осталось его привычкою на всю жизнь.

Прошло уже болѣе полугода съ тѣхъ поръ, какъ отсрочка, ему данная, кончилась. До полка дошли слухи, что Державинъ въ Москвѣ «замотался», — а самъ онъ не только не помышлялъ о возвращеніи въ Петербургъ, но и не представлялъ никакихъ объясненій. Ему грозилъ судъ и разжалованіе въ армейскіе солдаты. Спасъ тотъ же благодѣтель Неклюдовъ, который, не спросясь Державина, приписалъ его къ московской командѣ. Пребываніе въ Москвѣ было, такимъ образомъ, узаконено, и Державинъ одно время даже служилъ секретаремъ или, по тогдашнему, «сочинителемъ» въ депутатской законодательной комиссіи. Потомъ мать вызвала его въ Казань, онъ ѣздилъ къ ней, каялся, — а вернувшись, снова взялся за прежнее.

Шалая жизнь постепенно его засасывала. Самое въ ней опасное было то, что Державинъ какъ-то нечаянно сблизился съ Максимовымъ, котораго продѣлки были отнюдь не невиннаго свойства. Впрочемъ, первая изъ исторій, въ которую попалъ Державинъ, была скорѣе забавна и ничѣмъ особеннымъ не грозила. Произошла она изъ-за дьяконовой дочери. Максимовъ и Блудовъ умѣли обращаться съ прекраснымъ поломъ. Дьяконова дочь по сосѣдству къ нимъ хаживала. Однажды вечеромъ дьяконъ съ женою уговорили будочниковъ ее подстеречь. Блудовскіе люди, однако, примѣтили, что будочники хоронятся за углами, и спросили, чего имъ тутъ надобно. Разговоръ быстро перешелъ въ брань, а брань въ драку. Будочниковъ поколотили, пользуясь численнымъ превосходствомъ. Но будочники не сдались. Отступивъ съ поля битвы, залегли они въ крапивѣ, возлѣ церковной ограды, гдѣ дѣвица должна была проходить, — и поймали ее. Дьяконъ съ дьяконицей, подхвативъ дочь, «мучили плетью и, по наученію полицейскихъ, велѣли ей сказать, что была у сержанта Державина». На другой день, когда Державинъ, возвращаясь изъ Вотчинной коллегіи, въ блудовской ка-

ретѣ подѣзжалъ къ воротамъ, будочники съ трещотками окружили карету, схватили лошадей подѣ уздцы, «и не объявля ничего, повезли черезъ всю Москву въ полицію. Тамъ посадили его съ прочими арестантами подѣ крауль. Въ такомъ положеніи провелъ онѣ сутки. На другой день поутру ввели въ судейскую. Судьи зачали спрашивать и домогаться, чтобѣ онѣ признался въ зазорномъ съ дѣвкою обхожденіи и на ней женился; но какѣ никакихъ доказательствъ, ни письменныхъ, ни свидѣтельскихъ, не могли представить на взводимое на него преступленіе, то, проволочивъ однако съ недѣлю, должны были со стыдомъ выпустить».

Эта исторія кончилась смѣхомъ. Другая была не столь невинна, и хотѣ Державинъ не принималъ въ ней прямого участія, о ней все же слѣдуетъ рассказать, потому что она послужила какѣ бы прологомъ къ событіямъ болѣе позднимъ. Кромѣ того, она сама по себѣ живописна и любопытна.

Еще въ кратковременное царствованіе Петра III нѣкій Серебряковъ, экономическій крестьянинъ Пензенской губерніи, Малыковской волости, въ прошломъ — монастырскій слуга, представилъ правительству проектъ о разселеніи выходящихъ изъ Польши раскольниковъ на пустопорожныхъ земляхъ, лежащихъ по рѣкѣ Иргизу, притоку Волги. Уже при Екатеринѣ проектъ удостоился одобренія, и раскольники были поручены вѣдѣнію того же Серебрякова. Первое время все шло хорошо, но затѣмъ Серебряковъ сталъ къ выходцамъ изъ Польши подмѣшивать просто бѣглыхъ крестьянъ, которыхъ за извѣстную плату укрывалъ отъ господъ, надѣлая земель и снабжая документами. За это въ концѣ концовъ онѣ угодили въ сыскной приказъ, гдѣ и содержался подѣ карауломъ до окончанія о немъ слѣдствія.

Въ тюръмѣ сошелся онѣ съ человѣкомъ, котораго биографія была въ своемъ родѣ блистательна. Это былъ запорожскій атаманъ Черняй. Незадолго до того запорожскіе казаки, подѣ предводительствомъ Черняя и еще другого атамана, Максима Желѣзняка, бывшаго послушника, весьма отличившагося въ такъ называемой Уманьской рѣзнѣ 1768 года, разграбили польскую Украину и разо-

рили за Днѣпромъ турецкую слободу Балту. Разореніе Балты и послужило поводомъ къ первой при Екатеринѣ турецкой войнѣ. Русскимъ войскамъ велѣно было тѣхъ запорожцевъ съ ихъ атаманами переловить, что и было исполнено. Румянцовъ, командовавшій войсками, отправилъ Желѣзняка и Черняя черезъ Москву въ Сибирь, но въ Москвѣ Черняй заболѣлъ (или притворился больнымъ). Поэтому впредь до выздоровленія онъ былъ посаженъ въ тотъ же сыскной приказъ, гдѣ и познакомился съ Серебряковымъ.

Тюремные дни коротали они въ бесѣдахъ, и Черняй повѣдалъ Серебрякову о несмѣтныхъ богатствахъ, награбленныхъ его шайкою и зарытыхъ на Украинѣ. Рѣчь шла о цѣлыхъ ямахъ, наполненныхъ серебромъ, и о пушкахъ, набитыхъ жемчугомъ и червонцами (Черняй, можетъ быть, и привираль).

Выпрашиваясь иногда изъ-подъ караула, Серебряковъ посѣщалъ Максимова, который былъ его землякомъ. Мысль о черняевомъ кладѣ не давала Серебрякову покоя, и онъ заразилъ его Максимова. Стали они совѣщаться, какъ бы Черняя съ Серебряковымъ выручить изъ тюрьмы, чтобъ отправиться добывать богатства. Съ Серебряковымъ дѣло уладили быстро: Максимовъ просто взялъ его на поруки. Но какъ высвободить Черняя? Тутъ были привлечены юристы изъ сенатскихъ чиновниковъ, даже довольно видныхъ, и способъ найденъ.

По тогдашнимъ законамъ, если у колодниковъ оказывались долги, то, по требованію заимодавцевъ, разрѣшалось ихъ посылать въ магистратъ, для уплаты долговъ. Изъ магистрата ихъ подъ конвоемъ отпускали по разнымъ надобностямъ: въ баню, въ церковь и къ родственникамъ. Поэтому на Черняя составили подложный вексель, произвели взысканіе и затребовали отвѣтчика въ магистратъ. Оттуда, подъ наблюденіемъ одного гарнизоннаго солдата, Черняй былъ отпущенъ въ баню, а по дорогѣ отбить какими-то «незнаемыми людьми». Съ той минуты онъ исчезъ, — разумѣется, отъ всѣхъ, кромѣ Серебрякова съ Максимовымъ, которые не теряли его изъ виду. Дорога къ кладу была, такимъ образомъ, открыта, но Серебряковъ и Максимовъ не торопились по ней отправиться.

Державинъ отчасти былъ посвященъ въ ихъ затѣи, но къ самому предпріятію привлеченъ не былъ: Серебряковъ и Максимовъ хотѣли обогатиться одни. Но встрѣтиться съ ними Державину еще предстояло впоследствии.

Побѣгъ Черняя сошелъ Максиму съ рукъ легко: за Черняя онъ не ручался. За то вскорѣ всплыла наружу продажка, въ которой къ тому же весьма замѣшанъ былъ и Державинъ. Въ концѣ 1769 года мать прапорщика Дмитріева подала въ полицію жалобу на Максимова и Державина вмѣстѣ. По словамъ жалобщицы, Максимовъ съ Державинимъ обыграли ея сына въ банкъ Фаро и выманили съ него вексель въ триста рублей, а также пятисотрублевую купчую на имѣніе отца его. Максимова, Державина, двоихъ свидѣтелей и обыграннаго прапорщика вызывали для допроса. Дмитріевъ подтвердилъ заявленіе матери, а Державинъ и Максимовъ уперлись. Отъ всякой игры съ Дмитріевымъ они отреклись, а происхожденіе векселя и купчей объясняли иными, вполне законными причинами. Дѣлу этому данъ былъ ходъ, оно поступило въ Юстицъ-коллегію и неизвѣстно, чѣмъ могло кончиться. Забѣгая впередъ, мы скажемъ, что оно тянулось долго, запуталось (не благодаря ли связямъ Максимова?) и наконецъ, уже въ 1782 году, было прекращено за нерозыскомъ жалобщиковъ. Но тогда, въ концѣ 1769 и въ началѣ 1770 годовъ, оно должно было тревожить Державина въ высшей степени. Оно грозило самыми страшными послѣдствіями — но именно потому какъ-то внезапно и сразу его отрезвило.

Два съ лишнимъ года, прожитые въ такомъ обществѣ и среди такихъ приключеній, показали Державину ужасны. Друзей не было — душевное свое состояніе онъ излил въ стихахъ, написанныхъ, надо думать, при сдвинутыхъ ставняхъ. То были первые стихи Державина, въ которыхъ ни предметъ, ни чувства не были позаимствованы. Можно сказать, онъ взвылъ. Стихи назывались «Раскаяніе»:

Ужель свирѣпства всѣ ты, рокъ, на мя пустилъ?
Ужель ты злобу всю съ несчастнымъ совершилъ?
Престанешь ли меня теперь ужъ ты терзати?
Чѣмъ грудь мою тебѣ осталось поразити?

Лишилъ ужъ ты меня имѣнья моего,
Лишилъ ужъ ты меня и счастья всего,
Лишилъ, я говорю, и — что всего дороже —
(Какая можетъ быть сей злобы злоба строже?)
Невинность разрушилъ! Я въ роскошахъ забавъ
Испортилъ уже мой и непорочный нравъ,
Испортилъ, развратилъ, въ тьму скарествъ погрузился,
Повѣса, мотъ, буянь, картежникъ очутился;
И вмѣсто, чтобъ талантъ мой въ пользу обратилъ,
Порочной жизнію его я погубилъ;
Презрѣнь теперь отъ всѣхъ и всѣми презираемъ, —
Отъ всѣхъ честныхъ людей, отъ всѣхъ уничижаемъ.
О, градъ ты роскошей, распутства и вреда!
Ты людямъ молодымъ и горестъ, и бѣда!

.....

О, лабиринтъ страстей, никакъ неизбѣжимыхъ,
Борющихся разумомъ, но непреодолимыхъ!
Доколѣ я въ тебѣ свой буду вѣкъ влачить?
Доколѣ мнѣ, Москва, въ тебѣ распутно жить?
Покинуть я тебя стократно намѣряюсь
И, будучи готовъ, стократно возвращаюсь.
Противъ желанія живу, живя въ тебѣ;
Клянусь тебя — и въ томъ противлюсь самъ себѣ...

Наконецъ, уже въ мартѣ 1770 года, въ самые тѣ дни, когда въ Москвѣ начиналась чума, Державинъ рѣшилъ: онъ занялъ пятьдесятъ рублей у пріятеля своей матери, «бросился опрометью въ сани и поскакалъ безъ оглядокъ въ Петербургъ».

Впрочемъ, не совсѣмъ безъ оглядокъ. Московскія страсти еще въ немъ жили. Раскаяніе говорило душѣ одо, бѣсъ — другое. Началось съ того, что, отъѣхавъ всего полтораста верстъ, Державинъ встрѣтилъ въ Твери одного изъ московскихъ пріятелей и съ нимъ прокутилъ всѣ деньги. Что было дѣлать? У такого же проѣзжаго (у садовника, везшаго ко двору виноградныя лозы изъ Астрахани) онъ занялъ еще пятьдесятъ рублей, кое-какъ одѣлался отъ пріятеля и поѣхалъ дальше.

Но благоразумія хватило у него только до Новгоро-

да. Въ тѣ времена, когда на станціяхъ приходилось по-долгу ждать лошадей, а иногда ночевать, станціонные трактиры были разсадниками игры и мошенничества. Темные люди подстерегали въ нихъ проѣзжающихъ. Въ такомъ трактирѣ, три года спустя, ротмистръ Зуринъ обыгралъ Петрушу Гринева, ѣхавшаго въ Оренбургъ; еще гораздо позже, въ такомъ же трактирѣ, въ Пензѣ, пѣхотный капитанъ, умѣвшій удивительно сѣзгать штоссы, сильно поддѣлъ коллежскаго регистратора Хлестакова. Словомъ, въ Новгородѣ Державинъ не выдержалъ, еще разъ попыталъ счастья — и остался у него всего-навсего одинъ рубль-крестовикъ, нѣкогда данный на счастье ма-терью.

Не тронувъ этого рубля (онъ сберегъ его во всю жизнь), Державинъ кое-какъ тронулся дальше. Но уже неподалеку отъ Петербурга, въ Тоснѣ, ждала его новая на-пасть, въ которой на этотъ разъ онъ былъ неповиненъ. Въ предотвращеніе занесенія чумы въ столицу, здѣсь бы-ла устроена карантинная застава, на которой полагалось прожить двѣ недѣли. На это у Державина не было денегъ. Сталъ онъ упрашивать карантиннаго начальника, чтѣбы тотъ пропустилъ его ранѣе; ссылался на бѣдность, на не-имѣніе лишняго платья, которое нужно окуривать и прс-вѣтривать. Карантинный стражъ былъ готовъ согласить-ся съ его доводами, но препятствіемъ оказался сундукъ, наполненный бумагами и содержавшій все, что за преды-дущую жизнь, съ самага дѣтства, сочинилъ Державинъ въ стихахъ и въ прозѣ. Не оставалось иного выхода, какъ избавиться отъ сундука, и въ присутствіи караульна-го Державинъ его сжегъ вмѣстѣ со всѣми бумагами.

Пробывъ почти три съ половиною года въ отсутствіи, онъ теперь въѣзжалъ въ Петербургъ налегкѣ, безъ денегъ, безъ имущества, даже безъ стиховъ.

Но стихи онъ тотчасъ же началъ возстановлять по па-мяти.

*
**

Покуда старшій Державинъ куралесилъ въ Москвѣ, младшій скромно служилъ въ томъ же Преображенскомъ полку, въ бомбардирской ротѣ. Чины доставались Андрею

Державину такъ же трудно, какъ Гавріилу. Та же была и причина — бѣдность. За два съ половиною года дослужился онъ всего только до капральскаго чина.

Здоровья онъ былъ вообще не крѣпкаго, а тутъ еще произошло съ нимъ несчастіе. Однажды на ученьи, поворачивая пушку, онъ сильно вспотѣлъ, простудился и прійдя домой слегъ. Начался жаръ, ознобъ. Чѣмъ онъ заболѣлъ — неизвѣстно: тогда все называли лихорадкой. Онъ обратился къ знаменитому шарлатану Ерофеичу, тому самому, что на долгія времена передалъ свое имя цѣлебной настойкѣ, извѣстной въ Россіи по сію пору. Отъ ерофеичева лѣченія онъ сталъ кашлять кровью, и Гавріиль Романовичъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, засталъ брата уже въ чахоткѣ. Самое лучшее было — выхлопотать ему отпускъ и отправить домой, къ матери. Такъ и сдѣлано. Андрей уѣхалъ въ Казань и тамъ умеръ осенью того же года.

Проводивъ брата, Державинъ сталъ осматриваться. Петербургская жизнь сразу сложилась немного печальнс, буднично, тихо. Но это было какъ разъ то, что нужно. Послѣ московскихъ безпутствъ Державинъ искалъ покоя. Тягивался въ полковыя дѣла, въ службу.

Пріѣхавъ, какъ сказано, безъ гроша въ карманѣ, онъ на первое время занялъ у однополчанина восемьдесятъ рублей. Въ будущемъ, однако же, не предвидѣлось никакихъ доходовъ; не только что отдавать долги — не на что было жить. Тогда онъ рѣшился еще разъ прибѣгнуть къ помощи картъ, но теперь игра его была совсѣмъ ужъ не та, что московская, хотя въ основѣ ея лежалъ опытъ, въ Москвѣ добытый. Державинъ взялъ себя въ руки и прежде всего разъ навсегда отказался отъ игры нечестной, что обезпечило его отъ опасныхъ столкновеній съ правосудіемъ, а главное — дало спокойную совѣсть, въ которой онъ такъ нуждался, и душевное равновѣсіе — этотъ сильнѣйшій козырь въ азартныхъ играхъ. Кромѣ того (что не менѣе важно), онъ пересталъ гоняться за крупнымъ выигрышемъ. И тогда десятая муза, муза игры, которая, какъ всѣ ея сестры, заразъ требуетъ и вдохновенія—и умѣнія, и смѣлости—и мѣры, улынулась ему благосклонно. Онъ сталъ выигрывать и прибѣгалъ къ этому средству всякій разъ, какъ бывала нужда въ деньгахъ.

Подозрительныхъ людей онъ научился избѣгать. Свелъ дружбу съ нѣсколькими офицерами, не принадлежавшими къ числу шалуновъ гвардейскихъ: съ Петромъ Васильевичемъ Неклюдовымъ, давнимъ своимъ покровителемъ, съ капитаномъ 10-ой роты Толстымъ, у котораго служилъ подь началомъ, съ Александромъ Яковлевичемъ Протасовымъ, который порою не прочь былъ сразиться въ банкъ. Люди были не Богъ въсть какого развитія, но почтенные. Какъ бывало и прежде, еще въ солдатской казармѣ, онъ больше всего имъ нравился «за нѣкоторое искусство въ составленіи всякаго рода писемъ. Писанныя имъ къ императрицѣ для всякаго рода людей притѣсненныхъ, обиженныхъ и бѣдныхъ всегда имѣли желаемый успѣхъ и извлекали у нея щедроты. Случалось, обрабатывалъ онъ и приказныя и полковыя письма, и доклады иногда къ престолу, и любовныя письма для Неклюдова, когда онъ влюбленъ былъ въ дѣвицу Ивашеву, на которой послѣ и женился».

Въ 1771 году его перевели въ 16-ю роту фельдфебелемъ. Теперь онъ опять служилъ не только исправно, но истово, а лѣтомъ, въ лагерѣ подь Краснымъ Кабачкомъ, даже отличился. Въ полку его уважали и любили по прежнему. Надо было ждать производства въ первый офицерскій чинъ, но тутъ вновь оказалось препятствіе. У полкового адъютанта Желтухина былъ братъ, сержантъ того же полка. Этого брата Желтухинъ хотѣлъ провести въ офицеры вмѣсто Державина, къ которому сталъ всячески придираться. Кончилось тѣмъ, что по наговорамъ адъютанта полковое начальство рѣшило отдѣлаться отъ Державина такимъ образомъ: не производить его за бѣдностію въ офицеры Преображенскаго полка, а выпустить офицеромъ въ армію. Державину помогло только хорошее отношеніе однополчанъ. «Аттестация» въ концѣ концовъ зависѣла отъ собранія офицеровъ, и это собраніе рѣшительно заявило, что помимо Державина оно никого другого (иными словами — Желтухина-младшаго) «аттестовать» не можетъ. Благодаря этому, 1 января 1772 года Державинъ, наконецъ, произведенъ въ гвардейскіе прапорщики. Ему шелъ уже двадцать девятый годъ!

Но и эта радость была омрачена. Офицерская служба въ гвардіи обходилась не дешево: «предпочитались блескъ и богатства и знатность, нежели скромныя достоинства и ревность къ службѣ». Державинъ сталъ изворачиваться. Въ счетъ жалованія получилъ изъ полка на обмундировку сукна, позументу и прочихъ вещей; продавъ свой сержантскій мундиръ, приобрѣлъ англійскіе сапоги; наконецъ, занялъ небольшую сумму на задатокъ и купилъ-таки «ветхую каретишку въ долгъ у господъ Окуневыхъ»: безъ каретишки невозможно было «носить званіе гвардіи офицера съ пристойностію».

Исполнилась и еще одна давнишняя мечта Державина: изъ казармъ онъ перебрался на частную квартиру. По ничтожнымъ достаткамъ его, пришлось бы ждать этого еще долго, но тутъ помогло одно обстоятельство, которое слѣдуетъ изъяснить съ осторожностію. Около того времени вступилъ новоиспеченный офицеръ въ любовную связь «съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою» — нѣкоей госпожей Удоловой, замужней или вдовой — неизвѣстно; вѣроятно — вдовой. Вотъ у нея-то, «на Литейной, въ домѣ господина Удолова», Державинъ и поселился, «въ маленькихъ деревянныхъ покойчикахъ», «хотя бѣдно, однако же порядочно, устраниаясь отъ всякаго развратнаго общества».

Это положеніе Державина въ домѣ госпожи Удоловой ни съ какой стороны не должно казаться предосудительнымъ. Необходимо только принять во вниманіе, что дѣло происходило въ XVIII столѣтіи, когда на всѣ формы фаворитизма вполне принято было смотрѣть безъ всякаго предубѣжденія. Кромѣ того Державинъ былъ очень привязанъ къ госпожѣ Удоловой, которая, со своей стороны, «не отпускала его отъ себя уклоняться въ дурное знакомство». Въ такой мирной, благообразной, непритязательной, почти — можно сказать — семейной жизни «исправилъ онъ помалу свое поведеніе, обращая между тѣмъ, гдѣ случай позволялъ, съ честными людьми и въ игрѣ, по необходимости для прожитку, но благопристойно».

Ближайшимъ его пріателемъ былъ въ ту пору поручикъ Масловъ, человекъ не плохой, не безъ познаній

въ словесности, особенно французской, но при всемъ томъ вѣтреникъ, мотъ, щеголь и сердцеѣдъ. Онъ «также имѣлъ интригу съ одною довольно чиновною дамою».

Жизнь, въ общемъ, налаживалась пріятная и безбурная. Но Державину были суждены бури.

*
**

Къ сентябрю 1773 года мятежъ, охватившій многія мѣстности юго-восточной Россіи, принялъ тяжелый и опасный оборотъ. Пугачевъ (уже пятый самозванецъ, принявшій имя императора Петра III) сумѣлъ собрать вокругъ себя огромныя толпы недовольныхъ яицкихъ казаковъ, башкиръ, калмыковъ, киргизъ, чувашей, мордвы и господскихъ крестьянъ, бунтовавшихъ противъ помѣщиковъ. Мрачныя вѣсти пришли въ Петербургъ какъ разъ во время бракосочетанія великаго князя Павла Петровича съ принцессою Вильгельминой Гессенъ-Дармштадтской. Отношенія Павла Петровича съ Екатериной были недружескія. Павелъ считалъ, что мать незаконно лишила его престола. Къ тому же онъ самъ принадлежалъ къ числу людей, не вполне вѣрившихъ въ смерть Петра III. Вѣсть о Пугачевѣ явилась на брачныя торжества, какъ призракъ убитаго императора, и придала имъ нѣсколько зловѣщій оттѣнокъ. Екатерина была глубоко встревожена. Между тѣмъ, дѣла становились все хуже и хуже. Пугачевъ со своими сообщниками (Ульяновымъ, Мясниковымъ, Бѣлобородовымъ и проч.) захватывалъ одну за другою крѣпости, расположенныя по теченію Яика. Илецкій городокъ, Разсыпная, Нижне - Озерная, Татищева, Чернорѣченская, Сакмарскій городокъ, Пречистенская были взяты. Продвигаясь на сѣверо-востокъ, Пугачевъ подошелъ уже къ Оренбургу и 5 октября началъ его осаду.

Обстановка въ мятежной области была крайне неблагоприятна для правительства. «Весь черный народъ былъ за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты, и архіереи... Классъ приказныхъ и чиновниковъ былъ еще малочисленъ и рѣшительно принадлежалъ простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офи-

церахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ были въ шайкахъ Пугачева». Надежныхъ войскъ было мало. Несогласованныя и растерянные дѣйствія губернскихъ и военныхъ властей вели къ неудачамъ. Рѣшено было послать подкрѣпленія и вручить начальствованіе опытному боевому генералу. Выборъ императрицы палъ на Александра Ильича Бибикова, котораго, впрочемъ, она недолюбливала. Въ концѣ ноября ею подписаны рескрипты о назначеніи Бибикова главнокомандующимъ.

За всѣми слухами о событіяхъ Державинъ слѣдилъ внимательно. Жить съ госпожой Удоловой было не плохо, но онъ давно и слишкомъ хорошо зналъ, что въ гвардейской службѣ ему не выдвинуться, а время идетъ. Онъ въ свое время мечталъ отличиться въ усмирении польскихъ конфедератовъ или въ турецкой войнѣ. Но гвардія оставалась въ Петербургѣ, а записаться добровольцемъ въ армію было ему не по средствамъ: это обошлось бы еще дороже, чѣмъ гвардейская служба въ обстановкѣ мирнаго времени. Державинъ «повергался иногда въ меланхолію».

Помимо командованія войсками, Бибикову поручено было также веденіе слѣдственныхъ дѣлъ о сообщникахъ Пугачева. Державину пришла мысль этимъ воспользоваться, чтобы получить мѣсто въ офицерской слѣдственной комиссіи, которая должна была обосноваться въ Казани. Никакого хода къ Бибикову у него не было. Онъ отважился ѣхать безъ всякой рекомендаціи. Явившись къ главнокомандующему, сталъ онъ проситься къ комиссію, заявивъ, что онъ самъ уроженецъ Казани, а также бывалъ въ Оренбургѣ и хорошо знаетъ тамошнія мѣста и людей. Это была правда. Бибиковъ его выслушалъ, но сказалъ, что взялъ уже изъ гвардіи офицеровъ, лично ему извѣстныхъ. Державину ничего не оставалось, какъ откланяться. Но уйти — значило упустить случай безвозвратно. Онъ не двигался съ мѣста. Наконецъ, удивленный Бибиковъ разговорился со страннымъ офицеромъ, понемногу втянулся въ бесѣду и остался ею доволенъ. Отпуска Державина, онъ, однако, ничего не обѣщалъ ему, — а вечеромъ въ полковомъ приказѣ Державинъ съ изумленіемъ прочиталъ, что ему высочайше повелѣно явиться къ ге-

нералу Бибикову. На утро явился онъ къ Бибикову и получилъ приказаніе черезъ три дня быть готовымъ къ отъѣзду.

Госпожа Удолова была, вѣроятно, огорчена предстоящей разлукой съ возлюбленнымъ. Но Державину было не до элегій. Онъ чувствовалъ, что будущее зависитъ теперь отъ него самого. Ему не терпѣлось, онъ готовъ былъ, начать свои дѣйствія тотчасъ же, тутъ же, еще въ Петербургѣ, за полторы тысячи верстъ отъ мятежниковъ. Такъ и вышло.

У госпожи Удоловой была деревня, расположенная при Ладожскомъ каналѣ. Въ тѣхъ же мѣстахъ стоялъ на зимнихъ квартирахъ Владимірскій гренадерскій полкъ. Владимірцевъ вызвали изъ арміи для участія въ торжествахъ по случаю свадьбы великаго князя, но тутъ же и обидѣли: «не дали имъ при такомъ торжествѣ ниже по чаркѣ вина» да еще заставили битъ сваи на Невѣ, при постройкѣ дворцовой набережной. А теперь ихъ отправляли въ Казань — противъ Пугачева. Вотъ и рѣшили они отъ такой худой жизни, что «положить ружья предъ тѣмъ царемъ, который, какъ слышно, появился въ низовыхъ краяхъ, кто бы таковъ онъ ни былъ». Такіе разговоры вели гренандеры въ селѣ Киболъ, у постоялаго двора, укладываясь передъ походомъ на ямскія подводы. Одинъ изъ дворовыхъ людей удоловскихъ, вѣхавшій къ своей госпожѣ изъ деревни, эти разговоры слышалъ и по прибытіи въ Петербургъ передалъ Державину: узналъ, вѣроятно, что тотъ ѣдетъ въ Казань усмирять Пугачева.

Къ такимъ слухамъ можно было отнестись безъ вниманія: мало ли что говорится на постоянныхъ дворахъ? Но Державинъ, какъ сказано, весь кипѣлъ. Онъ кинулся къ Бибикову. Тотъ сперва сказалъ: «Вздоръ». Но Державинъ не унимался, ѣздилъ къ Бибикову еще дважды, ночью возилъ къ нему удоловскаго челоуѣка, заставилъ допросить командира Владимірскаго полка, — и добился того, что среди гренандеръ дѣйствительно былъ открытъ заговоръ.

Все это произошло въ нѣсколько дней. Державинъ былъ, какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ, въ первыхъ числахъ декабря, «весьма налегкѣ, въ нагольной овчинной шубѣ, купленной имъ за три рубли», онъ отправился въ путь.

III.

Когда члены слѣдственной комиссіи, опередивъ Бибикова, пріѣхали въ Казань (это было передъ самыми святками), они нашли городъ въ паникѣ. Пугачевскіе разѣзды уже появились верстахъ въ шестидесяти оттуда. Не только многіе жители — сами власти бѣжали; уѣхалъ даже и губернаторъ.

Назначеніе Бибикова произвело стремительный переворотъ въ умахъ. Извѣстіе о приближеніи генерала, уже однажды, за десять лѣтъ до того, спасшаго мѣстныхъ дворянъ отъ крестьянскихъ волненій, разомъ вселило увѣренность, что теперь все пойдетъ отлично. Бѣглецы, во главѣ съ губернаторомъ, стали возвращаться. Недавнее уныніе смѣнилось самымъ легкомысленнымъ веселіемъ, въ которомъ приняли бурное участіе офицеры, пріѣхавшіе съ Державинимъ. Но самъ онъ не веселился: онъ съ перваго дня принялся за работу.

Слѣдуетъ вникнуть въ то обстоятельство, что Державинъ былъ взятъ Бибиковымъ въ секретную слѣдственную комиссію, т. е. въ органъ, отнюдь не имѣвшій прямого отношенія къ военно-оперативной части и за нее не отвѣтственный. Правда, кругъ дѣйствій комиссіи не былъ строго регламентированъ, ея членамъ давались весьма различныя порученія, далеко выходящія за предѣлы слѣдствія о сообщникахъ Пугачева. Но всѣ эти порученія непременно относились либо къ слѣдственной области, либо къ развѣдочной, либо къ политической.

Поэтому появленія Державина на театрѣ военныхъ дѣйствій и даже участіе въ такихъ дѣйствіяхъ, по самому роду службы его, должны были носить лишь эпизодическій и подсобный характеръ. Положеніе Державина, какъ члена спеціальной комиссіи, а не какъ боевого офицера, заранѣе опредѣляло его отношенія и съ гражданскими властями, и съ начальниками войсковыхъ частей, и даже съ самимъ главнокомандующимъ.

Обратимся теперь къ положенію дѣлъ. Казанскіе дворяне веселились напрасно: они были окружены врагами, явными или тайными, дѣятельными или выжидающими, когда прійдетъ время дѣйствовать. Сказать: Пугачевъ усиливался — было бы не точно. Усиливалась пугачевщина — и это было всего страшнѣе. Какъ подземный огонь, она уже разлилась на огромномъ пространствѣ. Гдѣ ступаль Пугачевъ или его сообщники — огонь вырывался наружу и начиналъ бушевать. Главари мятежниковъ, гдѣ бы ни появлялись, тотчасъ обрастали толпами, на вербованными изъ мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, запасъ человѣческаго матеріала у Пугачева былъ неизсякаемъ и не нуждался въ переброскѣ; онъ въ любую минуту оказывался тамъ, гдѣ пугачевскому «штабу» угодно было развернуть свои силы.

Что могъ этому противопоставить Бибиковъ? Никакой стратегическій планъ не былъ осуществимъ при условіи, что толпы, разсѣянные въ одномъ мѣстѣ, немедленно собирались въ другомъ — и при этомъ еще иногда возрастали. Правда, Бибикову не суждено было дожить до той поры, когда это можно было бы осознать отчетливо. Призванный замѣстить своихъ незадачливыхъ предшественниковъ, онъ готовился дѣйствовать согласно даннымъ военной науки и собственнаго боевого опыта. Онъ выработывалъ стратегическій планъ. Но у него почти не было войскъ. Мѣстные гарнизоны были ничтожны численно и разложены пугачевщиной изнутри. Другія войска еще только стягивались: съ недавно освободившагося польскаго фронта, изъ губерній, еще не охваченныхъ пугачевщиной. Наконецъ, для гражданской войны и эти войска были не довольно надежны (въ чемъ Бибиковъ только что убѣдился на примѣрѣ Владимірскаго полка). Не только

на солдатъ — нельзя было вполнѣ положиться даже на офицеровъ.

Бибиковъ прибылъ въ Казань 25 декабря, ждалъ войскъ и нервничалъ. 28-го числа Державинъ уже явился къ нему съ докладомъ. Пока прочіе члены слѣдственной комиссіи, въ ожиданіи начальства, кутили, блистали и дебоширили, онъ уединенно жилъ въ домѣ матери и отъ своихъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ съ оренбургскаго тракта, старался развѣдать «о движеніяхъ непріятельскихъ и о колебаніи народномъ». Свѣдѣнія были неутѣшительныя. Броженіе чувствовалось и въ окрестностяхъ, и въ самой Казани. Бездѣйствіе правительства становилось опасно. Державинъ счелъ нужнымъ доложить о томъ Бибикову. Тутъ произошла сцена, съ перваго взгляда не вовсе правдоподобная: отродясь не нюхавшій пороху подпоручикъ, заявляетъ заслуженному боевому генералу Бибикову, что «надобно дѣлать какія-нибудь движенія», а главнокомандующій оправдывается:

— Я это знаю, но что дѣлать? войски еще не пришли.

— Есть ли войски, или нѣтъ, но надобно дѣйствовать, — возражаетъ подпоручикъ.

Бибиковъ сердится, но не прогоняетъ его. Напротивъ, схвативъ за рукавъ, тащитъ къ себѣ въ кабинетъ и тамъ сообщаетъ тайную и мрачную новость: Самара взята пугачевцами, а населеніе и духовенство встрѣтили мятежниковъ колокольнымъ звономъ и хлѣбомъ-солью.

— Надобно дѣйствовать, — въ десятый разъ повторяетъ Державинъ.

Что за нелѣпость: онъ требуетъ невозможнаго! И кто далъ ему вообще право чего-то требовать отъ генераль-аншефа Бибикова? Право далъ Бибиковъ, назначивъ его въ слѣдственную комиссію. А требовалъ дѣйствій Державинъ именно потому, что военныя операціи — внѣ его компетенціи: съ его точки зрѣнія, чисто политической, именно такъ все и обстоитъ, какъ онъ докладываетъ: «надобно дѣйствовать, ибо отъ бездѣйствія городъ находится въ уныніи», а ужъ какъ дѣйствовать и «есть ли войски, или нѣтъ» — это дѣло Бибикова.

Бибиковъ сознаетъ и правоту Державина, и свое безсиліе. Поэтому онъ сердится пуще прежняго, молча рас-

хаживаетъ по кабинету, молча отсылаетъ Державина прочь, — но на другой же день даетъ отвѣтственное порученіе: отправиться въ Симбирскъ, тамъ присоединиться къ командѣ подполковника Гринева и съ нимъ, а также съ идущими изъ Сызрани гусарами и командою генерал-маіора Муффеля, идти на освобожденіе Самары. Задача Державина — во время этого перехода собрать свѣдѣнія объ исправности и настроеніи не только самихъ командъ, но и офицеровъ, и даже начальниковъ. Командировка носила самый тайный характеръ: отправляясь изъ Казани, Державинъ еще самъ не зналъ, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ: ему были вручены два ордера въ запечатанныхъ пакетахъ, которые онъ долженъ былъ вскрыть не раньше, какъ удалясь отъ города на 30 верстъ. Первый ордеръ касался вышесказанныхъ наблюдений. Вторымъ предлагалось ему, по взятіи Самары, «найти того города жителей, кто первые были начальники и уговорители народа къ выходу навстрѣчу злодѣямъ со крестами и со звономъ, и черезъ кого отправленъ благодарственный молебенъ». Главныхъ зачинщиковъ предписывалось отправить закованными въ Казань, а менѣ виновныхъ «для страху жестоко на площади наказать плетью при собраніи народа, приговаривая, что они противъ злодѣевъ должны пребывать въ твердости». Въ заключеніе Бибииковъ писалъ: «Сей ордеръ объявить можете командующему въ Самарѣ и требовать во всемъ его вспомоствованія».

Съ такими порученіями Державинъ ѣдетъ въ Симбирскъ, не застаётъ уже тамъ Гринева, догоняетъ его и съ нимъ вмѣстѣ идетъ къ Самарѣ, которая къ ихъ приходу оказывается уже занята Муффелемъ. Послѣдній, такимъ образомъ, уже самъ себя показалъ, и по отношенію къ нему миссія Державина отпадаетъ. Но съ Гриневымъ Державинъ идетъ очищать отъ пугачевскихъ сторонниковъ крѣпость Алексѣевскую и подъ Красный Яръ — на усмиреніе калмыковъ. И то, и другое онъ предпринимаетъ, опять-таки, не въ качествѣ «военной силы», а для того только, «чтобы увидѣть въ прямомъ дѣлѣ г-на подполковника Гринева, его офицеровъ и команду». Наконецъ, онъ возвращается въ Самару, руководить слѣдствіемъ, допрашиваетъ виновныхъ въ сдачѣ города Пугачеву, отсы-

лаетъ главнѣйшихъ преступниковъ въ Казань и самъ отправляется вслѣдъ за ними. Его первая командировка закончена.

Въ пору пугачевщины казанское дворянство и мѣстные власти, вообще говоря, не покрыли себя славой. Непониманіе обстановки, нерадивость, а главное — легкомысліе тутъ были проявлены много разъ. Еще въ самомъ началѣ 1773 г. Пугачевъ былъ схваченъ и присланъ въ Казань подъ стражею. Изъ острога его отпустили собирать по городу милостыню — онъ, конечно, бѣжалъ. Потомъ, какъ мы видѣли, казанцы впадали въ отчаяніе и кидались изъ города прочь — безъ особыхъ къ тому оснований; потомъ веселились, столь же напрасно чувствуя себя за Бибиковымъ, какъ за каменною стѣной. Пробудить въ нихъ сознаніе и подвигнуть къ дѣйствіямъ было не просто. Между прочимъ, надо было добиться, чтобы они составили и содержали на свой счетъ нѣчто вродѣ коннаго ополченія въ помощь правительственнымъ войскамъ. По порученію Екатерины, проявившей и въ этомъ случаѣ свое знаніе людей, Бибиковъ сталъ дѣйствовать съ именитыми казанцами, какъ съ ребятами. Онъ дважды ихъ собиралъ, звонилъ въ колокола, служилъ молебны и произносилъ рѣчи. Въ рѣчахъ изображалъ грозность обстановки, обѣщалъ награды и пугалъ наказаніями. Наконецъ казанцы какъ будто сами придумали выставить ополченіе. Не давая имъ остыть, Бибиковъ тутъ же составилъ отъ ихъ имени соотвѣтственное опредѣленіе и переслалъ его государынѣ. Продолжая игру, Екатерина прислала Бибикову рескриптъ, въ которомъ именovala себя казанской помѣщицей и объявляла, что, слѣдуя примѣру дворянства, со своей стороны также даетъ по рекруту съ каждыя двухсотъ душъ изъ казанскихъ дворцовыхъ земель своихъ. Остроумный рескриптъ имѣлъ успѣхъ чрезвычайный. Бибиковъ, чтобы еще поддѣть жару, вздумалъ продолжить пріятную переписку съ «казанской помѣщицей». Дворяне собрались вновь, и губернской предводитель Мажаровъ, передъ портретомъ Екатерины, прочиталъ благодарственную къ ней рѣчь: «Признаемъ тебя своею помѣщицей. Принимаемъ тебя въ свое товарищество. Когда угодно тебѣ, равняемъ тебя съ собою», — и проч. Кому же

не лестно было принять государыню «въ свое товарищество»? Послѣ этой рѣчи въ составленіи отрядовъ захотѣли участвовать не только дворяне сосѣднихъ уѣздовъ, но и купцы, и даже мѣщане. Составилъ же рѣчь, разумѣется, не Макаровъ: это дѣло было поручено Бибиковымъ Державину, который тутъ дѣйствовалъ не столько въ качествѣ казанскаго помѣщика, сколько въ качествѣ члена секретной комиссіи: агитація прямо входила въ ея заданія.

Отвѣтомъ на эту рѣчь былъ новый рескриптъ, а затѣмъ и особый манифестъ, который, впрочемъ, прибылъ въ Казань, когда ни Бибикова, ни Державина тамъ не было. Къ тому времени оба уже покинули городъ, направляясь въ разныя стороны.

Чтобы изъяснить причины этой второй командировки Державина, приходится вернуться назадъ, къ людямъ, которыхъ мы потеряли на время изъ виду.

**

Вскорѣ послѣ того, какъ Державинъ, въ мартѣ 1770 г., гнушаясь самимъ собою, бѣжалъ изъ зачумленной Москвы, его тамошніе знакомцы, Серебряковъ и Максимовъ, тоже исчезли изъ Бѣлокаменной. Прихвативъ съ собою Черняя, они отправились въ польскую Украину — добывать свои клады. Но въ ту пору вся эта область была театромъ русско-турецкой войны. Войска передвигались по ней во всѣ стороны, и шататься въ степяхъ, не навлекая подозрѣній, оказалось невозможно. Кладоискателямъ пришлось бросить свои затѣи. Отпустивъ Черняя на всѣ четыре стороны (а можетъ быть, только припрятавъ его до лучшихъ временъ), вернулись они въ родныя мѣста: въ дворцовое село Малыковку, что лежало на Волгѣ, верстахъ въ 140 выше Саратова, при впаденіи Иргиза, того самаго, на которомъ Серебряковъ нѣкогда разселялъ раскольниковъ и обдѣлывалъ свои дѣла (за что, какъ мы видѣли, онъ и угодилъ въ тюрьму при сыскомъ приказѣ). Жили они притаившись, но неожиданно сами событія сплелись вокругъ нихъ въ довольно причудливый и неприятный узелъ.

Послѣ начала пугачевского возмущенія правительство

долго еще не знало, кто таковъ самозванецъ. Явилась мысль, не есть ли это Черняй, бѣжавшій изъ Москвы и исчезнувшій вмѣстѣ съ Серебряковымъ. Серебрякова и Максимова по этому дѣлу допрашивали. Что отвѣчали они — неизвѣстно. Надо думать — Максимовъ отрекся отъ всякаго знакомства съ Черняемъ, а Серебряковъ заявилъ, что не видѣлъ его съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ тюрьмы, будучи взятъ на поруки Максимовымъ. Дѣло заглохло.

Однако жъ, когда настоящее имя самозванца было установлено, положеніе Серебрякова съ Максимовымъ вновь осложнилось. Дѣло въ томъ, что Пугачевъ имѣлъ большія знакомства среди киргизскихъ раскольниковъ. Тамъ, на Иргизѣ, онъ и явился въ концѣ 1772 г. со своими возмутительными рѣчами, за которыя схваченъ и отправленъ въ Казанскую тюрьму. (Изъ Казани онъ, какъ уже говорилось, бѣжалъ лѣтомъ 1773 г., послѣ чего и сталъ во главѣ мятежа). Этотъ арестъ Пугачева произведенъ былъ не гдѣ-нибудь, а какъ разъ въ той же Мальковкѣ, по доносу крестьянина Трофима Герасимова, который былъ Серебрякову пріятель. Такимъ образомъ, къ Серебрякову съ Максимовымъ какъ бы шли нити и отъ воображаемаго самозванца Черняя, и отъ настоящаго — Пугачева. Это отнюдь не улучшало ихъ положенія. Тогда они, чтобы укрыться отъ бѣды, а можетъ быть — и выслужиться, и загладить прежнее, рѣшились предложить Бибикову свои услуги для вторичной поимки Пугачева. Они знали, что Державинъ находится при главнокомандующемъ, и вознамѣрились дѣйствовать черезъ него.

Въ самомъ началѣ марта Серебряковъ, захвативъ съ собою Герасимова, пріѣхалъ въ Казань. Его планъ былъ не сложенъ. Предполагалось, что теперь, когда войска постепенно стянулись къ мятежной области, пугачевскія толпы вскорѣ будутъ разбиты; въ этомъ случаѣ самозванцу прійдется искать тайнаго убѣжища, и онъ, всего вѣроятнѣе, отправится на Иргизъ, гдѣ у него много друзей среди раскольниковъ; тутъ-то Серебряковъ и рассчитывалъ его схватить, для чего требовалъ особыхъ полномочій себѣ и Максиму.

При всемъ различіи положеній и лѣтъ, у Бибикова съ Державинымъ было въ характерахъ общее: и начальникъ,

и подчиненный легко увлекались; оба слегка были фантазеры. Въ самой таинственной обстановкѣ, ночью съ 5 на 6 марта, состоялось свиданіе Серебрякова съ Бибиковымъ. Самого Серебрякова раскусить было не трудно, но его планъ показался Бибикову достойнымъ вниманія. Главнокомандующій призвалъ Державина и сказалъ ему:

— Это птица залетная и говоритъ много дѣльнаго; но какъ ты его представилъ, то и долженъ съ нимъ возиться, а Максимова я его не повѣрю.

Такого оборота Державинъ, пожалуй, не ожидалъ и самъ. Въ слѣдственной комиссіи у него было много работы: онъ велъ журналъ всей дѣловой перепискѣ по бунту, съ описаніемъ и самыхъ мѣръ, принимаемыхъ къ его подавленію; кромѣ того, составлялъ алфавитные списки главныхъ сообщниковъ Пугачева и лицъ, пострадавшихъ отъ мятежа. «Возиться» съ Серебряковымъ — значило бросить все, отдалиться отъ благосклоннаго начальника, ѣхать въ Малыковку и посвятить себя выполненію серебряковской затѣи. Но порученіе отвѣтственное, сопряженное съ властью; но работа въ таинственной обстановкѣ; но наконецъ-то — возможность дѣйствительно себя выказать — все это его прельщало. Въ случаѣ же успѣха, если бы въ самомъ дѣлѣ онъ, Державинъ, оказался поимщикомъ Пугачева... Словомъ, онъ рѣшился.

На другой же день послѣ встрѣчи съ Серебряковымъ Бибиковъ далъ Державину «тайное наставленіе», котораго главные пункты сводились къ слѣдующему:

«Вы отправляетесь отсюда въ Саратовъ и потомъ въ Малыковку... Прикрывъ ваше прямое дѣло подобіемъ правды, а въ самомъ дѣлѣ посылка и поручаемая комиссія въ слѣдующемъ состоятъ имѣть: 1) Извѣстно, что вора и злодѣя Пугачева гнѣздо прежде произведенія его злодѣйства были селенія раскольническія на Иргизѣ, а потому и не можно думать, чтобъ онъ и нынѣ каковыхъ либо друзей, сообщниковъ или по крайней мѣрѣ знакомцевъ тамъ не имѣлъ. Вѣроятно быть кажется и то, что онъ по сокрушеніи его подѣ Оренбургомъ толпы и по разсѣянніи ея (что дай Боже!) въ случаѣ побѣгу искать своего спасенія вознамѣрится на Иргизѣ... Вамъ понятна важность сего злодѣя поимки. Для того вы скрытымъ и не-

примѣтнымъ образомъ обратите все удобь - возможное стараніе къ тому, чтобъ узнать тѣхъ людей, къ коимъ бы онъ въ таковомъ случаѣ прибѣгнуть могъ... 2) Доколѣ къ поимкѣ злодѣя случай не приспѣетъ, употребите вы все ваше стараніе о томъ, чтобы узнать о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ злодѣя и его толпы, ихъ состояніе и силу, взаимную межъ ими связь, и чѣмъ подробнѣе вы узнаете, тѣмъ болѣе и заслуги вашей Ея Императорскому Величеству нашей всемилостивѣйшей Монархинѣ будетъ. А сіи извѣстія какъ ко мнѣ, такъ и марширующимъ по Самарской линіи г. г. генераль-маіорамъ князю Голицыну и Мансурову съ вѣрными людьми доставлять имѣете, ведя о тайномъ дѣлѣ (переписку) посредствомъ цыфирнаго ключа, который вамъ ввѣряется. 3) Чтобы доставить въ толпу къ злодѣю надежныхъ людей и вѣдать о его и прочихъ злодѣевъ дѣяніяхъ, не щадите вы ни трудовъ, ни денегъ, для чего и отпускается съ вами четыреста рублевъ... Чобъ въ случаѣ надобномъ дѣлано было вамъ и отъ васъ посланнымъ всякое вспоможеніе, для того снабжаетесь вы письмомъ пребывающему въ Саратовѣ г. астраханскому губернатору Кречетникову, а къ Мальковскимъ дворцовымъ управителямъ открытымъ ордеромъ... 4) Не уставайте наблюдать всѣ людей тамошнихъ склонности, образъ мыслей и понятіе ихъ о зломъ самозванцѣ... Проповѣдайте милосердіе монаршее къ тѣмъ, кои отъ него отстанутъ и покаются. Обличайте разсужденіями вашими обольщенія и обманы Пугачева и его сообщниковъ. 5) Наконецъ, при вступленіи въ дѣло возьмите себѣ въ помощь представленныхъ вами извѣстныхъ Серебрякова и Герасимова... Впрочемъ, я, полагаясь на искусство ваше, усердіе и вѣрность, оставляю болѣе наблюденіе дѣла, для котораго вы посылаетесь, собственной вашей росторопности. И надѣюсь, что вы какъ все сіе весьма тайно содержать будете, такъ не упустите никакого случая, коимъ бы не воспользоваться, понимая силу прямую посылки вашей. А л. Б и б и к о в ѣ».

7-го марта Державинъ выѣхалъ изъ Казани. Уѣзжая, онъ былъ преисполненъ надеждъ и вѣры въ себя. Точно такъ же, какъ Бибииковъ, онъ полагалъ, что для успѣшности и плодотворности его предпріятія надобны три усло-

вія, изъ которыхъ два находились внѣ его власти и не зависѣли отъ него. Первое — чтобы пугачевскія полчища дѣйствительно были напередъ разбиты. Второе — чтобы у Пугачева, въ случаѣ его поимки или смерти, не нашлось замѣстителя или преемника. Только за третье Державину предстояло быть въ отвѣтъ: онъ долженъ былъ хорошо разставить капканы и не упустить звѣря. Тутъ онъ полагался на свою «расторопность».

На самомъ дѣлѣ этихъ условій было недостаточно. Требовалось еще одно, простѣйшее; и Державинъ, и Бибииковъ о немъ знали, но какъ будто нарочно почти не касались его; какъ будто боялись, что если прямо и ясно поставятъ о немъ вопросъ — ихъ пылъ ослабѣетъ, и придется Бибиикову задуматься, стоитъ ли ради этого дѣла отсылать отъ себя Державина, а Державину — стоитъ ли уѣзжать отъ Бибиикова.

Въ Малыковкѣ Державинъ прежде всего обзавелся «подлазчиками», которыхъ послалъ къ Пугачеву — разузнавать о его дѣлахъ, намѣреніяхъ и силахъ. Серебрякова съ Герасимовымъ онъ оставилъ на Иргизѣ — стеречь друзей самозванца и выслѣживать его самого, когда онъ появится. Наладивъ цѣлую сѣть лазутчиковъ, Державинъ счелъ нужнымъ обезпечить себѣ и чисто военную помощь, т. е. получить отрядъ въ свое распоряженіе. Для этого онъ отправился въ Саратовъ къ астраханскому губернатору Кречетникову (Саратовъ входилъ въ составъ Астраханской губерніи, а губернаторъ тамъ жилъ для того, чтобы находиться ближе къ театру военныхъ дѣйствій). Вручивъ Кречетникову рекомендательное письмо Бибиикова, Державинъ потребовалъ помощи — и внезапно получилъ самый рѣшительный отказъ: то ли губернатору не понравился властный тонъ Державина, то ли Кречетниковъ захотѣлъ подсидѣть Бибиикова, съ которымъ былъ не въ ладу, — только отряда получить отъ него не удалось.

Это взволновало Державина чрезвычайно. Но онъ не сдался. Въ Саратовѣ находилась «контора опекунства иностранныхъ», т. е. управление нѣмецкими колоніями, кото-

рья Екатерина расселила внизъ по теченію Волги, начиная отъ устья Иргиза. Въ распоряженіи конторы, которая не зависѣла отъ губернатора, имѣлись три роты артиллерійскаго фузелернаго полка. Начальникъ конторы Лоджинскій былъ съ губернаторомъ въ плохихъ отношеніяхъ и, чтобъ ему досадить, разрѣшилъ Державину, буде понадобится, брать эти роты. Кречетниковъ обозлился разъ навсегда.

Межъ тѣмъ, до Саратова дошла вѣсть, что кн. Голицынъ освободилъ Оренбургъ, дважды разбивъ самозванца на голову, — подъ Татищевой и у Сакмарскаго городка. Это заставило Державина поторопиться обратно въ Малыковку: какъ знать, можетъ быть теперь-то и кинется Пугачевъ скрываться на Иргизѣ? Но Пугачевъ, потерявъ больше двухъ третей всего войска, ни мало не думалъ бѣжать и прятаться. Онъ пробрался въ Башкирію — обрести новыя толпы, чтобы опять устремиться къ Яику. Его поимка явно откладывалась.

Сидѣть въ Малыковкѣ сложа руки не улыбалось Державину. Онъ задумалъ военную экспедицію — за свой страхъ и рискъ. Яицкій городокъ былъ осажденъ мятежниками, страдалъ отъ голода и уже не имѣлъ снарядовъ. На выручку его шелъ Мансуровъ. Но Державинъ разсудилъ, что Мансурова должны задержать разливы рѣкъ, — и рѣшилъ «сикусировать» крѣпостцу, подойдя къ ней съ другой стороны. Вновь сталъ онъ требовать войскъ — и вновь губернаторъ ему отказалъ. Тогда Державинъ, пославъ Бибикову жалобу на губернатора (уже не первую), составилъ отрядъ изъ фузелеровъ и казаковъ опекунской конторы, прибавилъ сотни полторы малыковскихъ крестьянъ, выпросилъ у Максимова провіанта для яицкаго гарнизона и 21 апрѣля двинулся въ походъ. Предстояло пройти версть 500.

Увы, на второй день пути отъ встрѣчнаго своего лазутчика онъ узналъ, что Яицкъ уже занятъ Мансуровымъ. Ему ничего не оставалось, какъ вернуться назадъ, въ Малыковку, — къ великому торжеству Кречетникова. Узнавъ о его конфузѣ, губернаторъ поспѣшилъ кстати поздравить его съ производствомъ въ поручики. Поздравленіе прозвучало насмѣшкой. Державинъ не обрадовался.

Свои рапорты онъ посылалъ прямо Бибикову, который покинулъ Казань на другой день послѣ Державина и направился къ арміи. Пришлось послать донесеніе также и о злосчастной попыткѣ выручить Яицкій городокъ. Но велико было удивленіе и огорченіе Державина, когда получилъ онъ отвѣтъ не отъ Бибикова, а отъ кн. Щербатова. Бибиковъ умеръ на пути къ Оренбургу, и Щербатовъ временно его замѣнилъ на посту главнокомандующаго.

Сили Бибикова давно были подорваны тревогами и трудами. Заболѣвъ горячкою, онъ скрывалъ болѣзнь, перемогался и таялъ. Лѣчить его было некому. За два дня до смерти, коснѣющею рукой, онъ написалъ государынѣ: «Si j'avais un seul habile homme, il m'aurait sauvé, mais hélas, je me meurs sans vous voir». Человѣкъ благородный, патриотъ истинный, онъ отдалъ всѣ силы своему трудному дѣлу и умеръ, едва получивъ извѣстіе о побѣдѣ Голицына — о первомъ достигнутомъ успѣхѣ. Ему было всего сорокъ четыре года. Обстоятельства этой кончины потрясли Державина. Самъ онъ терялъ начальника, которымъ былъ отличенъ и котораго успѣлъ полюбить.

Все вообще складывалось печально. Нужды нѣтъ, что Мансуровъ съ Голицынымъ высоко цѣнили его развѣдочную работу, что самъ Щербатовъ его одобрялъ. Его главная цѣль—поймка самозванца—вдругъ оказалась совсѣмъ не столь вѣроятна, какъ онъ себя убѣдилъ — какъ они съ Бибиковымъ себя убѣдили.

Не то было всего хуже, что разбитый Голицынымъ Пугачевъ оказался способенъ къ дальнѣйшей борьбѣ; Державинъ не сомнѣвался, что рано или поздно врагъ будетъ побѣжденъ. Уже и теперь, по послѣднимъ извѣстіямъ, самозванецъ опять окруженъ у Взяно-Петровскихъ заводовъ и безъ пораженія выйти оттуда не можетъ. Плохо было то, что и эти добрыя вѣсти опять содержали горчайшій для Державина намекъ на вѣроятную участь всей его командировки: одновременно сообщалось, что если Пугачеву суждено прорваться, то отнюдь не въ сторону Иргиза! Это замѣчаніе, сдѣланное мимоходомъ, Державина угнетало. Впервые Державину стало ясно, что какъ ни искусно разставилъ онъ свои западни, на сей разъ онъ не понадобятся навѣрняка, а вообще могутъ и никогда не по-

надобиться, если звѣрь сюда не пожалуетъ. А многое ли говорило за то, что пожалуетъ? Вотъ что они упустили изъ виду съ покойникомъ-Бибиковымъ. И внезапно съ такой же твердостью, какъ прежде онъ былъ увѣренъ, что самозванецъ прійдетъ прятаться на Иргизъ, — теперь Державинъ рѣшилъ, что Пугачевъ не прійдетъ сюда никогда. Скрытая досада на самого себя стала его томить. Кто придумалъ все это? Кто вскружилъ головы и ему, и Бибикову? Серебряковъ? Нѣтъ, Серебрякова по чести винить нельзя: Серебряковъ, конечно, придумалъ ловить Пугачева на Иргизѣ, но онъ предлагалъ въ поимщики самого себя. Онъ не звалъ Державина въ Малыковку. Державинъ самъ привязалъ себя къ этому проклятому мѣсту. И зачѣмъ, зачѣмъ Бибиковъ подтолкнулъ его?

Такое уныніе овладѣло Державинимъ, что онъ сталъ проситься «о увольненіи себя съ его поста, для того, что по удаленіи въ Башкирію Пугачева, по вѣренной ему комиссіи онъ ничѣмъ дѣйствовать не могъ». Временами онъ даже подумывалъ бросить все и ѣхать обратно въ полкъ, въ Петербургъ.

*
**

На его бѣду имъ были довольны — и не отпустили. Только о поимкѣ Пугачева, какъ о цѣли его пребыванія на Иргизѣ, теперь уже рѣчи не было. Выяснилось, что секретная комиссія до сихъ поръ даже не знала, зачѣмъ Державинъ посланъ въ Малыковку. Ему стали давать порученія то по развѣдкѣ, то по охранѣ спокойствія, то по дѣламъ провіантскимъ.

Дѣйствія противъ Пугачева шли съ переменнымъ счастьемъ. Изъ окруженія самозванецъ вырвался и усилился вновь — ужъ въ который разъ. Стремительно, какъ степной пожаръ, разливаясь все шире и шире, онъ шелъ къ сѣверо-востоку, за Уралъ, въ киргизскую степь, межъ тѣмъ, какъ главныя силы правительства стянуты были южнѣе. Однако, 21 мая Декалонгъ разбилъ его при крѣпости Троицкой. Самозванецъ пошелъ къ Челябинску, но тутъ впервые встрѣтился съ Михельсономъ и вновь потерпѣлъ пораженіе. Хотѣлъ идти къ Екатеринбургу — и

тоже встрѣтилъ препятствіе. Тогда онъ повернулъ подъ прямымъ угломъ на западъ и устремился къ Казани.

Побѣда, одержанная при Троицкой, возбудила такія же надежды, какъ передъ тѣмъ побѣда при Татищевой. Пошли даже слухи, что Пугачевъ спасся всего съ восемью человѣками и, конечно, будетъ искать убѣжища на Ирги-зѣ (очевидно, и Щербаковъ теперь заразился серебряковской идеей). Державина извѣстили объ этихъ чаяніяхъ. Надежда мелькнула снова. Онъ ожилъ, сталъ разставлять пикеты и разсылать лазутчиковъ. Внезапно пожаръ истребилъ большую часть Малыковки. Хлѣбные запасы сгорѣли. Начался голодъ, въ народѣ чувствовалось броженіе. Домъ Державина уцѣлѣлъ, но его дважды пытались поджечь. Малыковка становилась плохою базой. Оставивъ немногочисленные свои команды и сдѣлавъ распоряженія на случай прямого мятежа, Державинъ поѣхалъ въ Саратовъ.

Туда призывали его дѣла второстепенныя. Но событія развернулись такъ, что эта поѣздка оказала важное вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу.

По смерти Бибикова императрица, вмѣсто одной слѣдственной комиссіи, учредила двѣ: казанскую и оренбургскую. Оставивъ военное командованіе въ рукахъ князя Щербатова, эти комиссіи временно отдала она въ вѣдѣніе мѣстныхъ губернаторовъ, а затѣмъ рѣшила сосредоточить управленіе въ однѣхъ рукахъ. Новымъ начальникомъ комиссій назначенъ былъ молодой генераль-майоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, человѣкъ неглупый, но и не выдающійся, образованный, но не даровитый; за то — троюродный братъ новаго фаворита, только что вошедшаго въ силу. Потемкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Казань какъ разъ въ то время, когда съ востока къ ней шель Пугачевъ. Въ Казани они столкнулись: Потемкинъ прибылъ въ ночь на 8 іюля, а 12 числа на зарѣ туда же пожаловалъ Пугачевъ. Въ Казани войскъ почти не было. Потемкинъ вышелъ на встрѣчу самозванцу съ четырьмястами солдатами, былъ разбитъ и едва успѣлъ укрыться въ крѣпости внутри города, вмѣстѣ со многими жителями. Пугачевъ не могъ овладѣть крѣпостью, но сжегъ и разграбилъ городъ. Мѣстная чернь присоединилась къ пришлой. Часть

жителей при этомъ была убита, прочіе подверглись мукамъ и раззоренію. «Люди зажиточные стали нищими; кто былъ скудень, очутился богатъ!»

Михельсонъ, пришедшій по пятамъ Пугачева, освободилъ казанскія пепелища черезъ три дня, послѣ упорныхъ боевъ. Самозванецъ, выгнанный изъ Казани и вновь растерявшій часть войска, однако жъ не унялся. Собирая новыя полчища, устремился онъ вверхъ по Волгѣ, думали — на Москву. Но внезапно онъ перешелъ Волгу у Кокшайска и по правому ея берегу пошелъ къ югу. «Пугачевъ бѣжалъ, но бѣгство его казалось нашествіемъ. Никогда успѣхи его не были ужаснѣе, никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ одной деревни къ другой; отъ провинціи къ провинціи». Онъ двинулся на Саратовъ. Державинъ узналъ объ этомъ раньше мѣстныхъ властей и поспѣшилъ ихъ оповѣстить.

Саратовцы до тѣхъ поръ почитали себя въ безопасности. Губернаторъ Кречетниковъ даже уѣхалъ въ постоянную свою резиденцію — въ Астрахань. Уѣзжая, онъ вѣриль охрану города коменданту Бошняку, но съ тѣми, чтобы тотъ въ важныхъ случаяхъ совѣщался съ другими начальниками и дѣйствовалъ съ общаго согласія. Самымъ виднымъ изъ этихъ начальниковъ былъ упомянутый выше Лодыжинскій, начальникъ опекунской конторы. Нѣтъ надобности объяснять, что Бошнякъ съ Лодыжинскимъ были на ножахъ и, по службѣ будучи независимы, не желали ни въ чемъ уступать другъ другу. У каждаго была къ тому же свои войска. Полковникъ Бошнякъ считалъ себя выше, какъ воевода и комендантъ. Лодыжинскій, хоть находился въ гражданской службѣ, былъ за то старше чиномъ: онъ былъ статскій совѣтникъ, что соответствовало бригадиру. Бошнякъ былъ порывистъ, перемѣнчивъ и не уменъ; за то держался прямымъ солдатомъ и носилъ огромнѣйшіе усы. Лодыжинскій усовъ не носилъ, но превосходилъ противника хладнокровіемъ и дальновидностью. Наконецъ, Бошнякъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ губернаторомъ, а Лодыжинскій въ плохихъ (что, какъ мы знаемъ, и сблизило его въ свое время съ Державинымъ).

Узнавъ отъ Державина объ угрожающемъ движеніи

Пугачева, Лодыжинскій созвалъ совѣщаніе для обсужденія мѣръ къ оборонѣ Саратова. Кромѣ Державина были приглашены: Бошнякъ и нѣкій Кикинъ, сослуживецъ Лодыжинскаго. Тутъ-то голоса и раздѣлились.

Бошнякъ находилъ, что надо укрѣпить городъ и въ немъ отсиживаться. Лодыжинскій съ Кикинымъ возражали, что городъ слишкомъ великъ и такъ скоро его не укрѣпишь, да и не хватитъ ни войскъ, ни артиллеріи, чтобы отстаивать такое большое пространство. Поэтому надо встрѣтить самозванца внѣ города, для чего собрать всѣхъ жителей, способныхъ носить оружіе, а прочихъ укрыть на берегу Волги возлѣ магазиновъ и казармъ опекунской конторы, построивъ тамъ особое земляное укрѣпленіе. Лодыжинскій, какъ бывший офицеръ инженернаго корпуса, уже составилъ и планъ такого ретраншемета. Державинъ съ горячностію присоединился къ этому мнѣнію, на сторонѣ котораго, такимъ образомъ, оказалось большинство голосовъ. Въ этомъ духѣ составили и подписали общее постановленіе. Бошнякъ обязался доставить рабочихъ, инструменты и часть оружія.

Между тѣмъ, новый начальникъ секретныхъ комиссій требовалъ, чтобы Державинъ представилъ рапортъ объ исполненіи даннаго ему порученія. Для составленія рапорта Державинъ на другой же день поскакалъ въ Малыковку, гдѣ находилось все его дѣлопроизводство. Въ Малыковкѣ онъ получилъ отъ Потемкина второе письмо. Потемкинъ сообщилъ, что уже получилъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Державина отъ кн. Щербатова и остался ими особливо доволенъ. «Таковъ помощникъ много облегчаетъ меня при обстоятельствахъ, въ какихъ я наѣхалъ Казань», писалъ Потемкинъ и далѣе прибавлялъ: «можетъ быть, принужденъ будетъ злодѣй обратиться на прежнее гнѣздо, то представляется вамъ пространное поле къ усугубленію опытовъ ревности вашей къ службѣ нашей премудрой Монархини. Я увѣренъ, что вы знаете совершенно цѣну ея щедротъ и премудрости. Способности же ваши могутъ измѣрить важность дѣла и предстоящую вамъ славу, ежели злодѣй устремится въ вашу сторону и найдетъ въ сѣти, отъ васъ приготовляемыя».

На этотъ разъ врядъ ли Державинъ серьезно повѣрилъ

въ поимку Пугачева на Иргизѣ. Уже не разъ его обманула эта мечта, еще имѣвшая для Потемкина прелесть новизны. Но самолюбіе Державина было польщено и возбуждено, честолюбивыя надежды его всколыхнулись, — и «сіе самое побудило его горячѣе вмѣшаться послѣ въ саратовскія обстоятельства».

Поводъ не замедлил явиться. Въ самый день отъѣзда державинскаго изъ Саратова Бошнякъ уже пошелъ на попятный: заявилъ, что не дастъ рабочихъ для постройки ретраншемента, потому что опасность миновалась. Это была неправда: опасность не миновалась, а возросла — Пугачевъ былъ въ 450 верстахъ. Обо всемъ этомъ Державина тотчасъ же извѣстили саратовскіе друзья. Нѣкто Свербѣевъ, чиновникъ опекунской конторы, писалъ: «Приѣзжай, братецъ, поскорѣе, и нагони на нихъ страхъ».

Державинъ помчался «нагонять страхъ». Но пока онъ ѣхалъ, саратовскіе жители узнали, что Пугачевъ уже миновалъ Алатырь. Поднялась тревога. Состоялось совѣщаніе при участіи купечества и членовъ Низовой соляной конторы. Вновь утвердили планъ Державина и Лодыжинскаго, но на сей разъ Бошнякъ отказался его подписать. Онъ вернулся къ первоначальной своей мысли и заявилъ, что согласенъ на ретраншементъ, но кромѣ того не можетъ оставить на расхищеніе городъ, церкви, остроги и винныя склады, а потому будетъ строить укрѣпленіе вокругъ всего города.

Это было 27 іюля. А 29-го Бошнякъ уже заявилъ, что и вовсе отказывается отъ ретраншемента, а будетъ строить лишь укрѣпленіе вокругъ города. На другой день, подкрѣпившись добытымъ отъ губернатора ордеромъ о подчиненіи коменданту всѣхъ воинскихъ силъ, Бошнякъ явился сообщить свое рѣшеніе Лодыжинскому — и встрѣтилъ у него только что вернувагося Державина. Горячіе споры не привели ни къ чему — Бошнякъ сталъ строить свои укрѣпленія.

Тогда Державинъ написалъ коменданту письмо. Въ выраженіяхъ самыхъ рѣзкихъ повторялъ прежніе доводы, доказывалъ, что Бошнякъ не умѣетъ возводить укрѣпленій; что укрѣпленія вокругъ всего города бесполезны, ибо требуютъ столькохъ защитниковъ, сколько въ Саратовѣ

не найдется; что жители, неспособные носить оружіе, могут укрыться въ ретраншементѣ, который должно строить немедленно; что тамъ же можно помѣстить и церковную утварь; что должно встрѣтить врага внѣ города, оставивъ лишь небольшой отрядъ для защиты ретраншемента. Наконецъ, о себѣ писалъ: «Когда вамъ его превосходительство г. астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать, съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то чрезъ сіе имѣю честь вашему высокоблагородію сказать, что я присланъ сюда отъ его высокопревосходительства покойнаго г. генераль-аншефа и кавалера А. И. Бибикова, вслѣдствіи именнаго Ея Императорскаго Величества высочайшаго повелѣнія по Секретной Комиссіи, и предписано по моимъ требованіямъ исполнять все».

Эти раздоры грозили Саратову тѣмъ, что въ концѣ концовъ онъ останется безо всякой защиты. Жители волновались. Большинство, видимо, было на сторонѣ Державина и Лодыжинскаго. 1-го августа состоялось собраніе всѣхъ бывшихъ въ городѣ офицеровъ. Принято было опредѣленіе дѣйствовать по плану Лодыжинскаго — «несмотря на несогласіе означеннаго коменданта». Это уже былъ, въ сущности, бунтъ. Въ качествѣ поручика лейб-гвардіи (что весьма придавало ему вѣсу въ глазахъ армейцевъ) и члена секретной комиссіи, Державинъ этимъ бунтомъ водительствовадь, при чемъ грозился Бошняка арестовать. Настроеніе собравшихся было самое повышенное; такъ спѣшили, что согласились подписываться безъ соблюденія старшинства.

Послѣ этого постройка ретраншемента возобновилась по распоряженію магистрата. Но черезъ день Бошнякъ приказалъ полиціи объявить, что къ работѣ привлекаются лишь добровольцы. «Легкомысленный народъ радъ былъ такой поблажкѣ, а изъ сего произошла и у благо-разумнѣйшихъ колебленность мыслей, дурныя разгласки, и работа вовсе остановилась».

Державинъ не уставалъ жаловаться на Бошняка Потемкину, Бошнякъ на Державина — Кречетникову. Оба были и правы, и не правы. Бошнякъ былъ старше чиномъ и имѣлъ боевой опытъ, котораго не имѣлъ Державинъ.

Державинъ ссылался на то, что онъ присланъ отъ секретной комиссіи и что «предписано по его требованіямъ исполнять все», — это была неправда: въ сущности, онъ былъ присланъ въ Мальковку, а не въ Саратовъ, и оборона Саратова, если даже касалась его, то развѣ только съ политической, а не съ военной стороны. «Горячѣе вмѣшався» онъ въ это дѣло только потому, что въ прямую цѣль своей командировки, въ поимку Пугачева на Иргизѣ, уже самъ не вѣрилъ, а хотѣлъ отличиться гдѣ бы то ни было и во что бы то ни стало. И держалъ онъ себя съ заносчивостью недопустимой, не говоря уже о военной субординаціи, которую самъ нарушалъ и склонялъ нарушать другихъ. Но по существу дѣла все-таки правъ былъ онъ, точнѣе — правъ былъ Лодыжинскій, на сторону котораго онъ сталъ противъ Бошняка. Онъ видѣлъ, что Бошнякъ губить дѣло, — и это, и сознаніе собственной правоты, и скрытое чувство, что дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствуетъ, онъ все-таки не имѣетъ права, — все это доводило его до предѣловъ дерзости и упрямства.

Наконецъ, 3 августа, Кречетниковъ прислалъ Бошняку ордеръ, въ которомъ предлагалъ отправить Державина къ настоящему мѣсту его службы — на Иргизъ. Бошнякъ тотчасъ переслалъ ордеръ Державину, но тому было не до губернатора: уже онъ готовился въ новую экспедицію.

Въ девяноста семи верстахъ отъ Саратова, на рѣкѣ Медвѣдицѣ, лежала крѣпость Петровская. Пугачевъ къ ней приближался. Державинъ послалъ въ Петровскъ приказаніе перевезти въ Саратовъ казенныя деньги и архивы. Все это уже было сложено на подводы, но, какъ случилось почти всегда, при приближеніи самозванца часть гарнизона взбунтовалась и остановила возы. 3-го числа (въ тотъ же день, когда пришелъ ордеръ Кречетникова) Державинъ получилъ письмо изъ Петровска, отъ секундъ-маіора Буткевича («воеводскаго товарища», какъ онъ себя именовалъ) съ просьбою прислать на помощь отрядъ «человѣкъ до ста».

Державинъ немедленно выслалъ впередъ отрядъ казаковъ подъ начальствомъ есаула Ѡмина, а 4-го числа утромъ выѣхалъ и самъ. Не одни архивы и деньги занимали Державина: онъ мечталъ вывезти изъ Петровскаго пороха и пушки, а также произвести развѣдку, чтобы узнать, съ какими силами наступаетъ врагъ на Саратовъ.

Державинъ ѣхалъ въ кибиткѣ съ нѣкимъ Гогелемъ и со слугою, котораго нанялъ еще въ Казани; это былъ гусаръ изъ польскихъ конфедератовъ. Уже верстахъ въ пяти отъ крѣпости узнали они отъ встрѣчнаго мужика, что Пугачевъ находится тоже въ пяти верстахъ отъ Петровска, только съ сѣвера (Державинъ ѣхалъ съ юга). Державинъ остановился, а Гогель поѣхалъ впередъ, чтобы нагнать и предупредить казачій отрядъ. Нагнавъ его, Гогель отрядилъ четырехъ казаковъ къ Петровску — на развѣдку. Тѣ уѣхали — и пропали. Наконецъ, двое изъ нихъ вернулись и сообщили, что Пугачевъ уже въ городѣ и надо ему сдаваться. Ѡминскіе казаки тотчасъ взбунтовались и объявили, что переходятъ на сторону «государя». Покуда Ѡминъ хитрилъ и велъ съ ними переговоры, со стороны Петровска приблизился отрядъ мятежниковъ подъ предводительствомъ самого Пугачева. Ѡминъ съ Гогелемъ бросились назадъ, къ Державину, крича: «Казаки измѣнили, спасайтесь!» Пересѣвъ на верховую лошадь, Державинъ поскакалъ вмѣстѣ съ ними къ Саратову. Пугачевъ со своимъ отрядомъ гнался за ними. Съ наступленіемъ сумерекъ погоня остановилась. Державинъ благополучно достигъ Саратова; его кибитка, съ ружьями и столетями и слугою-полякомъ, осталась въ рукахъ мятежниковъ.

Весь слѣдующій день (5 августа) ушелъ на бесполезные переговоры съ Бошнякомъ. Пугачевскія скопища надвигались, паденіе Саратова было неминуемо. Во исполненіе губернаторскаго приказа, Державинъ могъ бы уѣхать въ Малыковку, но, «нося имя офицера, за неприличное почелъ отъ опасностей отдаляться», и «чтобы не быть

празднымъ, выпросилъ въ команду себѣ одну находящуюся безъ капитана роту».

Вдругъ вечеромъ получилъ онъ тревожную вѣсть: партія малыковскихъ крестьянъ, имъ вызванная на помощь саратовскому гарнизону, взбунтовалась, не дойдя двадцати верстъ до города. Герасимовъ, бывший при этой партіи, сообщалъ, что крестьяне отказываются идти дальше, если Державинъ не явится къ нимъ самолично. Державинъ поѣхалъ — и тутъ незначительная случайность разомъ все измѣнила. На ближайшей станціи, въ слободѣ Покровской, не оказалось лошадей. Державинъ застрялъ на всю ночь, а когда на другой день добрался, наконецъ, до своихъ крестьянъ, — пришло извѣстіе, что Саратовъ взятъ. Боясь, что крестьяне открыто перейдутъ на сторону Пугачева, Державинъ ихъ распустилъ, а самъ поѣхалъ въ колонію Шафгаузенъ. Здѣсь надѣялся онъ черезъ колонистовъ развѣдать, куда намѣренъ идти Пугачевъ изъ Саратова: на Яикъ или внизъ по Волгѣ.

Шафгаузенъ лежалъ на лѣвомъ берегу Волги, немногимъ ниже Малыковки. Сообщеніе между ними постоянно поддерживалось. Печальная новость ожидала Державина.

Незадолго до отъѣзда изъ Саратова, Державинъ рѣшилъ просить помощи у ген. Мансурова, который тогда находился со своими войсками въ Сызрани. Письмо къ Мансурову Державинъ послалъ въ Малыковку, Серебрякову, съ приказомъ лично доставить по назначенію. Серебряковъ, прихвативъ съ собою сына, отправился въ Сызрань; по дорогѣ, въ степи, оба были убиты и ограблены шайкою бѣглыхъ солдатъ.

Шаекъ, состоявшихъ изъ всякаго сброду, къ тому времени расплодилось великое множество. Между прочимъ, не терялъ времени даромъ и тотъ слуга-полякъ, что остался вмѣстѣ съ кибиткой Державина въ пугачевскомъ плѣну: за десять тысячъ рублей онъ взялся изловить бывшего своего господина. Онъ явился въ колоніи, взбунтовалъ многихъ колонистовъ и разослалъ подручныхъ искать Державина. 8 числа, на второй день своего пребыванія въ Шафгаузенѣ, Державинъ узналъ, что злодѣи остановились въ пяти верстахъ, въ ближайшей колоніи, — завтра-

коть. Охраны у него не было — онъ вскочилъ на лошадь и помчался за девяноста верстъ, въ Сызрань, къ генералу Мансурову. Дорогою, при переправѣ черезъ Волгу, онъ едва не погибъ: двѣсти малыковскихъ крестьянъ, которыхъ онъ самъ же нѣкогда здѣсь разставилъ стеречь Пугачева, теперь узнали о взятіи Саратова, и «духъ буйства» въ нихъ пробудился; на паромѣ они хотѣли схватить Державина, чтобы отправить въ станъ Пугачева; не поворачиваясь къ нимъ спиной, онъ прислонился къ борту и держалъ руку на пистолетѣ, заткнутомъ у пояса; «а какъ всякій изъ нихъ жалѣлъ своего лба, то онъ и спасся».

10 августа Державинъ пріѣхалъ въ Сызрань къ Мансурову, а вслѣдъ затѣмъ узналъ, что и сама Малыковка пережила бурныя событія. «Сего августа 9 дня, — доносилъ писарь Злобинъ, — пріѣхавъ въ село Малыковку извѣстной злодѣйской шайки разной сволочи челоувѣкъ съ 12 и во первыхъ набравъ во ономъ подобныхъ себѣ злодѣевъ села Малыковки дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ челоувѣкъ до 50-ти, начали разбивать питейные дома и, напився пьяны, чинили многое злодѣйство и въ хорошихъ крестьянскихъ домахъ разбои, а сверхъ того г. казначею и всему его семейству, также его расходчику, села Воскресенскаго крестьянину Александрѣ Васильеву и малыковскому жителю Ивану Терентьеву учинили смертное убійство, коихъ ругательски и повѣсили, чѣмъ устрашивая привлекали малыковскихъ первостатейныхъ къ питью вина и къ поздравленію якобы Государя Петра Федоровича, т. е. государственнаго вора и злодѣя Пугачева, кои то и чинили, а сопротивленія съ ними, злодѣями, за неимѣніемъ никакой команды, чинить было некому, гдѣ тотъ день въ Малыковкѣ они и ночевали, а на послѣдокъ 10-го августа тѣ злодѣи, бывъ до полдень и болѣе и чиня такое злодѣйство, сказали, что они съ батюшкой Петромъ Федорычемъ, т. е. означеннымъ злодѣемъ, будутъ въ Малыковку во вторникъ 12-го августа, и сказавъ, уѣхали обратно».

Въ Малыковку злодѣи больше не приходили, но послѣ ихъ ухода часть населенія пребывала въ великомъ страхѣ, другая же разнуздавалась и буйствовала. Дворцовый управитель Шишковскій, который «едва спасъ животъ

свой», отъ страху никакъ не могъ «прийти въ совершенную память» и писалъ Державину: «Обыватели смотрятъ весьма немилосердымъ взглядомъ... Помилуй, батюшка! Не оставь безпомощнаго и разореннаго и страсть терпящаго челоуѣка... Повѣрьте, милостивый государь, что писать не могу: ненатуральная трясовица обдержить меня». Максимовъ, бѣжавшій изъ Малыковки подалѣ, тоже взывалъ къ Державину: «Поспѣши, голубчикъ, и хотя внутреннимъ злодѣямъ отмсти за пролитую неповинно дворянскую кровь».

Малыковка дѣлалась все менѣе надежной точкой опоры. Державинъ къ тому же предвидѣлъ, что Пугачевъ будетъ оттѣсненъ отъ Саратова еще южнѣе; ждать самозванца на Иргизѣ теперь казалось ему безсмысленно. Доноси объ этомъ Потемкину, онъ просилъ указаній, что въ такихъ обстоятельствахъ дѣлать дальше и куда направиться. Отвѣтъ долго не приходилъ. Уже къ Сызрани явился со своими войсками Голицынъ; уже Мансуровъ ушелъ оттуда преслѣдовать Пугачева, — отвѣта все не было. Державинъ сидѣлъ при Голицынѣ безо всякаго дѣла. Бездѣйствіе вообще было не въ его нравѣ — теперь оно томило въ особенности: вся командировка грозила кончиться ни чѣмъ; какъ и въ Саратовѣ, онъ искалъ случая сдѣлать что-нибудь.

Юго-западная часть колоній, почти на полпути между Малыковкой и Саратовомъ, длинною, узкою полосой вдается въ киргизъ-кайсацкую степь. Киргизы давно уже безпокоятъ ее набѣгами. Теперь, при общей разрухѣ, набѣги становятся чаще и жесточе. Дома сжигаютъ и грабятъ, скотъ угоняютъ, жителей избиваютъ или уводятъ въ плѣнъ, въ степь. Колонисты просятъ защиты, — но войскъ у Голицына слишкомъ мало.

Другое дѣло — Державинъ. Въ Малыковкѣ набереть онъ вѣрныхъ крестьянъ (кстати, наведя тамъ порядокъ и посчитавшись съ кѣмъ слѣдуетъ), колонисты ему обѣщаютъ отрядъ въ триста челоуѣкъ: съ этими силами можно рискнуть на киргизъ-кайсаковъ... Но чтобы дойти до Ма-

лыковки и колоній, ему нужны были двадцать пять человекъ гусарь и хотя бы одна пушка. Такія силы Голицынъ могъ ему предоставить, и 21 августа выступилъ онъ въ походъ.

Голицынъ отправилъ съ нимъ девять колодниковъ — «восемь человекъ и одну женку». То были крестьяне, которые недавно схватили голицынского курьера и отправили къ Пугачеву. Преступленіе было совершено въ селѣ Поселкахъ, черезъ которое Державину лежалъ путь. Главнаго зачинщика, Михаила Гомзова, Голицынъ приказалъ тамъ же, въ Поселкахъ, для примѣру повѣсить, прочихъ же отпустить по домамъ, наказавъ плетьми.

Исполнивъ этотъ приказъ, Державинъ изъ Поселковъ двинулся дальше. 24 числа, въ селѣ Сосновкѣ, привели къ нему пятерыхъ разбойниковъ; изъ нихъ трое были повинны въ убійствѣ Серебрякова. Одного Державинъ велѣлъ тутъ же повѣсить: приближаясь къ безпокойной Малыковкѣ, гдѣ предстояло ему наwerben главныя силы будущаго отряда, онъ хотѣлъ, чтобъ молва о жестокостяхъ предварила его появленіе. Дѣйствительно, его ждали съ ужасомъ.

Прийдя въ Малыковку, онъ тотчасъ нарядилъ слѣдствіе; троихъ мужиковъ, повинныхъ въ убіеніи казначая Тишина съ женой и дѣтьми (которымъ головы размозжили объ уголь), «по данной ему отъ генералитета власти, опредѣлилъ на смерть». Замѣчательна смѣсь воображенія и разсчета, съ коими онъ затѣмъ дѣйствовалъ. На другой день всѣхъ жителей, мужескаго и женскаго полу, согнали на близлежащую гору. Священнослужителямъ всѣхъ семи церквей малыковскихъ приказано было облечься въ ризы. Пушку, заряженную картечью, навели на толпу; двадцать гусарь съ обнаженными саблями разѣзжали вокругъ, чтобы рубить всякаго, кто захочетъ бѣжать. На осужденныхъ надѣли саваны, дали имъ въ руки зажженные свѣчи и при погребальномъ звонѣ привели къ мѣсту казни. «Сіе такъ сбившійся народъ со всего села и изъ окружныхъ деревень устрашило, что не смѣлъ никто рта разинуть». Прочтя приговоръ, Державинъ велѣлъ этихъ троихъ повѣсить, а еще двѣсти крестьянъ, тѣхъ самыхъ, что осадили его недавно при переправѣ, — пересѣчь плетьми. «Сіе все со-

вершили, и самую должность палачей, не иные кто, какъ тѣ же поселяне».

Тогда-то приказалъ Державинъ выставить до тысячи конныхъ ратниковъ и сто телѣгъ съ провіантомъ — для похода на киргизовъ. Малыковка, хотъ и была въ трепетѣ, могла набрать только семьсотъ человекъ. Державинъ и тѣмъ удовольствовался. Голицынъ обѣщалъ прислать ему на подмогу казаковъ, но Державинъ не сталъ дожидаться. Перваго сентября переправился онъ черезъ Волгу и углубился въ степь по с а к м ѣ — по дорогѣ, протоптанной шедшими здѣсь киргизами. Черезъ нѣсколько дней, на верховьяхъ Малаго Карамана, увидали. въ долинѣ киргизовъ; вмѣстѣ съ толпою плѣнныхъ и множествомъ угнаннаго скота орда казалась страшною громадою. Державинъ атаковалъ ее — кочевники бросились бѣжать во всѣ стороны, оставя на мѣстѣ плѣнныхъ и скотъ. Съ полсотни киргизовъ при этомъ перекололи. Такимъ образомъ было отбито восемьсотъ колонистовъ, семьсотъ русскихъ поселянъ и нѣсколько тысячъ головъ скота. Еще около двухсотъ плѣнниковъ киргизы угнали съ собой, но Державинъ не могъ уже ихъ преслѣдовать: полторы тысячи плѣнныхъ, которыхъ онъ только что отнялъ у киргизовъ, стѣснили движеніе его отряда. Онъ повелъ ихъ въ ближайшую колонію Тонкошкуровку, въ ту самую, откуда большинство ихъ недавно было уведено киргизами. Колонію застали въ развалинахъ; всюду валялись трупы; Державинъ предалъ ихъ погребенію. Были поставлены вооруженные отряды, учреждены пикеты и разъѣзды; однако, набѣги киргизъ-кайсаковъ съ той поры прекратились вовсе.

Голицынъ благодарилъ Державина и доносилъ о его подвигѣ высшему начальству, — но оно уже было не то, что прежде. Въ послѣднее время произошло много событій.

*
**

Переломъ въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева начался еще съ того дня, когда Михельсонъ не пустилъ самозванца во глубину Сибири и погналъ его на Казань. Но взятіе Казани, но самое бѣгство Пугачева подъ напоромъ Михельсона, Мансурова, Муффеля было слишкомъ опусто-

шительно: какъ сказано выше, оно еще представлялось нашествіемъ.

Екатерина тревожилась чрезвычайно; подумывала сама стать во главѣ арміи; полагала, что вялость и нерѣшительность генераловъ всему виною; противъ главнокомандующаго кн. Шербатова ее возстановляли въ особенноти. Гр. Никита Ивановичъ Панинъ, государственный канцлеръ, имѣлъ выгоду подъ него подкапываться.

Никита Ивановичъ Панинъ еще императрицей Елисаветой Петровной былъ опредѣленъ въ воспитатели къ малолѣтнему великому князю Павлу Петровичу. Когда, совершивъ переворотъ 1762 г., Екатерина возложила корону на себя, говорили, будто Орловы готовятъ Павлу Петровичу участь его отца. Панинъ, открытый противникъ Орловыхъ, почитался единственною защитой ребенка. Впослѣдствіи Екатерина долгіе годы не могла удалить Панина отъ великаго князя (котораго онъ возстановлялъ противъ матери). Только въ сентябрѣ 1773 г., когда Павелъ Петровичъ женился, императрица съ облегченіемъ объявила воспитаніе наслѣдника законченнымъ, а воспитателя уволила, на радостяхъ осыпавъ милостями и (безъ особаго удовольствія) оставивъ государственнымъ канцлеромъ.

Межъ тѣмъ, въ 1770 г., братъ Никиты Ивановича, Петръ Ивановичъ, за покореніе Бендеръ получилъ Георгія 1-й степени и двѣ съ половиною тысячи душъ. Этого показалось мало. Петръ Ивановичъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ — въ обычномъ пристанищѣ воруновъ и обиженныхъ вельможъ. На досугѣ онъ цѣлыхъ три года болталъ, понося императрицу и зная, что ей неудобно было бы съ нимъ расправиться. 25 сентября 1773 года Екатерина писала о немъ кн. Волконскому, московскому главнокомандующему: «Что же касается до дерзкаго извѣстнаго вамъ болтуна, то я здѣсь кое кому внушила, чтобъ до него дошло, что, естли онъ не уймется, то я принуждена буду его унимать наконецъ. Но какъ богатствомъ я брата его осыпала выше его заслугъ на сихъ дняхъ, то чаю, что и онъ его уиметъ же».

Въ самомъ дѣлѣ, пора было государственному канцлеру помирить брата съ императрицей: вліяніе Паниныхъ

уже падало. Никита Ивановичъ сталъ дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ. Брату посовѣтовалъ проявить крайній патріотизмъ и готовность къ жертвамъ, а самъ доложилъ о томъ государынѣ. Потомъ, на собранномъ ею совѣтѣ, онъ предложилъ назначить Петра Ивановича на мѣсто кн. Щербатова. Екатерина согласилась съ неудовольствіемъ. За то въ восторгъ былъ Петръ Ивановичъ. Въ усердіи дошелъ до того, что, забывъ прошлое, въ донесеніяхъ своихъ къ слову *в с е п о д д а н н ѣ й ш і й* сталъ приписывать слово *р а б ъ* — что вовсе не требовалось. Радость его отчасти омрачена была только тѣмъ, что императрица не подчинила ему слѣдственныхъ комиссій: онѣ остались въ рукахъ Павла Потемкина. Отсюда, конечно, вскорѣ возникли тренія: Панинъ старался унижить Потемкина вмѣстѣ съ его комиссіями, а Потемкинъ сталъ нарочито проявлять свою независимость отъ главнокомандующаго. Мы вскорѣ увидимъ, что Державину суждено было очутиться между молотомъ и наковальней.

17-го августа новый главнокомандующій выѣхалъ изъ Москвы. Онъ направился не въ Казань, а южнѣе, ближе къ театру военныхъ дѣйствій. По дорогѣ остановился онъ въ своемъ имѣніи. 24 числа (въ тотъ самый день, когда Державинъ казнилъ убійцу Серебрякова) пріѣхалъ къ нему Суворовъ, также назначенный дѣйствовать противъ Пугачева.

Суворовъ примчался безъ шапки, въ одномъ кафтанѣ, на простой мужицкой телѣгѣ. Получивъ отъ Панина предписаніе командирамъ и губернаторамъ исполнять всѣ его распоряженія, онъ въ тотъ же день кинулся дальше — на Пугачева!

Однако жъ, онъ могъ не спѣшить такъ сильно. Послѣ трехдневныхъ саратовскихъ звѣрствъ Пугачевъ двинулся внизъ по Волгѣ. Полчища его были громадны, но безпорядочны. Онъ разбилъ маіора Дица, который пытался преградить путь, и 21 августа подступилъ къ Царицыну. Дважды отбитый отъ этой крѣпости, онъ, можетъ быть, все-таки овладѣлъ бы ею, но услышалъ о приближеніи Михельсона и поспѣшилъ опять внизъ, на Сарепту. Здѣсь отдыхалъ онъ въ теченіе сутокъ и пошелъ дальше. Но Михельсонъ двигался быстрѣе и настигъ его въ ста верстахъ

за Царицынымъ, у Чернаго Яра. Самозванецъ не могъ уклониться отъ боя. Его пораженіе оказалось рѣшительно; онъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ; остальные бѣжали. Самъ Пугачевъ едва спасся съ горстью казаковъ, переправившись на лѣвый берегъ Волги. Это было 25 августа — на другой день послѣ описаннаго свиданія Суворова съ гр. Панинымъ. Такимъ образомъ, славный полководецъ на сей разъ мчался напрасно: когда 3 сентября онъ прибылъ въ Царицынъ, сражаться уже было не съ кѣмъ. Оставалось принять участіе развѣ только въ поимкѣ самого Емельки, и Суворовъ постарался придать своимъ дѣйствіямъ наиболѣе военную видимость. Принявъ начальство надъ корпусомъ Михельсона, онъ посадилъ часть пѣхоты на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, и 4 сентября переправился на луговую сторону Волги — ловить самозванца. Но въ семь предпріятіи онъ оказался слишкомъ не одинокъ.

Въ точности неизвѣстно было, куда направился Пугачевъ по луговой сторонѣ. Но отряды, посланные на поимку, надвигались со всѣхъ сторонъ. Кольцо вокругъ самозванца сжималось.

Со своей стороны кн. Голицынъ перешелъ у Сызрани на лѣвый берегъ. Какъ разъ въ тѣ дни, когда Державинъ закончилъ походъ на киргизъ-кайсаковъ, Голицынъ со своими войсками очутился поблизости. 9 сентября, въ селѣ Красномъ Ярѣ (его не надо смѣшивать съ городомъ того же названія) назначена была встрѣча.

Къ этому времени стало извѣстно, что самозванецъ находится гдѣ-то на Узеняхъ — двухъ рѣчкахъ, текущихъ въ киргизъ-кайсацкой степи, между Волгой и Яикомъ. Голицынъ не измѣнилъ своего намѣренія отправиться на востокъ, къ Яицкому городку, чтобы заранѣе преградить Пугачеву путь въ этомъ направленіи. Но Державину онъ далъ предписаніе ловить самозванца на Узеняхъ. Въ отличіе отъ шедшихъ туда же воинскихъ частей, Державину предложено было дѣйствовать черезъ обывателей и тайныхъ «подлазчиковъ»; это былъ поздній отголосокъ серебряковскаго плана.

Отрядъ малыковскихъ крестьянъ, съ которыми онъ ходилъ на киргизъ-кайсаковъ, еще находился при Держави-

нѣ. Изъ этихъ-то людей отобралъ онъ сто самыхъ надежныхъ. Въ ночь на 10 сентября подлазчики собраны въ лѣсу и приведены къ присягѣ. Ихъ жены и дѣти объявлены заложниками. Для поощренія каждому дано по пяти рублей, для устрашенія — тутъ же повѣшенъ послѣдній изъ четырехъ убійць Серебрякова, до тѣхъ поръ находившійся въ бѣгахъ. Наконецъ, свора спущена; она бросилась въ степь, къ Узенямъ, на звѣря.

Державинъ съ прочими крестьянами остался на Иргизѣ, въ слободѣ Мечетной. Здѣсь предстояло ему охранять окрестности отъ бродячихъ шаекъ; сюда же должны были приходиться свѣдѣнія отъ подлазчиковъ. Надѣялся ли Державинъ, что его людямъ удастся схватить Пугачева? Конечно, онъ признавалъ, что «наступило самое то время, гдѣ ему Державину надлежало исправлять порученную ему г. Бибиковымъ комиссію, потому что Пугачевъ находился безсильнымъ и въ самыхъ тѣхъ областяхъ, которыя наблюденію Державина ввѣрены». Но обстановка была совсѣмъ ужъ не та, которую онъ себя представлялъ, уѣзжая изъ Казани полъ года тому назадъ. Теперь ужъ не онъ одинъ, а и Голицынъ, и Муффель, и Меллинъ, и Мансуровъ, и Дундуковъ, и Суворовъ — кто только не ловилъ Пугачева? И у cadaго было больше къ тому возможностей, нежели у Державина. Между прочимъ, онъ только что получилъ впервые письмо отъ Суворова. «О усердіи къ службѣ ея императорскаго величества вашего благородія я уже много извѣстенъ», писалъ Суворовъ, «тожъ и о послѣднемъ отъ васъ разбитіи киргизцевъ, какъ и о посланіи партіи для преслѣдованія разбойника Емельки Пугачева отъ Карамана; по возможности и способности ожидаю отъ вашего благородія о пребываніи, подвигахъ и успѣхахъ вашихъ частыхъ увѣдомленій». Это было, конечно, лестно, но чувствовалось, что особыхъ надеждъ на державинскую «партію» полководецъ не возлагаетъ. О себѣ самомъ Суворовъ прибавилъ: «Иду за реченнымъ Емелькою, поспѣшно прорѣзывая степь».

Вдругъ, 15 числа, надежда еще разъ вспыхнула ярко, чтобы тотчасъ погаснуть вовсе. Подзорщики возвратились и привели плѣнника. Какъ? Неужели?.. Но то былъ не Пугачевъ, а его «полковникъ», крестьянинъ Мельни-

ковъ. Мельниковъ сообщилъ, что Емельянъ Пугачевъ своими сообщниками увезенъ въ Яицкій городокъ и тамъ отданъ въ руки властей. Посланные Державина опоздали на двое сутокъ.

Итакъ, все было кончено.

Пока Державинъ ждалъ самозванца на Иргизѣ — тотъ удалялся отъ этихъ мѣстъ; когда Державинъ отчаялся ждать — Пугачевъ началъ приближаться; когда же приблизился, подошелъ вплотную, — былъ схваченъ, но не Державинимъ.

*
**

Было бы несправедливо одолѣніе пугачевщины приписывать одному Михельсону. Однако, для современниковъ имъ одержанныя побѣды были наиболѣе очевидны. Многихъ военачальниковъ это безпокоило. Начались попытки связать свое имя хотя бы съ поимкой Пугачева. Тутъ поле было для всѣхъ открыто: самозванецъ попалъ въ руки властей безъ прямого участія кого бы то ни было изъ тѣхъ, кто его ловилъ.

Суворовъ первый примчался въ Яицкій городокъ и усердно занялся «поспѣшнымъ выпроваженіемъ» супостата, уже заклепаннаго въ колодку. Потомъ всѣмъ захотѣлось быть первыми вѣстниками счастливаго событія; начались гонки курьеровъ. Потомъ Потемкинъ, находясь въ непрестанномъ соревнованіи съ Панинымъ, пожелалъ заполучить знаменитаго плѣнника въ свои руки; онъ намекнулъ Державину, чтобы тотъ поспособствовалъ доставленію Пугачева не въ «военную команду» (т. е. къ Панину), а въ секретную комиссію (т. е. къ Потемкину). Но уже Суворовъ въ Яицкѣ завладѣлъ Пугачевымъ и, посадивъ въ клѣтку, картинно везъ его въ Симбирскъ, къ Панину. Державинъ былъ тутъ безсиленъ. Потемкинъ все же обидѣлся.

Но эта обида была ничто передъ новой грозой, которая шла съ другой стороны и теперь надъ Державинимъ разразилась.

Назначеніе Панина почти совпало съ паденіемъ Саратова. Саратовскимъ властямъ пришлось отчитываться въ

своихъ дѣйствіяхъ уже передъ новымъ главнокомандующимъ. Недруги Державина, Кречетниковъ и Бошнякъ, дождались праздника. Разумѣется, и въ собственныхъ объясненіяхъ, и въ объясненіяхъ, ими подсказанныхъ другимъ лицамъ, они старались обѣлить себя и очернить Лодыжинскаго съ Державинымъ. По ихнему выходило, что «вѣтранный человѣкъ гвардіи поручикъ Державинъ» держалъ себя дерзко и вызывающе, вслухъ поносилъ коменданта и бунтовалъ противъ него офицеровъ; что дѣйствіями своими Лодыжинскій и Державинъ ослабили оборону города (уже неправда); что они не возвели необходимаго укрѣпленія (да, но потому, что именно Бошнякъ этому противился); что экспедицію къ Петровску совершилъ Бошнякъ, а не Державинъ (ложь грубая и наивная); что передъ появленіемъ самозванца Державинъ изъ города скрылся безъ надобности (главная и самая тяжелая для Державина ложь: онъ уѣхалъ по необходимости и лишь не успѣлъ вернуться; къ тому же самъ Кречетниковъ передъ тѣмъ требовалъ его удаленія изъ города).

Панинъ былъ человѣкъ умный; умѣлъ быть смиреннымъ, когда надо, и дерзкимъ, когда можно; самъ умѣлъ польстить и хотѣлъ, чтобъ ему польстили; самъ зналъ свое мѣсто и любилъ, чтобъ другіе знали. Заносчивый поручикъ ему по всѣмъ донесеніямъ не понравился; онъ даже забылъ, что недавно самъ благодарилъ Державина за дѣйствія противъ киргизовъ, и рѣшилъ быть къ нему особенно строгимъ. А тутъ еще слухи о Державинѣ дошли до императрицы, которая попросила Панина «когда случай будетъ, пообъяснить навѣданіемъ объ обращеніяхъ сего гвардіи поручика Державина и соотвѣтствовала ли его храбрость и искусство его словамъ».

Обо всемъ этомъ Державинъ еще ничего не зналъ. Въ такихъ обстоятельствахъ ему нужно бы заручиться благосклонностью Панина. вмѣсто этого онъ нечаянно навлекъ на себя его лютый гнѣвъ.

О выдачѣ самозванца Державинъ узналъ отъ Мельникова, своего плѣнника, въ тотъ самый день, когда Пугачевъ былъ доставленъ въ Яицкій городокъ, къ офицеру Маврину. Но Державинъ находился географически: ближе

къ начальству, нежели Мавринъ. Поэтому онъ-то и былъ, въ сущности, первымъ вѣстникомъ. Но свои донесенія онъ отправилъ двумъ непосредственнымъ начальникамъ своимъ, Голицыну и Потемкину, а не Панину. По субординаціи онъ такъ и долженъ былъ поступить. Однако, случайно узнавъ объ этомъ, Панинъ пришелъ въ бѣшенство: его особенно беспокоило, какъ бы Потемкинъ не опередилъ его въ донесеніи государынѣ. Разсвирѣпѣвъ, онъ тотчасъ велѣлъ Голицыну и Мансурову затребовать отъ Державина объясненій по поводу саратовскихъ дѣлъ. Узнавъ о взводимыхъ на него обвиненіяхъ, Державинъ оскорбился, вскипѣлъ и, черезъ головы генераловъ, послалъ объясненія прямо Панину. Въ заключеніе требовалъ надъ собою военного суда. Это опять было неприятно Панину: онъ зналъ, что заслуги Державина, засвидѣтельствованныя Бибиковымъ, Голицынымъ, Потемкинымъ, Суворовымъ и самимъ же Панинымъ, были больше его провинностей; а вотъ для Кречетникова, которому Панинъ вообще покровительствовалъ, судъ могъ кончиться большими неприятностями. Панинъ написалъ Державину длинное, нравоучительное и ѣдкое письмо; «насмѣхался, что не имъ, Державинымъ, Пугачевъ пойманъ»; но въ судѣ отказалъ.

Въ это самое время Потемкинъ, который ничего не зналъ о невзгодахъ Державина, вызвалъ его въ Казань. Державинъ отправился, но дорогою не стерпѣлъ: рѣшилъ ся заѣхать къ Панину — объясниться лично.

Онъ выросъ въ глуши, воспитался въ казармѣ, да на постояломъ дворѣ, да въ огнѣ пугачевщины. Съ младенчества было ему внушено нѣсколько твердыхъ и простыхъ правилъ вѣры и нравственности. Они и теперь, къ тридцати годамъ, остались главнымъ его мѣриломъ. Добро и зло раздѣлялъ онъ ясно, отчетливо; о себѣ самомъ всегда зналъ: вотъ это я дѣлаю хорошо, это — дурно. Слобомъ, умомъ былъ прямъ, а душою простъ. Прямота была главное въ немъ. И это уже тогда было главное, за что любили его одни и не любили другіе.

Себя онъ считалъ «горячимъ». Горячность и была въ

немъ. Но прежде всего онъ былъ просто нетерпѣливъ. Видя вокругъ лукавство и ложь, онъ нерѣдко отчаивался въ прямомъ пути, рѣшалъ быть хитрымъ и скрытнымъ, какъ всѣ другіе. Тогда любилъ увѣрять себя, будто дѣйствуетъ проницательно, предусмотрительно, трезво и хладнокровно. Но всего этого хватало лишь до тѣхъ поръ, пока все шло гладко и пока, въ сущности, ни хитрость, ни хладнокровіе не подвергались настоящему испытанію. При первомъ препятствіи, при первомъ же столкновеніи съ ложью, съ обидой, съ несправедливостью, то-есть какъ разъ когда хитрость и хладнокровіе дѣйствительно становились нужны, — Державинъ терялъ терпѣніе, срывался и ужъ тутъ давалъ волю своей горячности. Не смотрѣлъ ни на что, шель прямокомъ, дѣлался «въ правдѣ чертъ», какъ однажды самъ о себѣ сказалъ.

Подѣзжая къ Симбирску, постановилъ онъ понравиться Панину, чтобы тотъ сложилъ гнѣвъ на милость. Рѣшилъ выказать себя съ лучшей стороны, пустить въ ходъ все: и благонаравіе, и почтительность, и скромность, и даже свою горячность и прямоту — въ той самой мѣрѣ, насколько они могутъ понравиться начальству. Это была особенно тонкая хитрость, и Державинъ особенно на нее рассчитывалъ.

Въ Симбирскѣ онъ прежде всего явился къ Голицыну: Панинъ былъ на охотѣ, Державинъ его даже встрѣтилъ, приближаясь къ городу.

Увидѣвъ гостя, Голицынъ перепугался:

— Какъ? вы здѣсь, зачѣмъ?

— Ёду въ Казань по предписанію генерала Потемкина, но разсудилъ главнокомандующему засвидѣтельствовать свое почтеніе.

— Да знаете ли вы, что онъ недѣли двѣ публично за столомъ болѣе не говоритъ ничего, какъ дожидаетъ отъ государыни повелѣнія повѣсить васъ вмѣстѣ съ Пугачевымъ?

— Ежели я виноватъ, то отъ гнѣва царскаго нигдѣ уйти не могу.

— Хорошо, — сказалъ князь, — но я, васъ любя, не совѣтую къ нему являться, а поѣзжайте въ Казань къ Потемкину и ищите его покровительства.

— Нѣтъ, я хочу видѣть графа.

Вечеромъ Панинъ пріѣхалъ съ охоты. Пошли въ главную квартиру. Панинъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, съ нимъ былъ Михельсонъ. Державинъ представился. Ничего не отвѣтивъ на представленіе, Панинъ важно спросилъ:

— Пугачева видаль?

Это опять былъ намекъ, но Державинъ, рѣшивъ быть смиреннымъ, сдѣлалъ видъ, что не понялъ. Отвѣтилъ почтительно:

— Точно такъ, видѣлъ на конѣ подъ Петровскомъ.

Графъ отвернулся и сказалъ Михельсону:

— Прикажи привести Емельку.

Привели самозванца; онъ былъ въ широкомъ, потертомъ тулупѣ, по рукамъ и ногамъ въ оковахъ. Вошедъ, онъ сталъ передъ Панинымъ на колѣни. Лицо у него было круглое, волосы и борода окомелкомъ, черные, всклокоченные; глаза черные, съ желтыми бѣлками. На видъ ему было лѣтъ тридцать пять или сорокъ.

— Здоровъ ли, Емелька? — спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Ночи не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сіятельство.

— Надѣйся на милосердіе государыни, — сказалъ Панинъ. Ни на какое милосердіе Пугачеву рассчитывать не приходилось.

Его увели. Панинъ «весьма превозносился» тѣмъ, что самозванецъ въ рукахъ у него, а не у Державина и не у Потемкина. Для того и разыграна была вся сцена. Державинъ крѣпился.

Послѣ этого пошли ужинать. Панинъ не отпустилъ Державина, но и не пригласилъ къ столу. Тогда-то благо-разуміе и покинуло «гвардіи офицера»: онъ вспомнилъ съ негодованіемъ, что предъ отъѣздомъ изъ Петербурга, находясь при караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ, получалъ приглашеніе къ столу самой государыни: «то безъ особаго приглашенія съ прочими штабъ-и оберъ-офицерами осмѣлился сѣсть». Ужинъ начался. Вдругъ Панинъ, окинувъ взоромъ сидящихъ, увидѣлъ Державина, котораго недавно за тѣмъ же столомъ грозился повѣсить. Сперва онъ нахмурился, потомъ заморгалъ глазами (такая была у него

привычка), потомъ всталъ и вышелъ изъ-за стола, сказавъ, что забылъ отправить курьера къ императрицѣ. Державинъ спокойно отужиналъ.

На другой день, еще до разсвѣта, онъ вновь явился. Его провели въ галерею, служившую пріемной. Тамъ онъ прождалъ нѣсколько часовъ. Одинъ за другимъ собрались офицеры. Наконецъ, Панинъ вышелъ. Онъ былъ въ широкомъ атласномъ шлафроку, свѣтло-сѣраго цвѣта и въ большомъ колпакѣ французскаго фасона, перевязанномъ розовыми лентами. Онъ сталъ ходить по галлерей взадъ и впередъ, не заговаривая ни съ кѣмъ и не удостоивъ Державина даже взгляда. Долго Державинъ ждалъ, но внезапно терпѣніе его покинуло. Онъ внезапно подошелъ къ Панину, однако «съ почтеніемъ»:

— Я имѣлъ несчастіе получить вашего сіятельства недовольствительный ордеръ; беру смѣлость объясниться.

Панинъ все еще шелъ — Державинъ взялъ его за руку и остановилъ. Панинъ вытаращилъ глаза, потомъ приказалъ слѣдовать за собой.

Въ кабинетѣ поднялась буря. Всѣ саратовскія вины Державина вновь и вновь ему перечислены. Пока Панинъ кричалъ, Державинъ успѣлъ припомнить благія свои намѣренія. Онъ выслушалъ генеральскіе окрики «съ подобострастіемъ» и разомъ пошелъ съ главныхъ своихъ козырей: съ лести и простодушія:

— Это все правда, ваше сіятельство, — сказалъ онъ: — я виноватъ пылкимъ моимъ характеромъ, но не ревностною службою. Кто бы сталъ васъ обвинять, что вы, бывъ въ отставкѣ, на покоѣ и изъ особенной любви къ отечеству и приверженности къ высочайшей службѣ всемиловѣйшей государыни, приняли на себя въ толь опасное время предводить войсками противъ злѣйшихъ враговъ, не щадя своей жизни? Такъ и я, когда все погибло, забывъ себя, внушалъ въ коменданта и во всѣхъ долгу присяги къ оборонѣ города.

Все это «съ чувствительностію выговорено было».

Сердце Панина дрогнуло. Значить, этотъ молодой, пылкій, такой неопытный въ жизни, такой прямодушный офицеръ дѣйствительно вѣритъ, что онъ, Панинъ, пошелъ предводить войсками изъ особенной любви и привержен-

ности, не щадя жизни и проч.? Въ словахъ Державина оя увидѣлъ себя прекраснымъ. Слезы ручьемъ покатались изъ глазъ его — а вѣдь умный былъ человекъ! Онъ сказалъ:

— Садись, мой другъ, я твой покровитель.

Потомъ пришли генералы, зашла рѣчь о вчерашней охотѣ. Панинъ хвалился, что очень была успѣшна. Потомъ, веселый и бодрый, пошелъ переодѣваться, вновь вышелъ и пригласилъ всѣхъ къ обѣду. Державину указалъ мѣсто противъ себя и говорилъ почти съ нимъ однимъ, рассказывая все о томъ же: какъ до его, Панина, назначенія главнокомандующимъ дворянство московское ничего не дѣлало для защиты отечества, а послѣ назначенія — все дѣлало и ничего уже не жалѣло. Послѣ обѣда онъ пошелъ отдыхать.

У Панина въ штабѣ было какъ при дворѣ: въ шесть часовъ генералы и офицеры опять къ нему собирались. Такъ было и въ этотъ вечеръ. Увидѣвъ Державина, полковонецъ опять къ нему устремился. Повѣствовалъ о семилѣтней войнѣ, потомъ о турецкой, а всего болѣе о томъ, какъ онъ взялъ Бендеры. При этомъ пустился въ нравоученія, говорилъ непрестанно и на всѣ лады, что молодымъ людямъ во всѣхъ дѣлахъ подобаеъ прежде всего почтительность, а потомъ практика, главное — практика.

Потомъ онъ сѣлъ играть въ вистъ съ Голицынымъ, Михельсономъ и еще съ кѣмъ-то. Державинъ долго смотрѣлъ на игру — и вдругъ ему стало скучно. Онъ забылъ мгновенно и всѣ благія свои намѣренія, и только что выслушанный урокъ о практикѣ. Надобно было ему какъ можно долѣе остаться при Панинѣ, дѣлать видъ, что не хочетъ разстаться съ нимъ, что Потемкина съ его секретной комиссией совсѣмъ забылъ... Въмѣсто того подошелъ онъ къ графу и доложилъ, что сейчасъ ѣдетъ въ Казань къ генералу Потемкину, — такъ не будетъ ли какихъ порученій?

Лицо Панина дернулось гнѣвомъ. Но онъ отвернулся и холодно сказалъ:

— Нѣтъ.

Державинъ нажилъ врага.

Когда Пугачевъ бралъ Казань, державинскій домъ былъ разграбленъ, сама же Фекла Андреевна попала въ число тѣхъ «плѣнныхъ», которыхъ башкирцы, подгоняя копьями и нагайками, увели за семь верстъ отъ города, въ лагерь самозванца. Тамъ поставлены были плѣнники на колѣни передъ наведенными пушками. Женщины подняли вой — ихъ отпустили. Ни жива, ни мертва вернулась старуха въ Казань. Сынъ, пріѣхавъ, засталъ ее въ горестяхъ. Деревни Державинныхъ, и казанскія, и оренбургскія, тоже оказались разорены.

Дома было уныніе, въ служебныхъ дѣлахъ — неприятели. Потемкинъ былъ неспособенъ на бурный гнѣвъ, подобный панинскому. Но онъ былъ обиженъ: зачѣмъ Державинъ не перехватилъ Пугачева у Панина? зачѣмъ объясненія по саратовскимъ дѣламъ представилъ прямо Панину, а не черезъ секретную комиссію? Впрочемъ, эти вздорныя неудовольствія Державину, вѣроятно, удалось бы разсѣять. Но къ нимъ вскорѣ прибавилось еще одно — неизгладимое: между генераломъ и офицеромъ возникло «небольшое любовное соперничество, въ которомъ, казалось, одною прекрасною дамою офицеръ предпочитаетъ былъ генералу». Потемкинъ придумалъ способъ избавиться отъ соперника: приказалъ опять ѣхать на Иргизъ — искать Филарета, раскольничьяго старца, который, по слухамъ, нѣкогда благословилъ Пугачева на принятіе императорскаго имени. Дѣлать нечего — сталъ Державинъ готовиться къ отъѣзду. Но въ суетахъ, разъѣзжая по городу въ сильный морозъ (былъ уже ноябрь), онъ простудился и слегъ.

Онъ пролежалъ долго, мѣсяца три. За это время его товарищи по секретной комиссіи были отпущены въ Москву; на поиски Филарета Панинъ отправилъ цѣлыя воинскія команды; посылка Державина теряла смыслъ, но Потемкинъ хотѣлъ сорвать злобу: несмотря ни на что, велѣлъ ѣхать.

Въ концѣ февраля вновь увидѣлъ Державинъ мѣста знакомыя — Малыковку и колоніи. Но какая разница! Годъ назадъ онъ пріѣхалъ сюда любимцемъ Бибикова —

теперь чуть не ссыльнымъ; тогда манили его честолюбивые замыслы — теперь отъ нихъ ничего не осталось; тогда онъ былъ въ упоеніи властью — теперь обреченъ унижительному бездѣйствию. Въ Малыковкѣ управляютъ другіе люди. Пугачевщина отшумѣла. Герой Бибиковъ умеръ, какъ и пройдоха Серебряковъ. Въ Москвѣ, на Болотной площади, упала подъ топоромъ голова Пугачева.

Только въ Шафгаузенѣ, у нѣмцевъ, все, какъ будто, по прежнему. Тотъ же радушный и обходительный крейсѣ-комиссаръ Вильгельми, у котораго иногда Державинъ гостилъ, пріѣзжая сюда по дѣламъ или просто отдохнуть въ свободные дни; та же милая фрау Вильгельми, Елена Карловна, для которой Державинъ въ Малыковкѣ закупалъ муку (тамъ была дешевле). Впрочемъ, и перемѣны чувствуются: понемногу прилежные нѣмцы уже забываютъ бурные дни пугачевщины. Но Державину здѣсь всегда рады по прежнему; здѣсь берегутъ его уязвленное самолюбіе; здѣсь онъ среди друзей; иногда заходитъ почтенный Карлъ Вильмсенъ, простой колонистъ, но любитель наукъ и поэзіи.

Державинъ почти все время сталъ проводить въ Шафгаузенѣ.

Годъ назадъ онъ здѣсь началъ оду Екатеринѣ, но обрвалъ, — бросился на выручку Яицкаго городка (досадное воспоминаніе!). Потомъ, пораженный извѣстіемъ о смерти Бибикова, онъ здѣсь же взялся за другую оду — и тоже не кончилъ: было не до стиховъ.

Теперь, на досугѣ, онъ ихъ кончаетъ. Въ одѣ императрицѣ по прежнему больше словъ, чѣмъ мыслей. «На смерть Бибикова» удается лучше. Державинъ пишетъ по всѣмъ правиламъ одической строфы, но странная мысль приходитъ ему: въ знакъ скорби лишаетъ онъ оду риѣмы. Потомъ тяжело, точно топоромъ, отрубаетъ стопы; громоздитъ согласныя; ямбическій женскій стихъ кончаетъ спондеемъ. Многое еще не дается, онъ еще не вполне сознаетъ, что дѣлаетъ, собственныя влеченія неясны ему, но суровый, глухой, погребальный стихъ мѣстами звучитъ уже такъ, какъ раньше не звучалъ онъ ни у кого. Еще державинскій стихъ не найденъ, но это уже не ломоносовскій, и въ самой поэзіи Державина что то сдвинулось:

Не показать мое искусство,
Я здѣсь теперь пишу стихи,
И риѣмъ въ печальномъ слогѣ нѣтъ здѣсь...
Пускай о томъ и всѣ узнаютъ:
Я сдѣлалъ мавзолью симъ вѣчный
Изъ горькихъ слезъ моихъ тебѣ.

Верстахъ въ семи отъ колоніи, въ степи, тянется параллельно Волгѣ цѣпь песчаныхъ холмовъ. Рѣчка Вертуба проворно стекаетъ отсюда къ Волгѣ. Нѣмцы зовутъ ее *Wattbach*. Самый большой изъ холмовъ всего ближе къ Шафгаузену; онъ носитъ татарское имя — Читалагай. У подножія залегло болото, поросшее высокой травой вродѣ камыша. На самой горѣ, на ея плоскомъ песчаномъ темени, оберегая колонію отъ набѣговъ, еще недавно стояли пушки; Державинъ самъ ихъ привезъ сюда, самъ выбралъ мѣсто. Вотъ и просторный шанць, построенный четырёхугольникомъ; онъ совсѣмъ еще цѣль...

Въ мысляхъ Державина Читалагай связанъ съ книгой, недавно взятой у Вильмсена. На заглавномъ листѣ, безъ имени автора, стоитъ просто: «*Vermischte Gedichte*». Это — переведенные на нѣмецкій языкъ стихи Фридриха II. Ихъ французскій подлинникъ вышелъ тому назадъ лѣтъ пятнадцать, подъ болѣе многозначительнымъ заголовкомъ: «*Poésies diverses du philosophe de Sans-Souci*».

Дотолѣ ни одна книга не поражала Державина такъ, какъ эта. Здѣсь, подлѣ пустыннаго Читалагая, на пепелищѣ недавнихъ надеждъ, стоическія оды «безпечнаго философа» отвѣчаютъ чувствамъ Державина и помогаютъ ему разобраться въ мысляхъ. Въ этихъ стихахъ Державинъ находитъ и объясненіе своему настоящему, и суровые, но возвышенные девизы для будущаго. Его величество король прусскій, насмѣшникъ и острословъ, можетъ быть, усмѣхнулся бы, если бъ увидѣлъ восторженный пылъ дальняго своего поклонника. Но для Державина эти оды сейчасъ — евангеліе. Кто ихъ авторъ, онъ, кажется, еще и не знаетъ. Онъ выбираетъ изъ нихъ четыре и переводитъ, но съ такимъ жаромъ, какъ если бы творилъ самъ. Переводитъ прозою, потому что боится хоть чѣмъ-нибудь погрѣшить противъ подлинника.

«Жизнь есть сонъ. О Мовтерпій, дражайшій Мовтерпій, какъ мала есть наша жизнь!.. Лишь только ты родился, какъ уже рокъ дня того влечетъ тебя къ разрушающей ноши... Это вы, которые существуете на то, чтобъ исчезнуть, — это вы стараетесь о славѣ?.. Прочь, печали, утѣхи, и вы, любовныя восхищенія! я вижу нить дней моихъ уже въ рукахъ смерти. Имѣнія, достоинства, чести, власти, вы обманчивы и яко дымъ. Отъ единого взгляда истины исчезаетъ весь блескъ проходящей красоты вашей. Нѣтъ на свѣтѣ ничего надежнаго, даже и самыя наивеличайшія царства суть игральное непостоянство... Терзаемая безпрестанно хотѣніемъ и теряемая въ ничтожествѣ! Сей есть предѣлъ нашей жизни».

Удрученный горестями, Державинъ учится взирать на жизнь съ высоты. Онъ переводитъ другія оды, въ которыхъ рѣчь идетъ, какъ нарочно, о томъ, что его терзаетъ. Онъ пострадалъ отъ клеветы — и вотъ ода на клевету: «Я узнаю тебя по подлымъ изворотамъ лица твоего, варварское порожденіе зависти!..» Онъ наживаетъ сильныхъ враговъ, потому что ему не по нраву пресмыкаться и льстить, — вотъ «Ода на ласкательство»: «Оно, присѣдя непрестанно при подножіяхъ трона, ѳиміамомъ тщеты окружаетъ оный и упоеваетъ имъ мужей и царей великихъ. Личиною учтивости прикрывается пресмыкающаяся подлость лживыхъ его потаканій... Возстаньте изъ упіенія вашего, государи, князи, мудрецы и герои, и побѣдите слабость вашу, владычественныя лавры ваши дѣлающую поблеклыми. Мужайтесь, бодрствуйте противъ ласкателей и разбейте невѣрное зеркало, сокрывшее предъ вами правду»...

Но «Ода на постоянство», «Die Standhaftigkeit», душѣ его ближе всѣхъ. Многое въ ней примѣняетъ онъ къ своей участи — и извлекаетъ высокія правила для будущаго: «Во всѣхъ нашихъ участяхъ бѣды съ нами: я вижу Галилея въ узахъ, Медицисъ въ заточеніи и Карла на мѣстѣ лобномъ... Здѣсь похищенное у тебя счастье всзжигаетъ въ тебѣ отмищеніе; тамо неповинное твое сердце прободаютъ стрѣлы зависти; тутъ изнуряющая скорбь разливаетъ свои страхи на цвѣтущее твое здравіе Сегодня больна жена, завтра мать, или братъ, или смерть вѣрнаго друга, заставляють тебя проливать слезы... Итакъ, въ сму-

ценныхъ дняхъ, противу всѣхъ навѣтовъ твердость щить... Когда боязливая подлость исчезаетъ безъ надежды, тогда крѣпкій духъ мужаться долженъ... Чуждуся я Овидія: печалень, грустенъ, боязливъ и даже въ самой бѣдности ползающій льстець своего тирана не имѣетъ ничего мужественнаго въ сердцѣ своемъ. Должно ли заключить изъ его жалобъ, что кромѣ пышныхъ стѣнъ Рима нѣтъ нигдѣ надежды смертнымъ? Блаженъ бы онъ былъ, когда бы въ своемъ заключеніи, какъ Горацій, сказать могъ: «Счастье мое со мною!»... Велизарія я болѣе чту въ его презрѣнн и въ нищетѣ, нежели на лонѣ его благополучія... Сіе же опытъ совершенной добродѣтели, когда сердце въ жестокостяхъ рока растетъ и возвышается...»

Въ жизни каждаго поэта (если только не суждено ему остаться вѣчнымъ подражателемъ) бываетъ минута, когда полусознаніемъ, полуощущеніемъ (но безошибочнымъ) онъ вдругъ постигаетъ въ себѣ строй образовъ, мыслей, чувствъ, звуковъ, связанныхъ такъ, какъ дотолѣ они не связывались ни въ комъ. Его будущая поэзія вдругъ посылаетъ ему сигналъ. Онъ угадываетъ ее — не умомъ, скорѣй сердцемъ. Эта минута неизъяснима и трепетна, какъ зачатіе. Если ея не было — нельзя притворяться, будто она была: поэтъ или начинается ею, или не начинается вовсе. Послѣ нея все дальнѣйшее — лишь развитіе и вынашивание плода (оно требуетъ и ума, и терпѣнія, и любви).

Такая минута посѣтила Державина весною 1775 года. Начавъ переводомъ, Державинъ перешелъ къ творчеству. Онъ успѣлъ написать лишь двѣ оды — «На знатность» и «На великость». Въ нихъ есть явные отголоски одъ Фридриховыхъ, но сильнѣй отголосковъ — собственный голосъ Державина. Въ зеркалѣ, поднесенномъ рукою Фридриха, Державинъ впервые увидѣлъ свое лицо. Новые, дерзкія мысли, пробудясь, повлекли за собою рѣзкіе образы и новые, неслыханные дотолѣ звуки. Державинъ впервые нащупалъ въ себѣ два свойства, два дара, ему присущихъ — гиперболизмъ и грубость, и съ этого мига, быть можетъ, не сознавая того, что дѣлаетъ, — началъ въ себѣ ихъ вынашивать, обрабатывать. Эти двѣ оды — первые, тяжкіе камни, которые, въ жару вдохно-

венія и въ трудовомъ потѣ, надрываясь, вскатилъ онъ на темя Читалагая — для своего памятника. То срываясь и падая, то достигая совершеннѣйшей точности, то дико косноязычествуя, Державинъ карабкается на свой Парнасъ. Можно сказать — беретъ его приступомъ. Сила его родится отъ гнѣва и добродѣтели. Берегитесь теперь, вельможи, — Панины и Потемкины:

Не той здѣсь пышности одеждъ,
Царей и куколь что равняетъ,
Наружнымъ видомъ отъ невѣждъ
Что имя знати получаетъ,
Я строю гусли и тимпанъ;
Не ты, сидящій за кристалломъ,
Въ кивотѣ, блещущій металломъ,
Почтенъ здѣсь будешь мной, болванъ!

На стогнъ поставленъ, на позоръ,
Кумиръ безумну чернь прельщаетъ;
Но чей въ него проникнетъ взоръ —
Кромѣ пустотъ не ощущаетъ.
Се образъ ложныя молвы,
Се образъ грязи позлащенной!
Внемлите, князи всей вселенной:
Статуи, безъ достоинствъ вы!..

Другую оду онъ начинаетъ темными, но величественными словами, въ которыхъ призываетъ къ себѣ Великость: величіе духа. Онъ хочетъ, чтобы она вдохновила его поэзію, и самъ несетъ ей свои обѣты.

Живущая въ кругахъ небесъ
У Существа существъ всѣхъ сущихъ,
Кто свѣтъ изъ вѣчной тьмы вознесъ
И твердь воздвигъ изъ безднъ борющихся,
Дщерь мудрости, душа боговъ!
На гласъ моей звенящей лиры
Оставь гремящіе эиры
И стань среди моихъ стиховъ!

.....

Свѣтила красныя небесъ,
Теперь ко мнѣ не наклоняйтесь;
Дубравы, птицы, звѣри, лѣсъ,
Теперь на гласъ мой не собирайтесь:
Для васъ высокъ сей пѣсни тонъ.
Народы! васъ къ себѣ собираю,
Великость вамъ внушать желаю,
И вы, цари! оставьте тронъ.

.....

Высокій духъ чрезъ все высокъ,
Всегда онъ твердъ, что ни случится:
На западъ, югъ, полнощъ, востокъ
Готовъ онъ въ правдѣ ополчиться.
Пускай самъ Богъ ему грозитъ,
Хотя въ пыли, хотъ на престолѣ,
Въ благой своей онъ крѣпокъ волѣ
И въ ней по смерть, какъ холмъ, стоитъ.

Въ такихъ мысляхъ онъ прожилъ почти три мѣсяца. Внезапно всѣмъ офицерамъ гвардіи приказано было явиться въ Москву: Екатерина торжественно объявила миръ съ Турціей. Со своихъ высотъ Державинъ спустился на землю и опрометью кинулся въ Москву. Участъ его должна была тамъ рѣшиться. Завѣтную нѣмецкую книгу онъ второпяхъ забылъ вернуть собственнику. Потомъ, по дорогѣ, оставилъ ее въ Казани. А черезъ девяносто лѣтъ почтенный ученый купилъ ее тамъ же на рынкѣ, совсѣмъ истрепанную. На заглавномъ листѣ, стариннымъ почеркомъ, было выведено: Karl Wilmsen.

*
**

Кн. Щербатовъ, не тотъ, что временно послѣ смерти Бибикова былъ главнокомандующимъ, а другой, герольдмейстеръ Сената, извѣстный историческими своими трудами, до такой степени спѣшилъ познакомиться съ Державинимъ, что написалъ свѣжскому воеводѣ Чирикову письмо: «Когда будетъ проѣзжать мимо васъ нѣкто гвардіи офицеръ Державинъ, находящійся теперь въ вашемъ

краю, то скажите ему отъ меня, чтобъ увидѣлся со мною въ домѣ моемъ, когда прїѣдетъ въ Москву».

Такое странное приглашеніе удивило Державина, но и возбудило въ немъ сильную надежду прїобрѣсти покровительство этого высоко стоящаго человѣка. Державинъ рѣшилъ побывать у Щербатова непременно.

Посѣщеніе, однако же, пришлось отложить. Начальство въ Преображенскомъ полку смѣнилось. Державинъ былъ встрѣченъ безъ всякаго вниманія. Велѣно было просто числить его при полку, словно вернулся онъ изъ отпуска. Это крайне его уязвило. Командовалъ полкомъ теперь графъ Григорій Александровичъ Потемкинъ, фаворитъ. Безъ покровителей добиться его вниманія казалось невысказанно. Державинъ въ тотъ же день бросился къ Голицыну и къ другимъ генераламъ, которые нѣкогда обѣщали представить его даже «прямо къ высочайшему престолу». Куда тамъ! Теперь усмирители Пугачева и побѣдители турокъ рвали чины и награды изъ рукъ другъ у друга. Хлопотать за Державина — того и гляди, что свое упустишь. Отъ него отвернулись. Тутъ бы и обратиться за помощію къ Щербатову.

Но на другой день нарядили Державина въ дворцовый караулъ. Преображенцы были одѣты въ новую щегольскую форму, по вкусу Потемкина. Выстроились передъ дворцомъ. Самъ фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ явился въ окнѣ, вмѣстѣ съ Потемкинымъ, который хотѣлъ передъ нимъ похвастаться. Рота должна была проходить повзводно. Державинъ скомандовалъ:

— Лѣвый стой, правый заходи!

Вмѣсто блестящаго захожденія вышло одно замѣшательство: солдаты не знали, что дѣлать, потому что безъ Державина введена была новая команда — «вправо заходи». Потемкинъ разсвирѣпѣлъ и приказалъ, когда полкъ выступитъ на Ходынку въ лагерь, нарядить Державина въ палочный караулъ. «Сіе наипаче поразило честолюбивую его душу». Давно ли ввѣрено было ему важное порученіе? Давно ли черезъ свои сообщенія двигалъ онъ корпусами? Давно ли хозяйничалъ въ казначействахъ, соперничалъ съ губернаторами, наводилъ ужась и караль смертію? А

теперь, безъ всякаго уваженія, поставленъ въ палки, какъ негодяй.

Внезапно надъ головой Державина разразилась еще одна буря. Два года тому назадъ, живя въ деревянныхъ покойчикахъ госпожи Удоловой и вода веселую дружбу съ поручикомъ Масловымъ, онъ по пріятельству поручился за вертопраха въ Дворянскомъ банкѣ. Въ два года Масловъ совсѣмъ замотался, бѣжалъ въ Сибирь и тамъ скрылся. Теперь съ Державина требовали весь банковскій долгъ. Сверхъ того, такъ какъ онъ, не имѣя собственной недвижимости, не имѣлъ права ручаться за Маслова, то его привлекли за подложное ручательство, а денежное взысканіе было обращено на имѣніе его матери. Для старухи это былъ жесточайшій ударъ: все, что она съ такимъ трудомъ собирала больше двадцати лѣтъ, теперь должно было пойти прахомъ. Добыть нужную сумму изъ деревенскихъ доходовъ не было никакой надежды. Правительственная войска, шедшія на выручку Оренбурга, въ числѣ 40.000 подводъ, въ двѣ недѣли разорили державинскія земли до тла, солдаты съѣли весь хлѣбъ, забрали солому и сѣно, уничтожили скоть и птицу, пожгли дворы и обобрали крестьянъ до нитки, отнявъ одежду и все имущество. За все это съ казны причиталось Державинымъ тысячь двадцать пять, но Голицынъ, въ рукахъ котораго находилось дѣло, насилу-то согласился выдать квитанцію на семь тысячь. Словомъ, бѣда шла со всѣхъ сторонъ. Только награда за дѣйствія противъ Пугачева могла бы спасти Державина. Теперь надобно было ея добиваться не изъ тщеславія (хоть и тщеславіе было больно уколото) — но ради пропитанія. Вся надежда была на Щербатова. Державинъ къ нему поѣхалъ.

Историкъ принялъ его наипрїятнѣйшимъ образомъ. Тотчасъ объяснилось и особенное желаніе князя съ нимъ познакомиться. вмѣстѣ съ другими бумагами, относящимися къ пугачевщинѣ, получилъ Щербатовъ отъ государыни державинскія реляціи. Историки жадны до документовъ. Щербатовъ смекнулъ, что у Державина должно быть еще не мало любопытныхъ бумагъ и свѣдѣній; разсыпался въ любезностяхъ; предлагалъ даже нѣсколько покоевъ у себя въ домѣ; не скупился на похвалы.

— Но при всемъ томъ, — прибавилъ онъ, — вы несчастны. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ — страшный вашъ гонитель. При мнѣ у императрицы за столомъ описывалъ онъ васъ весьма черными красками, называя васъ дерзкимъ, коварнымъ и тому подобное.

Теперь Державинъ окончательно понялъ, откуда идутъ на него напасти. Онъ сказалъ князю:

— Когда ваше сіятельство столько ко мнѣ милостивы, что откровенно наименовали мнѣ моего недоброхота, толь сильнаго человѣка, то покажите мнѣ способы оправдать меня противъ онаго въ мысляхъ моей всемилостивѣйшей государыни.

— Нѣтъ, сударь, — отвѣтилъ Щербатовъ, — я не въ силахъ подать вамъ какой-либо помощи; графъ Панинъ нынѣ при дворѣ въ великой силѣ, и я ему противоборствовать никакъ не могу.

— Что же мнѣ дѣлать? — въ отчаяніи воскликнулъ Державинъ.

— Что вамъ угодно. Я только вамъ искренній добροжелатель.

На этомъ они разстались. Послѣдняя опора рушилась. Пріѣхавъ на квартиру, Державинъ захлопнулъ ставни, сѣлъ, задумался, крутя брови его сдвинулись къ переносицѣ, пухлыя щеки вздулись, углы широкаго рта растянулись еще болѣе и поползли къ низу, тяжелый носъ покраснѣлъ... Лейбъ-гвардіи поручикъ, усмиритель Пугачева, авторъ стоическихъ одъ сидѣлъ въ темнотѣ и плакалъ.

*
**

Екатерина купила у князя Кантемира подмосковную деревню Черныя Грязи (что впослѣдствіи стала селомъ Царицынымъ). Здѣсь, въ маленькомъ домикѣ о шести всего комнатахъ, уединялась она съ Потемкинымъ. Утромъ 11 іюля графъ сидѣлъ у себя въ уборной; его причесывали. За дверью дежурилъ камеръ-лакей. Но вотъ слышался гнѣвный говоръ, лакей отлетѣлъ въ сторону, гвардейскій офицеръ вошелъ въ комнату и подалъ письмо, въ которомъ его заслуги и бѣдствія были перечисле-

ны: «Вотъ обстоятельства подъ команду вашего сіятельства служащаго офицера. Для чего я обиженъ предъ ровными мнѣ? Дайте руку помощи и дайте прославленіе имени вашему. Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій и послушнѣйшій слуга Гавріиль Державинъ». Такъ заканчивалось письмо.

Прочитавъ, Потемкинъ сказалъ, что доложить государынѣ. Прошло нѣсколько дней, и Державинъ узналъ, что приказано его наградить, а какъ — онъ узнаетъ въ Преображеніе, 6 августа (это былъ день полкового праздника). 6 августа наступило. Офицеры были приглашены на Черныя Грязи къ обѣду, императрица присутствовала. Державинъ все ждалъ, когда будетъ объявлено объ его награжденіи, — да и не дождался. Потерпѣвъ еще сколько то, вновь явился къ Потемкину. Но, завидѣвъ его, вельможа вскочилъ съ досадою — и вышелъ вонъ.

Послѣднія деньги межъ тѣмъ подходили къ концу. Масловскій долгъ висѣлъ надъ душой. Державинъ со дня на день ждалъ, что его потянутъ въ судъ. Кромѣ голицынской квитанціи на полученіе семи тысячъ, у него не было ничего. Но чтобы получить эти деньги, надо было ѣхать въ Петербургъ. Державинъ туда отправился, надѣясь кстати похлопотать: нельзя ли добиться какихъ-нибудь облегченій по масловскому дѣлу?

Въ Петербургѣ выяснилось, что единственная для него надежда — попридержать ходъ дѣла, покуда прійдетъ обѣщанная награда. Державинъ сталъ обивать судейскіе пороги. Время шло, полученныя семь тысячъ таяли. За время пугачевщины онъ совсѣмъ обносился и растерялъ все добро свое. Пришлось обзаводиться платьемъ, бѣльемъ, экипажемъ. Въ отчаяніи, Державинъ еще разъ писалъ Потемкину — на сей разъ отвѣта не было вовсе.

Къ серединѣ октября, за уплатою нѣкоторыхъ долговъ, осталось всего пятьдесятъ рублей. Какъ ихъ употребить? Не видно было другого выхода, какъ только искать счастья старымъ способомъ. Семеновскаго полка капитанъ Жедринскій держалъ нѣчто вродѣ игорнаго дома. Державинъ туда поѣхалъ и въ первый же вечеръ вы-

игралъ тысячъ восемь. Затѣмъ, развивая игру, онъ въ нѣсколько дней оказался обладателемъ цѣлыхъ сорока тысячъ. Фортуна ему доплатила то, что не додано было отечествомъ.

Половина выигрыша тотчасъ же пошла на покрытие масловскаго долга. Этотъ камень, наконецъ, свалился съ души Державина. Однако, будущее не сулило ничего добраго. Державинъ очутился въ обстоятельствахъ худшихъ, нежели тѣ, отъ которыхъ нѣкогда кинулся онъ на усмиреніе Пугачева. Имѣнія были разорены, госпожи Удоловой съ ея уютными покойчиками ужъ не было, среди полковаго начальства друзья смѣнились недругами.

Время шло. Потемкинъ успѣлъ впасть въ немилость, проблисталъ Завадовскій и вновь укрѣпился Потемкинъ. Смѣнялись фавориты и фавориты фаворитовъ. Дворъ и полкъ давно уже вернулись въ столицу. Изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, перебиваясь единственно карточною игрой (она была уже не такъ счастлива, какъ въ началѣ), Державинъ жилъ въ полномъ невѣдѣніи дальнѣйшей судьбы своей. Полкъ ему опротивѣлъ. Теперь онъ хотѣлъ немногаго: чтобы его выпустили въ армію полковникомъ и наградили хотя бы такъ, какъ были награждены другіе офицеры изъ секретной комиссіи (заслуги его были, конечно, выше). Надежда то разгоралась, то меркла. Всѣ справедливости плясали. На ихъ шаткую чашу одно за другимъ Державинъ подкидывалъ письма, прошенія, къ самой даже императрицѣ, — все было тщетно. Его судьба зависѣла отъ Потемкина. Тому было въ сущности все равно, онъ былъ готовъ согласиться, но враги Державина его удерживали. Особенно старался нѣкій маіоръ Толстой, съ которымъ Державинъ поссорился тому назадъ года три.

Все это тянулось долго и завершилось, наконецъ, тѣмъ, что Державина, прослужившаго въ гвардіи пятнадцать лѣтъ, указомъ 15 февраля 1777 года выпустили не въ армію, а въ статскую службу, объявивъ его неспособнымъ къ военной. Онъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и 300 душъ въ Бѣлоруссіи, въ Себежскомъ уѣздѣ, — ничто по сравненію съ наградами, которыя были розданы другимъ офицерамъ, служившимъ хуже Державина и сдѣлавшимъ меньше.

На этомъ закончилась для него пугачевщина. Какъ далека была теперь та пора, когда впервые являлся онъ къ Бибикову, мечтая устроить свою будущность!.. Сражаясь на сторонѣ побѣдителей, Державинъ вышелъ изъ борьбы побѣжденнымъ.

IV.

Это была, пожалуй, самая веселая пора екатерининскаго царствованія. Минувшія войны были побѣдоносны, значеніе Россіи возросло, осыпанное милостями дворянство приходило въ себя послѣ ужасовъ пугачевщины, даже въ царской семьѣ, казалось, расцвѣталъ миръ: овдовѣвшій великій князь вступилъ въ новый бракъ, и вторая супруга на время сблизила его съ матерью. Дворъ и Петербургъ жили занятою и кипучей жизнью, въ которой великолѣпіе мѣшалось съ убожествомъ, изысканность съ грубостью; шестерка лошадей насилу вытаскивала золоченую карету изъ уличной грязи; фрейлины разыгрывали пасторали на эрмитажныхъ собраніяхъ — случалось, что послѣ того ихъ сѣкли; вельможи собирали картины, бронзу, фарфоръ, отвѣшивали другъ другу версальскіе поклоны и обмѣнивались оплеухами; императрица переписывалась съ Гриммомъ — Митрофанъ Простаковъ не хотѣлъ учиться, хотѣлъ жениться; вистъ, фараонъ и макао процвѣтали вездѣ — отъ дворца до лачуги.

Полученныя земли Державинъ заложилъ въ банкѣ; это не обезпечивало его будущности, но, вмѣстѣ съ карточной игрой, давало возможность существовать пристойно, въ ожиданіи лучшаго. Найти службу значило прежде всего найти пріятелей. Державинъ сталъ возобновлять былыя знакомства и искать новыхъ. Служба должна была быть штатская; мундиры вокругъ Державина постепенно смѣнялись бархатными кафтанами.

Трудная молодость сдѣлала его отчасти скрытнымъ и замкнутымъ; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ умѣлъ быть пріятнымъ. У Алексѣя Петровича Мельгунова, на Мельгуновскомъ тѣнистомъ островѣ (томъ, что впоследствии перешелъ къ

Елагину, оберъ-гофмейстеру), на пикникахъ, средь умной и просвѣщенной бесѣды, онъ былъ занимателенъ. Масоны изъ мельгуновскихъ друзей звали его въ свою ложу, но онъ воздержался. Онъ былъ свой человѣкъ и на пышныхъ пиршествахъ кн. Мещерскаго съ генераломъ Перфильевымъ, и среди людей не столь знатныхъ, тамъ, гдѣ попросту пѣнилась старая серебряная кружка, налитая пополамъ русскимъ и англійскимъ пивомъ (въ пиво сыпались гренки и лимонная корка). Женщины, чаще всего — доступныя участницы холостыхъ пирушекъ, находили въ немъ предприимчиваго и веселаго поклонника. Между возлюбленными, какъ между винами, не имѣлъ онъ особыхъ пристрастій: любилъ всѣхъ равно:

Вотъ красно-розово вино:
За здравье выпьемъ женъ румяныхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ багряныхъ!
Ты тожъ, румяна, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ черно-тинтово вино:
За здравье выпьемъ чернобровыхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ лиловыхъ!
Ты тожъ, смуглянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ злато-кипрское вино:
За здравье выпьемъ свѣтловласыхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ прекрасныхъ!
Ты тожъ, бѣлянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!..

Братья Окуневы, у которыхъ пять лѣтъ тому назадъ, выйдя въ прапорщики, приобрѣлъ онъ въ долгъ первую

свою карету, теперь ввели его въ домъ князя Вяземскаго. Это было знакомство особой важности: князь Александръ Алексѣевичъ былъ Андреевскій кавалеръ и генераль-прокуроръ Сената, т. е., приблизительно, совмѣщаль должности министра финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Возвышеніемъ онъ обязанъ былъ своей глупости: поручая ему веденіе важныхъ дѣлъ, Екатерина могла быть спокойна, что никому не прійдетъ въ голову приписывать Вяземскому ея собственныя заслуги. Впрочемъ, рекомендованный государынѣ еще Орловыми, Вяземскій умѣлъ быть отличнымъ служакой; угождая государынѣ, не забывалъ и себя, т. е. воровалъ, но въ мѣру; былъ неразборчивъ въ средствахъ и дѣятеленъ, потому что завистливъ. Онъ жилъ на Малой Садовой въ собственномъ домѣ, гдѣ кстати помѣщалась и тайная канцелярія; иногда онъ лично присутствовалъ при допросахъ. Никто его не любилъ, но всѣ у него бывали: какъ не бывать у генераль-прокурора? Ему было пятьдесятъ лѣтъ. Жена его, урожденная княжна Трубецкая, была значительно моложе своего супруга и старалась придать дому нѣкоторую пріятность.

Ища покровительства Вяземскихъ, Державинъ поставилъ ихъ очаровать и скоро того достигъ. Онъ сталъ проводить у нихъ цѣлые дни, сдѣлался своимъ человѣкомъ; иногда читалъ князю вслухъ, «большею частію романы, за которыми не рѣдко и чтець, и слушатель дремали»: Вяземскій — потому, что именно такъ и смотрѣлъ на литературу, какъ на снотворное средство, а Державинъ — по врожденной сонливости (при всей кипучести своего характера онъ обладалъ страннымъ свойствомъ: порою, даже среди оживленной бесѣды, сонъ внезапно его охватывалъ). Вечерами играли въ вистъ; эта игра не давалась Державину; къ счастью, въ то время, какъ другіе вельможи игравали на брилліанты, черпая ихъ изъ шкатулки ложкою, у Вяземскихъ игра шла по самой маленькой (хозяинъ дома былъ скупъ). Что касается княгини, то Державинъ порою сочинялъ отъ ея имени стихи, обращенные къ супругу, «хотя насчетъ ея страсти и привязанности къ нему не весьма справедливыя, ибо они знали модное искусство давать другъ другу свободу». Княгиня была къ Державину столь благосклонна, что даже хотѣла выдать за него свою

двоюродную сестру, княжну Урусову, славную стихотворицу того времени, — но Державинъ отшутился. (Княжна такъ и осталась старою дѣвой).

Послѣ всего этого не покажется удивительно, что лѣто 1777 года Державинъ провелъ въ имѣніи Вяземскихъ, подѣ Петербургомъ. Наконецъ, въ августѣ мѣсяцѣ открылась въ Сенатѣ вакансія, и Державинъ назначенъ былъ экзекуторомъ I-го департамента (государственныхъ доходовъ).

Должность была довольно видная, но требовала не малыхъ трудовъ. Отношенія съ сослуживцами тотчасъ сложились отличныя: главнымъ начальникомъ былъ кн. Вяземскій, а ближайшимъ и непосредственнымъ — оберъ-прокуроръ I-го департамента Резановъ, съ всею семьей котораго Державинъ давно былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Точно такъ же онъ и раньше знакомъ былъ, а теперь сошелся короче съ оберъ-секретаремъ Александромъ Васильевичемъ Храповицкимъ. Это былъ толстый, веселый человѣкъ, не лишенный лукавства, любившій наблюдать молча, но умѣвшій порою сказать словцо острое и пронизательное. Въ юности подавалъ онъ поэтическія надежды, но лиру почти забросилъ. Однако, усердно вписывалъ въ особую книгу вольные стихи, написанные другими. Вообще любилъ собирать документы, записки, письма, велъ дневники. Въ немъ дремалъ историкъ.

Козодавлевъ, Осипъ Петровичъ, такой же экзекуторъ, какъ и Державинъ, но во 2-мъ департаментѣ, былъ умомъ куда проще; за то въ свое время учился въ Лейпцигскомъ университетѣ, переводилъ съ нѣмецкаго и самъ баловался стишками (впрочемъ — кто ими не баловался?). Очень былъ юркій и обязательный человѣкъ. Вскорѣ послѣ начала ихъ знакомства, 30 августа, въ день Александра Невского, Державинъ былъ приглашенъ къ Козодавлеву смотрѣть изъ окна крестный ходъ. Были и другіе гости, среди которыхъ одна дѣвица особенно привлекала вниманіе. Было ей лѣтъ семнадцать. Черные, какъ смоль, волосы, острый, съ легкой горбинкою носъ, изъ-подъ черныхъ бровей — огненные глаза на нѣсколько блѣдномъ, словно не русскомъ, слегка бронзовато-оливковомъ лицѣ, — все

изумило Державина. Она была съ матерью. Державинъ освѣдомился о фамилии. Бастидоновы былъ отвѣтъ. Державинъ уѣхалъ. Смуглая красавица не выходила у него изъ памяти. Зимой онъ встрѣтилъ ее въ театрѣ, — и вновь она поразила его.

23 февраля, на масляной недѣлѣ въ пятницу, младшій изъ братьевъ Окуневыхъ, бывъ на конскомъ бѣгу, изъ-за чего-то поссорился съ Храповицкимъ. Дошло до того, что они ударили другъ друга хлыстиками и порѣшили быть поединку. Храповицкій объявилъ своимъ секундантомъ младшаго сенатскаго секретаря Александра Семеновича Хвостова. (Хвостовъ тоже писалъ стихи, и двадцатилѣтній братецъ его двоюродный, Дмитрій Ивановичъ, тоже писалъ, да такъ плохо, что ужъ тогда смѣялись). Окуневъ же прискакалъ къ Державину, въ свою очередь прося быть секундантомъ. Державину эта просьба не улыбалась: онъ боялся испортить отношенія съ Храповицкимъ. Какъ быть? Онъ далъ Окуневу согласіе, но при условіи, что напередъ посоветуется съ Резановымъ: если Резановъ не посмотритъ косо — Державинъ будетъ секундантомъ, въ противномъ же случаѣ вмѣсто себя приведетъ Гасвицкаго, того самаго офицера, котораго нѣкогда въ Москвѣ спасъ отъ шулеровъ. Въ согласіи Гасвицкаго онъ не сомнѣвался.

На томъ и порѣшили. Державинъ поѣхалъ къ Резанову, но не засталъ дома: сказали, что онъ на Васильевскомъ островѣ, у герольдмейстера Тредьяковскаго на блинахъ. (Это былъ Левъ Васильевичъ Тредьяковскій, сынъ покойнаго поэта). Дѣлать нечего, отправился Державинъ на Васильевскій островъ. Наступилъ уже вечеръ, обѣдъ кончился, гости разѣзжались. Запорошенный снѣгомъ, Державинъ вбѣжалъ въ переднюю, — тамъ, возлѣ матери, въ ожиданіи своей кареты стояла она!

Встрѣча была мгновенна. Черезъ минуту красавица уже не было, но послѣ того съ Резановымъ говорилъ Державинъ торопливо и безтолково — то о дуэли, то о дѣвицѣ Бастидоновой. Вдругъ объявилъ, что готовъ жениться. Резановъ смѣялся, не понимая, шутитъ онъ или говорить правду. Отъ секундантства совѣтовалъ по возможно-

сти уклониться, напомнивъ, что Храповицкій — любимецъ Вяземскаго.

Тогда Державинъ поѣхалъ звать Гасвицкаго, но и того не засталъ. Все еще думая о черноокой дѣвицѣ, оставилъ записку; изложилъ дѣло, сообщилъ, что дуэль состоится завтра, въ такомъ-то часу, въ лѣсу подь Екатерингофомъ, просилъ пріѣхать. Потомъ, наконецъ, вернулся домой, велѣлъ подать свѣчи, припомнилъ весь этотъ странный и суетливый день и уснулъ влюбленнымъ безповоротно.

Въ субботу поутру, не имѣя отвѣта отъ Гасвицкаго, пришлось Державину ѣхать въ Екатерингофъ. Тамъ всѣ уже были въ сборѣ. Направились къ лѣсу. По дорогѣ Державинъ старался примирить противниковъ, и это ему легко удалось, ибо отважными забіяками они не были. Пока добрались до назначеннаго мѣста, враги уже цѣловались. Хвостовъ, однако, сказалъ, что должно бы имъ хоть для вида поцарапаться, чтобы не было стыдно. Державинъ возразилъ: если противники помирились безъ боя, никакого въ томъ стыда нѣтъ. Хвостовъ началъ спорить, Державинъ вспылить, и слово за слово, дошло до того, что горячіе секунданты схватились за оружіе. По поясъ въ снѣгу, они уже обнажили шпаги и стали въ позитуру. Въ самое это мгновеніе, весь красный отъ спѣшки и оттого, что былъ прямо изъ бани, явился Гасвицкій. Бросившись между Державинимъ и Хвостовымъ, онъ пресѣкъ битву. Тогда всей компаніей отправились въ трактиръ, выпили кто чаю, кто пуншу и отпраздновали общее примиреніе.

Межъ тѣмъ, красавица все предносилась воображенію Державина. Ъдучи домой съ Гасвицкимъ, онъ ему открылся. На другой день, въ прощенное воскресенье, былъ при дворѣ большой маскарадъ. Влюбленный явился на немъ вмѣстѣ съ наперсникомъ, оба въ маскахъ. Гасвицкому предстояло взглянуть на дѣвицу безпристрастными дружескими глазами. Державинъ тотчасъ увидѣлъ ее въ толпѣ и громко воскликнулъ:

— Вотъ она!

И мать, и дочь обернулись и поглядѣли пристально. Во весь маскарадъ, слѣдуя по пятамъ за ними, кавалеры наши старались примѣтить поведеніе молодой красавицы, съ кѣмъ и какъ она обращается. «Увидѣли знакомство сте-

пенное и поступь дѣвушки во всякомъ случаѣ скромную, такъ что при малѣйшемъ пристальномъ на нее незнакомомъ взглядѣ лицо ея покрывалось милою, розовою стыдливостію. Вздохи уже вырывались изъ груди улыбавагося экзекутора». Наперсникъ вполнѣ имъ сочувствовалъ. Тутъ же примѣрно подсчитали державинскіе достатки, и рѣшено было свататься.

Восторговъ своихъ Державинъ не скрылъ и отъ прочихъ друзей, бывшихъ на маскарадѣ. Такъ что на слѣдующій день, въ чистый понедѣльникъ, за обѣдомъ у Вяземскихъ, надъ Державинымъ стали уже подтрунивать за вчерашнія маскарадныя шашни. Вяземскій спросилъ:

— Кто такая красавица, которая столь скоропостижно плѣнила?

Державинъ назвалъ фамилію. Это не понравилось управляющему ассигнаціоннымъ банкомъ дѣйствительному статскому совѣтнику Кирилову, который присутствовалъ на обѣдѣ. Когда встали изъ-за стола, онъ отвелъ Державина въ сторону:

— Слушай, братецъ, не хорошо шутить на счетъ честнаго семейства. Сей домъ мнѣ коротко знакомъ; покойный отецъ дѣвушки, о коей рѣчь идетъ, мнѣ былъ другъ, да и мать ея тоже мнѣ пріятельница; то шутить при мнѣ на счетъ сей дѣвицы я тебѣ не позволю.

— Да я не шучу, я поистинѣ смертельно влюбленъ.

— Когда такъ, что ты хочешь дѣлать?

— Искать знакомства и свататься.

— Я тебѣ могу симъ служить.

Положено было завтра же ввечеру, будто ненарочно, заѣхать въ домъ Бастидоновой.

*
**

Великій князь Павелъ Петровичъ родился 20 сентября 1754 года. Тотчасъ послѣ того, какъ духовникомъ ихъ высочествъ была прочтена очистительная молитва, императрица Елисавета Петровна явилась въ спальню великой княгини и забрала младенца къ себѣ. Съ этой минуты мать почти не видала его и всюю душою разъ навсегда возненавидѣла мамушекъ и нянюшекъ, попеченію коихъ онъ

былъ врученъ. Первое мѣсто среди этихъ женщинъ естественно занимала кормилица, по имени Матрена Дмитріевна. Ея тогдашняя фамилія до насъ не сохранилась. Вскорѣ, впрочемъ, она овдовѣла, а въ 1757 году вступила во второй бракъ. Избранникомъ ея сердца былъ Яковъ Бенедиктъ Бастидонъ, родомъ португалець, въ Россію пріѣхавшій изъ Голштиніи: Петръ III, тогда еще великій князь, привезъ его въ качествѣ своего камердинера. Отъ Бастидона — въ Россіи звали его Бастидоновымъ — у Матрены Дмитріевны было четверо дѣтей: сынъ и три дочери. Изъ нихъ семнадцатилѣтняя Екатерина Яковлевна и была та самая, что покорила сердце Державина.

Къ тому времени, когда произошла эта знаменательная встрѣча, самого Якова Бастидона уже не было на свѣтѣ: Матрена Дмитріевна овдовѣла вторично. Была она женщина многоопытная, пронырливая и жадная, но обстоятельства ея выходили довольно трудны. Дѣтямъ она старалась дать пристойное воспитаніе, дочерей надо было одѣть и вывезти, а покойный мужъ большихъ средствъ не оставилъ. Давно миновали счастливыя времена, когда сама Елисавета Петровна наряжала Матрену Дмитріевну къ вѣнцу, когда на свадьбѣ гремѣла придворная музыка, и государыня изволила танцовать. О милостяхъ нынѣшней императрицы нечего было думать: Екатерина, какъ сказано, терпѣть не могла Бастидонику. Отъ великаго князя Павла Петровича помощи тоже не было: выкормышь Матрены Дмитріевны самъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Поэтому семья жила по мѣщански, скромно, почти бѣдно, въ собственномъ, но не большомъ домѣ у церкви Вознесенія.

27 февраля, во вторникъ на первой недѣлѣ великаго поста, вечеромъ, подѣхали къ этому дому Кириловъ съ Державинымъ. Гостей въ такой день не ждали. Босая дѣвка съ сальной свѣчей въ мѣдномъ подсвѣчникѣ встрѣтила ихъ въ сѣняхъ. Кириловъ объявилъ хозяйкама, что проѣзжая мимо съ пріятелемъ, захотѣлось ему напитокъ чаю. Тутъ онъ представилъ Державина. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей сѣли. Та же босая дѣвка подала чай. Часа два провели въ общежительномъ разговорѣ. Сестры красавицы хохотали и говорили много, пускаясь въ хит-

рые пересуды, чтобы выказать острогу свою и умѣніе жить въ большомъ свѣтѣ. Катенька же сидѣла тихо, вязала чулокъ и вмѣшивалась въ бесѣду съ великою скромностію, разсудительно и пристойно. Влюбленный не только «жадными очами пожиралъ всѣ пріятности, его обворожившія», но и старался примѣтить все — отъ разговора до утвари. Заключилъ, наконецъ, что люди не богатые, но честные, благочестивы нравомъ и опрятны въ одеждѣ. Откланиваясь, новый знакомый просилъ позволенія и впредь быть къ нимъ въѣзжу.

На другой день Кириловъ явился къ Матренѣ Дмитріевнѣ и отъ имени Державина сдѣлалъ настоятельное предложеніе. Мать отвѣчала, что сразу не можетъ рѣшиться и просила дать нѣсколько дней сроку, чтобъ развѣдать о женихѣ. Но Державину, разумѣется, нетерпѣлось. Въ Сенатѣ служилъ еще одинъ знакомый Бастидоновыхъ, нѣкто Яворскій. Державинъ просилъ и его подкрѣпить сдѣланное предложеніе. Яворскій пообѣщалъ.

Межъ тѣмъ, влюбленный сталъ часто ѣздить предъ домою любезной особы. Это входило въ правила ухаживанія. Катенька, со своей стороны, полюбила сиживать у окна. Вскорѣ послѣ бесѣды съ Яворскимъ Державинъ выслѣдилъ такой часъ, когда матери дома не было, и рѣшился заѣхать. Хотѣлось ему узнать мысли самой невѣсты. Вошедъ, онъ по обыкновенію поцѣловалъ руку и сѣлъ рядомъ съ Катенькой. Затѣмъ просто, безъ обиняковъ, спросилъ, извѣстна ль она объ исканіи его.

— Матушка сказывала, — былъ отвѣтъ.

— Что жъ вы думаете?

— Отъ нея зависить.

— Но если бъ отъ васъ, могу ли я надѣяться?

— Вы мнѣ не противны, — сказала красавица вполголоса и покраснѣлась.

Тогда онъ бросился на колѣни и сталъ цѣловать ея руки. Тутъ, какъ въ доброй старой комедіи, открылась дверь, и вошелъ Яворскій.

— Ба, ба! и безъ меня дѣло обошлось! — вскричалъ онъ. — Гдѣ матушка?

— Она поѣхала развѣдать о Гаврилѣ Романычѣ.

— О чемъ развѣдывать? я его знаю, да и вы, какъ вижу, рѣшили въ его пользу. То, кажется, дѣло и сдѣлано.

Вскорѣ вернулась Матрена Дмитриевна. Среди объятій, слезъ, поцѣлуевъ Державинъ съ Катенькой были помолвлены. Госпожа Бастидонова все-таки объявила, что для окончательнаго сговора нужно соизволеніе великаго князя, который, какъ молочный братъ Катеньки, почитался ея покровителемъ. Само собой, дѣло шло не столько о соизволеніи, сколько о помощи въ разсужденіи приданого. Черезъ нѣсколько дней Державинъ съ будущей тещей предстали передъ наслѣдникомъ. Чувствительный и уязвленный Павелъ Петровичъ сердечно радовался каждому знаку вниманія. Онъ принялъ гостей въ кабинетъ, говорилъ съ ними долго, обласкалъ чрезвычайно и отпустилъ, обѣщавъ хорошее приданое, «какъ скоро въ силахъ будетъ». Въ силахъ, однако жъ, онъ такъ и не оказался.

Свадьбу сыграли 18 апрѣля 1778 года. За два дня передъ тѣмъ изъ Казани пущено было такое письмо:

«Государыня моя, Екатерина Яковлевна! Любезное письмо ваше отъ 14 марта я съ немалымъ удовольствіемъ приняла, и когда уже по благословенію Божию судьба соединяетъ васъ въ супружество моему сыну, сіе есть мое обрадованіе, и взаимно обнадеживаю васъ моею къ вамъ усердною и материнской любви горячностію, и желаю, чтобы я была счастлива въ старости моею вашимъ почтеніемъ и любовію, кою я уже и предвижу, отъ чего зависить мое благополучіе и утѣшеніе, и въ знакъ къ вамъ моей любви при семъ посылаю гостинецъ, хотя не въ драгихъ вещахъ состоящій, но оно отъ моего искренняго усердія; прими, моя любезная, и будь благословенна Божіею милостію и увѣрьтесь, что я вамъ во всю мою жизнь усердная.

«Матушкѣ вашей, милостивой государынѣ моей, свидѣтельствуйте мое почитаніе и прошу о принятіи меня въ ея благосклонность, а я съ моей стороны оное сохранить конечно не премину, а затѣмъ пребываю охотная вамъ во услугахъ

Еккла Державина».

Державинъ женился стремительно, но вовсе не очертя голову. Впервые переступивъ порогъ бастидоноваго дома (въ тотъ памятный вечеръ, когда прѣѣхалъ туда съ Кириловымъ), онъ сразу сталъ зорко всматриваться въ невѣсту — и если бы не нашелъ того, что ему было нужно, не сталъ бы свататься, отступился бы. Въ числѣ его прочныхъ и простыхъ взглядовъ былъ и взглядъ на семейную жизнь. Онъ хотѣлъ быть въ домѣ главою, — тѣмъ болѣе жениась тридцати пяти лѣтъ на дѣвушкѣ, которая была ровно вдвое моложе его. Будучи самъ порывистъ и неуступчивъ (что почиталъ въ себѣ отчасти даже достоинствами), отъ жены онъ требовалъ вовсе иныхъ добродѣтелей: «тихость и смиреніе суть первыя достоинства женщинъ, и они одни тѣ истинныя превосходства, которыя всѣ ихъ прелести и самое непорочнѣйшее ихъ поведеніе украшаютъ. Безъ нихъ страстнѣйшая любовь — вздоръ».

Тихость и смиреніе онъ подмѣтилъ въ Екатеринѣ Яковлевнѣ при первой бесѣдѣ, а угадалъ, пожалуй, и раньше — при первомъ на нее взглядѣ. И въ самомъ дѣлѣ, то были ея первѣйшія добродѣтели. Если онъ собирався быть съ нею строгимъ, то оказалось тотчасъ же, что это не требуется. Она была передъ мужемъ тиха и смиренна, и это давалось ей безо всякой борьбы, безъ самопожертвованія: во-первыхъ, потому, что такъ она понимала свой долгъ, во-вторыхъ, потому, что мужа считала умнѣ себя и во всѣхъ отношеніяхъ превосходнѣе, а, въ-третьихъ, и это, конечно, главное — потому, что его любила. Выходила за него, можетъ быть, безъ особой страсти, но потомъ словно влюблялась все горячѣе и крѣпче. Ея сердечная преданность была безгранична, вѣрность — мало сказать непоколебима: просто она даже никогда не подвергалась и не могла подвергнуться никакому испытанію.

При всей кротости Екатерина Яковлевна не была однако жъ безвольна. Благожелательная ко всѣмъ, она была уступчива лишь до извѣстнаго предѣла и въ случаѣ надобности могла постоять за себя, а въ особенности за мужа. Была добра безъ навязчивости, почти незамѣтно, ла-

скова — безъ слащавости, привѣтлива — безъ униженія. Словомъ, самыя чувства и добродѣтели, сильныя, но подчиненныя внутренней гармоніи, были развиты въ ней такъ же стройно, какъ она была стройна внѣшне. Самому Державину лишь постепенно открылась ея плѣнительность. И онъ передъ нею не размякалъ, но какая же могла быть рѣчь о суровости или строгости, если его любовь изо дня въ день, а послѣ — изъ году въ годъ только росла и крѣпла? Въ то время поэты любили давать прозванія своимъ возлюбленнымъ. Темиры, Дафны, Лилеты, Хлои, какъ чужеземныя птицы, налетѣли въ поэзію. Державинъ своей женѣ далъ русское, задушевное имя Плѣныры.

Вскорѣ послѣ свадьбы онъ взялъ четырехмѣсячный отпускъ и повезъ жену въ Казань, показать ее своей матери. Екатерина Яковлевна безъ усилій плѣнила и свекровь, и все казанское общество. Когда вернулись Державины въ Петербургъ, директоръ казанской гимназіи Каницъ писалъ: «*Noch lange werden die vernünftigen unter den Canschen Schönne, daran gedenken, dass die junge, verehrungswerte Catharina Jakowna sich eine Zeitlang hier aufgehalten habe*».

Денежныя дѣла улучшались. Имѣніе Маслова, пущенное съ публичнаго торга, почти цѣликомъ досталось Державину, какъ главному кредитору. Уплоченныя изъ выигрыша двадцать тысячъ вернулись къ нему въ видѣ трехсотъ душъ въ Рязанской губерніи. Заключивъ мировую съ однимъ изъ казанскихъ сосѣдей, онъ получилъ еще восемьдесятъ. Когда правительство стало безденежно раздавать новопріобрѣтенныя днѣпровскія земли, Державинъ раздобылъ себѣ въ Херсонской губ. 6000 десятинъ со ста тридцатью душами запорожцевъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ пожалованными при выходѣ изъ полка тремя стами, а также съ материнскими и отцовскими, всего очутилось за Державинымъ больше тысячи душъ. Это былъ уже извѣстный недостатокъ. Сюда надо прибавить сенатское жалованье. Державины могли жить «приличнымъ домомъ».

Они поселились на Сѣнной площади. Счастливый Державинъ былъ чрезвычайно радушнымъ хозяиномъ. Поэзія гостепріимства была ему вѣдома. Хвостовъ, Храповицкій,

Резановы, Козодавлевъ, Окуневы, порою — самъ генераль-прокуроръ съ супругою стали его гостями. Но сердце больше лежало къ нѣсколькимъ новымъ знакомымъ.

Съ молодымъ стихотворцемъ Василюемъ Васильевичемъ Капнистомъ первая встрѣча произошла еще въ полку. Теперь знакомство перешло въ дружбу. Родомъ малороссъ (онъ не только говорилъ, но и писалъ съ малороссійскимъ выговоромъ: Катеньку звалъ Катерына Яковлевна), Капнистъ былъ отчасти увалень, былъ порою хмуръ и склоненъ къ обидчивости, но при всемъ томъ — человекъ добрый и великій семьянинъ. Впрочемъ, женатъ онъ былъ лишь недавно.

Двѣ молодые четы коротко сблизились, и это повело къ тому, что вскорѣ вокругъ Державиныхъ образовался цѣлый кружокъ. Дѣло въ томъ, что у Александры Алексѣевны Капнистъ (урожденной Дьяковой, дочери сенатскаго оберъ-прокурора) была сестра, Марья Алексѣевна, дѣвушка очень милая и собой преизрядная. Два друга капнистовыхъ были въ нее влюблены (надо ли прибавлять, что оба принадлежали къ числу стихотворцевъ?).

Перваго звали Львовъ, Николай Александровичъ. Судьба была къ нему благосклонна. Приятный лицомъ, состоятельный, имѣвшій очень большія связи, хорошо образованный, былъ онъ заразъ поэтъ, музыкантъ, живописецъ и архитекторъ. Ничего вполнѣ замѣчательнаго не довелось ему создать ни въ поэзіи, ни въ живописи, ни въ архитектурѣ, ни въ музыкѣ. Но всюду онъ былъ умнымъ и тонкимъ цѣнителемъ. Не безъ пріятнаго легкомыслія онъ одновременно переводилъ Анакреона и строилъ церкви. Стихи его были не глубоки, но забавны, веселы, бодры, какъ самъ онъ былъ всегда легокъ, веселъ и бодръ. Много онъ суетился, любилъ хлопотать за пріятелей, покровительствовать, шумѣть и блистать. Впрочемъ, дѣлалъ все это со вкусомъ и не безъ тонкости. Былъ чувствителенъ. Маша Дьякова отвѣчала на его чувства нѣжной взаимностью, но отецъ ея почему-то былъ противъ этого брака.

Другой поклонникъ былъ сынъ обрусѣвшаго нѣмца Иванъ Ивановичъ Хемницеръ. Онъ ничѣмъ не походилъ на Львова. Былъ настроенъ философически, сдержанъ. за-

думчивъ, — отчасти потому, можетъ быть, что ужъ очень былъ нехорошъ собою, даже до безобразія. Какъ разъ не за долго до женитьбы Державина вернулся онъ изъ заграничной поѣздки, влюбился въ Машу Дьякову и сталъ самымъ прискорбнымъ образомъ за нею ухаживать. При-творялся щеголемъ, петиметромъ, густо пудрилъ уродское лицо свое и сажалъ на него мушки. Любви не скрывалъ, даже посвятилъ Машенькѣ первую книгу своихъ сказокъ и басенъ, но все было напрасно. Ни Маша, ни счастливый соперникъ надъ Хемницеромъ не смѣялись (по крайней мѣрѣ при немъ), къ чувствамъ его относились бережно, Львовъ, пожалуй, даже особенно былъ съ нимъ ласковъ, — но бѣдный Хемницеръ еще не зналъ са-мага горькаго обстоятельства: Маша Дьякова жила у отца, значилась въ дѣвушкахъ, но была уже тайно повѣнчана съ Львовымъ.

Семеро друзей сходились часто. Три прелестныя женщины и четыре поэта связаны были любовью, дружбой, бесѣдами объ искусствахъ. Екатерина Яковлевна рисовала силуэты или занималась рукодѣліемъ. Львовъ руководилъ ея искусными вышиваніями. Иногда посѣщали Львова на его дачѣ, близъ Невскаго монастыря, на Охтѣ. Тамъ, въ память прочнаго союза, каждый посадилъ по молодому вязу или по сосенкѣ. Порою мелькала среди этого общества красивая, чернокудрая, не по лѣтамъ высокая дѣвочка. Это была третья изъ сестеръ Дьяковыхъ — Даша. Впрочемъ, ей было всего лѣтъ одиннадцать.

Въ 1777 году умеръ Сумароковъ. Теперь на вершинахъ россійскаго Парнасса гремѣли дѣйствительный статскій совѣтникъ Херасковъ и кабинетный переводчикъ Василій Петровъ, семинаристъ, имѣвшій честь слыть «карманнымъ ея величества стихотворцемъ», каковымъ прозвищемъ онъ весьма гордился. Оба, однако жъ, были значительно старше Державина: ихъ слава началась еще при Ломоносовѣ. Но и ближайшіе сверстники Державина не оставались въ тѣни. Княжнинъ родился въ 1742 г., Богдановичъ въ 1743,

Фонвизинъ въ 1744. Отъ každого изъ нихъ Державинъ по возрасту разнился не годами, а мѣсяцами. Но Княжнинъ былъ извѣстенъ уже «Дидоной», Богдановичъ написалъ «Душеньку» и пребывалъ «на розахъ», Фонвизинъ прославился «Бригадиромъ», путешествовалъ за границей и дружилъ съ самимъ Никитою Панинымъ. Рядомъ съ ними Державинъ былъ просто никто.

Два стихотворенія, напечатанныя имъ передъ самой пугачевщиной, справедливо прошли незамѣченными. Послѣ пугачевщины выдалъ онъ «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ». Онѣ были замѣчены только среди поэтической молодежи. Будучи лѣтами гораздо старше, Державинъ оказался литературнымъ сверстникомъ Капниста и Львова.

Онъ смиренно склонялся передъ авторитетами; они съ авторитетами готовы были бороться. Но, ища новизны и даже отчасти чужа къ ней вѣрный путь, сами они оставались поэтами заурядными. Напротивъ того, Державинъ, стремясь подражать, оказывался произвольно оригиналенъ.

Его познанія были слишкомъ невелики. Онъ пополнялъ ихъ жадно, но беспорядочно. Съ того дня, какъ онъ вышелъ изъ гимназіи, учиться ему было некогда; къ тому же онъ не умѣлъ учиться. «Читалагайскія оды» были чудесной побѣдой генія надъ безграмотностью. Свой собственный стихъ Державинъ обрѣлъ, имѣя весьма спутанныя понятія о стихахъ вообще, не зная простѣйшихъ правилъ, которыя для Капниста и Львова были дѣтскою азбукой. Державинъ дѣлалъ ошибки въ размѣрѣ, въ рифмѣ, въ цезурѣ, даже въ языкѣ: самые неотесанные провинциализмы уживались у него рядомъ съ явными германизмами (нѣмецкій языкъ былъ для него языкомъ поэзіи).

Его неопытность была очевидна Капнисту и Львову, но они, можетъ быть, почували, что Державинъ превосходитъ ихъ дарованіемъ. Въ общемъ же почитали его себѣ ровней, видѣли въ немъ возможнаго соратника и старались просвѣтить въ духъ новыхъ вѣяній. Эти новыя вѣянія были не слишкомъ ясны имъ самимъ, но они зачитывались Гораціемъ и находили великія откровенія въ теоріи Батте. Теперь мы можемъ сказать, что то были первыя,

остро переживаемыя, но смутно осозанныя влеченія къ реализму, которымъ силою вещей пора было зародиться въ русской поэзіи. Этимъ влеченіямъ предстояла долгая и славная жизнь, но тогда, при первомъ своемъ зарожденіи, они выражались въ попыткахъ замѣнить условности ломоносовской школы новыми условностями, представляемыми, однако же, нѣкій шагъ впередъ.

Впослѣдствіи Державину казалось, будто именно въ это время, подъ вліяніемъ Львова, Капниста и Хемницера, въ его поэзіи совершился глубокой переломъ. Въ дѣйствительности такого перелома не было. Учителя неопытные и сами себѣ не вполне уяснявшіе сущность своего ученія, Львовъ и Капнистъ не столько внушили Державину новыя поэтическія идеи, сколько попросту исправляли его просодическія и стилистическія ошибки, не умѣя, однако, дать въ руки ученику вѣрные способы избѣжать такихъ же ошибокъ въ будущемъ. Особенно тутъ старался Львовъ, чинившій державинскіе стихи съ тою же дружеской хлопотливостью, съ какой онъ устраивалъ служебныя дѣла Хемницера и Капниста.

Въ глубинѣ же державинской поэзіи происходило медленное и закономѣрное развитіе. Дѣйствительно, оно кое въ чемъ совпадало съ чаяніями Капниста и Львова: тутъ чутье ихъ не обмануло, Державинъ былъ ихъ естественнымъ соратникомъ. Но это развитіе протекало самостоятельнымъ, чѣмъ казалось самому Державину. Послѣ Читалагайскихъ одъ, написанныхъ до литературной встрѣчи съ Капнистомъ и Львовымъ, слѣдующій важный этапъ его поэзіи составили стихи на смерть Мещерскаго. Но какъ разъ они-то и связаны всего непосредственнѣй съ тѣми же Читалагайскими одами.

Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами Смерть скрежещеть,
Какъ молніей, косою блещеть,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ — снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;

Зіяетъ Время славу стертъ:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаеъ царства алчна Смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Приемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся;
Безъ жалости все Смерть разить:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

.....

Смерть, трепеть естества и страхъ!
Мы — гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечъ успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ...

Гдѣ только не искали источниковъ, изъ которыхъ почерпнуты, будто бы, отдѣльныя частности и сама мысль этихъ стиховъ! И у Горация, и у Геллера, и у Петрова, и въ Библии... Не обратили вниманія лишь на то, что и мысль, и всѣ замѣченныя параллельныя мѣста (и еще рядъ незамѣченныхъ) имѣются гораздо ближе: въ той изъ Читалагайскихъ одъ, которая переведена изъ Фридриха и называется «Жизнь есть сонъ»: «О Мовтерпій, дражайшій Мовтерпій, какъ мала есть наша жизнь! Лишь только ты родился, уже рокъ того дня влечетъ тебя къ разрушающей нощи...» Много мыслей и образовъ перенесено изъ оды Фридриха въ оду на смерть Мещерскаго, — вплоть до знаменитаго обращенія къ Перфильеву:

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно, —

навѣяннаго обращеніемъ Фридриха къ Мовтерпію *).

Между Читалагайскими одами и «Одой на смерть кн. Мещерскаго» нѣтъ скачка; есть лишь огромное поэтическое развитіе, которое становится особенно замѣтно именно потому, что такъ очевидна связь между ними. Въ стихахъ, родственныхъ стиху Читалагайскихъ одъ, но несравненно болѣе совершенныхъ, Державинъ говоритъ о владычествѣ смерти. Въ этомъ слѣдуетъ онъ за Фридрихомъ, но превосходить его. Державинская ода короче и сильнѣе. Въ ней каждое слово бьетъ прямо въ цѣль. Такой лапидарности и точности Державинъ, быть можетъ, не достигалъ уже никогда впослѣдствіи. Уже самая постановка темы замѣчательна. Державинъ не разсуждаетъ, какъ Фридрихъ, но развертываетъ свою тему на конкретномъ примѣрѣ, который, однако же, избранъ съ такимъ расчетомъ, чтобы ода не оказалась слишкомъ прикрѣплена къ случаю.

Мещерскій не былъ человѣкомъ выдающимся. Въ его лицѣ Державинъ не оплакиваетъ ни героя, ни прерваннаго поприща, ни кѣмъ-либо понесенной утраты. Мещерскій — просто богачъ, «сынъ роскоши, прохлады и нѣгъ», ничего больше. Въ его жизни представлена сама сладость жизни. Чѣмъ чувственнѣй и обильнѣй житейскія блага, отъ коихъ его похищаетъ смерть, тѣмъ разительнѣй выступаетъ предметъ всей оды. Картина еще усилена внезапностью смерти. «Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ»: невозможно сказать общѣе и въ то же время конкретнѣе; короче — и въ то же время сильнѣе.

Державинъ не былъ другомъ Мещерскаго, былъ просто знакомымъ. Ходилъ слухъ, будто во времена пугачевщины

*) Который есть не кто иной, какъ французскій ученый Мопертью. Эта забавная ошибка произошла отъ необразованности и торопливости Державина. Французское Maupertuis онъ прочелъ на латинскій ладъ да еще по разсѣянности переставилъ буквы: получился Mauterpius, превратившійся по-русски въ Мовтерпія. Этому легендарному лицу суждено было на многіе годы стать спутникомъ самыхъ мрачныхъ раздумій Державина.

онъ вѣшалъ людей «болѣе изъ поэтическаго любопытства, нежели изъ настоящей необходимости». Это не вѣрно. Но вѣрно то, что съ самой читалагайской поры размышленія о смерти стали для него притягательны. Онъ охотно имъ предавался — среди счастья и довольства въ особенности. Есть нѣкое поэтическое сладострастіе въ томъ, какъ здоровый, благополучный, окруженный друзьями, любимый и любящій Державинъ созерцаетъ смерть Мещерскаго и по поводу нея философствуетъ. Четыре года онъ таилъ и вынашивалъ эти мрачные образы, ожидая лишь послѣдняго толчка, подходящаго случая, чтобы придать имъ форму и съ творческимъ наслажденіемъ выбросить изъ себя. Такимъ случаемъ была смерть Мещерскаго. Рѣзкіе жизненные контрасты прельщали Державина такъ же, какъ рѣзкія столкновения словъ и образовъ. Эти стихи о скоротечности жизни и ложности счастья писалъ онъ какъ разъ въ тѣ дни, когда твердо вѣрилъ въ свое счастливое будущее. Это вѣрованіе прорвалось наружу: не даромъ въ одной изъ заключительныхъ строфъ онъ сказалъ о самомъ себѣ: «Зоветь, я слышу, славы шумъ». То было первое изъ числа пророчествъ, которыхъ въ послѣдствіи онъ находилъ много въ своихъ стихахъ и которыми столь гордился.

Тогда всѣ поэты служили — званіе писателя не существовало. Общественное значеніе литературы уже признавалось, но на занятіе литературой смотрѣли, какъ на частное дѣло, а не общественное. Что касается Державина, то въ его понятіяхъ поэзія и служба были связаны особеннымъ образомъ.

Онъ, конечно, не думалъ, что чинъ или орденъ могутъ прибавить достоинства его стихамъ; равнымъ образомъ не смотрѣлъ онъ и на стихи, какъ на способъ для добыванія орденовъ и чиновъ; это пошлое представленіе пора забыть. Дѣло обстояло иначе, гораздо серьезнѣе и достойнѣе. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ, когда Державинъ достигъ довольно замѣтнаго положенія въ службѣ и сталъ

выдвигаться въ литературѣ, поэзія и служба сдѣлались для него какъ бы двумя поприщами единого гражданскаго подвига.

Поѣздка по Волгѣ, предпринятая Екатериной въ 1767 году, подтвердила ей неутѣшительныя мысли о внутреннемъ положеніи Россіи. Случаю было угодно, чтобы эти печальныя наблюденія были сдѣланы въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ прошло горькое дѣтство Державина и невеселая его юность. Угнетеніе, произволь, безправье, безсудье — вотъ что увидѣла государыня во глубинѣ страны. То, что ей было показано лишь издали и отчасти, Державину было давно вѣдомо безо всякихъ прикрасъ по личному опыту и по опыту его близкихъ. Врожденная бѣдность, несмотря на дворянское званіе, рано приблизила его къ простому народу, и память объ этой близости никогда въ немъ не угасала: жила въ воспоминаніяхъ объ избитомъ отцѣ, о челобитчицѣ-матери, плачущей у приказныхъ дверей, о собственномъ сиротствѣ, о грубостяхъ и обидахъ солдатчины; жила эта память и въ складѣ его ума, отчасти мужицкаго, и въ чертахъ житейскаго обихода, и въ его отношеніи къ собственнымъ крѣпостнымъ, и, наконецъ — въ самомъ языкѣ его.

На усмиреніе пугачевщины Державинъ отправился по карьернымъ соображеніямъ; онъ и усмирялъ ее со всеусердіемъ — по тѣмъ же соображеніямъ, и по долгу присяги, и потому, что Емельянь Пугачевъ былъ въ его глазахъ жестокимъ и грязнымъ обманщикомъ. Но вотъ что весьма замѣчательно: не въ личности Пугачева, конечно, но въ пугачевщинѣ, какъ движеніи народномъ, онъ очень скоро почуялъ если не правду, то все же логику. Понялъ, что возмущеніе имѣетъ свои причины и оправданія. Слѣдъ этихъ раздумій — въ его письмѣ къ казанскому губернатору Бранту отъ 4 іюня 1774 г.: «Доложить вашему высокопревосходительству имѣю: надлежитъ искоренить взятки. Говорить о истребленіи заразы сей потому я за должное себѣ поставляю, что разліяніе оной наиболѣе всего, по моимъ мыслямъ, пособствуетъ злу, терзающему наше отечество». Но это лишь слѣдъ, лишь то, что Державинъ по своему положенію могъ сказать къ слову и въ официальной бумагѣ. Мысли его шли дальше. Это видно изъ

того отношенія, которое въ пору пугачевщины стало у него складываться къ самодержавной власти и къ личности самодержца.

Уже въ раннихъ (очень слабыхъ) стихахъ Державина, посвященныхъ Екатеринѣ, находимъ многословныя разсужденія о ея заслугахъ и общественныхъ добродѣтеляхъ. Однако жъ, авторъ нигдѣ не говоритъ о томъ, что эти заслуги суть основаніе и оправданіе ея власти. Державину съ малыхъ лѣтъ была внушена идея о святости самодержавія, о его происхожденіи свыше. Въ глазахъ молодого Державина помазанникъ правъ и великъ уже въ силу своего помазанія. (Разумѣется, очень хорошо, если при томъ имѣются за нимъ и заслуги).

Послѣ пугачевщины у него отъ этихъ воззрѣній ничего не осталось. Насколько повліяла тутъ пугачевщина, рѣшить невозможно, у насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ. Но въ самомъ фактѣ сомнѣнія быть не можетъ: уже въ пору писанія Читалагайскихъ одъ Державинъ такъ или иначе разстался съ идеей о божественномъ происхожденіи царской власти. Помазаніе и титулъ перестали для него значить что бы то ни было. Отнынѣ въ его глазахъ «пышность одеждъ» равняетъ царей не только съ богами, но и съ куклами. Императорская порфира не мѣшаетъ ея носителю падать и еще ниже:

Калигула, быть мнимый богомъ,
Не равенъ ли съ своимъ скотомъ?

Два года спустя, въ «Эпистолѣ И. И. Шувалову» мысль эта повторена:

О! жалкій полубогъ, кто тщетно носитъ санъ:
Предъ трономъ онъ ничто, на тронѣ истуканъ.

Отсюда вовсе не слѣдуетъ, что Державинъ не признаетъ царской власти. Онъ только ищетъ для нея иной источникъ и иную опору. Вотъ отрицательная формула, изъ которой, однако жъ, легко вывести и положительную:

Пускай въ подсолнечную трубитъ
Тиранъ своимъ богатствомъ страхъ;
Когда народъ кого не любитъ,
Полки его и деньги — прахъ.

Это неуклюже, но ясно. Это значитъ, во-первыхъ, что властитель, не опирающійся на народную любовь, въ сущности безвластенъ. Во-вторыхъ, что онъ и не царь, а тиранъ, захватчикъ власти, котораго можно согнать съ престола, не совершая никакого святотатства. Слѣдовательно, царя отъ тирана отличаетъ не помазаніе, а любовь народа. Только эта любовь и есть истинное помазаніе. Такимъ образомъ, не только опорой, но и самымъ источникомъ царской власти становится народъ. Эта мысль не вяжется съ укоренившимися представленіями о Державинѣ. Однако жъ, она не случайно, не въ «поэтическомъ жару» высказана; Державинъ постоянно къ ней возвращается, она отнынѣ лежитъ въ основѣ его воззрѣній, и безъ нея понять Державина невозможно.

Подъ словомъ народъ онъ склоненъ былъ разумѣть всю націю, и это ему удавалось, пока шла рѣчь о дѣлахъ военныхъ или дипломатическихъ, пока русскій народъ противопоставался какому-нибудь иному. Но лишь только взоръ Державина обращался во глубину страны, непосредственное чувство тотчасъ побуждало его звать народомъ лишь обездоленную, безправную часть націи. Дѣло однако шло вовсе не объ одномъ крестьянствѣ: бѣдный дворянинъ, вотще ищущій суда и управы на богатаго сосѣда, или мелкій чиновникъ, прижимаемый крупнымъ, въ глазахъ Державина были такими же представителями народа, какъ и крестьянинъ, страдающій отъ произвола помѣщичьяго. Словомъ, такъ выходило, что кто страдаетъ, тотъ и принадлежитъ къ народу; царь же народный — защита и покровъ всего слабого и угнетаемаго отъ всего сильнаго и угнетающаго.

На Екатерину Державинъ взиралъ съ благоговѣніемъ. Онъ ожидалъ, что именно ей дано стать такой народной монархиней, «радостію сердець», способною облегчить народную долю, защитить слабыхъ, укротить сильныхъ, утереть слезы вдовъ и сиротъ, Эти надежды казались ему тѣмъ болѣе основательными, что первые уроки вольнодумства были даны ему самой жизнью, а вторые, болѣе систематическіе, онъ извлекъ изъ екатерининскаго Наказа, этого собранія самыхъ передовыхъ, самыхъ гуманныхъ и либеральныхъ идей, дотолѣ высказанныхъ въ Россіи (да

и не только въ Россіи: не даромъ распространіе Наказа было воспрещено во Франціи). Екатерина была его наставницей: уже въ Читалагайскихъ одахъ онъ дѣлаетъ прямыя заимствованія изъ Наказа. Больше того: Наказъ и созывъ Комиссіи по составленію проекта новаго уложенія одушевили Державина главною мыслью, которой суждено было стать основаніемъ его поэтическаго и служебнаго пафоса.

Послѣ того, какъ существующее законодательство было съ высоты трона объявлено несовершеннымъ и не ограждающимъ народа отъ произвола и кривотолка; послѣ того, какъ отсутствіе законности было признано первымъ зломъ русской жизни; послѣ того, какъ законопослушаніе было названо основной добродѣтелью не только подданнаго, но и монарха, — у Державина, можно сказать открылись глаза. Простое слово **З а к о н ъ** въ русскомъ тогдашнемъ воздухѣ прозвучало, какъ откровеніе. Для Державина оно сдѣлалось источникомъ самыхъ высокихъ и чистыхъ чувствъ, предметомъ сердечнаго умиленія. **З а к о н ъ** сталъ какъ бы новой его религіей, въ его поэзій слово **З а к о н ъ**, какъ Богъ, стало окружено любовью и страхомъ.

Наказъ, между тѣмъ, давно лежалъ подъ сукномъ, а Комиссія была распущена. Это не смущало Державина. Екатерина въ его глазахъ была навсегда озарена сіяніемъ Наказа. Упрямый и прямолинейный, онъ въ воображеніи своемъ надѣлялъ и ее этими двумя свойствами, которыхъ въ ней какъ разъ не было. Тѣхъ сложныхъ политическихъ и личныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ протекала жизнь государыни и которыя постепенно уводили ее отъ возвышенныхъ предначертаній Наказа, онъ отчасти не зналъ, отчасти не хотѣлъ знать. Весьма рационалистически лишивъ монархію религіознаго ореола, онъ въ цѣлости перенесъ этотъ ореолъ на голову данной монархини. Его поэтической гиперболизмъ превращался тутъ въ политическій. Екатерина въ его глазахъ сдѣлалась обладательницей гражданскихъ, то есть вполне человѣческихъ добродѣтелей, но въ полнотѣ и степени уже не человѣческой, титанической. Онъ допускалъ, что на ея пути могутъ встрѣтиться и препятствія, и несчастія, но, съ безжалостной требовательностью обожателя, готовъ былъ имъ радоваться:

Услышьте всѣ земны владыки
И всѣ державныя главы!
Еще совсѣмъ вы не велики,
Коль бѣдъ не претерпѣли вы!
Надлѣжитъ зло претереть пятой,
Противъ перуновъ ополчиться,
Самихъ небесъ не утрашиться
Со добродѣтельной душой.

Богиню онъ хотѣлъ окружить жрецами, ея достойными. Онъ видѣлъ пороки и происки вельможъ. Ему представлялся выборъ: бичевать порокъ или поощрять добродѣтель. Онъ не хотѣлъ вовсе отказаться отъ перваго, но избралъ преимущественно второе: вотъ почему онъ не сталъ сатирикомъ. Изображеніе добра представлялось ему болѣе плодотворнымъ, нежели обличеніе зла. Онъ старался создать образецъ вельможи добродѣтельнаго, великодушнаго, безкорыстнаго, пекущагося о народномъ благѣ:

Я князь, коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ, коль страстьми владѣю,
Боляринъ, коль за всѣхъ болѣю...

«Другъ царскій и народный» — вотъ, по его опредѣленію, истинный вельможа. Такими видѣлись ему Бибииковъ, И. И. Шуваловъ. Такимъ онъ желалъ стать и самъ. Тутъ, именно въ этой точкѣ, поэтическая дѣятельность соприкасалась у него со служебной. По его мнѣнію, слова поэта должны быть имъ же претворены въ дѣла. Обожатель Екатерины мечталъ быть ея вѣрнымъ сподвижникомъ, поклонникъ Закона хотѣлъ стать его неколебимымъ блюстителемъ.

Въ 1779 году зданіе Сената перестраивалось. Державинъ, по должности экзекутора, наблюдалъ за работами. Между прочимъ, зала общаго собранія была украшена новыми барельефами, изваянными Рашетомъ. По окончанія работъ Вяземскій вздумалъ осмотрѣть залу. На од-

номъ изъ барельефовъ представленъ былъ храмъ Правосудія; императрица, въ образъ Россійской Минервы, ввела въ него Истину, Человѣколюбіе и Совѣсть. Поглядѣвъ на обнаженную фигуру Истины, Вяземскій сдѣлалъ кислое лицо и обратился къ Державину:

— Вели ея, братецъ, нѣсколько приккрыть.

Можетъ быть, онъ не намѣревался придать этимъ словамъ аллегорическій смыслъ, но для Державина они прозвучали именно такъ. Чѣмъ ближе знакомился онъ съ дѣлами, тѣмъ видѣлъ яснѣе, что «стали отчасу болѣе прикрывать правду въ правительствѣ». Кое-какія продѣлки генераль-прокурора онъ уже примѣтилъ. Въ слѣдующемъ году между нимъ и начальникомъ впервые пробѣжала черная кошка.

Только что были учреждены экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ. Онѣ находились въ вѣдѣніи генераль-прокурора. Державинъ былъ назначенъ однимъ изъ совѣтниковъ экспедиціи доходовъ, и это поставило его въ непосредственную служебную близость къ Вяземскому. Для начала надобно было составить «начертаніе» о кругѣ дѣйствій и объ обязанностяхъ экспедиціи. Случилось такъ, что тѣ, кому надлежало бы этимъ заняться (въ томъ числѣ Храповицкій), — уклонились, и Вяземскій поручилъ дѣло Державину, — съ неохотою, ибо почиталъ его не довольно опытнымъ. Последнее было справедливо. Самъ Державинъ не безъ отчаянія принялся за работу, постановивъ однако же лицомъ въ грязь не ударить. Онъ заперся у себя и не велѣлъ никого принимать. «Поелику ему была дика и непонятна почти матерія, то мараль, перемѣнялъ и наконецъ черезъ двѣ недѣли составилъ кое-какъ цѣлую книгу безъ всякой посторонней помощи». На общемъ собраніи экспедиціи, когда читался державинскій трудъ, Вяземскій всячески придирался, но все же вынужденъ былъ представить «начертаніе» государынѣ; оно было подтверждено и вошло въ Полное Собраніе Законовъ (XXI, 15.120).

Конечно, Державинъ былъ весьма гордъ: безъ знаній, безъ подготовки удалось ему выполнить порученіе важное и отвѣтственное. Онъ ждалъ награды — и не получилъ. Даже такъ выходило, что его трудъ едва ли не пытались

приписать Храповицкому. Обиженный Державинъ повѣдалъ горе пріятелю своему Львову; Львовъ былъ, что называется, правой рукой Безбородки, тогда состоявшаго однимъ изъ секретарей государыни. Державинъ черезъ голову Вяземскаго былъ произведенъ въ статскіе совѣтники. Понятно, какую досаду вызвало это въ генераль-прокурорѣ, тѣмъ болѣе, что Безбородко былъ въ числѣ его недруговъ. Онъ все же старался скрыть раздраженіе: пріязнь между семействами Вяземскихъ и Державиныхъ еще поддерживались, княгиня очень любила Екатерину Яковлевну.

Насталъ, однако же, день, имѣвшій рѣшительное вліяніе не только на отношенія Державина съ генераль-прокуроромъ, но и на всю его жизнь.

То было въ концѣ мая, въ 1783 году. Державинъ обѣдалъ у Вяземскихъ. Онъ былъ не въ духѣ: съ часу на часъ должно было рѣшиться одно дѣло, исходъ котораго тревожилъ его уже нѣсколько мѣсяцевъ. Вдругъ послѣ обѣда, часу въ девятомъ, вызываютъ его въ переднюю; тамъ стоитъ почталіонъ съ пакетомъ; на пакетѣ странная надпись: «Изъ Оренбурга отъ Киргизской Царевны мурзѣ Державину», — а внутри осыпанная брилліантами золотая табакерка съ пятьюстами червонцевъ.

Державинъ тотчасъ догадался, что это и есть рѣшеніе его участи. «Но не могъ и не долженъ былъ принять это тайно, не объявивъ начальнику, чтобы не подать подозрѣнія во взяткахъ: а для того, подошедъ къ нему, показалъ».

— Что за подарки отъ киргизцевъ? — гнѣвно проворчалъ было генераль-прокуроръ. Но осмотрѣвъ табакерку, онъ тоже все понялъ: посылка была отъ императрицы.

— Хорошо, братецъ, вижу и поздравляю, — сказалъ Вяземскій. — Возьми, коли жалуютъ.

При этомъ постарался онъ улыбнуться, но улыбка вышла язвительная...

«Оду къ премудрой киргизкайсацкой царевнѣ Фелицѣ» Державинъ написалъ еще въ прошломъ году, но ея вольный тонъ и насмѣшливые намеки на сильнѣйшихъ вельможъ — даже на Потемкина — показались опасны самому автору. Львовъ и Капнистъ были того же мнѣнія. Рѣ-

шено было оду прятать, но пронырливый Козодавлевъ, живя съ Державинымъ въ одномъ домѣ, однажды увидѣлъ ее на столѣ, прочелъ нѣсколько строкъ и упросилъ показать полностью. Потомъ, подъ страшными клятвами, взялъ списать для нѣкоей госпожи Пушкиной, любительницы поэзіи, а черезъ нѣсколько дней ода уже очутилась у И. И. Шувалова, — разумѣется, по секрету. Шуваловъ, въ застольной бесѣдѣ прочелъ ее нѣсколькимъ господамъ — опять-таки по секрету. Они по секрету пересказали ее Потемкину — Потемкинъ ее затребовалъ отъ Шувалова. Тотъ въ страхѣ вызвалъ Державина и спросилъ, какъ быть: посылать цѣликомъ или выбросить строфы, относящіяся къ Потемкину? Постановили послать цѣликомъ, чтобы не возбуждать лишнихъ подозрѣній. Тутъ только узналъ Державинъ, какую огласку получили его стихи. Онъ поѣхалъ домой «съ крайнимъ прискорбіемъ». Все это могло кончиться для него плохо.

Нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ онъ послѣдствій и томился неизвѣстностію. Межъ тѣмъ къ веснѣ 1783 года кн. Дашкова, будучи директоромъ академіи наукъ, задумала издавать журналъ. Козодавлевъ въ ту пору при ней состоялъ совѣтникомъ. Опята ничего не сказавъ Державину, онъ принесъ Дашковой «Фелицу» — и 20 мая, въ субботу, ода внезапно появилась въ первой книжкѣ «Собесѣдника любителей россійскаго слова». Теперь она должна была дойти до императрицы; Державинъ жилъ въ страшномъ волненіи, не зная, чего ожидать. Въ день обѣда у Вяземскихъ приходъ почталіона разрѣшилъ все, — страхи смѣнились великой радостью.

Къ тому, что писали о ней въ стихахъ и въ прозѣ, Екатерина была любопытна. Прежнія похвалы Державина, въ сущности болѣе громкія и глубокія, нежели тѣ, которыя заключались въ «Фелицѣ», она, вѣроятно, тоже читала. Но онѣ даже не запомнились — потонули въ хорѣ привычной лести. А надъ «Фелицей» она нѣсколько разъ принималась плакать. «Какъ дура, плачу», сказала Дашковой. Почему же она была такъ растрогана?

Она не слишкомъ любила стихи, не много въ нихъ понимала и самаго вещества поэзіи не чувствовала. Вопросы чистой поэзіи не занимали ее. При всей любви къ лите-

ратурнымъ упражненіямъ, она не умѣла составить ни одного стиха и сама въ томъ признавалась; даже легонькіе куплеты для своихъ комедій заказывала другимъ. Чѣмъ выше парило стихотвореніе, чѣмъ было высокопарнѣе (вернемъ этому слову его прекрасный первоначальный смыслъ), тѣмъ слабѣе оно доходило до ея слуха, тѣмъ менѣе было способно затронуть въ ней чувства.

«Фелица» должна была прійтись ей по вкусу и пониманію — именно тѣми особыми свойствами, которыя снижали это произведеніе, какъ собственно оду: своей сатирической стороною, своимъ легкимъ, шутивнымъ тономъ, своимъ бытовымъ, приближеннымъ къ обыденности матеріаломъ, наконецъ — самимъ слогомъ, который Державинъ такъ мѣтко называлъ «забавнымъ», съ его «низкимъ» словаремъ и обильными заимствованіями изъ повседневной рѣчи. Эти же качества вызвали бурный успѣхъ «Фелицы» и у большинства тогдашнихъ читателей (въ томъ числѣ у многихъ стихотворцевъ), и у потомства. Не должно, однако, смотрѣть на «Фелицу», какъ на преобразование оды. На самомъ дѣлѣ то было не преобразование, а разрушеніе. Конечно, значеніе «Фелицы» въ исторіи русской литературы огромно: съ нея (или почти съ нея) пошелъ русскій реалистическій жанръ, этимъ она способствовала даже развитію русскаго романа; но ода, какъ таковая, въ ней не преобразована, потому что она сама переставала уже быть одой: до такой степени въ ней нарушена одическая традиція русско-французскаго классицизма.

Но вернемся къ Екатеринѣ. Конечно, не литературными свойствами «Фелицы» были вызваны ея слезы; эти литературныя свойства только открыли императрицѣ доступъ къ пониманію оды, сняли печать со слуха.

Чувствительность не была ей чужда; знавала она и сильныя увлеченія; случалось, что приступы горя или гнѣва овладѣвали ею; но при всемъ томъ здравый смыслъ покидалъ ее развѣ лишь на мгновенія. Въ частности, она очень трезво и просто смотрѣла на собственную особу. Дальше всего она была отъ того, чтобы считать себя какимъ-нибудь сверхъестественнымъ существомъ. Когда ее изображали богиней, она принимала это, какъ должное, но не узнавала себя въ этихъ изображеніяхъ. Шлемъ Ми-

нервы былъ ей великъ, одежды Фелицы пришлись какъ разъ въ пору. Державинъ думалъ, что внѣшняя шутов-ность тутъ искупается внутреннимъ благоговѣніемъ. Въ глазахъ же Екатерины это было какъ разъ такое изобра-женіе, которому она могла, наконецъ, повѣрить. То, что казалось Державину почти дерзостью съ его стороны, нечаянно обернулось лестью, проникшей Екатеринѣ въ самое сердце. Въ «Фелицѣ» она увидала себя прекрасной, добродѣтельной, мудрой, но и прекрасной, и мудрой, и добродѣтельной въ предѣлахъ, человѣку доступныхъ. А сколько вниманія было проявлено авторомъ не только къ ея государственнымъ трудамъ, но и просто къ привычкамъ, обычаямъ, склонностямъ, сколько подмѣчено вѣрныхъ и простыхъ чертъ, даже обиходныхъ мелочей и пристра-стій! Словомъ, при всей идеальности, портретъ и на са-момъ дѣлѣ былъ очень схожъ. Екатерина считала, что безымянный авторъ разгадалъ ее всю — отъ большихъ добродѣтелей до маленькихъ слабостей. «Кто бы меня такъ хорошо зналъ?» въ слезахъ спрашивала она у Дашковой.

Даже такая, въ сущности, мелочь, какъ выгодное сравненіе съ окружающими вельможами, доставила ей удо-вольствіе. Это сравненіе было вполнѣ въ ея духъ: она не хотѣла быть выше сравненій. Она довольно суетливо принялась разсылать отписки «Фелицы» Потемкину, Панину, Орлову — всѣмъ, кто задѣтъ былъ авторомъ: императрица и самодержица всероссійская любила разыгрывать съ приближенными забавные witz'ы въ духѣ добраго, ста-раго ангальтъ-цербстскаго захолустья. Табакерка съ чер-вонцами, посланная «мурзѣ Державину» отъ имени кир-гизской царевны, конечно, принадлежала сюда же. Но она разомъ ставила Державина очень высоко, какъ бы вво-дила его въ кругъ людей, съ которыми императрица шу-тить.

Въ тотъ майскій вечеръ, съ табакеркой Фелицы въ кар-манѣ, Державинъ уходилъ отъ Вяземскаго новою знаменитостью. Послѣдующіе дни принесли ему такую шумную литературную славу, какой Россія до тѣхъ поръ не видывала. Въ поэтическомъ отношеніи эта слава была ѳы справедливѣе, если бы послѣдовала тотчасъ за стихами

на смерть Мещерскаго. Но были общественныя причины ей прійти именно теперь. Духъ «Фелицы» сталъ духомъ «Собесѣдника». Журналъ сдѣлался прибѣжищемъ смѣлой общественной критики. Похвалы Екатеринѣ въ немъ сочетались съ острой полемикой по поводу такихъ предметовъ, о какихъ прежде молчали. Екатерина собственными писаніями тому способствовала, пока не пришлось ей полемику прекратить, ибо языки развязались слишкомъ.

Екатерина любила давать прозвища; Вяземскаго она звала Брюзгой. Былъ онъ человѣкъ желчный. У него не было основаній завидовать Державину, но его раздражало, зачѣмъ отличаютъ Державина не черезъ его посредство. Когда же отличіе выпало за стихи, генераль-прокуроръ вышелъ изъ себя. Послѣ «Фелицы» онъ уже «равнодушно съ новопрославившимся стихотворцемъ говорить не могъ: привязываясь во всякомъ случаѣ къ нему, не токмо насмѣхался, но и почти ругалъ, проповѣдуя, что стихотворцы неспособны ни къ какому дѣлу». Слѣдуетъ, впрочемъ, и пожалѣть его: судьба была немилосердна къ этому человѣку, имѣвшему мужество ненавидѣть поэзію открыто: чуть не всѣ его подчиненные были стихотворцами.

Какъ ни упоенъ былъ Державинъ милостію императрицы, онъ по мѣрѣ силъ сдерживался, пока дѣло не шло дальше насмѣшекъ и происковъ, направленныхъ лично противъ него. Съ Вяземскимъ онъ то ссорился, то мирился (мирили по обыкновенію жены). Коса все же нашла на камень, когда задѣты были его гражданскія чувства, его преданность дѣлу и долгу.

Въ 1883 году была закончена послѣдняя такъ называемая ревизія, которая, въ виду увеличенія оброка съ казенныхъ и частновладѣльческихъ крестьянъ, должна была дать государству замѣтное повышение доходовъ. Полученныя отъ губернаторовъ вѣдомости объ ожидаемыхъ поступленіяхъ предстояло принять во вниманіе при составленіи доходной таблицы на предстоящій годъ. Вдругъ Вяземскій, ссылаясь на неясность и неполноту этихъ но-

выхъ вѣдомостей, потребовалъ, чтобы табель составили на основаніи старыхъ. На дѣлѣ это должно было привести къ тому, что доходы будутъ показаны значительно ниже тѣхъ, которые поступятъ въ дѣйствительности. Противъ такой утайки возсталъ Державинъ: онъ не могъ допустить, чтобы государыня была обманута.

Замѣчательно, что поведеніе генераль-прокурора онъ себѣ объяснялъ довольно еще невинно. Предполагалъ онъ, во-первыхъ, что Вяземскій, воюя за власть съ губернаторами, хочетъ подъ нихъ подкопаться, изображая ихъ нерадивость; во-вторыхъ же — что Вяземскій, зная расточительность Екатерины, скрываетъ отъ нея часть доходовъ, чтобы въ подходящую минуту, «будто особымъ своимъ изобрѣтеніемъ и радѣніемъ», найти для нея лишнія деньги и тѣмъ выслужиться. Державинъ не зналъ, что сокрытіе доходовъ не Вяземскимъ было придумано и практиковалось еще при Елисаветѣ Петровнѣ генераль-прокуроромъ Глѣбовымъ ради обыкновеннаго воровства. Едва вступивъ на престолъ, Екатерина провѣрила счета и открыла цѣлыхъ двѣнадцать милліоновъ утайки. Вяземскій былъ не доблестнѣй своего предшественника.

Какъ бы то ни было, послѣ тяжелыхъ сценъ съ генераль-прокуроромъ, Державинъ забралъ вѣдомости домой, сказался больнымъ и черезъ двѣ недѣли представилъ собранію экспедиціи новую, свою табель. Сколько ни придирались къ ней, были вынуждены признать, что доходу можетъ быть показано по крайней мѣрѣ на восемь милліоновъ болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. «Нельзя изобразить, какая фурія представилась на лицѣ начальника».

Побѣда все-таки обошлась Державину дорого. Дальнѣйшая служба при Вяземскомъ стала невозможна, онъ подалъ въ отставку, и опредѣленіемъ Сената былъ уволенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Конфирмуя докладъ объ его увольненіи, императрица сказала Безбородкѣ: «Скажите ему, что я его имѣю на замѣчаніи. Пусть теперь отдохнетъ; а какъ надобно будетъ, то я его позову». Всю исторію съ сокрытіемъ доходовъ она знала въ точности. О преслѣдованіяхъ, которымъ Державинъ подвергался со стороны Вяземскаго, Фонвизинъ прозрачно намекалъ на страницахъ «Собесѣдника», и

смыслъ этихъ намековъ, конечно, извѣстенъ былъ государынѣ. Но Вяземскій не услыхалъ отъ нея ни одного упрека.

Если бѣ Державинъ надо всѣмъ этимъ задумался, онъ, можетъ быть, уже теперь понялъ бы то, что ему пришлось понять много позже.

Былъ слухъ, что казанскій губернаторъ уходитъ въ отставку. Державинъ сталъ мѣтить на его мѣсто. Предстояли объ этомъ хлопоты, но Державинъ рѣшилъ напередъ, что поѣдетъ въ Казань при всякомъ исходѣ: либо губернаторомъ, либо просто отдыхать и хозяйствовать года два. Какъ разъ въ это время мать написала ему, что тяжело больна, не надѣется выжить и просить пріѣхать проститься съ нею. (Шесть лѣтъ они не видались).

Въ февралѣ 1784 г., покуда стоялъ санный путь, Державинъ отправилъ въ Казань весь домашній скарбъ, но самъ съ женою задержался еще въ Петербургѣ. Губернаторство въ общемъ было обѣщано, однако дѣло нужно было подталкивать. И вотъ, посреди хлопотъ, стараній, подчасъ униженій и забѣганій предъ сильными сего міра, стало его тревожить безпокойство вовсе иного рода.

Года четыре тому назадъ, во время пасхальной заутрени въ Зимнемъ дворцѣ, посѣтило его вдохновеніе; пріѣхавъ домой онъ въ горячности положилъ на бумагу первыя строки оды:

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени предвѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ, всюду суцій и единый...

Но порывъ миновался, мышцы душевныя ослабѣли. Отвлекаемый службой и свѣтскими суетами, сколько ни принимался онъ — продолжать не могъ. Про себя постоянно однако же возвращался къ начатой одѣ, въ глубинѣ памяти копилъ мысли и образы, то собственные, то из-

влеченные изъ чтеній. За четыре года все это въ немъ, наконецъ, дозрѣло и стало проситься наружу. Теперь, на свободѣ, онъ опять взялся за перо, но все-таки суета житейская, городская мѣшала ему. Сердце хотѣло уединенія, онъ рѣшилъ бѣжать. Вдругъ объявилъ женѣ, что ѣдетъ осматривать бѣлорусскія свои земли, въ которыхъ никогда не былъ, хотъ владѣлъ ими семь лѣтъ. Стояла самая распутица, о дальней дорогѣ нечего было думать. Жена удивилась, но онъ ей не далъ опомниться. Доскакалъ до Нарвы, повозку и слугъ бросилъ на постояломъ дворѣ, снялъ захудалый покойчикъ у старой нѣмки и заперся въ немъ.

Онъ писалъ, пока сонъ не валилъ его на постель, а проснувшись вновь брался за работу. Старуха носила ему пищу. Онъ работалъ въ такомъ же дикомъ уединеніи, въ такомъ же неистовомъ напряженіи тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, въ какихъ Челлини отливалъ нѣкогда своего Персея. Такъ продолжалось нѣсколько дней.

То была вновь высокая ода. Державинъ самъ съ замираніемъ сердца ощущалъ высоту своего паренія. Образы и слова онъ вновь громоздилъ, точно скалы, и сталкивая звуки, самъ упивался звукомъ ихъ столкновеній.

Онъ написалъ не много — около ста строкъ всего. Изъ нихъ не всѣ сдѣланы изъ одинаково драгоцѣннаго матеріала, но всѣ равновѣсны и одинаково наполнены. Въ этихъ стихахъ не трудно узнать автора Читалагайскихъ одъ. Но тамъ все-таки былъ передъ нами отчаянный подмастерье, работавшій наугадъ, знавшій замѣчательныя удачи, но мѣстами лишь портившій матеріалъ; теперь это полный мастеръ. Не трудно узнать въ немъ и лаконическаго автора оды на смерть Мещерскаго. Но теперь его лаконизмъ пересталъ быть порывистъ и угловатъ. Въ «Богѣ» Державинъ привелъ въ движеніе какія-то огромныя массы; столь же огромна сила, на это затраченная, но ни единая частица ея не пропадаетъ даромъ, и надсада, усилія мы нигдѣ не видимъ. Таково на сей разъ его господство надъ матеріаломъ, что съ начала до конца все въ одѣ движется стройно и плавно, несмотря на то, что въ процессѣ работы онъ постепенно отходитъ отъ первоначальнаго замысла. Вдохновеніе владѣетъ имъ, но матеріаломъ владѣетъ онъ.

Его первую цѣлью было вообразить величество Божіе. Взоръ его устремленъ былъ къ Богу. Но по мѣрѣ того, какъ предметъ ему открывался, его охватывало изумленіе передъ собственною способностью къ подобному постиженію. Смотри на собственное отраженіе въ одѣ, видѣль онъ отраженіе Бога въ себѣ самомъ — и все болѣе поражался:

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водѣ.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ съ высоты;
Тебя душа моя быть чаеъ,
Вникаеъ, мыслить, разсуждаеъ:
Я есмь — конечно есъ и Ты!

Ты есъ! Природы чинъ вѣщаеъ,
Гласить мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряеъ:
Ты есъ — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнитса мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Съ этого стиха ода Богу стала одой божественному сыновству человѣка:

Я связь міровъ повсюду сушихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произошелъ? — безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе твое.

Тутъ охватило его такое упоеніе величайшею гордо-
стью и сладчайшимъ смиреніемъ, открытыми челоуѣку,
такое невыразимое счастье пребыванія въ Богѣ, что далѣе
ужъ писать онъ не могъ. Было то уже ночью, незадолго
до разсвѣта. Силы его покинули, онъ уснулъ и увидѣлъ
во снѣ, что блещетъ свѣтъ въ глазахъ его. Онъ проснулся,
и въ самомъ дѣлѣ воображеніе такъ было разгорячено,
что казалось ему — вокругъ стѣнъ бѣгаетъ свѣтъ. И онъ
заплакалъ — отъ благодарности и любви къ Богу. Онъ
зажегъ масляную лампу и написалъ послѣднюю строфу,
окончивъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ проливалъ благо-
дарныя слезы за тѣ понятія, которыя были ему даны:

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Когда онъ кончилъ, былъ день.

V.

Хлопоты о губернаторствѣ затянулись до самаго лѣта и кончились не совѣмъ такъ, какъ мечталъ Державинъ: его назначили не въ Казанскую, а въ Олонецкую губернію. Казанская была бы ему не въ примѣръ удобнѣе: онъ зналъ мѣстныя нужды и обстоятельства, имѣлъ знакомства въ городѣ и въ губерніи, а главное — подъ бокомъ были его деревни, которыя требовали хозяйскаго глаза. Но такова была воля императрицы.

Олонецкая губернія принадлежала къ числу тѣхъ, которыя только что учреждались. Ея открытіе предстояло лишь въ декабрѣ, указъ же о назначеніи Державина состоялся въ маѣ. Поэтому Державинъ взялъ отпускъ и поѣхалъ съ женою въ Казань. Тамъ его ожидало горе: Ѳекла Андреевна скончалась за три дня до его пріѣзда. Впослѣдствіи онъ всю жизнь каялся, что такъ долго откладывалъ эту поѣздку. Но что дѣлать? Оплакавъ мать и побывавъ въ деревняхъ, гдѣ имъ такъ и не суждено было похозяйничать, Державины возвратились въ столицу. Весь домашній скарбъ, передъ тѣмъ понапрасну отправленный въ Казань, теперь они привезли обратно.

Приготовленія къ переѣзду въ Олонецкую губернію отняли много времени и труда. Надо было расплачиваться съ долгами и многимъ обзаводиться. Къ тому же Державинъ, погорячившись, взвалилъ на себя расходъ вовсе лишній и непосильный: видя, что на оборудованіе губернаторскаго дома и будущихъ присутственныхъ мѣстъ казна даетъ мало денегъ, вздумалъ онъ чуть не все оборудовать на свой счетъ и закупилъ груду мебели. Ради этого влѣзъ онъ въ новые долги да еще заложилъ женины серьги; завѣтная табакерка, подарокъ Фелицы, тоже пошла къ процентщику.

Наконецъ, все было улажено, вещи и мебель отправлены водою впередъ, а въ началѣ октября, откланявшись государынѣ у нея въ кабинетѣ, тронулся въ путь и Державинъ. Онъ ѣхалъ цѣлымъ обозомъ, везя съ собою не только слугъ, но и набранныхъ въ Петербургѣ чиновниковъ, въ томъ числѣ секретаря Грибовскаго. Узнавъ объ его отъѣздѣ, Вяземскій произнесъ пророчество, столь же странное по формѣ, сколь и по содержанію мрачное:

— Скорѣе черви ползутъ по моему носу, — сказалъ онъ, — нежели Державинъ долго просидитъ губернаторомъ.

*
**

Губернаторство, хотя бы Олонекское, имѣло въ себѣ много привлекательнаго для Державина. По службѣ то было несомнѣнное повышение; дѣятельность оно сулило живую, разнообразную; наконецъ — открывало доступъ къ тому, что Державинъ считалъ какъ бы своимъ призваніемъ: къ прямому насажденію законности тамъ, гдѣ донынѣ о законности имѣли всего менѣе понятія. Работы предстояло много, но трудъ никогда его не отпугивалъ. По сравненію же съ Петербургомъ, гдѣ жилъ онъ слишкомъ пестро, гдѣ волненія смѣнялись волненіями, — глушь олонекская рисовалась ему мѣстомъ отдыха. Одинадцать лѣтъ тому назадъ поскакалъ онъ на усмиреніе Пугачева — и съ тѣхъ поръ не видалъ ни единого дня покоя (да и раньше покоя было не много). Онъ мечталъ о жизни патріархальной, отданной трудамъ служебнымъ и поэтическимъ.

Что до глуши, расчетъ оказался вѣренъ. За восемьдесятъ лѣтъ до того, при впаденіи рѣки Лососинки въ Онежское озеро былъ построенъ Петромъ Великимъ артиллерійскій заводъ. Постепенно обросъ онъ домишками; образовалось селеніе, у котораго по началу даже имени своего не было: такъ оно и звалось Петровскимъ заводомъ. Только въ 1777 году оно было объявлено уѣзднымъ городомъ Петрозаводскомъ, а теперь превращалось въ губернскій городъ новоучрежденной Олонекской губерціи. Населяли его купцы, мѣщане да разночинцы, а всего жи-

телей обоего полу считалось три тысячи. Вокругъ, на огромномъ пространствѣ, до самаго Бѣлаго моря, — дремучіе лѣса, да скалы, поросшія соснами, да непроходимыя болота и тундры. Зимой здѣсь почти не бываетъ дня, лѣтомъ — ночи. По тундрамъ текутъ прозрачныя, свѣтловодныя рѣки; порою онѣ образуютъ озера или кипучими водопадами свергаются со скалъ внизъ. Рѣки обильны рыбою, а лѣса звѣрьемъ. Лѣтомъ надъ тундрою тучами носится мошкара. За то людей мало: на 136.000 квадратныхъ верствъ — всего 206.000 жителей: лапландцевъ, кореловъ, русскихъ (по большей части раскольниковъ). Это выходитъ по полтора человекъ на квадратную версту. Селенія рѣдки, а уѣздныхъ городовъ и всего четыре: Олонецъ, Вытегра, Каргополь да Повѣнецъ. Дорогъ большею частью нѣтъ никакихъ: по болотамъ и тундрамъ лѣтомъ проѣзду нѣтъ вовсе; ѣздятъ только зимою, и то гусемъ.

Нѣсколько зданій въ Петрозаводскѣ именовались каменными; на самомъ дѣлѣ были они деревянные и лишь снаружи обложены кирпичемъ. Всѣ они принадлежали казнѣ. Въ одномъ изъ нихъ Державинъ и поселился. То было одноэтажное, длинное, плоское, какъ пирогъ, строеніе съ одиннадцатю окнами по фасаду; по бокамъ, нѣсколько отступя въ глубину, стояли два флигеля. Все это было обнесено палисадникомъ и выходило на широкую, немощеную улицу, похожую на площадь. Передъ домомъ стоялъ фонарь, окруженный заборчикомъ, и двѣ коновязи. Больше никакихъ монументовъ въ городѣ не было.

Въ другомъ подобномъ же зданіи жилъ генераль-губернаторъ. Нужно принять во вниманіе, что въ ту пору губерніи были соединяемы по двѣ и по три въ такъ называемыя намѣстничества. Во главѣ намѣстничествъ стояли намѣстники (или генераль-губернаторы), которымъ было подчинено соотвѣтствующее число правителей намѣстничества (иначе — губернаторовъ просто). Въ составъ Олонецкаго намѣстничества вошли двѣ губерніи: Олонецкая и Архангельская. Одновременно съ назначеніемъ Державина въ Олонецкую губернію, нѣкій Ливень былъ назначенъ губернаторомъ въ Архангельскую, а генераль-губернаторомъ надъ ними обоими поставленъ Тимофей Ива-

новичъ Тутолминъ. Резиденцію свою онъ имѣлъ въ Петрозаводскѣ и къ прїѣзду Державина уже находился тамъ.

Тутолминъ былъ немногимъ старше Державина. Нѣкогда онъ служилъ въ военной службѣ, но лѣтъ девять тому назадъ перешелъ въ штатскую, имѣя, впрочемъ, Георгіевскій крестъ за лихую кавалерійскую атаку противъ турокъ. Онъ не лишень былъ способностей, но несчастіе его характера составляли транжирство и фанфаронство почти безумныя. Отсюда проистекли какія-то осложненія, заставившія его покинуть полкъ (былъ онъ Сумскимъ гусаромъ). Покровительство Румянцова привело его въ Тверь, сперва вице-губернаторомъ, а потомъ губернаторомъ. Онъ что-то перетранжирилъ. Его перевели на мѣсто «не столь видное и дорогое, какъ Тверь» — въ Екатеринославль. Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Екатеринославлѣ онъ былъ назначенъ Олонецкимъ намѣстникомъ.

Въ сѣверной глуши, средь забытаго Богомъ и людьми, частію полудикаго населенія, привыкшаго круглый годъ питаться рыбкою ряпушкой да зловонной соленой пальей, Тутолминъ вообразилъ себя не только представителемъ императрицы, но какъ бы и вовсе императоромъ. Онъ окружилъ себя почестями, едва ли не царскими. При выѣздахъ его сопровождали отряды сформированной имъ кавалеріи. Съ собою привезъ онъ цѣлую свиту изъ офицеровъ, которые ослѣпляли лапландцевъ великолѣпіемъ своего убранства. По петрозаводскимъ улицамъ засновали ихъ щегольскія кареты, хотя въ четверть часа можно было пѣшкомъ пересѣчь городъ изъ конца въ конецъ. По вечерамъ генераль-губернаторскій домъ сіялъ свѣтомъ и гремѣлъ музыкой — Тутолминъ устраивалъ балы съ придворною церемоніей. Въ главной залѣ онъ воздвигъ императорскій тронъ; въ табельные дни, когда приглашенные къ обѣду сидѣли за большими столами, Тутолминъ обѣдалъ отдѣльно — у подножія трона (хорошо еще — не на тронѣ).

Державину это все показалось просто дурачествомъ, но отношенія между нимъ и намѣстникомъ сложились хорошія; ежедневно они посѣщали другъ друга съ женами. Поскольку встрѣчались они «не въ должно-

сти», Державинъ добродушно сносилъ «почти несносную гордость и превозношеніе» Тутолмина.

Когда настала пора открывать губернію, Тутолминъ растянулъ торжества на цѣлую недѣлю. Были молебны, проповѣди, колокольный звонъ, пушечная пальба; намѣстникъ устраивалъ пиршества и производилъ рѣчи съ высоты трона. Состоялось даже народное угощеніе на площади. Наконецъ, 17 декабря были открыты новыя учрежденія и произведены выборы изъ дворянъ, городскихъ жителей и крестьянъ въ члены губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Олонецкая губернія стала быть. Но первый день губерніи сталъ послѣднимъ днемъ мира.

*
**

Предѣлы власти не были въ точности разграничены между губернаторомъ и намѣстникомъ; ихъ служебныя отношенія не были опредѣлены ясно. Отвѣтственность по управленію губерніей лежала на губернаторѣ, который въ дѣйствіяхъ своихъ отчитывался передъ высшимъ правительствомъ. Казалось бы, при такомъ построеніи власти, существованіе намѣстника излишне. Межъ тѣмъ, ему ввѣренъ былъ общій надзоръ за административными и выборными учрежденіями. Оказывалось даже, что изъ этихъ учреждений одни какъ будто болѣе подчинены намѣстнику, другія же — губернатору. Въ концѣ концовъ, и тѣ, и другія зависѣли отъ каждаго въ отдѣльности и отъ обоихъ вмѣстѣ.

Въ самый день открытія губерніи Тутолминъ прислалъ губернатору «новый канцелярскій обрядъ», т. е. постановленіе о производствѣ дѣлъ во всѣхъ учрежденіяхъ. «Обрядъ» настолько затрогивалъ соотношеніе учреждений и даже существо дѣлъ, что самъ собой превращался въ книгу законовъ, изданныхъ намѣстникомъ и императорской властью не утвержденныхъ. Эту книгу Тутолминъ составилъ еще въ Екатеринославѣ. Въ ней попадались распоряженія дѣльныя, но были и незаконныя, и просто нелѣпыя. Напримѣръ, директору экономіи предписывалось подавать годичныя вѣдомости о насажденіи лѣсовъ: для

Екатеринославской губернии это было хорошо, но въ Олонецкой лѣса и безъ того были непроходимы. Державинъ, впрочемъ, не сталъ особенно разбираться: большинство тутолминскихъ распоряженій клонилось къ превращенію административной власти въ судебную и законодательную. Это былъ именно тотъ произволъ, который Державинъ почиталъ величайшей російской язвой и котораго искорененіе ставилъ себѣ цѣлью. Часу не медля, онъ кинулся на домъ къ Тутолмину и, что называется, ткнулъ ему въ носъ скатерининскій указъ 1780 года о томъ, чтобы никто изъ генераль-губернаторовъ «не дѣлалъ отъ себя собственно никакихъ установленій, но всю власть званія своего ограничивалъ въ охраненіи Нашихъ постановленій».

Тутолминъ «затрясся и поблѣднѣлъ». Вѣроятно, таковъ же стоялъ передъ нимъ и Державинъ. Въ ту минуту поняли они оба все отчаяніе своего положенія: Державинъ увидѣлъ, что несчастіемъ его губернаторства будетъ борьба съ самоуправствомъ намѣстника, Тутолмину же открылось, что Державинъ отравитъ ему все упоеніе властью.

Война началась. Державинъ въ началѣ одержалъ двѣ побѣды. Первую — когда самъ Вяземскій принужденъ былъ элегически написать намѣстнику: «Чего, любезный другъ, въ законахъ нѣтъ, того исполнить невозможно». Вторую — когда Тутолминъ ѣздилъ въ Петербургъ жаловаться на Державина Вяземскому — и вернулся ни съ чѣмъ, потому что Державинъ успѣлъ черезъ Безбородку пожаловаться самой государынѣ. Каждый разъ послѣ боя наступала краткая передышка. Во время второй Тутолминъ вздумалъ перемѣнить тактику и оружіе.

Чиновничье населеніе Петрозаводска было, можно сказать, вполне классическое. Всѣ эти совѣтники, прокуроры, засѣдатели, экзекуторы, судьи были предками тѣхъ, коимъ суждено было черезъ пятьдесятъ лѣтъ явиться въ творенія Гоголя. Державинъ со своими гражданскими добродѣтелями былъ имъ непонятенъ, а то и смѣшонъ. Видя разнь между Тутолминымъ и Державинымъ, они очень скоро перестали его бояться; знали, что чѣмъ крѣпче досадятъ губернатору, тѣмъ вѣрнѣе найдутъ защиту

и покровительство у намѣстника. Они и совсѣмъ потеряли къ нему уваженіе, будучи изо дня въ день свидѣтелями придирокъ, привязокъ и оскорбительныхъ выходокъ, которыя разрѣшалъ себѣ Тутолминъ «даже и при купечествѣ». Дошло до того, что нѣкоторыя присутственныя мѣста отложились отъ губернатора и признали надъ собою единственно власть намѣстника. Совершилось это не сразу и не открыто, а постепенно, путемъ мелочнаго противодѣйствія по каждому отдѣльному поводу. Державинъ не могъ каждый разъ прибѣгать къ защитѣ Сената, въ которомъ къ тому же сидѣлъ Вяземскій. Такимъ образомъ, учрежденія, сохранившія вѣрность Державину, были какъ бы парализованы. Борьба намѣстника съ губернаторомъ перешла въ борьбу между учрежденіями, и чиновный Петрозаводскъ оказался раздѣленъ на два лагеря. Впрочемъ, даже и въ своемъ собственномъ Державинъ не чувствовалъ себя вполне господиномъ, ибо Тутолминъ, путемъ разныхъ изворотовъ, присвоилъ себѣ исключительное право перемѣщенія чиновниковъ и представленія ихъ къ наградамъ: понятно, что послѣ этого сердца склонились къ намѣстнику. Державину оставались вѣрны лишь немногіе. Онъ былъ окруженъ врагами, тѣмъ болѣе опасными, что они дѣйствовали приказными каверзами, увертками, е р и х о н с к и м и к р ю ч к а м и, какихъ его прямой умъ не могъ да и не хотѣлъ предвидѣть: гнушался ими.

Борьба съ каждымъ днемъ становилась противнѣе и подлѣе. На Державина насѣдали. Каждое слово его, каждое приказаніе вызывали то грубое противодѣйствіе, то уклончивую волокиту, подвохъ, клевету, сплетню. Одна исторія не успѣвала кончиться — начиналась другая. Покуда Державинъ велъ безконечную прою съ губернскимъ прокуроромъ Грейцемъ, однимъ изъ безчисленныхъ поддипалъ намѣстника, — уже секретарь Сафоновъ донесъ о какихъ-то неблагопристойныхъ поступкахъ совѣтника губернскаго правленія Соколова. Соколовъ обозлился и пересталъ ходить въ должность. Державинъ велѣлъ его освидѣтельствовать, потому что онъ ссылался на болѣзнь. Штабъ-лѣкарь Рачъ, по научномъ изслѣдованіи, опредѣлилъ у Соколова геморрой и зубную боль, но совѣтникъ казенно:

палаты Шишковъ въ собраніи чуть не всего городского общества стала божиться, будто на соколовскомъ тѣлѣ найдены синяки отъ побоевъ, нанесенныхъ Державинымъ. Самъ Соколовъ, наконецъ, заявилъ, что никакимъ побоямъ не подвергался, но ему ужъ никто не вѣрилъ.

По каждому поводу слухи, суды и пересуды, цѣпляясь одинъ за другой, перевирались и размножались по городу. Нельзя уже было разобрать, что ложь, а что правда. Настало лѣто. Въ душныя бѣлыя ночи Державинъ томился безсонницей и тяжелыми мыслями. За то жизнь дневная казалась противнымъ сномъ на яву. Воздухъ наполнился болотною мошкаррой. Наконецъ, какъ водится въ страшныхъ снахъ, изъ толпы челоуѣчьихъ призраковъ высуцунлась косматая морда звѣря. Медвѣдь появился.

Онъ появился въ верхнемъ земскомъ судѣ: сидѣлъ въ предсѣдательскихъ креслахъ и лапу, обмокнутую въ чернила, прикладывалъ къ листу бѣлой бумаги, которую подносилъ ему секретарь для скрѣпы. То-есть, быть можетъ, лапу и не прикладывалъ, и секретаря тутъ не было. Можетъ быть, даже и медвѣдя не было, а была маленькій медвѣжонокъ, но въ городѣ говорили, будто большой медвѣдь, и самъ губернаторъ посадилъ его въ кресла. Разобраться тутъ не легко, но вотъ что во всякомъ случаѣ достоверно.

10 мая, на Оминой недѣлѣ, засѣдатель верховнаго земскаго суда, бывшій артиллеріи поручикъ Молчинъ поутру шелъ въ должность. Присутствія въ тотъ день не было, а предсѣдатель суда Тутолминъ (двоюродный братъ намѣстника) находился въ отпуску. Молчинъ поэтому шелъ не спѣша. Поравнявшись съ губернаторскимъ домомъ, увидѣлъ онъ (въ палисадникѣ, вѣроятно) знакомаго медвѣжонка, который принадлежалъ ассессору Аверьянову, жившему у губернатора во флигелѣ. Звѣрь былъ ручной, узналъ Молчина и пошелъ за нимъ. Поручику это показалось забавно. Прийдя въ судъ, объявилъ онъ чиновникамъ о прибытіи новаго члена, Михайлы Ивановича Медвѣдева, — и впустилъ медвѣжонка въ комнату. Шутка успѣха не имѣла. Гостя прогнавъ палкою.

Тѣмъ бы дѣлу и кончиться. Но семейство Тутолминыхъ вернулось изъ отпуска, и молва тотчасъ извѣстила ихъ о

событіи. Увѣряли, что по приказанію Державина медвѣдь былъ посаженъ на предсѣдательское мѣсто и прикладывалъ лапу свою къ бумагамъ. Младшій Тутолминъ, «худогрмотѣ знавшій», усмотрѣлъ въ этомъ намекъ, пасквиль и персональное себѣ оскорбленіе. Заварилось дѣло, полетѣли бумаги отъ намѣстника къ губернатору и обратно...

8 іюля Державинъ, въ конецъ измученный, писалъ Безбородкѣ: «Отъ всѣхъ нелѣпыхъ привязокъ у меня голова вскружилась. Тимофей Ивановичъ дневными своими предложеніями въ намѣстническое правленіе произвелъ не токмо ко мнѣ отъ всѣхъ отвращеніе, но можно сказать благопристойный бунтъ... Только и знаю, что дѣлаю отраженія, не выходя изъ пристойности. Но сколько нибудь въ отдохновеніе ѣду на будущей недѣлѣ осматривать губернію и елико можно далѣе въ лопскіе погосты. Извѣдите изъ темницы душу мою!»

*
**

Онъ выѣхалъ 19 іюля, въ сопровожденіи секретаря Грибовскаго и экзекутора Николая Ѳеодоровича Эмина. (Это былъ молодой человѣкъ не безъ способностей, склонный къ поэтическимъ упражненіямъ, но чрезвычайно обидчивый и непрестанно занятый обереганіемъ своего достоинства).

Планъ путешествія былъ намѣченъ лишь въ общихъ чертахъ. Предполагалось посѣтить берега Онежскаго озера и мѣстности, лежащія отъ него къ востоку, въ направленіи Пудожа, Каргополя и Вытегры. Тронулись въ путь водою, причаливая къ пустыннымъ рыбацкимъ островамъ или подымаясь по рѣчкамъ, которыми изобилуютъ сѣверные, глубоко изрѣзанные берега озера. Мѣстами изъ лодокъ пересаживались на коней и ѣхали верхами. Такъ посѣтили Кончезерскіе заводы. Потомъ, на третій день путешествія, пробравшись къ деревнѣ Вороновой, стали отъ нея подыматься вверхъ по теченію Суны. Рѣка мелка и порожиста. Ъхали въ маленькихъ лодочкахъ, среди скалистыхъ, измѣнчивыхъ береговъ. Проплывъ версты три, увидѣли, что рѣка покрывается пѣной. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ подходитъ къ самой водѣ, и подъ зыбкимъ

сводомъ нависшихъ надъ нею сосенъ Суна течеть не спѣша, вся бѣлая. Чѣмъ дальше плыли, тѣмъ обильнѣе становилась пѣна; окаймляя берегъ, она цѣлыми шапками осѣдала на его камняхъ. По этой млечной рѣкѣ плыли версты двѣ, потомъ услышали вдалекѣ гулъ и грохотъ, а справа, надъ берегомъ, увидѣли какъ бы дымъ. По мѣрѣ приближенія онъ сгущался, а шумъ становился громче. Проплыли еще съ версту и тамъ, гдѣ рѣка круто сворачивала направо, причалили. Выйдя на берегъ, поднялись въ гору, пересѣкли небольшую луку и увидѣли водопадъ.

Зажатый въ ущельѣ, межъ черныхъ отвѣсныхъ скалъ, Ки вачъ тремя хаотическими уступами падаетъ на четвертый, откуда всѣмъ изобилиемъ своихъ водъ низвергается еще разъ съ восьмисаженной высоты. Отъ удара вода разбивается въ брызги, въ пѣну и столпами стеклянной пыли бьетъ ввысь. Солнечные лучи играютъ въ ней радугой. Гигантскія сосны, растущія возлѣ берега, до самыхъ вершинъ ея увлажнены. Эминъ важно записалъ въ путевомъ журналѣ: «Чернота горъ и сѣдина бьющей съ шумомъ и пѣнящейся воды наводятъ нѣкій пріятный ужасъ»... Державинъ велѣлъ на вершинѣ срубить сосну и бросить ее въ водопадъ. Черезъ нѣсколько минутъ выплыли изъ жерла одни обломки и щепы. Державинъ ушелъ отъ Кивача потрясенный. Снова сѣвъ въ лодки, тѣмъ же путемъ пустились обратно, и водопадъ еще долго провожалъ ихъ стихающимъ ревомъ; потомъ только бѣлизною пѣны; потомъ, замедляя бѣгъ, исчезла и пѣна. По тихой, прозрачной рѣкѣ выплыли въ свѣтлый просторъ Онеги.

Въ душѣ Державина петрозаводскія дразги уже устygали мѣсто инымъ, болѣе возвышеннымъ впечатлѣнiямъ, но козни Тутолмина преслѣдовали его по пятамъ. Когда, осмотрѣвъ славныя мраморныя ломки на рѣкѣ Тивди, путники переплыли Онежское озеро и прибыли въ Пудожъ, ихъ тамъ ожидало приказанiе намѣстника ѣхать на крайній сѣверъ губерни, чтобы открыть городъ Кемь. Въ лѣтніе мѣсяцы проникнуть туда сухимъ путемъ невозможно: окружающія болота вовсе непроходимы. Надобно забирать восточнѣе, на Сумскій острогъ, и оттуда плыть Бѣлымъ моремъ. Но въ іюлѣ и въ августѣ, когда

уже начинается сильный вѣтеръ, никто при тогдашнемъ состояніи судоходства на такое путешествіе не отважился. Тутолминъ рассчитывалъ, что Державинъ откажется отъ поѣздки, и его можно будетъ лишній разъ обвинять въ неповиновеніи.

Но Державинъ поѣхалъ. По Онежскому озеру и его берегамъ добрались до самого Повѣнца. Дорогою посѣтили древній монастырь на островѣ Польѣ, побывали во многихъ скитняхъ раскольниковъ-безпоповцевъ, видѣли замѣчательныя свидѣтельства разврата, обмана и беззаконія, такъ же, какъ прямой вѣры и великаго подвижничества. Тутъ, между прочимъ, Державинъ издалъ секретное распоряженіе «о недопущеніи раскольниковъ сжигать самихъ себя, какъ часто то они изъ бѣсновѣрія чинили».

Отдохнувъ въ Повѣнцѣ, двинулись дальше къ сѣверу. то въ маленькихъ челнокахъ, то верхами. Пробирались лѣсными чащами, гдѣ стоялъ грибной духъ и бродили медвѣди, олени, лоси. Пересѣкали болота, поросшія верескомъ, клюквой, морошкой. Переваливъ гору Мосельгу, стали спускаться къ Бѣлому морю. Переплыли Выгъ-озеро, на которомъ дважды настигла ихъ буря, и наконецъ прибыли въ Сумы.

19 августа, на шестивесельныхъ лодкахъ, управляемыхъ лопарями, пустились по морю. Отъ Сумъ до Кеми 95 верстъ. Плыли, держась береговъ, какъ дѣлали древніе мореплаватели. Въ Кеми, по увѣреніямъ Тутолмина, были уже заготовлены присутственныя мѣста и канцелярскіе служители. Державинъ ничего этого не нашелъ. На силу-то удалось отыскать священника: его привезли съ какого-то острова, гдѣ онъ косилъ сѣно. Обошли селеніе, окропили его святой водой и послали въ Сенатъ и Синодъ донесенія объ открытіи города Кеми.

Соловецкіе острова лежатъ противъ Кеми въ 60 верстахъ. Державинъ задумалъ ихъ посѣтить, но попалъ въ полосу бури и едва не погибъ. Эминъ и Грибовскій уже лежали безъ чувствъ на днѣ лодки. Гребцы выбились изъ силъ и пали духомъ. Наконецъ, лодку чудомъ выбросило на голую скалу посреди моря. Тутъ путники провели ночь и утромъ вернулись обратно, не побывавши на Соловкахъ.

Отъ Кеми началось возвращеніе въ Петрозаводскъ. Описали большую дугу на Каргополь и Вытегру, проѣзжали деревни и села, гдѣ иконы и женскія одѣянія унижены рѣчнымъ жемчугомъ, гдѣ справляются еще древніе языческіе обряды, гдѣ поются былины про Микулу Селяниновича. 13 сентября Державинъ вернулся домой, ознакомившись съ краемъ и освѣживъ душу.

**

Въ Петрозаводскѣ все было по прежнему. Тутолминъ сумасбродилъ, городъ утопалъ въ дрязгахъ. Дѣло о медвѣдѣ оказалось доведено до Сената, въ общемъ собраніи котораго Вяземскій кричалъ не своимъ голосомъ:

— Вотъ, милостивцы, какъ дѣйствуетъ нашъ умница стихотворецъ: онъ дѣлаетъ медвѣдей предсѣдателями!

Цѣлый мѣсяцъ Державинъ писалъ въ Петербургъ объясненія и рапорты, оспаривая намѣстника и умоляя прекратить дѣло, которое «можетъ только быть поводомъ къ смѣху цѣлой имперіи». Сенатъ, несмотря на Вяземскаго, положилъ дѣло подъ сукно. Тутолминъ между тѣмъ не сдавался и слалъ въ Петербургъ доносъ за доносомъ. Они доводили Державина до отчаянія, котораго онъ не умѣлъ скрывать, Тутолминская партія (а къ ней принадлежалъ почти весь городъ) чувствовала, что одолеваетъ, что Державинъ вотъ-вотъ погубить себя какой-нибудь выходкой. Вдругъ обнаружилась въ немъ непонятная переменна: онъ сталъ спокоенъ и словно чему-то легонечко улыбался.

Улыбаться, однако же, было какъ-будто нечему. Какъ разъ въ концѣ октября онъ узналъ, что въ приказѣ общественнаго призрѣнія, гдѣ Грибовскій исполнялъ должность казначея, не хватаетъ тысячи рублей наличными да сверхъ того нѣтъ расписокъ въ полученіи купцами семи тысячъ, которыя были имъ розданы заимообразно. Канцелярская сторона была такъ обставлена, что при желаніи можно было и самого Державина обвинять въ соучастіи. Кто бы усомнился, что какъ только исторія обнаружится, тутолминская партія сумѣетъ ею воспользоваться?

Державинъ потребовалъ отъ Грибовскаго объясненій. Тотъ покаялся, что, выдавая ссуды купцамъ, не бралъ съ нихъ расписокъ, при условіи, что они распишутся послѣ, когда будутъ возвращать деньги. Ссуды такимъ образомъ становились какъ бы безсрочными. За это Грибовскій получалъ взятки. Что же касается тысячи, имъ лично растраченной, то Грибовскій признался, что проигралъ ее въ карты, ведя игру съ вице-губернаторомъ, губернскимъ прокуроромъ и предсѣдателемъ уголовной палаты.

При другихъ обстоятельствахъ Державинъ, конечно, отдалъ бы казначея подъ судъ. Но теперь ему было некогда ждать судебной развязки. Все, что случилось въ Петрозаводскѣ, представлялось ему дурнымъ сномъ, и исходя изъ этого онъ придумалъ закончить дѣло особымъ и страннымъ образомъ.

Онъ заставилъ Грибовскаго тутъ же, не сходя съ мѣста, письменно изложить все признаніе, съ поименнымъ перечнемъ, что и кому проиграно. Это было 27 октября, въ седьмомъ часу вечера. Отпустивъ Грибовскаго, Державинъ тотчасъ вызвалъ къ себѣ вице-губернатора. Тотъ явился. Съ самымъ дружескимъ видомъ Державинъ повѣдалъ ему о растратѣ и просилъ совѣта, какъ поступить. Вице-губернаторъ сталъ важно читать Державину наставленія, бранилъ Грибовскаго и требовалъ, чтобы поступлено было по всей строгости закона. Тогда Державинъ далъ ему прочитатъ признаніе Грибовскаго. Увидя имя свое между игроками, вице-губернаторъ «сначала взбѣсился, потомъ обробрѣлъ и въ крайнемъ замѣшательствѣ уѣхалъ домой».

Затѣмъ былъ призванъ предсѣдатель уголовной палаты, и съ нимъ все повторилось точъ въ точъ, какъ съ вице-губернаторомъ. До губернскаго прокурора очередь дошла уже ночью. Но прокуроръ былъ не такъ-то простъ. Онъ не испугался, а заявилъ, что дастъ дѣлу ходъ, да съ тѣмъ и уѣхалъ.

На утро Державинъ отправился въ приказъ общественнаго призьбнія, велѣлъ привести купцовъ и, грозя немедленною тюрьмой, заставилъ ихъ выдать расписки на всѣ семь тысячъ. Документы были приведены въ порядокъ, а недостающую тысячу Державинъ внесъ изъ сво-

ихъ денегъ. Вернувшись къ себѣ въ правленіе, онъ уже тамъ засталъ прокурора; тотъ явился съ формальнымъ протестомъ противъ дѣйствій губернатора, призвавшаго его ночью и пугавшаго бумагой, въ которой онъ былъ obviously замѣшанъ въ картежное дѣло.

Но тутъ, вѣроятно, прокурору показалось, что губернаторъ сходитъ съ ума: Державинъ рѣшительно объявилъ, что никогда его ночью не вызывалъ, никакія деньги не пропадали, и все это, очевидно, прокурору приснилось. Если же онъ сомнѣвается, то можетъ побывать въ приказѣ общественнаго призрѣнія и лично во всемъ убѣдиться, освидѣтельствовавъ казну и книги. Прокуроръ помчался въ приказъ и вернулся оттуда въ крайнемъ смущеніи: теперь ужъ ему казалось, что сходитъ съ ума онъ самъ.

Тѣмъ временемъ собрались чиновники губернскаго правленія. Державинъ при всѣхъ вернулъ прокурору его бумагу и еще разъ подтвердилъ, что все бывшее — только «сонная греза», которая всѣмъ привидѣлась. Потомъ, приказавши подать шампанскаго, онъ наполнилъ бокалы и попросилъ присутствующихъ пожелать ему счастливаго пути. Шампанское выпили, и губернаторъ съ супругою въ тотъ же день отбылъ изъ города для обозрѣнія двухъ уѣздовъ, которые ранѣе не были имъ осмотрѣны.

Вслѣдъ затѣмъ произошло событіе чрезвычайное. Олонецкій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Державинъ, отбывъ для осмотра губерніи, исчезъ и не возвращался болѣе. Никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Повергнувъ въ крайнее недоумѣніе самого намѣстника, и все чиновничество, и все общество петрозаводское, губернаторъ растаялъ, «какъ сонная греза».

*
**

Въ послѣднее время онъ былъ потому такъ спокоенъ, что тайно исхлопотавъ себѣ отпускъ, рѣшилъ отправиться не въ уѣзды, а въ Петербургъ, — и ужъ больше не возвращаться. Заканчивая дѣла, онъ уже представлялъ себѣ, каково будетъ всеобщее изумленіе, когда онъ исчезнетъ.

Въ этой необычайной затѣѣ было, конечно, много не только юмора, но и поэтическаго воображенія. Лишь поэту могло прийти въ голову разыграть олонцецкую дѣйствительность, какъ венеціанскую комедію и превратить отъѣздъ губернатора въ исчезновеніе волшебника.

Должно, однако, взглянуть на дѣло и съ другой стороны. Предсказаніе Вяземскаго сбылось: Державинъ и году не просидѣлъ губернаторомъ. Вяземскій не умомъ (котораго у него было мало), но просто хитростію и опытомъ (которыхъ у него было вдоволь), предугадалъ очень вѣрно, что при взглядахъ Державина и при его характерѣ на губернаторствѣ ему предстоитъ неизбѣжная борьба и столь же неизбѣжное пораженіе. Это не потому, что Державину предстояло столкнуться именно съ Тутолминымъ. Будь на мѣстѣ Тутолмина кто угодно изъ тогдашнихъ администраторовъ — все равно и самое столкновеніе, и его исходъ были предрѣшены. Такъ и вышло. Державинъ, выражаясь его же слогомъ, «донкишотствовалъ собой» десять мѣсяцевъ и оказался не только побѣжденъ, но и смѣшонъ, потому что его волшебный отлетъ изъ Петрозаводска при переводѣ на языкъ прозаическій былъ не что иное, какъ бѣгство.

Конечно, Державинъ боролся во имя закона, и законъ всегда (или почти всегда) былъ за него. Потому-то въ открытыхъ бояхъ съ Тутолминымъ онъ и не былъ разбитъ ни разу. Но его взяли изморомъ. Силы его изсякли и не могли не изсякнуть, ибо на его сторонѣ была правда, а на сторонѣ противниковъ — вся грубая сила тогдашняго русскаго быта. Въ борьбѣ за законъ у Державина не было опоры ни въ обществѣ, ни въ самомъ правительствѣ. Законы писались даже усиленно, но какъ-то само собою подразумѣвалось, что исполняться они должны лишь до извѣстной степени и по мѣрѣ надобности (преимущественно дворянской). Не отрицалось, что законы гораздо лучше исполнять, нежели не исполнять. Но одному лишь Державину ихъ неисполненіе казалось чѣмъ-то чудовищнымъ. Нарушителей закона никто прямо не поощрялъ, но и карать ихъ у власти охоты не было. Державинъ этого не хотѣлъ взять въ толкъ. Кидаясь на борьбу съ нарушителями закона, онъ всякій разъ былъ увѣренъ, что «щитъ

Екатерины» дѣлаетъ его неуязвимымъ. Отчасти оно такъ и было. Но — тотъ же щитъ покрывалъ и его враговъ. Выходило, что Минерва Россійская равно благоволитъ и къ правымъ, и къ виноватымъ, и къ добрымъ, и къ злымъ. Почему? Богъ загадка, которой Державинъ не только еще не рѣшилъ, но и не поставилъ передъ собой открыто.

Кажется, онъ не отваживался объ этомъ думать. Однако, негодованіе порою душило его, и онъ давалъ волю чувствамъ. Въ одну изъ такихъ минутъ (уже лѣтъ пять тому назадъ) онъ переложилъ въ стихи 81-й псаломъ. Писалъ, далеко отступая отъ подлинника, подражая, а не переводя. Пьесу тогда же онъ отдалъ въ «С.-Петербургскій Вѣстникъ». Ее было напечатали, но тотчасъ же и вырѣзали изъ книжки — издатели испугались. Теперь Державинъ все написалъ сызнова, но не смягчая, а напротивъ — усиливая. Пять лѣтъ не даромъ прошли: вмѣстѣ съ силою поэтической возросла въ немъ и ярость. Тогда онъ болѣе сѣтовалъ, теперь обличалъ:

Возсталъ Всевышній Богъ, да судить
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ», рекъ: «доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?»

«Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставять.

«Вашъ долгъ — спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подавать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ».

Не внемлютъ! — видятъ и не знаютъ!
Покрыты мглою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! — я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны
И такъ же смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ дровъ увядшій листь падеть!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умреть!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внимли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!

Державинъ добился того, что эти стихи, которыхъ не рѣшались печатать въ ихъ прежнемъ видѣ, были напечатаны въ новомъ, болѣе рѣзкомъ. Ссылка на подражаніе псалму могла бы служить надежнымъ прикрытіемъ, но Державинъ зачеркнулъ старое заглавіе «Псаломъ 81» и сдѣлалъ новое, свое собственное: «Властителямъ и судьямъ». Такова была его прямота: онъ зналъ, что пьеса возникла въ сущности не изъ чтенія Библии, но изъ созерцанія Россіи. Дѣло все въ томъ, однако, что эти стихи выражали не всю полноту и не самую глубину его чувства. Глубже гнѣва и вопреки самой логикѣ, равно неподвластная доводамъ чувства, какъ и разсудка, въ немъ по прежнему коренилась упрямая вѣра въ Екатерину — добродѣтельную монархиню, окруженную злыми сановниками. Эта вѣра и оставалась главнымъ двигателемъ его поступковъ. Въ Петербургѣ онъ сталъ добиваться новаго губернаторства — и добился.

**

Поэтъ, посѣтившій Тамбовъ мимоѣздомъ ровно черезъ пятьдесятъ лѣтъ, нашель, что

Въ немъ есть три улицы прямая,
И фонари, и мостовыя...
Въ немъ зданье лучшее острогъ.

Въ мартѣ 1786 г., когда прибылъ туда Державинъ, ни острога, ни мостовыхъ еще не было. Городъ, расположенный въ котловинѣ и окруженный болотами, утопалъ въ грязи. Строенія были самыя жалкія, сплошь деревянные. Большую часть жителей составляли однодворцы. Въ отношеніи торговомъ Тамбовъ, хоть и губернской городъ, стоялъ ниже окружающихъ его уѣздныхъ. Но все же населеніе его было втрое больше, чѣмъ въ Петрозаводскѣ, корелы да чудь не бродили по его улицамъ. Въ окрестностяхъ были недурныя помѣстія.

Губернія существовала всего шесть лѣтъ, но губернаторы въ ней то и дѣло смѣнялись. Державинъ былъ уже пятый. Дѣла находились въ крайнемъ неустройствѣ. Предстояло все старое привести въ порядокъ и учредить много новаго. Державинъ ревностно принялся за работу. Намѣстникъ Гудовичъ имѣлъ пребываніе въ Рязани, и отчасти благодаря этому Державинъ сразу почувствовалъ ту свободу, которая нужна была его рвенію. Нѣсколько поосмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ, Екатерина Яковлевна писала Капнисту: «Начальникъ очень хорошъ; кажется, безъ затѣй, не криводушничаетъ, далъ волю Ганюшкѣ хозяйничать; теперь совершенный губернаторъ, а не понсмарь». Державинъ радовался и самъ: «Я здѣсь противъ Петрозаводска душевно и тѣлесно воскресъ».

Всего Державину суждено было прожить въ Тамбовѣ съ марта 1786 по конецъ 1788 года, то-есть три года безъ малаго. Изъ нихъ первые полтора ознаменованы трудами разносторонними и успѣшными. Не имѣя правильной подготовки, онъ обнаружилъ за это время несомнѣнный административный даръ, желаніе вникнуть въ мѣстные нужды и обстоятельства, умѣніе дѣйствовать смѣло и широко, но обдуманно. Теперь онъ доказалъ, что причинъ его олонцакаго бездѣйствія были препятствія, чинимыя Тутолминымъ.

Путемъ привлеченія опытныхъ чиновниковъ изъ столицы, было ускорено и налажено дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ; съ тою же цѣлью открыта губернская типографія; изъ Петербурга выписаны печатные экземпляры указовъ и прочихъ узаконеній. (По этому поводу Державинъ писалъ одному знакомому: «Въ здѣшней

губерніи великій недостатокъ въ законахъ; безъизвѣстно, были ли они когда здѣсь въ употребленіи»). По части финансовой онъ добился исправности въ сборѣ податей и недоимокъ; искоренилъ во многихъ мѣстахъ безпорядочное храненіе казны; увеличилъ доходы приказа общественнаго призрѣнія. Въ губерніи были проложены дороги, наведены мосты и приняты мѣры къ развитію судоходства по рѣкѣ Цнѣ. Въ городѣ были исправлены старыя казенныя постройки и возведенъ рядъ новыхъ, отчасти даже кирпичныхъ. Наконецъ, движимый своимъ постояннымъ, не показнымъ, но дѣятельнымъ челоуѣколюбіемъ, Державинъ озаботился устройствомъ такихъ учреждений, самая мысль о которыхъ не приходила въ голову его предшественникамъ: положено было начало сиротскому дому, богадѣльнѣ, больницѣ, дому для умалишенныхъ. Тюремныя зданія, гдѣ преступники содержались безчелоуѣчно, были улучшены, и ужасное положеніе колодниковъ облегчено (за это начальство выразилъ Державину «родъ нѣкотораго неудовольствія»).

Но всего болѣе заботъ и усилій Державинъ затратилъ на постановку учебнаго дѣла. Два разсадника просвѣщенія существовали въ Тамбовѣ: духовная семинарія — для дѣтей духовенства, а для всѣхъ прочихъ сословій — гарнизонная школа, выпускавшая круглыхъ неучей. Открытіе училища было давно предположено правительствомъ; существовала лачуга, для того предназначенная; существовалъ даже гарнизонный школьникъ Севастьянъ Петровъ, уже два года получавшій пособіе въ качествѣ будущаго преподавателя. Но дальше этого дѣло не двигалось. Державинъ быстро добился того, что четырехклассное училище, съ обширной и по тому времени хорошо составленной программой, было открыто; для него купленъ домъ и выписаны учебныя пособія: книги, тетради, прописи, ландкарты, аспидныя доски, грифеля, карандаши, даже физическіе приборы. Подысканы были учителя. (Петрова, по провѣркѣ его познаній, пришлось зачислить ученикомъ, а не учителемъ). Наконецъ, кромѣ губернскаго училища, были открыты еще и уѣздныя — въ Козловѣ, Либедяни, Шацкѣ, Елатъмѣ и Моршанскѣ.

Высшее общество тамбовское не чуждалось просвѣ-

щенія, хотя, разумѣется, Простаковы и въ немъ преобладали надъ Стародумами. Державины завели знакомства и зажили на широкую ногу. Ихъ домъ, обставленный новой сафьянной мебелью, фортепьянами, билліардомъ, сталь въ Тамбовѣ самымъ блистательнымъ. Въ немъ устраивались приемы, балы и обѣды съ симфонической музыкой (въ городѣ нашлись два крѣпостныхъ оркестра). Изъ Малороссіи цѣлыми пудами Державинимъ слали варенья и конфеты, изъ Петербурга — партіи винъ. 28-го іюня 1786 г., въ день восшествія на престоль и по случаю прїѣзда намѣстника, былъ устроенъ праздникъ. Сперва шло сочиненное Державинимъ аллегорическое представленіе — родъ искусства, нынѣ забытый и намъ уже непонятный; люди XVIII столѣтія умѣли въ немъ находить пищу не только для глазъ, но и для ума. Сцена собою представляла храмъ, являлись разные лучезарные Фебы и Геніи, были гирлянды, шествія, юноши съ вѣнками и дѣвы съ цвѣточными кошицами — все совершенно такъ, какъ въ древнихъ Аѳинахъ. Представленіе было разыграно мѣстною благородною молодежью и закончилось баломъ съ иллюминаціей. Отсюда пошло начало театра, устроеннаго Державинимъ въ губернаторскомъ домѣ. Подъ руководствомъ Екатерины Яковлевны дѣвицы изъ общества шили и расписывали костюмы, разучивали свои роли. Ставились французскія оперы и комедіи, также трагедіи Сумарокова, «Недоросль». Спектакли имѣли такой успѣхъ, что спустя годъ Державинъ приступилъ къ постройкѣ особаго зданія для театра. По воскресеніямъ у губернатора были танцевальныя вечера, по четвергамъ — концерты. Сверхъ того для дѣтей два раза въ недѣлю происходилъ танцклассъ: выписанъ былъ танцмейстеръ.

Пріятно распредѣляя время между трудами и удовольствіями, Державины благоденствовали. Нѣсколько огорчала ихъ только разлука съ былыми друзьями. Вспоминались далекіе дни петербургскаго поэтическаго содружества. Львовъ по прежнему жилъ въ столицѣ; добрый, бѣдный Хемницеръ тому назадъ года два умеръ, то ли отъ лихорадки, то ли отъ меланхоліи, въ чуждой, далекой Смирнѣ, куда посланъ былъ генеральнымъ консуломъ (это мѣсто выхлопоталъ ему счастливый Львовъ); Кап-

нисть давно бросилъ службу, жилъ въ своей Малороссіи, на живописныхъ берегахъ Псла, мечталъ, хозяйничалъ и рожалъ дѣтей со своею Сашенькой. Екатерина Яковлева писала имъ: «Милые наши Копиньки. Давно мы уже объ васъ ничего не знаемъ, а сами въ Тамбовѣ поживаемъ веселымъ-веселехонько. Кабы да вы къ намъ пріѣхали: теперь близехонько; то-то бы навеселились — не Петрозаводску чета; если нельзя вмѣстѣ съ Александрой Алексѣвной, то хотя бы одинъ пріѣхалъ. Апропо, вспомнила я, что я къ вамъ послала еще въ декабрѣ мѣсяцѣ прекрасную корзиночку своей работы и съ нашими силуэтами, которые въ ней были въ медальйонахъ... Утѣшь, батюшка, пріѣзжай къ намъ ради Бога».

Петрозаводскъ неспроста здѣсь помянуть: Державины не могли нарадоваться, что оттуда вырвались. Вотъ и теперь жена одного чиновника тамошняго писала Екатеринѣ Яковлевнѣ: «Не вытерплю, чтобъ не сказать, что у насъ вышло въ самую въ заутреню праздника. Послѣ торжественныхъ выстрѣловъ директорша въ церкви прибила куlichemъ и зажгла свѣчею штабъ-лѣкаршу, и, вышедъ изъ церкви, ругала подлымъ образомъ и, по улицѣ ѣхавъ, также ругала во всю мочь; причина же вины бѣдной и хворой штабъ-лѣкарши та, что стала нѣсколько впереди ея... Штабъ-лѣкаръ такъ огорченъ, что хочетъ идти въ отставку. Эта исторія получше медвѣдя, такъ что у насъ, матушка, страшно ѣздить и въ церковь».

Послѣ Петрозаводска Тамбовъ могъ и впрямь показаться вторыми Аѣинами, — однако же до поры до времени.

*
**

Подобно Тутолмину, Гудовичъ былъ человекъ военный. Военныя заслуги за нимъ и числились, гражданскихъ же не было, но, въ отличіе отъ Тутолмина, Гудовичъ за ними не гнался. Этому роду дѣятельности придавалъ онъ не много значенія и, очутившись во главѣ намѣстничества, объединявшаго Рязанскую и Тамбовскую губерніи, не то, чтобы вовсе ничего не дѣлалъ, но старался дѣлать какъ можно меньше. Предоставляя Державину свободу дѣйст-

вій, онъ ничѣмъ не жертвоваль; напротивъ, ему именно нуженъ былъ такой губернаторъ, на котораго безъ опаски можно свалить работу. Отсюда и возникло то взаимное удовольствіе, коимъ ознаменована первая половина державинскаго пребыванія въ Тамбовѣ. Представляя Державина къ ордену, намѣстникъ свидѣтельствовалъ, что Державинъ «всю губернію привелъ въ порядокъ». И это была правда. Державинъ со своей стороны называль Гудовича благорасположеннымъ, справедливымъ и честнымъ начальникомъ.

Гудовичъ не испытываль того сладострастія власти, которое обуревало Тутолмина; однако жъ, какъ всѣ тогдашніе администраторы, и онъ порою не могъ устоять противъ искушенія: радости самодурства были вѣдомы и ему, хотя, можетъ быть, даже менѣе, чѣмъ другимъ. Къ закону онъ относился вполнѣ терпимо и даже доброжелательно. По тѣмъ временамъ одинъ Державинъ могъ требовать большаго.

Но, не пылая рвеніемъ къ службѣ и охотно ввѣряя бразды правленія другимъ (въ томъ числѣ Державину), онъ легко поддавался вліяніямъ. А такъ какъ изъ вліятельныхъ лицъ не всѣ хотѣли, подобно Державину, сіять добродѣтелью, то въ Тамбовской губерніи можно было обманывать казну, какъ во всякой другой. Постепенно Державинъ въ томъ убѣдился.

Когда онъ пріѣхаль изъ Петрозаводска въ Петербургъ и сталъ просить новаго губернаторства, за него, при посредствѣ Львова, хлопотали очень сильные люди: гр. А. Р. Воронцовъ, Безбородко (теперь уже тоже графъ), тогдашній фаворитъ Ермоловъ и отчасти даже Потемкинъ. При такихъ покровителяхъ можно было добиться и не того. Екатерина согласилась. Державинъ по простодушію своему увидѣлъ въ ея согласіи знакъ нарочитаго одобренія и довѣрія. Это еще болѣе придало ему стойкости (или упрямства).

Тамбовскій купецъ Бородинъ былъ плутъ. Съ помощію вице-губернатора Ушакова и генераль-губернаторскаго секретаря Лабы онъ сперва обманулъ казну при

поставкѣ кирпича, а потомъ получилъ винный откупъ на такихъ условіяхъ, что казнѣ предстояли убытки въ полмилліона рублей. Державинъ тщетно указывалъ Гудовичу на бородинскія плутни: зная или не зная истинную подоплеку дѣла, Гудовичъ во всякомъ случаѣ сталъ на сторону своихъ приближенныхъ. Вскорѣ узналось, что путемъ ложнаго банкротства Бородинъ собирается учинить новое мошенничество. Не надѣясь на силу доводовъ и боясь упустить время, Державинъ въ обезпеченіе казеннаго интереса собственной властію наложилъ арестъ на бородинское имущество. Покрывая Бородина, Ушаковъ склонилъ Гудовича жаловаться въ Сенатъ. Въ Сенатѣ Вяземскій радъ былъ насолить давнему недругу, и на намѣстническое правленіе (т. е. на Державина) былъ наложенъ штрафъ въ 17.000 рублей.

Не успѣло кончиться это дѣло, какъ возникло еще одно. Въ августѣ 1787 года Турція объявила войну Россіи. Главнокомандующій Потемкинъ прислалъ въ Тамбовскую губернію своего комиссіонера Гарденина — закупать провіантъ. Казенная палата должна была снабдить комиссіонера деньгами, но Ушаковъ, въ вѣдѣніи котораго она состояла, въ выдачѣ суммъ отказалъ, имѣя въ томъ свою выгоду. Этотъ отказъ грозилъ снабженію арміи замедленіемъ, а казнѣ убытками. Гарденинъ обратился за помощію къ Державину, изъ чего и поднялась буря. Подробности этой исторіи чрезвычайно сложны. Суть въ томъ, что Державинъ, видя незаконные приемы Ушакова, не удержался и самъ отчасти прибѣгъ къ тому же оружію. Будучи по существу правъ, но по формѣ безсиленъ передъ увертливымъ противникомъ, онъ кое въ чемъ позволилъ себѣ нарушить канцелярскій обрядъ и даже, быть можетъ, нѣсколько превысилъ свою власть. Этимъ тотчасъ воспользовались. Гудовичъ, по обычаю покрывая вице-губернатора и будучи лично задѣтъ властными дѣйствіями Державина, уже 7 апрѣля 1788 г. писалъ Воронцову и просилъ «развода» съ Державинымъ, яко причиняющимъ «безпокойство въ дѣлахъ и замѣшательство вмѣсто должной по службѣ помощи». (Свою недавнюю аттестацію онъ уже забылъ). Соотвѣтствующіе рапорты

были посланы и въ Сенатъ. 22 іюня Сенатъ объявилъ Державину выговоръ.

Съ этихъ поръ провіантское дѣло отошло какъ бы на задній планъ, и началась просто борьба между губернаторомъ и намѣстникомъ. Обѣ стороны искали изобличить другъ друга въ упущеніяхъ и проступкахъ. Всѣ канцеляріи были пущены въ ходъ, и, какъ прежде въ Петрозаводскѣ, въ борьбу оказались вовлечены многія лица и учрежденія. Городъ раздѣлился на два лагеря — преобладали сторонники Гудовича и Ушакова. Съ тѣхъ поръ, какъ положеніе Державина пошатнулось, его хлѣбосоольство было забыто, вмѣстѣ съ театрами и концертами. Глазамъ тамбовскаго общества губернаторъ представился страннымъ, безпокойнымъ, а можетъ быть и опаснымъ челоуѣкомъ, который во всемъ беретъ сторону сѣдныхъ противъ богатыхъ, заботится о колодникахъ и умалишенныхъ, а съ начальствомъ ссорится. Державинныхъ стали травить. Нѣкая госпожа Чичерина, встрѣтивъ Екатерину Яковлевну въ гостяхъ у помѣщика Арапова, наговорила ей колкостей. Отвѣчая ей, Екатерина Яковлевна сдѣлала неловкое движеніе и нечаянно задѣла противницу опахаломъ. На другой день весь Тамбовъ говорилъ о побояхъ, нанесенныхъ губернаторшею почтенной дамѣ. Поднялся такой шумъ, что преданія объ этой исторіи не умирали въ Тамбовѣ сто лѣтъ безъ малаго. Ушаковъ, Лаба и еще кое-кто изъ чиновниковъ подстрекнули Чичериныхъ жаловаться императрицѣ. Жалобу сочиняли впятеромъ, просидѣвъ надъ ней цѣлый вечеръ.

Гудовичъ тѣмъ временемъ продолжалъ наступленіе на Державина. Нельзя отрицать, что послѣдній, обороняясь, дѣйствовалъ заносчиво и давалъ поводы къ новымъ обвиненіямъ. Петербургскіе друзья, которымъ дѣло было виднѣе, предупреждали его, но онъ стоялъ на своемъ, видя въ борьбѣ съ Гудовичемъ исполненіе своего долга и по обычаю уповая на конечную справедливость Екатерины. Въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ онъ говоритъ: «Иногда не безнужно имѣть и враговъ, чтобы лучше не сбиваться съ пути законовъ». Въ ту пору написалъ онъ на смерть старой графини Румянцовой оду, которую закончилъ такими словами:

Меня жъ ничто вредить не можетъ:
Я злобу твердостью сотру;
Моихъ враговъ червь кости сгложеть,
А я пѣить — и не умру.

Какъ пѣить, онъ и остался безсмертенъ. Но какъ губернатора дни его были сочтены. На основаніи рапортовъ Гудовича и подъ давленіемъ Вяземскаго Сенатъ представилъ императрицѣ «мнѣніе» объ отрѣшеніи Державина отъ должности и о преданіи суду. Докладъ еще не былъ утвержденъ, когда вѣсть о немъ дошла до Тамбова. Положеніе Державина стало невыносимо. Онъ былъ, по собственному выраженію «загнанъ и презрѣнъ» всѣмъ городомъ. Одно слово императрицы могло бы измѣнить его положеніе. Онъ просилъ дозволенія пріѣхать въ столицу — ему было приказано «проситься по командѣ», т. е. черезъ намѣстника. Гудовичъ, конечно, не выпустилъ его изъ Тамбова. 18 декабря роковой докладъ былъ конфирмованъ. Губернаторство кончилось.

Въ ста пятидесяти верстахъ отъ Тамбова, на берегу Хопра, лежало красивое и богатое помѣстіе по имени Зубриловка. Державины тамъ не разъ гостили у радушныхъ и гостепріимныхъ хозяевъ — князя и княгини Голицыныхъ. Осенью 1788 года кн. Сергѣй Ѳедоровичъ находился въ арміи, осаждавшей Очаковъ. Отъ него долго не было вѣстей, княгиня тревожилась, и Державинъ, какъ ни поглощенъ былъ своими дѣлами, послалъ ей въ ободреніе стихи: «Осень во время осады Очакова». Они не принадлежатъ къ его лучшимъ созданіямъ; ихъ видимое воодушевленіе таитъ слѣды принужденности: Державину было не до стиховъ.

При отрѣшеніи отъ должности съ него взяли подписку о безвыѣздномъ пребываніи въ Москвѣ впредь до окончанія дѣла, котораго разсмотрѣніе было поручено московскому Сенату. Покинувъ Тамбовъ въ самомъ началѣ 1789 г., Державинъ направился въ Москву, но напередъ заѣхалъ въ Зубриловку и тамъ оставилъ жену. Разлука

въ столь горестную минуту была тяжела для обоихъ, но она имѣла свои основанія.

Предстоящій судъ очень страшилъ Державина. Въ конечномъ счетѣ онъ почиталъ себя правымъ (да и былъ правъ), но за нимъ имѣлись кое-какія вины — слѣдствія раздраженія и горячности. Придаться было къ чему, а кромѣ того онъ понималъ, что приговоръ суда зависить не отъ одной правды, но еще болѣе отъ того, чье вліяніе пересилить въ Петербургѣ.

Главный сыръ-боръ загорѣлся изъ-за потемкинскаго комиссіонера. Естественно было Державину искать защиты у того же Потемкина, къ которому онъ и обращался по этому поводу еще до отрѣшенія отъ должности. Передъ лицомъ Потемкина было у него нѣсколько ходатаевъ: во-первыхъ — Поповъ, потемкинскій дѣлопроизводитель и наперсникъ, съ которымъ Державинъ давно былъ въ хорошихъ отношеніяхъ; во-вторыхъ — тотъ самый Грибовскій, котораго спасъ онъ въ Петрозаводскѣ: Грибовскій теперь состоялъ при свѣтлѣйшемъ и радъ былъ помочь своему благодѣтелю. Были еще и другіе пути, но особливья надежды возлагались на кн. Голицыну: она приходилась Потемкину родною племянницей, Вотъ и жила теперь у нея Екатерина Яковлевна — соломенною вдовою и какъ бы живымъ напоминаніемъ о дѣлѣ. Впрочемъ, княгиня, женщина нѣсколько экспансивная, старалась и безъ того, даже сверхъ всякой мѣры, такъ что однажды чуть было не повредила Державину. Къ Плѣнирѣ она была чрезвычайно ласкова, но та мучилась и томилась: все думалось ей, что Державинъ въ Москвѣ не довольно усердствуетъ по своимъ дѣламъ. «Не знаю, куда ты ѣздишь, — писала она, — гдѣ что съ тобою приключалось; я думаю, что не грѣшно бы было каждый вечеръ прибавить строчку или двѣ твоего похождения; я бы была какъ будто не розно съ тобою, но теперь очень чувствую мое уединеніе... Я думаю, что ты лѣнишься своими выѣздами, мой другъ: теперь надо быть не лѣннву и стараться быть тутъ, гдѣ тебѣ нужно... Я не живу праздно у княгини и прилежаніе мое за шитьемъ беспредѣльно, ибо я, работая, размышляю о тебѣ и не вижу, какъ отъ того поспѣшно идетъ моя работа; я почти вышила уже камзолъ князю

Сергію Федоровичу, который кажется очень хорошъ вышелъ... Княгининъ курьеръ еще не бывалъ отъ свѣтлѣйшаго; она его ждетъ съ нетерпѣливостію, такъ какъ и я, вѣрной твой другъ, твоихъ писемъ и твоей къ себѣ довѣренности, и чтобы ты отнялъ у меня право тебѣ пенять. Сего желаетъ твоя Катюша.

Потемкинъ пообѣщаль сдѣлать все возможное, но лишь когда вернется изъ арміи. Поэтому Державинъ старался въ Москвѣ оттянуть дѣло. Межъ тѣмъ, кн. Голицына, взявъ съ собою Екатерину Яковлевну, отправилась въ Петербургъ. Потемкинъ пріѣхалъ туда въ февралѣ. Просьбами о Державинѣ ему прожужжали уши, но былъ слухъ, что онъ скоро опять уѣдетъ въ армію. Теперь уже приходилось торопить дѣло, чтобы враги не воспользовались отсутствіемъ свѣтлѣйшаго. Наконецъ, 16 апрѣля судъ начался, а 31 мая закончился. Видно, Потемкинъ сдержалъ обѣщаніе — Державинъ былъ по всѣмъ пунктамъ оправданъ.

Гроза миновалась. Теперь было самое время Державину поразмыслить, можно ль и должно ль ему пытаться служить и словомъ, и дѣломъ. Иногда онъ хотѣлъ бросить службу. Задумывался даже о томъ, умѣстенъ ли онъ вообще среди того общества, которому судьба обрекла его. Не даромъ онъ годъ спустя писалъ государынѣ: «Ежели бы не царствовала Екатерина Вторая, прозорливостію своею въ свѣтѣ несравненная, которая меня спасаетъ и животворитъ и на которую я одну всю мою надежду возлагаю, то, какъ Богу, Вашему Императорскому Величеству исповѣдую, что долженъ бы я давно оставить мое отечество».

VI.

Екатерина смотрѣла на вещи трезво. За поэзіей Державина она еще могла допустить какія-то высшія побужденія, но за службой, конечно, нѣтъ. «Несравненная прозорливостію» немало бы удивилась, если бы вдругъ ей сказали, что служба Державина вдохновлена тою же мыслию, что и поэзія. Еще болѣе она была бы изумлена, когда бы узнала, что, буйствуя въ службѣ, Державинъ своею союзницей почитаетъ ее — добродѣтельную монархиню, провозгласительницу Наказа. Объ этихъ буйствахъ императрица была наслышана. Ихъ вдохновительницей почитала она — такова насмѣшка судьбы — не кого иного, какъ Матрену Дмитриевну Бастидонову! Подписывая сенатскій указъ и предавая Державина суду, Екатерина сказала:

— Онъ стихотворецъ, и легко его воображеніе можетъ быть управляемо женою, коей мать злобна и ни къ чему не годна.

Она, впрочемъ, была довольна, когда судъ оправдалъ Державина. По этому случаю перечла «Фелицу» и велѣла сказать Державину, что «ея величеству трудно обвинять автора оды къ Фелицѣ»:

— *Cela le consolera.*

И кромѣ того:

— *On peut lui trouver une place.*

Утвердивъ приговоръ, она приказала гофмаршалу представить Державина. Тотъ явился въ Царское. Екатерина дала ему поцѣловать руку и съ улыбкой сказала присутствующимъ:

— Это мой собственный авторъ, котораго притѣсняли.

Такія фразы предназначены передаваться изъ устъ въ уста. Всѣ были восхищены. но и притѣснители не

могли пожаловаться: они не услышали ни одного упрека и сохранили мѣста свои, а Державинъ какъ былъ отстраненъ отъ должности, такъ и остался. Правда, придворные политики предсказывали ему «нѣчто хорошее», но онъ не очень надѣялся. На сердцѣ у него было смутно. «Возвращаясь въ Петербургъ, размышлялъ онъ самъ въ себѣ, что онъ такое — виноватъ или не виноватъ? въ службѣ или не въ службѣ?» Ему перестали выплачивать жалованье: дѣло не въ деньгахъ, но это былъ худой знакъ. Больше всего его мучило, что сенатскій приговоръ касался почти только его служебныхъ сношеній съ Гудовичемъ, онъ же «хотѣлъ доказать императрицѣ и государству, что онъ способенъ къ дѣламъ, неповиненъ руками, чистъ сердцемъ и вѣренъ въ возложенныхъ на него должностяхъ». Поэтому онъ рѣшился просить особой аудіенціи по дѣламъ Тамбовской губерніи.

Александръ Васильевичъ Храповицкій дѣлалъ карьеру свой умно и спокойно. Теперь онъ уже состоялъ при императрицѣ «по собственнымъ ея дѣламъ и у принятія прошеній». Каждый вечеръ, кратко, но дѣльно записывалъ онъ въ дневникъ, чему былъ свидѣтель въ минувшій день. 1 августа, въ среду, въ 9 часовъ утра Державинъ пріѣхалъ въ Царское. Подъ мышкою несъ онъ огромную переплетенную книгу — всю переписку съ Гудовичемъ и другія бумаги. Храповицкій провелъ его въ Ліонскую залу. Здѣсь оробѣлъ Державинъ и разсудилъ за благо оставить на столѣ свою книгу. Затѣмъ камердинеръ ввелъ его въ Китайскую комнату.

Государыня дала ему руку. Поцѣловавъ, благодарилъ онъ за правосудіе и просилъ дозволенія изъясниться по дѣламъ губерніи. Она спросила, почему этихъ объясненій онъ не представилъ Сенату.

— Было бы противъ законовъ: о томъ меня не спрашивали.

— Для чего же ты прежде о томъ мнѣ не писалъ?

— Я писалъ; мнѣ объявлено генераль-прокуроромъ, чтобы я просился чрезъ генераль-губернатора, а какъ онъ мнѣ непріятель, то не могъ сего сдѣлать.

— Но не имѣете ли въ нравѣ нашемъ чего-нибудь строптиваго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?

— Я служилъ съ самаго простаго солдатства и потому, знать, умѣлъ, повиноваться, когда дошелъ до такого чина.

— Но для чего, — подхватила императрица, — не поладили вы съ Тутолминымъ?

— Онъ издалъ свои законы, а я присягалъ исполнять только ваши.

— Для чего же не ужился съ Вяземскимъ?

— Государыня! Вамъ извѣстно, что я написалъ оду Фелицѣ. Его сіятельству она не понравилась. Онъ зачалъ насмѣхаться надо мною явно, ругать и гнать, придирается ко всякой бездѣлицѣ; то я ничего другого не сдѣлалъ, какъ просилъ о увольненіи изъ службы и по милости вашей отставленъ.

— А для чего же не поладилъ съ Гудовичемъ?

— Интересъ Вашего Величества, о чемъ я беру дерзновеніе объяснить Вашему Величеству, и ежели угодно, то сейчасъ представлю цѣлую книгу, которую я оставилъ тамъ.

Тутъ онъ собрался отправиться въ сосѣднюю комнату, но Екатерина остановила его:

— Хорошо, послѣ.

Онъ догадался подать ей краткую записку по дѣламъ Тамбовской губерніи. Она его отпустила, вновь пожаловавъ руку и пообѣщавъ дать мѣсто.

Вечеромъ Храповицкій записалъ въ дневникъ: «Провелъ Державина въ Китайскую и ждалъ въ Ліонской». И далѣе — слова императрицы: «Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причину въ самомъ себѣ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. *Il ne doit pas être trop content de ma conversation*».

Ласкательство, лживая лесть, низменное потворство, считались предосудительными. Но искать покровительства, не прибѣгая къ ласкательству, было въ порядкѣ вещей. Никакого стыда въ томъ не видѣли. Когда при дворѣ появлялся новый любимецъ, искать его по-

кровительства было даже выраженіемъ нѣкоей благона-
мѣренности.

Державинъ по воскресеніямъ ѣздилъ на выходы во дворецъ. «Но какъ не было у него никакого предстателя, который бы напомнулъ императрицѣ объ обѣщанномъ мѣстѣ, то и сталъ онъ какъ бы забвеннымъ. Въ такомъ случаѣ не оставалось ему ничего другого дѣлать, какъ искать входу къ любимцу Государыни... Въ то время, по отставкѣ Мамонова, вступилъ на его мѣсто молодой конной гвардіи офицеръ Платонъ Александровичъ Зубовъ... Какъ трудно достигнуть до фаворита! Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая, что онъ или почиваетъ, или ушелъ прогуляться, или у Императрицы... Не оставалось другого средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту». Державинъ не сталъ писать оды въ честь Зубова, но могъ, не кривя душой, написать «Изображеніе Фелицы». Черезъ Эмина, бывшаго спутника по олонекскимъ путешествіямъ, ода была вручена Зубову, тотъ, конечно, показалъ ее государынѣ, а государыня, «прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду». Общество Державина она, очевидно, считала полезнымъ для маленькаго черноброваго шалуна; она вообще заботилась объ образованіи своихъ любимцевъ: читала съ Ланскимъ Альгаротти, съ Зубовымъ Плутарха... Но дѣло не въ томъ: выходило, что легче найти дорогу черезъ императрицу къ Зубову, нежели черезъ Зубова къ императрицѣ. Таковъ былъ странный кругъ отношеній. Знакомство, какъ бы то ни было, завязалось. Но время шло, а мѣста, котораго ждалъ Державинъ, все не было.

Поэтическіе досуги, о которыхъ мечталъ онъ, отправляясь въ Олонекскую губернію, не состоялись. Всѣ эти годы онъ почти не писалъ — во всякомъ случаѣ не создалъ ничего замѣчательнаго. За то теперь выходило досуга больше, чѣмъ онъ хотѣлъ бы. Постепенно онъ занялся стихами, и таково было его поэтическое здоровье, что, несмотря на всѣ потрясенія, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся къ «Видѣнію мурзы», на которомъ остано-

вился шесть лѣтъ назадъ. Теперь оно было закончено; для него вновь обрѣлъ онъ замысловатый ладъ и крѣпкій задоръ тѣхъ счастливыхъ дней, когда табакерка Фелицы еще не лежала въ закладѣ; что же до пылкаго поклоненія Екатеринѣ — оно устояло противъ всѣхъ испытаній:

Какъ солнце, какъ луну поставлю.
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Можно было бы ожидать, что за годы, потерянные на губернаторствѣ, слава его убудеть. Но она возросла. Его читали и перечитывали. Въ его поэзіи, начиная съ Читалагайскихъ одъ, открывали новшества и достоинства, не оцѣненные ранѣе. Теперь, къ сорока семи годамъ, онъ очутился если не вожакомъ, то знаменемъ новой литературы. Шумъ, происшедшій вокругъ его имени, тяжкая опала и внезапное возвышеніе («это мой собственный авторъ») — все это подогрѣвало общее къ нему любопытство. Его домъ вновь наполнился. Помимо анакреонтическаго Львова, помимо порой пріѣзжавшаго изъ деревни Капниста (съ неизмѣннымъ Гораціемъ на устахъ и въ карманѣ), явились тутъ и маститые авторы, сверстники Державина, уже пережившіе свою славу: мечтательный, томный и какъ бы совсѣмъ невѣсомый Богдановичъ (творецъ «Душеньки» писалъ теперь скучныя комедіи въ перемѣшку съ нѣжною, но поверхностной лирикой); обрюзглый Фонвизинъ, полуразбитый параличемъ и раздавленный немилостію императрицы. Были и литераторы, только еще подающіе надежду: Иванъ Семеновичъ Захаровъ, одинъ изъ многочисленныхъ переводчиковъ неизбежной «Телемахида», уже, впрочемъ, не юноша; Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, крошечный человѣчекъ съ огромнымъ горбатымъ носомъ, истинный кладезъ всевозможныхъ познаній, особенно въ языкахъ. Былъ и Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, плодовитѣйшій стихотворецъ (впрочемъ, надеждъ онъ какъ будто не подавалъ).

Однажды утромъ Державинъ, въ атласномъ голубомъ халатѣ и въ колпакѣ (у него стали сильно лѣзть волосы)

что-то писалъ у себя въ кабинетѣ, стоя передъ высокими налоемъ; Плѣнира, въ утреннемъ бѣломъ платьѣ, сидѣла въ креслѣ посреди комнаты; парикмахеръ ее завивалъ. Въ сей неурочный часъ явился представиться знаменитому пѣвцу высокой и сухощавый семеновскій офицеръ; то былъ двадцатидевятилѣтній поэтъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, родомъ изъ-подъ Симбирска; онъ робѣлъ и косилъ глаза на конецъ длиннаго, тонкаго своего носа. Поговоривъ о словесности, о войнѣ, онъ хотѣлъ откланяться. Хозяева стали его унимать къ обѣду. Послѣ кофія онъ опять поднялся, но еще былъ упрошенъ до чая, — а потомъ въ двѣ недѣли сталъ своимъ человѣкомъ въ домѣ. Имѣлъ онъ сужденіе здравое, разговоръ острый, стихъ легкой.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ сентябрѣ 1790 года, онъ просилъ дозволенія привести къ обѣду своего земляка и друга, который не на долго въ Петербургъ — проездомъ въ Москву изъ чужихъ краевъ — и будучи литераторъ, хотѣлъ бы свидѣтельствовать Гаврилѣ Романовичу свое почтеніе. Литераторъ былъ званъ къ обѣду. Въ тотъ день у Державиныхъ обѣдалъ также петербургскій вице-губернаторъ Новосильцевъ съ женою. Новый знакомецъ, почти еще юноша, одѣтый во фракъ по послѣдней модѣ, сдѣлалъ на всѣхъ отличное впечатлѣніе. По имени-отчеству звали его Николай Михайловичъ, по фамиліи — Карамзинъ. Сидя за столомъ подлѣ Екатерины Яковлевны, онъ рассказывалъ о недавно видѣнныхъ странахъ — особенно о Парижѣ. Въ его разговорѣ были пріятно смѣшаны важное и забавное, умъ и чувствительность. Онъ говорилъ о парижскихъ театрахъ, для коихъ не находилъ довольно похвалъ; о фізіогноміи Мармонтеля; объ уличныхъ цвѣточницахъ; о прекрасной Версаліи, о сельскихъ красотахъ Трианона; объ академіяхъ и о томъ, что вино въ деревенькѣ Auteuil, нѣкогда славное, нынѣ ужъ никуда не годится; о томъ, что въ придворной церкви онъ видѣлъ короля и королеву (король былъ въ фіолетовомъ кафтанѣ; королева подобна розѣ, на которую вѣютъ холодные вѣтры); дофина видѣлъ онъ въ Тюльери — младенецъ прыгалъ и веселился, прекрасная Ламбаль вела его за руку; послѣ 14 іюля во Франціи всѣ твердятъ объ аристократахъ и демократахъ, о націи; революція была не-

избѣжна, еще Рабле предсказалъ ее въ LVIII главѣ «Gargantua»; земля освободится отъ сего бѣдствія не иначе, какъ упившись кровью...

Но тутъ рассказчику показалось, что молодая и прекрасная хозяйка коснулась ногою его ноги. Потомъ еще и еще, сомнѣнія быть не могло. Не смѣя себѣ изъяснить сіе чрезвычайное обстоятельство, онъ смѣшался, краснорѣчіе его покинуло... Послѣ стола хозяйка отвела его въ сторону и объяснила, что госпожа Новосильцева — племянница Марьи Савишны Перекусихиной, и неосторожныя рѣчи молодого путешественника нынче же могутъ дойти до императрицы.

Въ Москвѣ Карамзинъ тотчасъ приступилъ къ изданію журнала. Объявляя о томъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», онъ писалъ: «Первый нашъ поэтъ — нужно ли именовать его? — обѣщаль украшать листы мои плодами вдохновенной своей Музы. Кто не узнаетъ пѣвца мудрой Фелицы? Я получилъ отъ него нѣкоторыя новыя пѣсни» и проч.

*

**

Съ мечтой о побѣдѣ надъ Турціей Потемкинъ связывалъ замыслы титаническіе. Побѣда однако же не давалась, и затянувшаяся война становилась крайне обременительна. Екатерина писала «любезному другу» ласковыя письма, но до него уже доходили дурныя вѣсти о происшедшей перемѣнѣ въ расположеніи государыни, о фаворѣ Зубова. 11 декабря 1790 года Суворовъ взялъ Измаилъ и вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, «какъ человѣкъ со слабостями, изъ честолюбія ли, изъ зависти, или изъ истинной ревности къ благу отечества, но только примѣтно было, что шелъ тайно противъ неискуснаго своего фельдмаршала». Дочь Суворова была кстати замужемъ за братомъ новаго фаворита. Для Потемкина дѣло шло не только о личномъ его фаворѣ. На картѣ стояла вся европейская политика Россіи, а съ нею — либо головокружительное завершеніе, либо бессмысленное крушеніе всѣхъ его замысловъ, въ которыхъ эгоизмъ государственный давно сросся съ личнымъ. Мучимый подозрѣніями, Потемкинъ рвался

въ столицу, но Екатерина удерживала его при арміи. Видя, наконецъ, что и взятіемъ Измаила сопротивление турокъ еще не сломлено и что впереди предстоитъ новая кампанія, 28 февраля онъ прискакалъ въ Петербургъ.

Уѣзжая изъ арміи, онъ сказалъ, что нездоровъ и ѣдетъ въ Петербургъ зубы дергать. Но зубы сидѣли крѣпко. Потемкинъ вскорѣ увидѣлъ, что петербургское пораженіе можетъ перевѣсить измаильскую побѣду. На скорую отставку Зубова надежды не было. Въ пору было стараться о томъ, чтобы сохранить собственное положеніе и выиграть время. Съ болью въ душѣ побѣжденный сталъ играть роль триумфатора — что могло быть тяжелѣе для его гордости? Въ честь государыни онъ рѣшился дать небывалый праздникъ, чтобы обществу, двору, ей самой, всей Европѣ и, можетъ быть, самому себѣ внушить мысль, будто все остается попрежнему; чтобы изумить Екатерину безпредѣльной приверженностью; чтобы напомнить ей объ ихъ о б щ е й славѣ; чтобы — какъ знать? — можетъ быть, вернуть себѣ ея сердце.

Къ 28 апрѣля вся мѣстность по близости отъ Конногвардейскихъ казармъ измѣнила свой видъ. Недостроенный домъ князя Таврическаго былъ достроенъ со сказочной быстротой. Тысячи работниковъ, художниковъ, обойщиковъ трудились денно и ночью. Позади дома разбили садъ съ расчисленными холмами, храмами, павильонами; «прямымъ путемъ протекавшей рѣчкѣ дали теченіе извилистое и вынудили изъ ней низвергающійся водопадъ, который упалъ въ мраморный водоемъ». Построены мосты изъ желѣза и мрамора, поставлены истуканы. Деревянные строенія передъ дворцомъ снесены. На возникшей площади выстроены качели, разставлены столы съ угощеніемъ для народа, кадки съ медомъ, квасомъ и сбитнемъ; построены лавки торговая, изъ которыхъ назначено было раздавать подарки: платья, кафтаны, кушаки, шляпы, сапоги, лапти, а также снѣдь, вареную и невареную.

Съ трехъ часовъ дня стали съѣзжаться гости. Раздача подарковъ должна была начаться въ пять, по прибытіи государыни. Уже пріѣхалъ наслѣдникъ съ супругой и малымъ дворомъ, но и къ семи часамъ государыни еще не было. Народъ, собравшійся здѣсь съ утра и продрогшій (пого-

да была ненастная), началъ терять терпѣніе. Вдругъ, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, произошло какое-то замѣшательство. Задніе ряды понаперли, толпа съ крикомъ уринулась къ выставленнымъ подаркамъ, и во мгновеніе ока все было растаскано. Полицейскіе и казаки бросились разгонять народъ. Многіе были ушиблены и помяты въ давкѣ. Въ разгаръ побоища прибыла государыня. Карета ея была вынуждена остановиться въ отдаленіи. Высунувшись въ окно, Екатерина подозвала оберъ-полицеймейстера Рылѣва:

— Въ этомъ прекрасномъ порядкѣ, — сказала она, — я совершенно узнаю васъ.

— Радуюсь, что имѣлъ счастье заслужить удовольствіе Вашего Императорскаго Величества, — отвѣчалъ Рылѣвъ.

Павелъ Петровичъ съ женою встрѣтили государыню на крыльцѣ. Потемкинъ принялъ ее изъ кареты. На немъ былъ малиновый бархатный фракъ и черный кружевной плащъ. Пуговицы, каблукі, пряжки сверкали брилліантами. «Шляпа его была оными столько обременена, что трудно стало ему держать оную въ рукѣ. Одинъ изъ адъютантовъ его долженъ былъ сію шляпу за нимъ носить». Праздникъ начался. Исторія Россіи не знаетъ ему подобнаго. Самъ Державинъ былъ привлеченъ къ его изобрѣтенію и сочинилъ хоры.

Три тысячи гостей (одного лишь Суворова не было въ ихъ числѣ) размѣщены были въ пышныхъ ложахъ колоннаго зала, озареннаго шестью тысячами свѣчъ. Императрица вошла. Восемилѣтній мальчикъ Васенька Жуковскій, побочный сынъ тульского помѣщика и плѣнной турчанки, на всю жизнь запомнилъ минуту, когда хоръ изъ трехсотъ музыкантовъ и голосовъ при громѣ литавръ впервые грянулъ:

Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потресъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Воды быстрыя Дуная
Ужь въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!..

Этотъ хоръ сопутствовалъ появленію первой кадрили, розовой, составленной изъ двѣнадцати паръ знатнѣйшей петербургской молодежи. Великій князь Александръ Павловичъ велъ ее. За розовой, предводимая Константиномъ, шла голубая подъ звуки второго хора:

Въ лаврахъ мы теперь ликуемъ,
Исторженныхъ у враговъ;
Вамъ, Россіянки, даруемъ
Храбрыхъ нашихъ плодъ боевъ.
Раздѣляйте съ нами славу;
Честь, утѣхи и забаву
Раздѣляйте; ободряйте
И впередъ къ побѣдамъ насъ;
Жаръ въ сердца вы намъ вливайте:
Вашъ надъ нами силенъ гласъ;
За одинъ вашъ взглядъ любви
Лить мы рады токи крови...

Кадрили, соединясь, протанцовали балетъ — сочиненіе знаменитаго Пика, который и самъ при семъ случаѣ «отличилъ себя соломъ». Затѣмъ хозяинъ повелъ государыню въ другой залъ, куда послѣдовала и часть гостей — сколько дозволяло пространство. Здѣсь, послѣ пантомимы и хора, вновь славившаго Екатерину, представлены были двѣ французскія комедіи. Представленіе было нарочно замедлено, и тѣмъ временемъ залъ колонный преобразился. Вернувшись въ него, Екатерина спросила: «Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были?» Въ залѣ и въ примыкающихъ покояхъ горѣло сто сорокъ тысячъ цвѣтныхъ лампадъ и двадцать тысячъ восковыхъ свѣчъ. «Тутъ играетъ яркій и живой лучъ, и какъ бы зномъ африкан-

скаго лѣта притупляются взоры. Тамъ, какъ бы въ пасмурный день, разливается блескъ тонкій и умѣренный... Окна окружены звѣздами. Горящія полосы звѣздъ по высотѣ стѣнъ простираются. Рубины, изумруды, яхонты, топазы блещутъ. Разноогненные, съ живыми цвѣтами и зеленью переплетенные вѣнцы и цѣпи висятъ между столпами; тѣнистыя радуги бѣгають по пространству... Въ одномъ покоѣ «любящіе музыку, пѣніе и пляску найдутъ себѣ мѣсто для увеселенія». Въ другомъ «плѣняющіеся живописью могутъ заниматься твореніями Рафаэля, Гвидо Рени и иныхъ славнѣйшихъ художниковъ всея Италіи... Тамъ азійской пышности мягкія софы и диваны манятъ къ сладкой нѣгѣ; здѣсь европейскіе драгоценные ковры и ткани вниманіе на себя обращаютъ. Тамъ уединенные покои тишиною своею призываютъ въ себя людей государственныхъ бесѣдовать о дѣлахъ». Императрица вошла въ зимній садъ, гдѣ не слышно музыки, гдѣ подъ густыми вѣтвями въ тихихъ водахъ плавають золотыя и серебряныя рыбы, а въ темной зелени поютъ соловьи. На дорожкахъ сада и на дерновыхъ холмикахъ высятся постаменты, украшенные мраморными вазами и фигурами Геніевъ. Мѣстами раскинуты небольшіе лѣсочки; ихъ окружають рѣшетки, увитыя розами и жасминомъ. Огромныя зеркала, искусно разставленныя среди зелени, повторяють садъ во множествѣ разъ и уводятъ взоръ въ ложныя отдаленія. Посреди сада возвышается храмъ; восемь колоннъ изъ бѣлаго мрамора поддерживаютъ его куполь; сѣрыя мраморныя ступени ведутъ къ жертвеннику, служащему подножіемъ статуѣ, изображающей государыню въ царской мантии, съ рогомъ изобилія. Потемкинъ бросается на колѣни предъ алтаремъ и изображеніемъ своей благодѣтельницы. Екатерина сама его поднимаетъ и цѣлуетъ въ лобъ.

Стемпло. На дворѣ идетъ мелкій дождь, но все вокругъ дома сіяетъ иллюминаціей. Народъ толпится. На прудахъ плавають флотиліи, разукрашенныя фонарями и флагами. Съ нихъ раздается пѣсня гребцовъ и роговая музыка. Во дворцѣ государыня, отдыхая, играетъ въ карты съ великой княгиней, а въ большой залѣ гости танцуютъ. Межъ тѣмъ, по данному отъ хозяина знаку, театръ

уничтожень. На мѣстѣ его и въ другихъ покояхъ накрыты столы. «Гдѣ были театральное дѣйствіе и зрители, тамъ черезъ нѣсколько минутъ открылись горы серебра съ разнымъ кушаньемъ, вокругъ съ золотыми подсвѣчниками». Начался ужинъ. Столъ государыни и наследника стоялъ на мѣстѣ оркестра, прочіе столы — амфитеатромъ вокругъ него. Всѣ гости сидѣли лицомъ къ государынѣ. Потемкинъ стоялъ за кресломъ ея, пока она не велѣла ему сѣсть. «Казалось, что вся имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей владычицы и тѣснилась даже на высотахъ, чтобъ насладиться ея лицецрѣніемъ», говоритъ Державинъ и продолжаетъ стихами:

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и золото, и серебро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ несли тѣльцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшись, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медъ золотой, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристалѣ чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчевать должна такъ прихоть поневолѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.

Хоръ гремитъ. Кончается ужинъ. Второй часъ ночи. Гости еще веселятся, но Екатерина отбываетъ. Карета ея отъѣзжаетъ въ сумракъ. На крыльцѣ, озаренный факелами, въ аломъ фракѣ и черномъ плащѣ, Потемкинъ глядитъ ей во слѣдъ, воздѣвъ руки къ небу.

Къ началу іюня было готово описаніе праздника, составленное Державинымъ въ стихахъ и прозѣ (была мода печатать подобныя описанія отдѣльными книжками). Державинъ явился въ Лѣтній дворецъ къ Потемкину. Князь принялъ его какъ нельзя любезнѣе, просилъ остаться къ обѣду, а самъ, взявъ тетрадь, довольно объемистую, погрузился въ чтеніе. Державинъ тѣмъ временемъ пошелъ въ канцелярію — побесѣдовать съ давнимъ другомъ своимъ Поповымъ. Внезапно Потемкинъ «съ фуріей выскочилъ изъ своей спальни, приказалъ подать коляску и, несмотря на шедшую бурю, громъ и молнію, ускакалъ Богъ знаетъ куды. Всѣ пришли въ смятеніе, столы разобрали — и обѣдъ исчезъ». Долго потомъ Державинъ съ Дмитриевымъ ломали головы, отгадывая, что могло оскорбить Потемкина. Всѣ ихъ предположенія были неосновательны; въ державинскомъ описаніи нѣтъ никакихъ неловкостей, ни тѣмъ паче обидъ Потемкину. Случись то или другое — на неловкости онъ указалъ бы автору, не приходя въ бѣшенство, а прямыхъ обидъ никогда не простилъ бы. Онъ же, напротивъ, спустя нѣсколько дней, самъ старался загладить обиду, нанесенную имъ Державину.

Причина вспышки была иная. Праздникъ не достигъ цѣли и тѣмъ самымъ превратился для Потемкина въ лишнее униженіе. Державинъ невольно ему напомнилъ объ этомъ. Разница между торжествующимъ и счастливымъ Потемкинымъ, представленнымъ въ описаніи, и тѣмъ глубоко несчастнымъ, который его читалъ, была нестерпима. Онъ не вынесъ и не сдержался, потому что вообще давно отвыкъ сдерживаться. «Князю при дворѣ тогда очень было плохо», говоритъ самъ Державинъ. Зубовъ усиливался. Репнинъ, съ согласія императрицы, велъ съ турками переговоры о мирѣ, который долженъ былъ положить конецъ всѣмъ потемкинскимъ замысламъ. Потемкинъ метался. Въ тѣ дни причудамъ и странностямъ его не было мѣры. Онъ жилъ съ пышностью, неслыханною въ Европѣ. При встрѣчѣ народъ кланялся ему съ благоговѣніемъ. На гуляніяхъ онъ являлся, окруженный плѣнными

генералами, офицерами и пашами. Но онъ зналъ, что подо всѣмъ этимъ — бездна, конецъ. Онъ пьянствовалъ и не находилъ себѣ мѣста. Иногда, вырвавшись изъ дому, носился по городу, заѣзжалъ къ мало знакомымъ женщинамъ, ища утѣхи; открывалъ душу предъ кѣмъ попало; слушателямъ казалось, что онъ бормочетъ нелѣпицу и сходить съ ума. Потомъ силы его покинули — онъ изумлялъ окружающихъ необычайною кротостью, но ѣхать къ арміи все еще не рѣшался: зналъ, что враги безъ него восторжествуютъ окончательно. Императрица сама, наконецъ, явилась къ нему и велѣла ѣхать (ни друзья, ни враги не брали на себя передать сіе повелѣніе). 24 іюля онъ выѣхалъ въ Яссы. Тамъ горячка и горе его терзали. 4 октября Поповъ написалъ подъ его диктовку: «Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Нѣтъ силъ болѣе переносить мнѣ мученія; одно спасеніе остается оставить сей городъ, и я велѣлъ себя везти къ Николаеву. Не знаю, что будетъ со мною. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный». Внизу онъ самъ приписалъ нетвердымъ почеркомъ: «Одно спасеніе уѣхать». На другой день, въ полдень, между Яссами и Николаевомъ, остановилъ онъ коляску:

— Будетъ теперь, некуда ѣхать, я умираю, выньте меня изъ коляски, я хочу умереть на полѣ.

Его положили на траву, намочили голову спиртомъ. Зѣвнувъ раза три, онъ «такъ покойно умеръ, какъ будто свѣча, которая вдругъ погаснетъ безъ малѣйшаго вѣтра». «Гусарь, бывшій за нимъ, положилъ на глаза его двѣ денежки, чтобъ они закрылись». Черезъ недѣлю въ Петербургъ узнали о смерти Потемкина. Державинъ началъ «Водопадъ».

Эту оду онъ писалъ долго, почти три года, составляя ее по частямъ. Можетъ быть, она оттого нѣсколько потеряла въ стройности и въ единствѣ тона, но, кажется, выиграла въ широтѣ. Опорною точкой для «Водопада» послужили примѣрно тѣ же мысли и чувства, которыми нѣкогда была подсказана ода на смерть Мещерскаго. Державинъ самъ подчеркнулъ эту связь въ строфѣ, прямо намекающей на начало стиховъ о Мещерскомъ:

Не зримъ ли всякій день гробовъ,
Съдинъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ
Гласъ смерти, двери скрыпъ подземной?
Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ?

Но контрастъ, плѣнившій Державина, былъ на сей разъ иного оттѣнка. Мало того, что Потемкинъ былъ вырванъ смертью изъ сказочнаго великолѣпія, предъ которымъ богатства Мещерскаго — ничто: смерти Мещерскаго не предшествовала и не сопутствовала та личная трагедія, которой отмѣчена смерть Потемкина и на которую Державинъ могъ только намекнуть — что, въ свою очередь, придало его строфамъ тайную силу, которой онѣ насквозь пропитаны:

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверзты!

Чей одръ—земля; кровь—воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, Счастья, Славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Именно потому, что Мещерскій былъ личностью мало-значущей, его смерть давала удобный поводъ для философствованій о смерти вообще. Кончина Потемкина должна была повести вдохновеніе въ сторону исторіи. За Потемкинымъ открывалась его эпоха, которая была въ то же время эпохой Екатерины и самого Державина. Императрица, безжалостная къ бывшему любимцу въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, долго еще не могла безъ слезъ вспоминать о немъ. То были не просто нервическія сле-

зы сентиментальной, но жестокой женщины. Вспоминая Потемкина, Екатерина оплакивала тотъ невозвратный государственный паёсъ, который связалъ ее съ Потемкинѣмъ въ славнѣйшіе годы царствованія. Что подѣлаешь — Зубову приходилось утирать эти слезы. Точно такъ и Державинъ, не боясь Зубова, писалъ «Водопадъ». Вызывая призракъ Потемкина, онъ въ то же время обозрѣвалъ собственное свое прошлое. Онъ началъ съ описанія Кивача, олонецкаго водопада, и въ этомъ описаніи потаенно связалъ личную свою жизнь съ предметомъ стихотворенія Далѣе, въ сущности не покидая области воспоминаній, онъ обратился къ тому, чѣмъ была оживлена его лира въ потемкинскую эпоху. «Водопадъ» потому и писался частями, что Державинъ въ немъ произвелъ какъ бы смотрѣ излюбленнымъ своимъ темамъ: объ игрѣ случая; объ олицетворенномъ въ Екатеринѣ государственномъ эгоизмѣ Россіи, въ который всѣ личныя судьбы и подвиги впадаютъ, какъ водопадныя рѣки въ озеро, и наконецъ — о всеобщемъ мирѣ, въ которомъ должны исчезнуть отдѣльные государственные эгоизмы. Не удивительно, что при замыслѣ столь обширномъ Державинъ на сей разъ двинулъ въ бой и всѣ лучшія силы своей поэтики. Словомъ, «Водопадъ» сталъ итогомъ пройденнаго пути. Не даромъ писался онъ съ 1791 по 1794 годъ, въ ту именно пору, когда екатерининская эпоха близилась къ своему естественному концу и надвигался переломъ въ личной жизни самого Державина. Наканунъ этихъ событій суждено было разрѣшиться и тому недоумѣнію, которое долгіе годы управляло его судьбой. Екатерина и Державинъ встрѣтились, наконецъ, лицомъ къ лицу.

**

Общеизвѣстно стремленіе Екатерины къ ограниченію власти Сената. Во второй половинѣ 1791 г. ей представился случай подчинить дѣйствія Сената ближайшему своему контролю. Обнаружилось, что 2-й департаментъ допускаетъ переносъ нерѣшенныхъ дѣлъ изъ одной губерніи въ другую. Екатеринѣ это показалось незаконно. Желая себя провѣрить, она поручила Зубову изучить вопросъ. Не-

опытный въ дѣлахъ Зубовъ частнымъ образомъ обратился за помощію къ Державину, какъ не разъ дѣлалъ и прежде. Державинъ далъ заключеніе, совпавшее со взглядомъ императрицы. Увидя изъ этого, что Державинъ не склоненъ отстаивать интересы Сената, императрица рѣшила поручить ему просмотръ всѣхъ сенатскихъ меморій и составленіе особыхъ замѣчаній о найденныхъ нарушеніяхъ закона. Если бы во главѣ Сената по прежнему стоялъ Вяземскій, онъ, можетъ быть, сумѣлъ бы предотвратить появленіе Державина въ новой должности. Но Вяземскій уже два года лежалъ въ параличѣ; его замѣнялъ Колокольниковъ, оберъ-прокуроръ того самого 2-го департамента, въ которомъ открылись непорядки. Екатерина накричала на Колокольцова, тотъ растерялся, и назначеніе Державина состоялось. Официально онъ былъ назначенъ такимъ же кабинетскимъ секретаремъ, какъ Безбородко и Храповицкій. 13 декабря 1791 г. послѣдовалъ высочайшій указъ Сенату: «Всемиловѣннѣе повелѣваемъ дѣйствительному статскому совѣтнику Гавриилу Державину быть при насъ у принятія прошеній». По этому поводу было много шума. Въ иностранныхъ газетахъ даже писали, будто Екатерина отдала Сенатъ во власть Державину. Это, конечно, былъ вздоръ. Властвовать надъ Сенатомъ она собиралась сама. Что же касается Державина, то выборъ палъ на него довольно случайно. Обратись Зубовъ къ кому-нибудь другому -- Екатерина взяла бы другого.

Таковы были обстоятельства, при которыхъ пѣвецъ Фелицы сталъ ея секретаремъ. Во дворцѣ отвели ему комнату для занятій — рядомъ съ комнатою Храповицкаго.

Въ частной жизни Державинъ былъ прямо, подчасъ грубоватъ (мужицкой, солдатскою грубостью), но добръ, благодушенъ, особенно съ людьми бѣдными или ниже его стоящими. Но лишь только дѣло касалось службы или того, что считалъ онъ гражданскимъ долгомъ, — благодушіе тотчасъ покидало его. Изрѣдка онъ, пожалуй, и въ службѣ могъ быть снисходителенъ, но не иначе, какъ съ подчиненными: Грибовскаго въ свое время вынулъ онъ изъ петли. Зато чѣмъ выше стоялъ человекъ, тѣмъ взыскательнѣй былъ Державинъ, тѣмъ менѣе соглашался ему

прощать. Къ императрицѣ онъ былъ безопаденъ. Отъ той, которая нѣкогда, хотъ невѣдомо для себя, была его первой наставницею въ наукѣ гражданскихъ доблестей, онъ требовалъ совершенства.

На рукахъ у Екатерины было огромнѣйшее хозяйство, а за плечами — тридцатилѣтній государственный опытъ. Кругъ заботъ у нея былъ не тотъ, что былъ у Державина, съ его сенатскими меморіями да еще нѣкоторыми дѣлами — по большей части не первой важности. Будучи точенъ, трудолюбивъ, исполнительенъ, онъ каждое дѣло изучалъ насквозь и вмѣсто того, чтобы изложить только суть, каждый разъ хотѣлъ всѣ свои познанія полностью передать государынѣ. Высокій, жилистый, узколицый, шагомъ солдатскимъ, а не придворнымъ проходилъ онъ по заламъ въ ея причудливые покои. По дѣлу иркутскаго намѣстника Якоби, обвиненнаго Сенатомъ, онъ явился докладывать съ цѣлою шеренгою гайдуковъ и лакеевъ, которые несли превеликія кипы бумагъ. Екатерина съ досадою приказала все это унести, но Державинъ не сдался: онъ заставилъ ее каждый день послѣ обѣда по два часа заниматься дѣломъ Якоби. Въ низкія пуховыхъ креслахъ (она любила такія) Екатерина вязала иль занималась плетеніемъ изъ бечевковъ. Онъ сидѣлъ передъ ней на стулѣ и читалъ голосомъ ровнымъ и безстрастнымъ, какъ самъ законъ. Если межъ ними возникало противорѣчіе, онъ дѣлался неговорчивъ. Она теряла терпѣніе и прогоняла его. На другой день, въ положенный часъ, онъ являлся. Однажды, въ зимній метельный день, она заперлась у себя и велѣла лакею Тюльпину передать Державину ея именемъ:

— Удивляюсь, какъ такая стужа вамъ гортань не захватить.

Державинъ понялъ намекъ, но не далъ Фелицѣ уклониться отъ долга: занятія продолжались. При началѣ суртерландова дѣла (о немъ рѣчь еще впереди), императрица нашла у себя на столикѣ связку бумагъ въ салфеткѣ. Вспыхнувъ, она велѣла позвать Храповицкаго и спросила, что за бумаги. Храповицкій сказалъ, что не знаетъ но принесъ ихъ Державинъ.

— Державинъ! — вскричала она: — Такъ онъ меня

еще хочетъ столько же мучить, какъ и якобіевскимъ дѣломъ!

Гораздо прежде, нежели Державинъ впервые прочелъ Наказъ (это собраніе аксіомъ, способныхъ разрушить стѣны, по насмѣшливому выраженію Никиты Панина) — сама Екатерина успѣла уже отказаться отъ философическихъ и неисполнимыхъ мечтаній юности. Причины были неотразимыя: если бъ она упорствовала, то давно бы лишилась трона — примѣрно такъ, какъ упорный Державинъ дважды лишался своего губернаторства. Наказъ былъ отложенъ въ сторону вмѣстѣ съ прочими сувенирами, и Екатерина очень бывала довольна, когда кое-что изъ этихъ возвышенныхъ замысловъ удавалось осуществить хотя бы въ урѣзанномъ видѣ: потому такъ любила она свое «Положеніе о губерніяхъ». Отказавшись отъ долгаго, она научилась ограничиваться возможнымъ, — и была права. Такимъ образомъ, она не сдѣлалась идеальной монархиней: удовольствовалась тѣмъ, что стала великой. Теперь, къ шестидесяти тремъ годамъ, это была въ высшей степени умная женщина, тонко знающая жизнь и въ совершенствѣ постигшая трудное ремесло государей. Прежде всего, она поняла, что нельзя царствовать въ одиночествѣ — ей во всякомъ случаѣ; потомъ, что корысть не послѣдній двигатель даже и лучшихъ государственныхъ людей. Ваятель Шубинъ простодушно изобразилъ ее съ рогомъ изобилія, изъ котораго сыплются звѣзды и ордена. Такъ и было: она щедро сыпала на людей чины, ордена, почести, деньги, земли. Властію и Россіей дѣлилась она съ вельможами, полководцами, временщиками. Отсюда рождалось соревнованіе и развязывалась предприимчивость. Державинъ думалъ, что государству полезна одна только безупречная добродѣтель. Екатерина же научилась пользоваться и слабостями человѣческими, и самими пороками. Противный вѣтеръ она превращала въ попутный. Корыстолюбцы не забывали себя, но за то и Россія имѣла отъ того свою пользу: кряхтѣла, но созидалась.

Созидающая мощь государства изъ человѣческихъ слабостей. Екатерина должна была быть въ высшей степени снисходительна. Она такой и была, частію по нуждѣ, ча-

стію же по склонности. Она не любила бывать обманутой, но противъ обманщиковъ не имѣла злобы въ душѣ. Людей самыхъ обыкновенныхъ, подверженныхъ искушеніямъ, понимала она и умомъ, и сердцемъ — и сама старалась быть имъ понятной: хотѣла имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ.

Такую то монархиню вздумалъ Державинъ оберегать не только отъ плутовъ, казнокрадовъ, взяточниковъ, но и просто отъ людей корыстолюбивыхъ, ибо и тѣнь корысти въ дѣлѣ общественномъ онъ уже считалъ преступленіемъ. Въ крайности онъ былъ готовъ разогнать всѣхъ и остаться самъ-другъ съ Фелицей — идеальнымъ слугою при идеальной монархинѣ. Вотъ это и не годилось; вотъ потому то и прежде, когда не на жизнь, а на смерть боролся онъ съ Вяземскимъ, съ Тутолминымъ, съ Гудовичемъ, Екатерина не давала его задушить, но и не давала ему явно торжествовать: она хранила для своего хозяйства и правыхъ, и виноватыхъ. Обиднѣй того: не вина виноватыхъ, она не вполне вѣрила и въ правоту правыхъ. Считала, что всѣ сдѣланы примѣрно изъ одного тѣста — въ томъ числѣ и Державинъ. Однажды возникло подозрѣніе, что онъ получилъ взятку. «Товарищи его хотя и не говорили явно, но ужимками своими дали ему то знать. Онъ симъ обидѣлся, просилъ государыню, чтобы приказала изслѣдовать. Она, помолчавъ, съ нѣкоторымъ родомъ неуваженія сказала: — Ну что слѣдовать? Вѣдь это и вездѣ водится. — Державина сіе поразило, и онъ на тотъ разъ снесъ сей холодный, обидный отвѣтъ».

Зато самъ онъ не могъ допустить, чтобы божество въ чемъ либо погрѣшило. Она же не мнила себя божествомъ и къ собственнымъ слабостямъ такъ же была снисходительна, какъ къ чужимъ. Имѣла пристрастія, предубѣжденія. Однажды въ гнѣвѣ спросила, что побуждаетъ его ей перечить. Онъ отвѣтилъ съ твердостью:

— Справедливость и ваша слава, государыня, чтобъ не погрѣшили чѣмъ въ правосудіи.

Она же «не всегда держалась священной справедливости». Державинъ не упускалъ случая указать ей на это; можетъ быть, онъ даже мечталъ восхитить ее прямою своей. Но она, на словахъ требуя прямоты, про себя бо-

лѣе уважала хитрость. Врядъ ли Державинъ казался ей очень умнымъ.

Такъ называемый придворный банкиръ Сутерландъ былъ посредникомъ русскаго правительства при заключеніи заграничныхъ займовъ и прочихъ сдѣлокъ. На рукахъ у него бывали большія суммы казенныхъ денегъ, изъ которыхъ подчасъ онъ ссужалъ разныхъ лицъ, особенно изъ высокопоставленныхъ. Однажды, осенью 1791 г., понадобилось перевести въ Англію два милліона рублей, но денегъ не оказалось. Куда дѣвались? Сутерландъ признался, что часть истратилъ онъ на свои нужды, но значительно больше роздалъ займы, а назадъ получить не можетъ; гр. Безбородко и кн. Вяземскій свои долги отдали, но другіе не отдають. Кончилось это трагически — Сутерландъ отравился. Императрица приказала разслѣдовать дѣло, и Державину приходилось не разъ по нему докладывать. На докладахъ Екатерина нервничала, онъ тоже. Споры такъ были горячи, что однажды Державинъ накричалъ на нее, выбранилъ и, схвативъ за конецъ мантили, дернулъ. Государыня позвонила. Вошелъ Поповъ (бывшій потемкинскій секретарь).

— Побудь здѣсь, Василій Степановичъ, — сказала она, — а то этотъ господинъ много даетъ воли рукамъ своимъ.

Вѣрная себѣ, на другой день она первая извинилась, примолвя:

— Ты и самъ горячъ, все споришь со мною.

— О чемъ мнѣ, государыня, спорить? я только читаю, что въ дѣлѣ есть, и я не виноватъ, что такія неприятныя дѣла вамъ долженъ докладывать.

— Ну, полно, не сердись, прости меня. Читай, что ты принесъ.

Онъ началъ читать реестръ, кѣмъ сколько казенныхъ денегъ взято у Сутерланда. Первымъ стоялъ Потемкинъ, забравшій восемьсотъ тысячъ. Екатерина сказала, что у Потемкина много было расходовъ по службѣ, и велѣла отности долгъ на счетъ казначейства. Изъ прочихъ долговъ одни приказала взыскать, другіе простить. Но когда очередь дошла до великаго князя, она вновь пришла въ раздраженіе. Стала жаловаться, что Павелъ мотаетъ и «строить такія безпрестанно строенія, въ которыхъ нуж-

ды нѣтъ». Тутъ, разумѣла она, конечно, казармы, въ которыхъ Павелъ держалъ гатчинскія свои войска; подозрѣвая мать въ самыхъ черныхъ замыслахъ, Павелъ все время эти войска увеличивалъ; Екатерина въ отвѣтъ усиливала охрану Царскаго, Павелъ вновь укрѣплялъ Гатчину и т. д.: мать съ сыномъ вооружались другъ противъ друга.

— Не знаю, что съ нимъ дѣлать, — сказала Екатерина, и давъ волю словамъ, стала жаловаться на великаго князя. Она говорила съ жаромъ, но умолкала порою — какъ бы ждала согласія. Державинъ сидѣлъ, опутивъ глаза.

— Что же ты молчишь? — спросила она наконецъ.

Тогда онъ тихо проговорилъ, что наслѣдника съ императрицей судить не можетъ, — и закрылъ бумагу. Худшаго суда, болѣе тяжкаго осужденія онъ не могъ бы придумать. Екатерина вспыхнула, покраснѣлась и закричала въ бѣшенствѣ:

— Поди вонъ!

Это странное секретарство длилось почти два года. Они ссорились и мирились. Если ей нужно было его смягчить и чего-нибудь отъ него добиться, она нарочно при всѣхъ отличала его, зная, что ему это льститъ: «въ публичныхъ собраніяхъ, въ саду, иногда сажая его подлѣ себя на канapé, шептала на ухо ничего не значащія слова, показывая, будто говорить о какихъ важныхъ дѣлахъ... Часто разсердится и выгонитъ отъ себя Державина, а онъ надуется, дастъ себѣ слово быть осторожнымъ и ничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, то она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ; начнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ ли онъ пить, и тому подобное ласковое и милостивое, такъ что онъ позабудетъ всю свою досаду и сдѣлается попрежнему чистосердечнымъ. Въ одинъ разъ случилось, что онъ, не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула и въ изступленіи сказалъ: — Боже мой! кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня, вы не человѣкъ. Я сегодня наложилъ на себя клятву, чтобъ послѣ вчерашняго ничего съ вами не говорить; но вы противъ воли моей дѣлаете изъ меня, что хотите. — Она засмѣялась и сказала: — Неужто это правда?»

Онъ научился находить въ ней обаяніе, котораго не зналъ прежде: обаяніе ума, ласки, легкости, мягкости. Научился цѣнить ея доброту и великодушіе. Но все это было человѣческое. Той богини, которую создалъ мечтою и воспѣвалъ двадцать лѣтъ, во имя которой стоило и прославиться, и страдать, онъ въ ней не нашелъ.

Ходила молва, что поэты льстятъ королямъ. Но въ ту пору поэзія была еще голосомъ славы, и короли тоже льстили поэтамъ. Прочитавъ оду на взятіе Измаила, Екатерина вновь прислала Державину табакерку, осыпанную брилліантами, и сказала ему при встрѣчѣ:

— Я не знала по сіе время, что труба ваша столь же громка, какъ и лира пріятна.

Во время его секретарства она не разъ «такъ сказать прашивала его» писать вродѣ Фелицы. «Хотя далъ онъ ей въ томъ свое слово, но не могъ онаго сдержать по причинѣ разныхъ придворныхъ каверзъ, коими его безпрестанно раздражали: не могъ воспламенить такъ своего духа, чтобъ поддержать свой высокій прежній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческой съ великими слабостями. Сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ для того запершись въ своемъ кабинетѣ, но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ; все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цѣховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства». Должно быть, въ одно изъ такихъ сидѣній написалъ онъ язвительное четверостишіе:

Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой:
Пищитъ бѣдняжка, вмѣсто свисту, —
А ей твердятъ: Пой, птичка, пой!

Итакъ, онъ молчалъ, а Екатерина досадовала: онъ оказался столь же непокладистымъ поэтомъ, какъ и секретаремъ. Все кончилось такъ, какъ и должно было кончиться. 15 іюля 1793 года вечеръ въ Царскомъ Селѣ былъ тихій, погожій, меланхолическій. Большимъ обществомъ вышли въ садъ, но бесѣда не ладилась. Государыня была

«нѣчто скучна». Наконецъ, завели горѣлки — Екатерина любила смотрѣть на эту игру. Запѣли «Гори, гори ясно». Державину съ его парю довелось ловить великаго князя Александра Павловича. Тотъ, проворный и легкій, убѣжалъ далеко по скользкой росистой лужайкѣ, покатою къ пруду. Державинъ, гонясь за нимъ, упалъ, ударился о земь и едва не лишился чувствъ. Его подняли, въ рукѣ оказался вывихъ. Шесть недѣль оставался онъ дома. За это время Екатерину сумѣли возстановить противъ него. «Будучи всѣмъ ревностію и правдою своею непріятенъ или, лучше сказать, опасенъ, наскучилъ императрицѣ и остудилъ ее въ ея мысляхъ».

2 сентября, при празднованіи Яскаго мира, онъ былъ отставленъ отъ секретарства и назначенъ сенаторомъ. При униженіи, до котораго былъ доведенъ сенатъ, это было знакомъ немилости, особенно для Державина, который и самъ тому униженію способствовалъ. Въ такихъ обстоятельствахъ орденъ Владиміра 2-й степени и чинъ тайнаго совѣтника были утѣшеніемъ слабымъ. Уязвленный Державинъ просилъ Зубова передать государынѣ его благодарность. Зубовъ весьма удивился:

— Неужто доволенъ?

— Какъ же, — отвѣтилъ Державинъ, — не быть довольну сей монаршей милостію бѣдному дворянину, безъ всякаго покровительства служившему съ самаго солдата, что онъ посаженъ на стулъ сенаторскій Россійской Имперіи? Что еще мнѣ болѣе? Ежели жъ мои сочлены почитаются можетъ быть кѣмъ ничтожными, то я себѣ уваженіе всемѣрно сыщу.

Въ Сенатѣ онъ принялся обучать сочленовъ труду, безпристрастію, независимости, знанію законовъ. Засѣданія стали сплошными бурями. Въ ту пору Читалагайскую оду «На знатность» онъ передѣлалъ въ «Вельможу». Сенаторы справедливо приняли на свой счетъ строки самыя оскорбительныя:

Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.
Осель останется осломъ,

Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаеть ушами.
О! тщетно Счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядить въ господина
Или въ шумиху дурака.

*
**

Въ ту пору, когда близостию къ престолу стяжались огромныя состоянія, Державинъ не приобрѣлъ ничего. Семнадцать тысячъ штрафу, наложеннаго по тамбовскимъ дѣламъ, насилу съ него скостили послѣ безчисленныхъ просьбъ. Однако жъ, онъ изворачивался, какъ изворачивалась покойная мать: земли свои закладывалъ, перезакладывалъ, то частию продавалъ ихъ, то прикупалъ новыя; торговалъ хлѣбомъ, заводилъ фабрики. Лѣтомъ 1791 года онъ купилъ домъ на Фонтанкѣ у Измайловскаго моста. На отдѣлку и перестройку ушло нѣсколько мѣсяцевъ. Екатерина Яковлевна, хоть прихварывала, была въ большихъ хлопотахъ. Домъ обставили не роскошно, однако со вкусомъ; въ картинахъ, въ мебели и тому подобномъ Державины знали толкъ. По послѣднему слову моды стѣны были покрыты соломенными обоями: по соломенной плетенкѣ шелками и шерстью вышивались узоры изъ цвѣтовъ, фруктовъ, листьевъ, а для большихъ простѣнковъ цѣлые виды и сцены. Вышивала сама Плѣнира, жена Львова ей помогала. Особенность дома составила диванная комната или просто диванъ, какъ ее называли; она вся была затянута серпянкой; съ потолка, на манеръ палатки, спускались широкіе пологи; въ складкахъ матеріи размѣщены были зеркала; тутъ же стояли бюсты хозяина и хозяйки — работа «хитраго каменосѣца Рашета». Въ диванѣ принимали гостей, водили бесѣды, а иногда и спали:

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ, отдохни;
Въ семь тонкомъ пологу перловомъ,

И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ стола немножко:
Пріятно часикъ похрапѣть.

Державинскіе обѣды были обильны и превосходны. Между прочимъ, къ одному изъ нихъ, по просьбѣ Дмитріева, званъ былъ Фонвизинъ, котораго Дмитріевъ никогда не видѣлъ. То было 30 ноября 1792 года. Фонвизинъ пріѣхалъ, или, лучше сказать, его привезли. Онъ владѣлъ лишь одною рукою; одна нога также одеревянѣла. Два молодыхъ офицера ввели его подѣ руки, усадили. Онъ говорилъ дикимъ, охриплымъ голосомъ, языкъ плохо повиновался ему. Однако жъ онъ тотчасъ завладѣлъ бесѣдой и пять часовъ кряду говорилъ почти что одинъ — о самомъ себѣ, о своихъ комедіяхъ, о своихъ путешествіяхъ, о своей славѣ. Въ одиннадцать часовъ его увезли. На утро онъ умеръ.

Въ общемъ бывали у Державиныхъ тѣ же все лица — Дмитріевъ чаще другихъ, Капнисты, Львовы, Оленинъ. Подчасъ изъ деревни пріѣзжала свояченица Капниста и Львова — Даша, которую видѣли мы когда-то подросткомъ. Теперь ей минуло двадцать семь лѣтъ — она все еще была въ дѣвушкахъ, несмотря на свою красоту (всѣ сестры Дьяковы были хороши собой). Высокая и прямая, въ обращеніи жесткая, замкнутая, она поступала во всемъ разсчетливо и умно, играла на арфѣ правильно и бездушно. При изрядныхъ нравственныхъ качествахъ, она была лишена обаянія. Ей грозила судьба старой дѣвы, она тайно была влюблена въ Державина. Плѣнника вздумала сватать ее за Дмитріева. Даша сказала:

— Нѣтъ, найдите мнѣ такого жениха, какъ вашъ Гавріилъ Романовичъ, то я пойду за него и надѣюсь, что буду съ нимъ счастлива.

Посмѣялись и начали другой разговоръ. Впрочемъ, миру, который царилъ въ семействѣ Державиныхъ, не трудно было и позавидовать. За шестнадцать лѣтъ произошло между ними, кажется, лишь одна размолвка. Она случилась лѣтомъ 1793 г. Памятникомъ ея осталось письмо, посланное въ Петербургъ изъ Царскаго Села, гдѣ Державинъ въ

ту пору жилъ по должности кабинетск го секретаря: «Мнѣ очень скучно, другъ мой Катинька, вчерась было; а особливо какъ была гроза и тебя подлѣ меня; е было. Ты прежде хотѣла въ таковыхъ случаяхъ со мной умереть; но нынѣ, я думаю, рада, ежелибъ меня убило и ты бы осталась безъ меня. — Нѣтъ между нами основательной причины, которая бы должна была насъ раздѣлить: то что такое, что ты ко мнѣ не ѣдешь? — Самонравіе и гордость. Не хочешь по случившейся размолвкѣ унизиться передъ мужемъ. Изрядно... Стало, ты любишь, или любила меня не для меня, но только для себя, когда малѣйшая непріятность выводитъ тебя изъ себя и рождаетъ въ головѣ твоей химеры, которыя (Боже избави!) меня и тебя могутъ сдѣлать несчастливыми. Подумай-ка объ этомъ хорошенько и, сравнивь съ собою Фурсову и ей подобныхъ, увидишь, что я говорю правду. Итакъ, забудь, душа моя, прошедшую ссору; вспомни, что уже цѣлую недѣлю я тебя не видалъ и что въ середу Ганюшка твой именинникъ. Пріѣзжай въ объятія вѣрнаго твоего друга».

Къ несчастію, здоровье Екатерины Яковлевны было плохо. Еще въ Тамбовѣ, стоящемъ среди болотъ, схватила она лихорадку и въ самую тяжкую пору тамошнихъ непріятностей, послѣ ссоры съ Чичериною, слегла. Когда переѣхали въ Петербургъ, болѣзнь то усиливалась, то ослабѣвала, но никогда не исчезала совсѣмъ. Уже въ 1792 году Державинъ порой падалъ духомъ:

Неизбѣжнымъ уже рокомъ
Разстаешься ты со мной.
Во стенаніи жестокомъ
Я прощаюся съ тобой.

Обливаюсь слезами,
Скорби не могу снести;
Не могу сказать словами —
Сердцемъ говорю: прости!

Руки, грудь, уста и очи
Я цѣлую у тебя.
Не имѣю больше мочи
Раздѣлить съ тобой себя.

Лобызаю, обмираю,
Тебѣ душу отдаю,
Иль изъ устъ твоихъ желаю
Выпить душу я твою.

Однако жъ, она поправилась. Въ апрѣлѣ 1794 года случился опять сильный приступъ болѣзни, Екатерина Яковлевна совсѣмъ была при смерти, но затѣмъ стало ей лучше, и Державинъ возблагодарилъ Провидѣніе:

Ты возвратило мнѣ Плѣниру.

На сей разъ надежда обольстила его напрасно: Екатерина Яковлевна слегла снова, и дѣло пошло къ развязкѣ. Она умирала въ кротости и смиреніи, какъ прожила всю прекрасную свою жизнь. Дня за два до кончины она упрашивала Державина съѣздить въ Царское — похлопотать за одного ихъ знакомаго:

— Богъ милостивъ, — сказала она: — можетъ, я проживу столько, что дождусь съ тобою проститься.

15 іюля 1794 года, тридцати трехъ лѣтъ отъ роду, Плѣнира отдала Богу душу. Державинъ ее проводилъ на кладбище Александро-Невской лавры и написалъ Дмитріеву въ Москву: «Ну, мой другъ Иванъ Ивановичъ, радость твоя о выздоровленіи Екатерины Яковлевны была напрасна. Я лишился ея 15-го числа сего мѣсяца. Погруженъ въ совершенную горестъ и отчаяніе. Не знаю, что съ собою дѣлать. Не стало любезной моей Плѣниры! Оплачьте, музы, мою милую, прекрасную, добродѣтельную Плѣниру, которая только для меня была на свѣтѣ, которая все мнѣ въ немъ составляла. Теперь для меня сей свѣтъ совершенная пустыня»...

И вотъ — ровно черезъ полгода женился онъ на другою. Казалось бы, это должно удивить непріятно: неужели другою могъ такъ легко замѣнить ту, которую такъ боялся утратить, что обмиралъ при единой мысли объ этомъ? ту, безъ которой еще такъ недавно сей свѣтъ былъ ему совершенной пустыней? Наконецъ, зачѣмъ же такъ скоро? Уже самая эта поспѣшность могла показаться предосудительна въ человѣкѣ вовсе не молодомъ —

Державину шель пятьдесятъ второй годъ. Однако, никто не осудилъ его — ни даже щепетильный Дмитріевъ, ни чувствительный Карамзинъ.

Бурный и вспыльчивый по природѣ, Державинъ пережилъ смерть Екатерины Яковлевны тоже бурно и вспыльчиво. Его охватило неистовое отчаяніе, въ которомъ минуты тихаго, сосредоточеннаго горя были сравнительно свѣтлыми промежутками. Тогда ему чудилось: тѣнь Плѣниры витаетъ возлѣ. Онъ пытался писать къ ней стихи — они не давались, не складывались: мысль подавлена была чувствомъ. Но такія состоянія бывали не долги. Въ одиночествѣ онъ сумѣлъ бы спокойнѣе и возвышеннѣе пережить свое горе и тѣмъ обрѣсти покой. Онъ и самъ подумывалъ объ отставкѣ и отъѣздѣ въ деревню, но это было неисполнимо.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того Державинъ былъ назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи. Должность была временная, такъ какъ коллегію предполагалось скорѣ уничтожить. Но Державинъ принялся за дѣло рьяно и скорѣ обнаружилъ злоупотребленія. Екатерина такихъ открытій не любила и велѣла передать Державину, чтобъ онъ отнынѣ лишь числился въ должности, «ни во что не мѣшаясь». Оскорбленный Державинъ написалъ Зубову неистовое письмо, въ которомъ коснулся вообще своего положенія въ службѣ и прямо высказалъ разочарованіе въ Екатеринѣ: «Не зальютъ мнѣ глотки виномъ, — писалъ онъ, — не закармятъ фруктами, не задарятъ драгоценностями и никакими алтынами не купятъ моей вѣрности къ моей монархинѣ... Что дѣлать? Ежели я выдался уродъ такой, дуракъ, который, ни на что не смотря, жертвовалъ жизнію, временемъ, здоровьемъ, имуществомъ службѣ и личной приверженности обожаемой мною государынѣ, животворился ея славою и полагалъ всю мою на нее надежду, а теперь такъ со мною поступаютъ, то пусть меня увольятъ въ уединеніи оплакивать мою глупость и ту суетную мечту, что будто какого-либо государя слово твердо, ежели Екатерина Великая, обнадеживъ меня, чтобъ я ничего не боялся, и не токмо не доказавъ меня въ винѣ моей, но и не объясня ея, благоволила снять съ меня покрови-

тельствующую свою руку? Имѣя столько враговъ за ея пользы, куда я гожуся, какую я отправлять въ состояніи должность?». Не получивъ отвѣта, онъ написалъ письмо самой императрицѣ — такое, что передать его не рѣшались ни Зубовъ, ни Безбородко. Тогда Державинъ передалъ его черезъ камеръ-лакея. Прочтя, государыня «вышла изъ себя, и ей было сдѣлалось очень дурно. Поскакали въ Петербургъ за каплями, за лучшими докторами, хотя и были тутъ дежурные». Державинъ въ испугѣ не остался въ Царскомъ Селѣ, а «уѣхалъ потихоньку въ Петербургъ» — ждать рѣшенія своей участи. Екатерина уничтожила коммерцъ-коллегію, но отставки Державину не дала. Нечего было думать о ней и теперь. Приходилось съ болью въ душѣ кипѣть въ самой гущѣ сенатскихъ и придворныхъ дѣлъ. Со всѣми боярами былъ онъ въ ссорѣ, дѣятельной, полной интригъ, препирательствъ и раздраженій. Для элегіи въ душѣ не было мѣста. Въ свободные часы предавался онъ злобной тоскѣ — а размыкать ее было не съ кѣмъ: Капнистъ въ деревнѣ, Львовъ въ разѣздахъ, Дмитріевъ по большей части въ Москвѣ. Убѣгая изъ дому, Державинъ «шатался по площади», не находилъ себѣ мѣста и дѣйствительно не зналъ, что съ собою дѣлать. Тогда онъ вздумалъ жениться — «чтобъ отъ скуки не уклониться въ какой развратъ». (Развратомъ онъ звалъ всякія отклоненія отъ правилъ добраго общежителства; «шатанія по площади» сюда включались). Это рѣшеніе принялъ онъ не потому, что забылъ Плѣниру, но именно потому, что не могъ забыть.

Мысль его очень скоро остановилась на Дашѣ Дьяковой, что довольно понятно. Незадолго до Рождества она пріѣхала въ Петербургъ съ сестрою, графиней Стейнбокъ. Державинъ «по обыкновенію, какъ знакомымъ дамамъ, сдѣлалъ посѣщеніе» и принять былъ весьма ласково. На другой день онъ послалъ имъ записочку, «въ которой просилъ ихъ къ себѣ откушать и дать приказаніе повару, какія блюда онѣ прикажутъ для себя изготовить. Симъ онъ думалъ дать разумѣть, что дѣлаетъ хозяйкою одну изъ званныхъ имъ прекрасныхъ гостей, разумѣется, дѣвицу, къ которой записка была надписана. Она съ улыбкою отвѣтствовала, что обѣдать онѣ съ сестрою будутъ, а ка-

кое кушанье приказать приготовить, въ его состоитъ во-лѣ». Обѣдъ прошелъ очень пріятно. Черезъ день Державинъ, «зайдя посѣтить ихъ и нашедъ случай съ одной невѣстой говорить, открылся ей въ своемъ намѣреніи». Благодарная Даша отвѣтила, что принимаетъ оно себѣ за честь, но подумаетъ, «можно ли рѣшиться въ разсужденіи прожитка». Она оказалась даже не прочь разсмотрѣть его приходныя и расходныя книги, дабы узнать, «можетъ ли она содержать домъ сообразно съ чиномъ и лѣтами». Книги она продержала у себя двѣ недѣли, послѣ чего дала волю нѣжному чувству и объявила свое согласіе. Державинъ сталъ любезнымъ и исполнительнымъ женихомъ. Къ невѣстѣ, которую звалъ то Дашенькой, то Миленой, ѣздилъ онъ каждодневно, а если не могъ — присылалъ записочки:

«Извини меня, мой милый другъ, что тебя сегодня не увижу. Къ обѣду не могъ быть для того, что нужда была быть у Васильева, а вечеру кое-кто заѣхали, а между тѣмъ признаюсь, что готова баня, то уже не попаду къ вамъ. Между тѣмъ цѣлую тебя въ мысляхъ» и проч.

Или — другая: «Посылаю вамъ, матушка Дарья Алексѣвна, ту матерію, о которой вамъ я вчерась говорилъ. Я не знаю, увижу ли васъ сегодня».

Или еще — въ самый день Рождества: «Поздравляю тебя, милый мой другъ Дашенька, съ праздникомъ, прошу поздравить отъ меня матушку и всѣхъ своихъ. Извини, что у васъ вечеру не былъ вчерась, не очень что-то былъ здоровъ, но сегодня, слава Богу, хоть куды. Поѣду во дворецъ. Думаю обѣдать дома; а на вечеръ буду къ Николаю Александровичу, гдѣ и тебя моя увижу милая, или надобно къ тебѣ пріѣхать? увѣдомь меня; затѣмъ такъ рано къ тебѣ и посылаю. Между тѣмъ цѣлую тебя безсчетно».

Онъ старался не подать виду, но на душѣ у него было не легко: память Плѣниры тревожила его совѣсть. Ища себѣ оправданія, онъ написалъ замѣчательные стихи — «Призываніе и явленіе Плѣниры». Глубокая личная правда здѣсь выражена сквозь нарядную куплетную форму, под- сказанную поэтикой XVIII вѣка:

Приди ко мнѣ, Плѣнира,
Въ блистаніи луны,
Въ дыханіи зефира,
Во мракѣ тишины!
Приди въ подобьи тѣни,
Въ мечтѣ иль легкомъ снѣ
И, сѣдши на колѣни,
Прижмися къ сердцу мнѣ;
Движенія исчисли,
Вздыханія измѣрь
И всѣ мои ты мысли
Проникни и повѣрь:
Хоть острый серпъ судьбины
Моихъ не косить дней,
Но нѣтъ ужъ половины
Во мнѣ души моей.

Я вижу: ты въ туманѣ
Течешь ко мнѣ рѣкой,
Плѣнира на диванѣ
Простерлась надо мной, —
И легкимъ осязаньемъ
Устъ сладостныхъ твоихъ,
Какъ вѣтерокъ дыханьемъ,
Въ объятіяхъ своихъ
Меня ты утѣшаешь
И шепчешь нѣжно въ слухъ:
«Почто такъ сокрушаешь
Себя, мой милый другъ?
Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слезъ ни лей;
Милой половину
Займи души твоей».

31 января 1795 года Державинъ ввелъ новую хозяйку въ домъ свой. Но воспоминаніе о Плѣнирѣ не оставляло его. Часто за пріятельскими обѣдами, которые онъ такъ любилъ, средь шумной бесѣды иль спора, внезапно Дер-

жавинъ задумается и станетъ чертить вилкою по тарелкѣ драгоцѣнныя буквы — К. Д. Дарья Алексѣевна, замѣтивъ это, строгимъ голосомъ выведетъ его изъ мечтанія:

— Ганюшка, Ганюшка, что это ты дѣлаешь?

— Такъ, ничего, матушка! — обыкновенно съ торопливостію отвѣчаетъ онъ, потирая глаза и лобъ, какъ будто спросонья.

VII.

Рухнуло все, чѣмъ была одушевлена жизнь Державина цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Теперь предстояло жить безъ вѣры въ Екатерину и безъ Пльниры. Сама судьба ясно подсказывала, что одновременно со второю женитьбой пора перестроить на новый ладъ и всю жизнь, и самую лиру. Пора было, наконецъ, если не вовсе «оставить отечество», какъ иногда помышлялъ онъ въ отчаяніи, то хотя бы оставить службу. Державинъ не разъ просился въ отставку. Конечно, по существу такая отставка значила бы, что пѣвцу Фелицы нѣтъ мѣста возлѣ Екатерины. Державинъ съ великою горечью сознавалъ это. Но душа человѣческая извилиста: онъ втайнѣ мечталъ, что, утративъ надежды, вдали отъ государственныхъ дѣлъ можетъ еще сохранить и л ю з и.

Къ несчастію, Екатерина и теперь не понимала его, какъ не понимала прежде. Державинъ въ ея глазахъ былъ чиновникъ, въ свободное время пишущій стихи, полезные ея славѣ, одобряемые знатоками и любезные ей самой, когда они выходятъ в родѣ «Фелицы». О служебной его неуживчивости она была наслышана, а затѣмъ и лично въ томъ убѣдилась. Казалось бы, надлежитъ дать чиновнику отставку, вполнѣ почетную, — и тѣмъ самымъ избавить поэта отъ непріятностей, сохранивъ его выгодное расположеніе. Но бѣда была въ томъ, что, не догадываясь объ истинной связи между поэзіей Державина и его службой, Екатерина все же ихъ связывала (межъ тѣмъ, какъ онъ самъ былъ не прочь теперь эту связь нарушить). Она считала, что званіе поэта и даже «ея собственнаго автора» само по себѣ очень не велико и должно быть подкрѣплено положеніемъ въ службѣ, орденами, чинами. «Пусть пишетъ стихи»: это была бы величайшая милость,

которую, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, она могла бы оказать Державину съ величайшей выгодой для себя. Но это она говорила, когда бывала въ сердцахъ. Когда же хотѣла Державина поощрить, то «*on peut lui trouver une place*». Мысль о томъ, что теперь онъ безъ поощреній вѣрнѣе сохранить остатки поэтического благоволенія къ ней, не приходила ей въ голову, потому что вообще не ввязалась съ ея представленіемъ о людяхъ. Отставка Державина означала бы въ ея глазахъ разрывъ, ссору. Она же по обычаю своему избѣгала ссоры; поэтому и не отпускала его, медлила, оттягивала, надѣясь, что рано или поздно Державинъ перебѣсится и смирится.

Онъ же, напротивъ, ожесточался — и было съ чего. Крылья его все равно уже были подрѣзаны. Уже вѣдь и раньше онъ, какъ алхимикъ, подкидывалъ золота въ свои колбы; уже и раньше, осторожно вводя поученія въ свои оды, пѣлъ онъ Екатерину лучшею, нежели она была: все надѣялся, что оригиналь захочетъ походить на портретъ. Теперь онъ, поклонникъ прямоты, шелъ на величайшую жертву: просилъ, чтобъ ему было дозволено, удалясь отъ дѣлъ, еще разъ, послѣдній, обмануть самого себя: не видя дѣйствительности, пѣть мечту, вѣрнѣе — остатки мечты, которую самъ онъ звалъ суетною, напрасной. Уже это была бы ложь. Но онъ шелъ на это — ради бывшей любви, ради живущаго въ его душѣ идеала, наконецъ — ради гордости и упрямства, чтобы не показать себя побѣжденнымъ, а вѣру свою смѣшной. Но отъ него требовали лжи полной, грубой, придворной: чтобъ онъ неизмѣнно видѣлъ одно — и все-таки пѣлъ другое. Чтобъ онъ пѣлъ богиню, не сводя глазъ съ императрицы, которая изо дня въ день, нарочно, упорно показываетъ ему, что она не богиня и быть богиней не хочетъ — развѣ только въ его стихахъ.

Не получая отставки добромъ, онъ постепенно пришелъ къ тому, что не прочь былъ ее добыть, разгнѣвать Екатерину. Но она себя сдерживала. Это раздражало его еще болѣе. Однако, и ему должно было дѣйствовать съ умомъ, такъ, чтобы гнѣвъ государыни вышелъ какъ бы и незаслуженнымъ, — иначе сочувствіе публики будетъ на

сторонѣ Екатерины, онъ же хотѣлъ поймать ее на несправедливости. Злоба сдѣлала его осторожнымъ.

24 октября 1794 г. Суворовъ взялъ Варшаву. Державинъ по этому случаю написалъ четверостишіе, которое затѣмъ развернулъ въ оду, гиперболическую до крайности, съ самыми рѣдкостными словами, съ умопомрачительными перестановками, съ превеликимъ «лирическимъ беспорядкомъ», который по правиламъ одописанія долженъ былъ выражать бурный приливъ чувствъ, но, кажется, чаще выражалъ обратное. Екатерина просмотрѣла рукопись, ничего не поняла, но, полагая, что все обстоитъ какъ должно и клонится къ ея славѣ, велѣла оду отпечатать, чтобы затѣмъ продавать въ пользу какихъ-то вдовъ. Когда печатаніе было кончено, она призвала Попова и велѣла прочитать стихи вслухъ, — должно быть, надѣясь, что съ голоса они будутъ понятнѣе. Но Поповъ тоже ничего не понималъ. А какъ не смыслилъ онъ и въ поэтикѣ, то, читая, неумышленно перевиралъ. Вмѣсто:

Безсмертная Екатерина!
Куда? и что еще? Уже полна
Великихъ нашихъ дѣлъ вселенна, —

прочиталъ онъ:

Безсмертная Екатерина!
Куда? и что еще? Ужъ полно!

Это не понравилось, императрица насторожилась.
Дойдя до обращенія къ Суворову:

Тронъ подъ тобой, корона у ногъ,
Царь въ полону! —

рѣшили общими силами, что это ужъ чистое якобинство. Всѣ 3000 отпечатанныхъ экземпляровъ были «заперты въ кабинетѣ», такъ что и авторъ не получилъ ни одного. Екатерина была недовольна. Державинъ зналъ обстоятельство дѣла и могъ безъ труда оправдаться, но оправдывать-

ся не сталъ: досада Екатерины, пусть даже не основательная, входила въ его расчеты. Вскорѣ къ этой досадѣ прибавилась новая.

Еще когда Державинъ въ бытность кабинетскимъ секретаремъ огорчался своимъ безсиліемъ писать въ честь Екатерины, покойная жена ему присовѣтовала поднести государынѣ просто собраніе лучшихъ его стиховъ, отчасти ей неизвѣстныхъ. Державину эта мысль понравилась. Предположено было кстати, что подносимая тетрадь затѣмъ будетъ издана и положитъ начало печатному собранію державинскихъ стиховъ. Державинъ принялся выбирать и исправлять пьесы, при чемъ совѣщался съ друзьями. Совѣщанія были бурныя. Львовъ, Капнистъ, Дмитріевъ наперебой предлагали свои поправки, Державинъ то соглашался, то упрямился. Къ каждой пьесѣ, въ началѣ и въ концѣ, рѣшено было сдѣлать рисунки, по большей части аллегорическіе, прекрасно придуманные Оленинымъ (исполнены они были плохо). Въ общемъ, работа оказалась громоздкой, и на нее ушло много времени. Началась она еще въ 1793 году, а кончилась только въ октябрѣ 1795. Державинъ приступилъ къ ней въ самую пору разочарованія въ Екатеринѣ (чѣмъ, въ сущности, она и была вызвана). Но раздраженія и злобы въ немъ тогда еще не было. Во всякомъ случаѣ, обзрѣвая старые стихи, онъ еще нашелъ въ душѣ силу воскресить прежній образъ Фелицы, съ твердостію признать, что обязанъ ему лучшими влхнственіями, и съ грустію, но безъ досады проститься съ нимъ. Движимый уже не чувствомъ, но воспоминаніемъ о чувствѣ, онъ написалъ посвященіе, или, по тогдашнему, «Приношеніе Монархинѣ»:

Что смѣлая рука Поэзіи писала,
Какъ Бога, истину, Фелицу во плоти
И добродѣтели твои изображала,
Дерзаю къ твоему престолу принести,
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ тебѣ души моей.
Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
Прими съ небесною улыбкою твоей,
Прими и освѣти твоимъ благоволеньемъ,

И Музѣ будь моей подпорой и щитомъ,
Какъ мнѣ была и есть ты отъ клеветы спасеньемъ.
Да веселись она и съ бодрственнымъ челомъ
Пройдетъ сквозь тьму временъ и станетъ средь по-
томковъ,

Суда ихъ не страшась, твои хвалы вѣщать;
И алчный червь когда межъ гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ моихъ костей глодать:
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою, — твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ:
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

Послѣ этихъ стиховъ прошло больше года. За это время Державинъ еще разъ просился въ отставку или даже хотя бы въ продолжительный отпускъ, но вновь получилъ отказъ. Когда изготовленіе тетради подходило къ концу, пѣвецъ Фелицы уже почти ненавидѣлъ прежній свой идеаль. Отъ поднесенія рукописи онъ не отказался, но, подъ влияніемъ ядовитыхъ чувствъ, включилъ въ нее не только «Властителямъ и судіямъ», но и недавно конченнаго «Вельможу», въ которомъ были прямыя колкости по адресу императрицы, и даже стихи о Суворовѣ, только что вызвавшіе неудовольствіе.

6 ноября 1795 г. тетрадь, переплетенная въ красный сафьянъ, была, наконецъ, представлена. По словамъ камердинера Тюльпина, государыня читала стихи «двое сутки». Но и двѣ недѣли прошло — молчаніе. Пріѣзжая по воскресеніямъ на выходы, Державинъ «примѣтилъ въ императрицѣ къ себѣ холодность, а окружающіе ее бѣгали его, какъ бы боясь съ нимъ встрѣтиться, не токмо говорить». Въ числѣ послѣднихъ былъ и недавній другъ — Безбородко. Наконецъ, все объяснилось: Екатерина прочла впервые «Властителямъ и судіямъ». Одинъ пріятель спросилъ Державина: «Что ты, братецъ, пишешь за якобинскіе стихи?» — «Какіе?» — «Ты переложилъ псаломъ 81-й,

который не можетъ быть двору пріятень». — «Царь Давидъ, — сказалъ Державинъ, — не былъ якобинцемъ, слѣдовательно пѣсни его не могутъ быть никому противными».

Чтобы оправдаться передъ Екатериной, Державину было достаточно развить это безспорное положеніе и самое большее — объяснить отступленія отъ библейскаго текста причинами поэтическими. Онъ же не только не спрятался за псалмопѣвца, но и представилъ Екатерину «Анекдотъ», въ которомъ неприкровенно высказалъ, что въ стихахъ дѣйствительно подразумевается она и ея правленіе. «Спросили нѣкоего стихотворца, — писалъ Державинъ, — какъ онъ смѣетъ и съ какимъ намѣреніемъ писать въ стихахъ своихъ толь разительныя истины, которыя вельможамъ и двору не могутъ быть пріятны. Онъ отвѣтствовалъ: Александръ Великій, будучи боленъ, получилъ извѣстіе, что придворный докторъ отравить его намѣренъ. Въ то же время вступилъ къ нему медикъ, принесшій кубокъ, наполненный крѣпкаго зелія. Придворные отъ ужаса поблѣднѣли. Но великодушный монархъ, презря низкія чувствованія ласкателей, бросилъ пронизательный свой взоръ на очи врача и, увидѣвъ въ нихъ непорочность души его, безъ робости выпилъ питіе, ему принесенное, и получилъ здравіе. Такъ и мои стихи, промолвилъ пѣтъ, ежели кому кажутся крѣпкими, какъ полынковое вино, то они однако такъ же здоровы и спасительны... Истина одна только творитъ героевъ безсмертными, и зеркало красавицѣ не можетъ быть противно».

Державинъ явно старался вызвать Екатерину на рѣзкія дѣйствія. Она находилась въ той порѣ жизни и царствованія, когда зеркало ни въ коемъ смыслѣ не могло быть ей пріятно. Но она держала себя въ рукахъ, отчасти, можетъ быть, потому, что проникла въ замыслы Державина и не хотѣла сдѣлать его жертвою въ глазахъ общества. Именно съ этой цѣлью она иногда давала ему порученія, съ виду почетныя, на дѣлѣ же маловажныя. Но вскорѣ Державинъ и тутъ сумѣлъ показать себя. Сама судьба помогла ему уязвить Екатерину глубоко и чувствительно.

Открылись мошенничества въ Заемномъ банкѣ. Комиссія для разслѣдованія этого дѣла была образована подѣ

предсѣдательствомъ Петра Васильевича Завадовскаго, главнаго директора банка. Императрица назначила въ нее и Державина, благо дѣло было пустячное: предполагалось только установить виновность кассира и нѣсколькихъ служащихъ, которые, впрочемъ, не думали отпираться. Но Державину повезло. Вскрывъ дѣло глубже, онъ съ удовольствіемъ обнаружилъ, что главный мошенникъ — самъ Завадовскій, одинъ изъ приближеннѣйшихъ къ Екатери-нѣ людей, ея бывшій фаворитъ. Комиссіи волей-неволей пришлось доложить объ этомъ императрицѣ, а вельможа занемогъ съ горя. На сей разъ коварное усердіе Державина едва не достигло цѣли: поручивъ Зубову съ Безбородкой пересмотрѣть слѣдствіе и замять дѣло, Екатерина съ негодованіемъ назвала Державина «слѣдователемъ жестокосердымъ» и пребывала по отношенію къ нему «нѣрочно въ неблагопріятномъ расположеніи». Державинъ со своей стороны не собирался уступить. Предвидя рѣшительный бой, онъ его жаждалъ, но втайнѣ, можетъ быть, и страшился. Иногда воспаленное воображеніе нечувствительно уводило его далеко отъ дѣйствительности, грядущее паденіе рисовалось ему въ самыхъ трагико-ироническихъ образахъ, и онъ, какъ на театрѣ, умилялся предъ зрѣлищемъ благородной, но горестной своей участи. Однажды, въ задумчивости, на оборотѣ полученнаго письма, начерталъ онъ себѣ эпитафію:

Здѣсь лежитъ Державинъ,
который поддерживалъ правосудіе;
но, подавленный неправдою,
паль, защищая законы.

Между тѣмъ, хотя обѣ стороны были раздражены до крайности, силою вещей рѣшительное сраженіе все откладывалось. Ему и вовсе не суждено было состояться. Заботы и потрясенія несравненно болѣе важныя поглотили Екатерину и подкосили ея здоровье. Ей было не до Державина. Со своей стороны и Державинъ почти не бывалъ при дворѣ, и къ нему избѣгали ѣздить. Случилось такъ, что объ ударѣ апоплексическомъ, поразившемъ императрицу утромъ 5 ноября 1796 года, узналъ онъ лишь

вечеромъ на другой день — и послѣшили во дворецъ. Екатерина только что отошла. Пораженный Державинъ нашелъ ея трупъ посреди спальни, подъ бѣлою простыней, и «облобызавъ по обычаю тѣло, простился съ нею, съ продолгіемъ источниковъ слезъ». Но то не были еще слезы примиренія.

*
**

За тридцать четыре года, протекшіе со дня петергофскаго переворота, успѣлъ сложиться тотъ особый укладъ, который отчасти зовется вѣкомъ Екатерины. Чѣмъ ближе къ особѣ императрицы (слѣдовательно — при дворѣ, въ гвардіи, въ высшемъ чиновничествѣ), тѣмъ онъ былъ ошутительнѣй, крѣпче, привычнѣе. Съ нимъ сжились, его любили. Однако жъ, по силѣ многихъ причинъ наиболѣе чужды и прямо враждебны ему былъ сорокадвухлѣтній сынъ и преемникъ императрицы. Она никогда не любила Павла, но постепенно этотъ костистый, угловатый человекъ, въ плохо сидящемъ мундирѣ, съ короткимъ носомъ на сѣромъ, скуластомъ, широкооротомъ лицѣ, порывистый плотью и духомъ, становился ей все несноснѣе. Онъ возбуждалъ въ ней тонкую злобу, презрѣніе и брезгливость. Она же въ его глазахъ была убійцею человека, котораго онъ не успѣлъ узнать, но котораго (искренне или нѣтъ) почиталъ своимъ отцемъ. Еще полагалъ онъ, что она насильственно завладѣла его короной, и (справедливо ли, нѣтъ ли) привыкъ отъ нея и ея приближенныхъ ждать себѣ заточенія, а то и смерти. Онъ ненавидѣлъ ее, и едва ли не всѣхъ и все, что съ ней было связано, — можетъ быть, даже включая двухъ старшихъ своихъ сыновей, которыми она завладѣла. Въ своей мрачной Гатчинѣ жилъ онъ особымъ дворомъ, съ собственными своими войсками, какъ бы въ мірѣ, который не былъ и не долженъ былъ быть ни въ чемъ схожъ съ міромъ Екатерины. Люди екатерининскаго міра рѣдко заглядывали въ міръ Павла, и онъ имъ чудился какъ бы потустороннимъ, какъ бы тѣмъ свѣтомъ, въ которомъ среди солдатъ витаетъ окровавленный призракъ солдата — Петра Третьяго. И не успѣли еще вписать въ камеръ-фурьерскій журналъ, что им-

ператрица Екатерина Алексѣевна къ сѣтованію всея Россіи въ сей временной жизни скончалась, — какъ вмѣстѣ съ новымъ царемъ существа того свѣта ворвались въ этотъ. «Насталъ иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе, — говоритъ современникъ. — Перемѣна сія была такъ велика, что не иначе показалась мнѣ, какъ бы непріятельскимъ нашествіемъ». Съ нимъ не сговариваясь, Державинъ пишетъ: «Тотчасъ во дворцѣ пріяло все другой видъ, загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ». Дипломатъ-иностранецъ вторитъ обомъ: «Le palais eut un moment l'apparence d'une place enlevée d'assaut par des troupes étrangères».

Глубокія преобразованія еще только предносились воображенію новаго императора. Но ихъ предшественники и предвѣстники — новые порядки — вводимые круто, «погачински», тотчасъ появились всюду: въ войскахъ, при дворѣ и просто на улицѣ. Екатерина скончалась 6-го, а утромъ 8-го ноября уже человѣкъ двѣсти полицейскихъ и солдатъ «срывали съ проходящихъ круглыя шляпы и истребляли ихъ до основанія; у фраковъ обрѣзывали отложные воротники, жилеты рвали по произволу и благоусмотрѣнію начальника партіи... Въ двѣнадцать часовъ утромъ не видали уже на улицахъ круглыхъ шляпъ, фраки и жилеты приведены въ несостояніе дѣйствовать, и тысяча жителей Петрополя брели въ дома ихъ жительства съ непокровенными головами и въ раздранномъ одѣяніи». Не то, чтобы крутость этихъ мѣропріятій исходила прямо отъ императора: усердствовала полиція. Но дѣйствительно, во всемъ, отъ причесокъ до умовъ и отъ воинскій команды до основныхъ законовъ, новый царь готовился повытрясти и повыколотить изъ Россіи екатерининскій духъ, какъ пыль и моль выколачиваютъ изъ лежалой одежды. Въ его глазахъ то былъ духъ своеволія, изнѣженности и всяческаго разврата. Гвардія, отъ солдатъ до фельдмаршаловъ, ужаснулась суровымъ новшествомъ гатчинской экзерциціи, и самый дворецъ, казалось, преобразился. «Знаменитѣйшія особы, первостепеннѣйшіе чиновники, управляющіе государственными дѣлами, стояли, какъ бы лишеныя должностей своихъ и званій, съ поникнутою го-

ловой, не примѣтны въ толпѣ народной. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ, — бѣгали, повелѣвали, учреждали».

Ломка началась. Люди, связанные съ минувшимъ царствованіемъ, ждали рѣшенія своей участи. «Сія минута для нихъ всѣхъ была тѣмъ, что страшный судъ для грѣшныхъ». Одни (въ томъ числѣ Платонъ Зубовъ) были застигнуты ужасомъ и отчаяніемъ, другіе (какъ Безбородко), оживленные надеждою и расчетомъ, спѣшили застраховать себя услугами новому повелителю; третьи впади въ оцѣпенѣніе.

Набальзамированное тѣло Екатерины долго оставалось безъ погребенія. Нѣсколько разъ стоя подлѣ него на почетномъ дежурствѣ, въ числѣ прочихъ особъ первыхъ четырехъ классовъ, Державинъ съ неодолимою холодностію взиралъ на лицо, которому, говорятъ, вернулась улыбка. И религія, и разумъ ему подсказывали, что теперь надобно душой примириться съ покойницею. Но это не удавалось. Мало того, что судьба разлучила его съ государыней слишкомъ внезапно, въ минуту взаимнаго гнѣва и раздраженія; изъ всѣхъ обидъ сердце человѣческое труднѣе всего прощаетъ разувѣреніе. Поэтому какъ ни старался Державинъ, живого, сердечнаго примиренія съ Екатериной онъ въ тѣ дни не обрѣлъ. Правда, онъ заставилъ себя написать ей «Надгробную» и «Эпитафію». Но хотя въ «Надгробной» послѣ каждой строфы повторялось:

Се въ гробъ образецъ царей!

Рыдай... рыдай... рыдай о ней —

именно рыданія-то и не получилось. Стихи вышли холодны. Лишь тогда вдохновеніе посѣтило его, когда, сознавая, что вмѣстѣ съ Екатериной закончилась великая часть его собственной жизни, онъ сталъ подводить итоги и самому себѣ искать права на безсмертіе. Вослѣдъ Горацию, онъ написалъ себѣ «Памятникъ»: воспоминаніе не объ Екатеринѣ, а лишь о своей поэтической связи съ ней:

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ смиренной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

*
**

За послѣдніе мѣсяцы его гражданское одушевленіе съ болью оторвалось отъ образа Екатерины и жило уже собственною, отдѣльною и — надо прямо сказать — ослабленной жизнью. Не то, чтобы разочарованіе въ Екатеринѣ повлекло за собой разочарованіе въ идеѣ; но все же идея утратила часть своего сіянія; она не помрачилась сама въ себѣ, но прозрачная тѣнь разочарованія какъ бы пала и на нее. Прежней горячности въ Державинѣ больше не было, прямое рвеніе становилось привычкою къ рвенію (упрямство, гордость и сознаніе долга ее поддерживали). Ужъ если напрасною оказалась вѣра въ Фелицу, то, разумѣется, ни въ какого идеальнаго царя нельзя вѣрить. Идеальнымъ царемъ не будетъ и Павелъ. Но гдѣ доказательства, что онъ будетъ хуже Екатерины? Обольщаться не надо, какъ и прежде не слѣдовало, но кое-какія упованія можно на него возлагать. Что онъ уйметъ распушенность, подрѣжетъ крылья корысти, пособьетъ спѣси дворянской, не станетъ во всемъ потакать своимъ царедворцамъ — можно быть увѣреннымъ. И то уже благо. Что онъ кое-чему обучить невѣждъ — надо надѣяться: вѣдь вонъ какъ военныхъ-то принялся обучать! Что онъ подтянетъ бездѣльниковъ — это навѣрняка: неутомимую заботливость въ отправленіи дѣлъ проявляетъ самъ, и недаромъ уже теперь въ департаментахъ и канцеляріяхъ съ пяти часовъ утра горятъ свѣчи. Правда, крутовать: однако жъ, оно и къ лучшему — Екатерина была слабовата. А что прямъ — это и по всему видать. Прямоту Державинъ цѣнилъ въ особенности; Екатерина была уклончива.

Въ понедѣльникъ, 17 ноября, подъ утро, придворный лакей привезъ Державину повелѣніе тотчасъ ѣхать во дворець. Было еще темно, когда Державинъ явился и далъ знать о себѣ камердинеру Ивану Павловичу Кутайсову, котораго горбоносое, смуглое лицо въ пудреномъ парикѣ сіяло пронырливою веселостію: Кутайсовъ ногъ подъ собою не чуялъ отъ радости по случаю воцаренія своего благодѣтеля. На разсвѣтъ Кутайсовъ ввелъ Державина въ кабинетъ государя.

Мужа покойной молочной сестры своей Павелъ принялъ съ нарочитымъ радушіемъ. «Наговоривъ множество похвалъ, сказалъ, что онъ знаетъ его со стороны честнаго, умнаго, безынтереснаго и дѣльнаго человѣка, то и хочетъ его сдѣлать правителемъ своего Верховнаго Совѣта, дозволивъ ему входъ къ себѣ во всякое время». Державинъ остался вѣренъ себѣ: «поблагодаря его, отозвался, что онъ радъ ему служить со всею ревностію, ежели его величеству угодно будетъ любить правду, какъ любилъ ее Петръ Великій». Павлу это понравилось чрезвычайно: вотъ слуга, который ему впрямь необходимъ. Онъ взглянулъ на Державина пламеннымъ взоромъ и весьма милостиво раскланялся.

Въ великой радости вернулся домой Державинъ. Шутка-ли стать правителемъ Верховнаго Совѣта? Въ немъ застѣдали гр. К. Г. Разумовскій, гр. Румянцовъ-Задунайскій, гр. Чернышевъ, гр. Н. И. Салтыковъ, врагъ Державина Завадовскій и другіе. Павелъ сюда прибавилъ двоихъ князей Куракиныхъ, Соймонова, Васильева, гр. Северса. И надо всѣми ними Державинъ будетъ поставленъ правителемъ, какъ генераль-прокуроръ надъ сенаторами. Должности такой до сихъ поръ еще не было -- онъ первый ее займетъ. Вотъ когда признана его добродѣтель! Вотъ когда заскрежещетъ порокъ въ лицѣ враговъ его!

Все это было чистѣйшее заблужденіе. Во вторникъ вышелъ указъ объ опредѣленіи Державина, но не въ правители Совѣта, а въ правители канцеляріи Совѣта: разница превеликая, а для сенатора, каковымъ былъ Державинъ, и униженіе. Обезкураженный, онъ рѣшился просить у государя инструкціи, т. е. разъясненія, въ чемъ должна состоять его должность. Во вторникъ и

въ среду онъ дѣлалъ визиты членамъ Совѣта и не скрывалъ отъ нихъ своего смущенія. Его весьма поддержали — кажется, не безъ злого умысла.

Насталъ четвергъ, день совѣтскій. Не имѣя права сѣсть за столъ членовъ, Державинъ не сѣлъ и за столъ правителя канцеляріи: такъ и слушалъ дѣла, стоя или ходя вкругъ присутствующихъ. Всѣ эти дни (тѣ самые, когда было извлечено изъ гроба тѣло Петра III и Павелъ съ семьей каждодневно ѣздилъ въ Лавру на панихиды); Державинъ обѣдалъ и ужиналъ во дворцѣ. Но аудіенцію у государя удалось ему получить лишь въ субботу, 22 числа. Императоръ, занятый мрачными мыслями, все же встрѣтилъ его довольно ласково и спросилъ, что надобно.

— По волѣ вашей, государь, былъ въ Совѣтѣ, но не знаю, что мнѣ дѣлать.

— Какъ не знаете? Дѣлайте, что Самойловъ дѣлалъ.

(Самойловъ былъ при Екатеринѣ правителемъ канцеляріи Совѣта).

— Я не знаю, дѣлалъ ли что онъ: въ Совѣтѣ никакихъ его бумагъ нѣтъ, а сказываютъ, что онъ носилъ только государынѣ протоколы Совѣта, почему осмѣливаюсь просить инструкціи.

— Хорошо, предоставьте мнѣ.

На этомъ слѣдовало бы кончить. Но Державинъ не во время вспомнилъ свободу, которую имѣлъ при докладахъ у покойной императрицы, и прибавилъ, что въ Совѣтѣ не можетъ онъ сидѣть съ членами онаго, ибо къ тому не назначенъ, а сидѣть за столомъ канцелярскимъ ему невмѣстно. Такъ вотъ — не стоятъ ли ему между столами?

«Съ симъ словомъ вспыхнулъ императоръ; глаза его, какъ молнии, засверкали». Въ бѣшенствѣ подбѣжалъ онъ къ дверямъ, распахнулъ ихъ — предъ кабинетомъ стояли люди: Трощинскій, Архаровъ и прочіе.

— Слушайте, — закричалъ Павелъ, — онъ почитаетъ быть въ Совѣтѣ себя лишнимъ!

И оборотясь къ Державину:

— Поди назадъ въ Сенатъ и сиди у меня тамъ смиренно, а не то я тебя проучу.

Тогда, свѣту не взвидѣвъ, и Державинъ въ свою очередь обратился къ слушателямъ, указуя на государя:

— Ждите, будетъ отъ этого ... толкъ!

Какъ въ безпамятствѣ, выбѣжалъ онъ изъ дворца, и дико смѣялся, и дома «не могъ удержаться отъ горестнаго смѣха, рассказывая женѣ съ нимъ случившееся».

Слухи полетѣли по городу. Слова Державина пересказывались на всѣ лады и даже приукрашались, хотя довольно было и правды. Для Державина ждали великихъ бѣдъ, вспоминали пословицу: погибла птичка отъ своего язычка. Все однако же ограничилось краткимъ указомъ: «Тайный совѣтникъ Гаврило Державинъ, опредѣленный правителемъ канцеляріи Совѣта Нашего, за непристойный отвѣтъ, имъ предъ Нами учиненный, отсылается къ прежнему его мѣсту. 22 ноября 1796.»

Фаворъ, начавшійся въ понедѣльникъ, въ субботу кончился. Павелъ оказался пожестче Екатерины. Но на сей разъ Державинъ и дома почувствовалъ, что Дарья Алексѣевна — не Плѣнира. Она съ нимъ не стала смѣяться, а учинила ему нагоняй и немедленно созвала семейный совѣтъ изъ Капнистовъ и Львовыхъ, благо всѣ три поэта были женаты теперь на трехъ сестрахъ. Капнисть опять жилъ въ Петербургѣ, велъ трудную тяжбу съ сосѣдомъ своимъ Тарновскимъ и дописывалъ комедію; съ какой стороны ни взгляни — ему нужны были покровители; державинская бѣда приходилась ему некстати. Львовъ и при новыхъ порядкахъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, и не понималъ, чего еще надобно Гаврилѣ. Словомъ, «осыпавъ его со всѣхъ сторонъ журьбою, что онъ бранится съ царями и не можетъ ни съ кѣмъ ужиться, принудили его искать средствъ преклонить на милость монарха». Державинъ сунулся было туда-сюда, но нигдѣ помощи не нашель. Онъ бы и бросилъ все это дѣло, сталъ бы писать стихи. Его тянуло къ перу. Онъ дописалъ «Безсмертіе души», начатое одиннадцать лѣтъ тому назадъ вслѣдъ за «Богомъ»:

Отколѣ, чувствъ по насыщенѣ,
Объемлетъ душу пустота?
Не оттого ль, что наслажденье
Для ней благъ здѣшнихъ — суета,

Что есть для насъ другой міръ, краше,
Есть вѣчныхъ радостей чертогъ?
Безсмертіе — стихія наша,
Покой и верхъ желаній — Бсгъ!

Но верхъ желаній Дарьи Алексѣевны не въ томъ заключался, ея стихіей были дѣла житейскія. Женою полуопального сановника она никакъ не желала быть. Покою Державину не стало. «По ропоту домашнихъ былъ въ крайнемъ огорченіи и наконецъ вздумалъ онъ, безъ всякой посторонней помощи, возвратить къ себѣ благоволеніе монарха посредствомъ своего таланта». Явилась «Ода на новый 1797 годъ» — въ сущности на воцареніе Павла I. За нее Державина ославили льстецомъ, — обвиненіе незаслуженное. Державинъ видѣлъ еще лишь начало царствованія, ознаменованное, при всѣхъ рѣзкостяхъ, рядомъ великодушныхъ поступковъ и благихъ начинаній. Правда, суровыя кары тотчасъ обрушились на нѣкоторыхъ приближенныхъ Екатерины, особенно на причастныхъ къ перевороту 1762 года. За то другіе были обласканы съ исключительной щедростью. За то Костюшко, Потоцкій и Нѣмцевичъ выпущены на волю и даровано прощаніе всѣмъ вообще полякамъ, «подпавшимъ подъ наказаніе, заточеніе и ссылку по случаю бывшихъ въ Польшѣ замѣшательствъ». Изъ Илимска былъ возвращенъ Радищевъ, изъ Шлиссельбурга освобожденъ Новиковъ; масонъ Лопухинъ вызванъ въ Петербургъ и обласканъ; по его ходатайству выпущены всѣ заключенные въ тайной канцеляріи, кромѣ повредившихся въ умѣ. Съ первыхъ дней царствованія Павелъ повелъ борьбу съ судебной и канцелярскою волокитой — Капнистъ недаромъ посвятилъ ему «Ябеду». Далѣе, императоръ выразилъ твердое намѣреніе прекратить войны: рекрутъ, набранныхъ по указу Екатерины, онъ распустилъ по домамъ; хлѣбъ, забранный для провіантскаго департамента въ казну, приказалъ вернуть — и т. д. Все это и было отмѣчено Державинимъ. Поэтъ слѣдовалъ только истинѣ и давнему воспитательному правилу своей поэзіи — по возможности не бичевать порокъ, но поощрять добродѣтель, возбуждая ее къ новымъ подвигамъ. Онъ и теперь считалъ, что чѣмъ пре-

краснѣе портретъ, тѣмъ болѣе оригиналу захочется быть на него похожимъ. Наконецъ, не могъ онъ не сознавать великодушія, проявленнаго императоромъ къ нему лично: за оскорбленіе неслыханное и незаслуженное (въ которомъ должно бы извиниться, будь даже Павелъ не императоръ, а простой смертный), заплатилъ онъ всего только отчисленіемъ къ прежней должности.

Можно сказать, однако, что не подчинившись голосу лести, лира Державина все же была на сей разъ унижена подчиненіемъ домашнему натиску. И она за себя отомстила: ода вышла холодная, натянутая, безкрылая. Эти поэтическіе недостатки не помѣшали ей, впрочемъ, возымѣть свое дѣйствіе: Павелъ велѣлъ генераль-адъютанту представить Державина и обошелся съ нимъ милостиво. Тѣмъ самымъ былъ восстановленъ и миръ семейный въ домѣ Державина.

*
**

Обвинять Державина въ лести не только несправедливо, но и непроницательно. Лстить государю какъ разъ не входило въ его расчеты. Помириться онъ былъ не прочь, но искать близости, домогаться новыхъ благъ или должностей ему уже не хотѣлось (на это обстоятельство онъ едва осмѣлился бы намекнуть Дашѣ, и то развѣ только обиняками). Въ возможность ужиться съ Павломъ такъ, чтобы дѣйствительно вліять на дѣла, онъ больше не вѣрилъ, а безъ того служба грозила лишь новыми неприятностями. Конечно, сидѣть сложа руки онъ не умѣлъ. Въ немъ не остыла еще потребность или привычка дѣйствовать, кипятиться, рыться въ законахъ. Но эта привычка находила себѣ утоленіе и помимо службы. Слава строптиваго чиновника и плохого царедворца постепенно создала ему въ обществѣ славу особо честнаго и безпристрастнаго человѣка. Все чаще къ нему обращались съ просьбами быть третейскимъ судьей въ разныхъ дѣлахъ, когда стороны не хотѣли довѣриться казенному правосудію; сверхъ того многіе люди, дѣла которыхъ были разстроены, просили Державина о принятіи опеки надъ ихъ имуществомъ. Эти суды, которыхъ онъ провелъ около сотни,

и олеки, которыхъ при Павлѣ онъ имѣлъ въ своемъ управленіи цѣлыхъ восемь, требовали немалыхъ трудовъ и создавали ему почетное общественное положеніе. Поэтому, примирившись съ царемъ и тѣмъ снявъ съ себя тѣнь опалы, Державинъ отнюдь не просилъ новой должности; радъ былъ остаться всего лишь сенаторомъ. Да и въ Сенатѣ приучалъ онъ себя относиться къ дѣламъ спокойнѣе: понималъ, что плетью обуха не перешибешь. Когда возникали шумныя пренія, онъ не безъ яду повторялъ слова государя:

— Мнѣ велѣно сидѣть смирно, то дѣлайте вы какъ хотите, а я сказалъ уже мою резолюцію.

Къ мечтаніямъ объ отстраненіи отъ службы подготовлялъ онъ Дарью Алексѣевну осторожно, подъ покровомъ поэзіи, даже легонько лѣстя ей:

Къ богамъ земнымъ сближаться
Ничуть я не ищу
И больше возвышаться
Никакъ я не хочу.

Душѣ моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

Это желаніе все болѣе укрѣплялось. Новое царствованіе едва ли не каждый день давало къ тому поводы. Опала, постигшая Суворова, была однимъ изъ наиболѣе разительныхъ.

Будучи вполне убѣжденный противникъ войны, «проповѣдую миръ міру» и въ томъ почитая одну изъ своихъ заслугъ, Державинъ по чувству патріотическому съ великимъ уваженіемъ относился къ екатерининскимъ полководцамъ. Недавно умершаго Румянцова, котораго не довольно зналъ, онъ прямо идеализировалъ; Суворову прощалъ человѣческія слабости, высоко чтилъ въ немъ набожность и сумѣлъ понять тонкій смыслъ его символическихъ чудачествъ. Со своей стороны и Суворовъ, питавшій слабость къ поэзіи, оцѣнилъ автора «Бога» и «Фелицы». Въ толпѣ екатерининскихъ вельможъ прямой и ни съ

къмъ не схожій Державинъ не безъ основаній казался ему чѣмъ - то вродѣ того, что Суворовъ былъ самъ среди полководцевъ. Онъ звалъ Державина Аристидомъ. Въ свое время ода на взятіе Измаила не могла ему не польстить. Вслѣдъ за тѣмъ Державинъ прислалъ ему первое четверостишіе на взятіе Варшавы. Полководецъ былъ покоренъ вполне и отвѣтилъ поэту стихами, довольно витѣватыми, о коихъ, впрочемъ, писалъ, что они сложны «въ простотѣ солдатскаго сердца»:

Царица, съверомъ владѣя,
Предписываетъ всѣмъ законъ:
Въ десницѣ жезлъ судьбы имѣя,
Вращаетъ сферу безъ препонъ — и проч.

Въ концѣ 1795 г. Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина ему отвела домъ князя Таврическаго, гдѣ онъ спалъ на соломѣ и ходилъ почти нагишомъ. На второй день его тамъ пребыванія, многія знатныя особы съ утра устремились къ нему съ визитами, но не были приняты. Перваго принялъ онъ Державина въ своей спальнѣ, долго бесѣдовалъ и не отпускалъ. Въ 10 часовъ пріѣхалъ Платонъ Зубовъ. Суворовъ съ нимъ говорилъ стоя и не впуская дальше порога; немного спустя онъ его спровадилъ, Державина же оставилъ обѣдать. Во время обѣда пріѣхалъ вице-канцлеръ графъ Остерманъ. Суворовъ, вскочивъ изъ-за стола, выбѣжалъ на подѣздъ; гайдуки открываютъ для Остермана карету, но тотъ не успѣлъ и привстать, какъ Суворовъ скакнулъ къ нему, сѣлъ рядомъ, поздоровался, поблагодарилъ за посѣщеніе и выпрыгнулъ обратно. Остерманъ уѣхалъ, Суворовъ вернулся въ столовую и со смѣхомъ сказалъ Державину:

— Этотъ контръ-визитъ самый скорый, лучшій и взаимно неотяготительный.

Съ той поры они подружились. Когда въ февралѣ 1797 года Павелъ грубо отставилъ Суворова, а затѣмъ сослалъ въ Боровицкую глушь, подъ присмотръ земской полиціи. Державинъ столько былъ пораженъ, что словъ у него не нашлось. Между тѣмъ, успѣлъ уже пострадать и Валеріанъ Зубовъ. Конечно, военныя заслуги Зубова никакъ не срав-

нимы съ суворовскими, но его опала была еще болѣе незаслуженна. Суворовъ хоть прогнѣвилъ императора язвительными рѣчами: Зубовъ палъ жертвою необузданнаго павловскаго миролюбія. Онъ командовалъ арміей, которую Екатерина отправила противъ Персіи. Войска были отозваны вдругъ, безъ вѣдома Зубова, самъ же онъ брошенъ на произволь судьбы въ краю непріятели. Державинъ нѣкогда поэтически сравнивалъ его прежнія побѣды надъ персами съ подвигомъ Александра Великаго. По этому поводу кн. С. Ѳ. Голицынъ, встрѣтивъ Державина при дворѣ, замѣтилъ, что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ уже не посмѣетъ писать въ честь Зубова. «Вы увидите», отвѣчалъ Державинъ, и пріѣхавъ домой, написалъ оду «На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи», которую не могъ, разумѣется, напечатать, но въ спискахъ пустилъ по городу. Намекая на прежніе свои стихи, онъ въ ней говоритъ:

По быстромъ Персовъ покореньи
Въ тебѣ я Александра чтить!
О! вспомни, какъ въ томъ восхищеньи,
Пророча, я тебя хвалилъ:

Смотри, — я рекъ: — триумфъ минуто,
А добродѣтель вѣкъ живетъ.
Сбылось! — Игру днесъ Счастья люто
И какъ оно къ тебѣ хребетъ
Свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло,
Ты видишь; видишь, какъ мечты
Сіянье вокругъ тебя заснуло,
Прошло, — остался только ты.

Онъ съ каждымъ днемъ убѣждался, что на мѣсто екатерининскихъ золъ являются новыя, павловскія, а старыя блага, уничтожаясь, новыми не замѣщаются. Понемчугу онъ научился вздыхать о прошломъ. Онъ посѣтилъ Царское Село — оно показалось ему горестными развалинами. Онъ понялъ, что екатерининская слава умерла, павловской же не будетъ. Житейскимъ отсюда выводомъ было желаніе стать въ сторонѣ отъ государственныхъ

дѣлъ, во всякомъ случаѣ — подалѣе отъ кормила, а выводы поэтическіе изложилъ онъ въ стихотвореніи «Къ лирѣ»:

Пѣть Румянцова сбирался,
Пѣть Суворова хотѣлъ;
Громъ отъ лиры раздавался
И со струнъ огонь летѣлъ ..

Но завистливой судьбою
Задунайскій кончилъ вѣкъ,
А Рымникскій скрылся тмою,
Какъ неславный человѣкъ.

Что жъ? Пріятна ли имъ будетъ,
Лира, днесъ твоя хвала?
Міръ безъ насъ не позабудетъ
Ихъ безсмертныя дѣла.

Такъ не надо звучныхъ строевъ:
Переладимъ струны вновь;
Пѣть откажемся героевъ,
А начнемъ мы пѣть любовь.

Начнемъ — сказано не совсѣмъ точно: любовная лирика присутствовала въ поэзіи Державина и раньше; эта поэзія съ нея даже и началась — въ ту казарменную пору, когда юный поэтъ еще не рѣшался «гнаться за Пиндаромъ». Но постепенно она была и количественно, и качественно заслонена музой гражданской и исторіографической (то же, но въ меньшей степени случилось съ религиозной поэзіей Державина). Кромѣ общественныхъ, были тому и другія немаловажныя причины, личныя и литературныя: даже именно сочетаніе личныхъ съ литературными.

Державинъ во всемъ начиналъ съ подражаній, исходилъ изъ готовыхъ формъ, вмѣстѣ съ ними заимствуя у другихъ поэтовъ отѣнки мыслей и чувствъ. Для его поэзіи то былъ неизмѣнный ходъ развитія. Такъ началась и

его любовная лирика, и все шло гладко, пока для его солдатских шашней и офицерских интриг хватало сердечного и стихотворного опыта, черпаемого из условной и легковѣсной эротической поэзии, которая была ему открыта. Но этого опыта сразу оказалось недостаточно, лишь только Державинъ охваченъ былъ подлиннымъ и глубокимъ чувствомъ къ Екатеринѣ Яковлевнѣ. Образцы, которымъ онъ могъ бы слѣдовать, выражали нѣчто вовсе пустое въ сравненіи съ его любовью. Передъ этой любовью очутился онъ столь безпомощенъ, что когда, по законамъ ухаживанія, понадобилось ему посвятить невѣстѣ стихи, онъ ничего не могъ написать и поднесъ старую, вовсе не къ Катенькѣ обращенную пьеску, которую кое-какъ докончилъ. Прибѣгнуть къ маленькому обману ему было легче, нежели говорить о предметѣ своей любви суетнымъ и жеманнымъ языкомъ тогдашней поэзии.

Этому несоотвѣтствію чувства и способовъ выраженія суждено было не сглаживаться, а углубляться по мѣрѣ того, какъ любовь къ Плѣнирѣ становилась полнѣй и строже. Какъ разъ въ то время, когда въ иныхъ областяхъ поэзія Державина созидалась, то есть когда онъ все болѣе обрѣталъ силу высвободить, выращивать свое изъ чужого, — именно въ области любовной лирики онъ ничего не могъ сдѣлать, ибо ему не съ чего было начать. Правда, читая Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Эмина (бывшаго своего подчиненнаго и спутника по олонецкому путешествію), обращаясь къ нѣмецкимъ поэтамъ и особенно — бесѣдуя съ Львовымъ, весьма оцѣнилъ онъ прелесть Анакреона, точнѣе — того своеобразнаго сплава, который къ XVIII столѣтію образовался изъ подлинныхъ пѣсенъ античнаго лирика и многовѣковыхъ поддѣлокъ, переводовъ и подражаній. Но разсудительное сладострастіе анакреонтической поэзии ничего не имѣло общаго съ любовью къ Плѣнирѣ. Рано усвоивъ анакреонтическіе образы и приемы, Державинъ все же не примѣнялъ ихъ для изображенія своей любви. Въ концѣ концовъ она такъ и осталась невоспѣтой, неизъяснимой. У Державина есть нѣсколько трогательныхъ, нѣжнѣйшихъ упоминаній о Плѣнирѣ, но прямо любовныхъ стиховъ, всецѣло ей посвященныхъ — нѣтъ.

На Плѣниру Державинъ истратилъ всю любовную силу души своей. Послѣ нея онъ уже никого по настоящему не любилъ. «Половина души», опустѣвшая со смертью Плѣниры, Миленою не была заполнена. Именно поэтому Державинъ, который при жизни Екатерины Яковлевны не смотрѣлъ на другихъ женщинъ, женившись на Дарѣ Алексѣевнѣ сталъ на нихъ даже очень заглядываться. У Плѣниры не было поводовъ къ ревности — у Милены ихъ было вполне достаточно. Начиная примѣрно съ 1797 года старость Державина овѣяна любовными помыслами и исканіями. Особы, внушавшія ему нѣжныя чувства, чаще всего сокрыты подъ условными поэтическими прозвищами или вовсе не названы. Исторія сохранила лишь небольшую часть именъ достовѣрныхъ. Среди нихъ въ разные годы встрѣчаемъ мы Варю и Парашу Бакуниныхъ (двоюродныхъ сестеръ Дарьи Алексѣевны, сиротъ, которыхъ она у себя приютила); молоденькую плясунью Люси Штернбергъ, воспитанницу графини Стейнбокъ; юную и проказливую графиню Соллогубъ; семнадцатилѣтнюю Дуню Жегулину. Были и другія—мы еще съ ними встрѣтимся.

Совсѣмъ молоденькія дѣвушки привлекали Державина въ особенности. Онъ между ними почти не дѣлалъ различія — всѣ были хороши; вотъ каково было его «Шуточное желаніе»:

Если бѣ милыя дѣвицы
Такъ могли летать, какъ птицы,
И садились на сучкахъ:
Я желалъ бы быть сучочкомъ,
Чтобы тысячамъ дѣвочкамъ
На моихъ сидѣть вѣтвяхъ.
Пусть сидѣли бы и пѣли,
Вили гнѣзда и свистѣли,
Выводили и птенцовъ;
Никогда бѣ я не сгибался,
Вѣчно бѣ ими любовался,
Былъ счастливѣй всѣхъ сучковъ.

О каждомъ отдѣльномъ случаѣ невозможно сказать, какъ далеко заходили ухаживанія Державина, всегда однако же дѣятельныя. Иногда, вѣроятно, приходилось до-

вольствоваться полу-насиленно сорваннымъ поцѣлуемъ. Впрочемъ, дѣвическіе обычаи той поры были довольно свободны.

Преданіе рисуеъ Анакреона беззаботнымъ старцемъ въ кругу юныхъ грацій. Анакреонтическая личина какъ нельзя лучше подошла старѣющему Державину. Памятникомъ его неизъяснимой любви къ Плѣнирѣ осталось молчаніе. Его нынѣшнія увлеченія было легко и кстати выразить въ вольныхъ переводахъ и подражаніяхъ теоскому пѣвцу. Державинъ въ анакреонтическихъ своихъ пѣсняхъ кажетъ себя веселымъ, находчивымъ старикомъ, окруженнымъ дѣвушками. Онъ ими любитъся, нашептываетъ имъ нѣжности, порою слегка безстыдныя, радуется любовнымъ удачамъ, а въ случаѣ неудачи не унываетъ и самъ не прочь пошутить насчетъ своей старости.

Совмѣщеніе остатковъ античности съ наслоеніями послѣдующихъ столѣтій (особенно XVII и XVIII) составляетъ не только признакъ того анакреонтическаго сплава, о коемъ уже говорено, но и его своеобразную прелесть. Анакреонъ бесѣдуетъ съ Хлоями и Калистами, въ которыхъ пріятно узнавать милыхъ модницъ на французскихъ остренькихъ каблучкахъ; эллинскіе Эроты и латинскіе Купидоны цѣлуютъ своими стрѣлами въ ихъ сердца; сатиры и фавны пляшутъ среди выцвѣтающихъ декораций пастушескаго балета. Державинъ еще усложнилъ эти изящныя несоотвѣтствія, придавъ имъ неожиданный третій слой: Анакреона онъ нѣсколько обрусилъ, но съ тончайшимъ вкусомъ, не во всемъ и не сплошь, но какъ разъ настолько, чтобы всѣ три слоя слегка просвѣчивали.

Это вышло само собою. На деньги, полученныя въ приданое, Дарья Алексѣевна купила въ 1797 году сельцо Званку, на берегу Волхова, въ 55 верстахъ отъ Новгорода. Тамъ чаще всего и протекали романическія исторіи Гавріила Романовича; крестьянскія и дворовыя красавицы играли въ нихъ, можетъ быть, еще болѣе важную роль, чѣмъ пріѣзжія барышни. И вотъ — пейзажъ Званки ворвался въ чужеземную поэзію, зазвучала не книжная, но селянская рѣчь, русскія дали раскинулись подъ искусственнымъ небомъ Анакреона, засвистала пѣночка, славянскій Лель порхнулъ межъ Амурами, Лада соперничаетъ съ Венерой,

охотнички пострѣливаютъ дичину, скрипятъ жернова на мельницахъ — для Державина только тотъ міръ прекрасенъ, который похожъ на Россію. И вотъ — среди эллинскихъ нимфъ и французскихъ пастушекъ, развѣвая дежды античными складками, заплясали въ кокошникахъ крѣпкія русскія дѣвушки, «среброзоровыя лицомъ» Варюши, Параши, Любушки: для Державина дѣвушка не прекрасна, если она не русская. И онъ съ гордостью вопрошаетъ Анакреона:

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тійскій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлью пастушка;
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучать,
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ;
Какъ ихъ лентами златыми
Чела бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груды нѣжныя дышатъ;
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланитахъ огневая
Ямки врѣзала любовь;
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка — души лвыны
И сердца орловъ разятъ?
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
Ты бѣ Гречанокъ позабылъ
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эротъ прикованъ былъ.

Обдумывая рисунки для будущей книги, Державинъ сочинилъ къ этимъ стихамъ концовку: «многокрылатый Эротъ привязанъ къ простой русской пряслицѣ, на коей видна кудель». Въ этомъ смѣшеніи стилей не должно видѣть ни наивности, ни нечаянности. Смыслъ и прелесть

своего русскаго анакреонтизма Державинъ понималъ и его созданіе ставилъ себѣ въ заслугу. Изображая самого Анакреона (и намѣренно придавая ему собственныя свои черты), онъ говоритъ:

Цари къ себѣ его просили
Поѣсть, попить и погостить;
Таланты злата подносили, —
Хотѣли съ нимъ друзьями быть.

Но онъ покой, любовь, свободу
Чинамъ, богатству предпочель;
Средь игръ, веселій, хороводу
Съ красавицами вѣкъ провель.

Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними,
Шутилъ, пѣлъ пѣсни и вздыхалъ,
И шутками себѣ такими
Вѣнецъ безсмертія снискалъ.

Посмѣйтесь, красоты російски,
Что я въ морозъ, у камелька,
Такъ вами, какъ пѣвецъ тиискій
Дерзнулъ себѣ искать вѣнка.

Пѣвецъ Сѣверной Минервы мечталъ теперь стать Сѣвернымъ Анакреономъ. Но удалиться отъ царей ему еще не было суждено.

*
**

Почти два съ половиною года Державину удавалось сидѣть въ Сенатѣ, словно въ норѣ. Наконецъ, интрига довольно сложная выманила его оттуда. Зоричу, бывшему своему любимцу, Екатерина пожаловала огромное, такъ называемое Шкловское, имѣніе въ Могилевской губерніи. Тамъ Зоричъ и жилъ почти что на положеніи феодальномъ, какъ вдругъ весной 1799 г. поступила отъ шкловскихъ евреевъ жалоба на угѣсненія, имѣ чинимыя. Еврей-

скія горести особенно близко принялъ къ сердцу Кутайсовъ (возможно, что самая жалоба была подана не безъ его участія). Онъ рассчитывалъ, что въ случаѣ изобличенія Зорича великолѣпное имѣніе можетъ быть взято въ казну, а затѣмъ куплено имъ, Кутайсовымъ, за дешевую цѣну. Надобно было произвести въ Шкловѣ слѣдствіе, и Кутайсовъ старался придумать, кого бы туда послать. Межъ тѣмъ, въ Сенатѣ должно было рѣшиться старое, двѣнадцатилѣтнее дѣло о взысканіи въ казну 300.000 рублей съ тамбовскаго купца Бородина, того самаго, изъ-за котораго Державинъ лишился своего губернаторства. Дѣло возникло еще по жалобѣ Державина. Чтобъ рѣшить его въ пользу отвѣтчика, покровители Бородина Гудовичъ, Завадовскій и Васильевъ (нынѣ уже баронъ) мечтали на это время удалить Державина изъ столицы. Они-то и присовѣтовали Кутайсову отправить его въ Бѣлоруссію: Завадовскій по личному опыту зналъ, что Державинъ — «слѣдователь жестокосердый». Словомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ государь, по просьбѣ Кутайсова, послалъ Державина въ Шкловъ. Но Державинъ, прибывъ на мѣсто (и кстати сказать — дорогою заведя небольшой романъ), установилъ, что и Зоричъ имѣетъ столько же основаній жаловаться на евреевъ, какъ они на него. Такой исходъ слѣдствія Кутайсову оказался не на руку. Послѣдовало высочайшее повелѣніе Державину вернуться въ Петербургъ.

На судьбу Державина эта командировка сама по себѣ не оказала вліянія. Она примѣчательна лишь какъ первая попытка вывести его вновь на сцену изъ-за кулисъ. Вскорѣ послѣдовала вторая — хотѣли послать его на ревизію въ Вятку. Ему однако же удалось отвертѣться, и до поры онъ снова обрѣлъ покой. Какъ разъ въ это время произошли событія, о которыхъ должно сказать, хотя къ службѣ Державина они прямого касательства не имѣли.

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до поѣздки Державина въ Бѣлоруссію сбылось его предсказаніе, что звѣздѣ Суворова суждено взойти вновь. Въ концѣ февраля полководецъ, прощенный Павломъ по настоянію вѣнскаго двора, отправился въ знаменитый итальянскій походъ. Когда появились извѣстія о первыхъ его успѣхахъ — о переходѣ черезъ Аббу и о вступленіи въ Миланъ — Державинъ на-

писалъ оду «На побѣды въ Италіи». Едва упомянувъ имя императора, назвалъ онъ Суворова «лучемъ, возсіявшимъ изъ-подъ спуда». Затѣмъ, уже послѣ возвращенія изъ Бѣлоруссіи, въ самомъ началѣ слѣдующей зимы, за первой одой послѣдовала вторая — «На переходѣ Альпійскихъ горъ», одна изъ самыхъ мощныхъ въ мощной исторіографической лирикѣ Державина. Великою для него радостью было вновь воспѣть славу русскихъ полковъ, предводимыхъ къ тому же не павловскимъ, а екатерининскимъ вождемъ. Впрочемъ, самое главное, можетъ быть, было то, что въ торжествѣ Суворова воспѣвалъ онъ и торжество справедливости. Правда, онъ сдѣлалъ два-три комплимента Павлу, но были тому основанія: во-первыхъ, стихи, посвященные русской славѣ передъ лицомъ Европы, не кста-ти было бы омрачать отголосками грустныхъ россійскихъ дѣлъ; во-вторыхъ, Державинъ искренно былъ увѣренъ, что на ссорѣ Павла съ Суворовымъ нынѣ поставленъ крестъ, и не хотѣлъ беречь старыя раны. Но эта писана была въ октябрѣ 1799 г., при первомъ извѣстїи о суворовскомъ подвигѣ, издана же въ началѣ 1800-го, когда престарѣлый полководецъ, уже больной, вернулся въ Россію — и вновь было замѣчено тайное къ нему недоброжелательство государя. Тогда-то на оборотѣ заглавнаго листа Державинъ велѣлъ припечатать лестный по внѣшности, но внутренне очень колкій эпитафъ: «Великій духъ чтитъ похвалы достоинствамъ, ревнуя къ подобнымъ; малая душа, не видя ихъ въ себѣ, помрачается завистию. Ты, Павелъ! равняешься солнцу въ Суворовѣ; удѣляя ему свой блескъ, великолѣпнѣе сіяешь». Изъ этихъ словъ «Павелъ позналъ, что примѣчено публикою его недоброжелательство къ Суворову изъ зависти». Естественно, что послѣ такого познанія ода была принята имъ х о л о д н о.

Между тѣмъ самому Суворову суждено было кончать свои дни въ болѣзни. Державинъ не разъ посѣщалъ его. Свиданія были исполнены той простоты, которая приличествовала обоимъ. Суворовъ передъ Державинимъ оставлялъ чудачества, Державинъ въ присутствїи умирающаго Суворова становился спокойнѣе, учился чувствовать приближеніе старости, мудрѣе вспоминать прошлое, судить о немъ снисходительнѣй и любовнѣй. Имъ было что

вспомнить — отъ пугачевскихъ степей до янтарныхъ теремовъ Царскаго Села. Казалось — исторія и Фелица незримо присутствовали среди ихъ бесѣды. Суворовъ спросилъ однажды:

— Какую же ты мнѣ напишешь эпитафію?

— По моему, много словъ не нужно, — отвѣтилъ Державинъ. — Довольно сказать: здѣсь лежитъ Суворовъ.

6 мая Суворовъ при немъ скончался. Державинъ, вернувшись домой, прошелъ въ кабинетъ. Ученый снигирь трепыхнулся въ клѣткѣ и по привычкѣ тотчасъ пропѣлъ все, что зналъ: одно колѣно военнаго марша. Державинъ плотнѣй прикрылъ дверь, подошелъ къ конторкѣ, провель рукой по глазамъ, взялъ перо:

Что ты заводишь пѣсню военну,
Флейтѣ подобно, милый Снигирь?
Съ кѣмъ мы пойдѣмъ войной на гіену?
Кто теперъ вождь нашъ? кто богатырь?..

*
**

«Сидя смирно» въ Сенатѣ, Державинъ только однажды вызвалъ неудовольствіе государя, когда, вступаясь за мелкихъ шляхтичей и ксендзовъ, обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ, высказалъ мысли, по тому времени замѣчательныя. «Придетъ время, — сказалъ онъ, — узнаете: чтобы сдѣлать истинно вѣрнопоподанными завоеванный народъ, надобно его привлечь прежде сердце правосудіемъ и благодѣянїями, а тогда уже и наказывать его за преступленїя, какъ и коренныхъ подданныхъ, по національнымъ законамъ». На другой день ему передали, что государь приказалъ не умничать.

Зато стихами, исполненными то язвительныхъ намековъ, то непрїятныхъ нравоученїй, вызывалъ онъ гнѣвъ Павла довольно часто. За одой на возвращеніе Зубова слѣдовала двусмысленная ода «На новый 1798 годъ», за нею стихи «Къ самому себѣ», послѣ которыхъ Павелъ, увидѣвъ Державина при дворѣ, «съ яростнымъ взоромъ, по обыкновенїю его, раздувъ ноздри, такъ фыркнулъ, что

многіе то примѣтили и думали, что вѣрно отошлетъ Державина въ ссылку или по крайней мѣрѣ вышлетъ изъ города въ деревню». Ссылку пророчили и за колкости въ одѣ на рожденіе великаго князя Михаила Павловича. Правда, государь вмѣсто ссылки прислалъ Державину табакерку, но это былъ лишь минутный жестъ — одинъ изъ безчисленныхъ жестовъ той постоянной драматической импровизации, которая давно замѣнила Павлу дѣйствительность, была его отрадою и мученіемъ и рѣшила его судьбу. Въ общемъ Державинъ былъ ему непріятенъ. Онъ прямо жаловался генераль-прокурору Лопухину, что Державинъ все колкіе какіе-то пишетъ стихи. Эпиграфъ къ альпійской одѣ тоже, конечно, ему запомнился.

Казалось бы, если Павелъ не любитъ Державина, а Державинъ не хочетъ служить при Павлѣ, то имъ встрѣтиться вовсе не суждено. Однако, въ придворныхъ дѣлахъ (а въ тѣ времена всѣ дѣла государственныя силою вещей становились придворными) имѣлась особая, своя логика. Вѣрнѣе, логика была обычная: слѣдствія, какъ всегда, вызывались причинами. Но сами причины, попадая въ придворный міръ, вызывали совсѣмъ не тѣ слѣдствія, которые онѣ вызывали бы въ иной сферѣ. Державинъ и Павелъ встрѣтились — и какъ разъ потому, что избѣгали другъ друга. И даже именно при Павлѣ, неожиданно для обѣихъ сторонъ, вопреки ихъ желаніямъ и характерамъ, Державину было суждено служебное возвышеніе почти стремительное.

Въ былые годы Державинъ судилъ людей строго, и какъ дурныхъ встрѣчалось болѣе, чѣмъ хорошихъ, то и было у него при дворѣ и въ правительствѣ болѣе враговъ, чѣмъ друзей. Среди сильныхъ людей новаго царствованія не было у него ни тѣхъ, ни другихъ, потому что на всѣхъ онъ взиралъ съ одинаковою холодною. Прежде онъ очертя голову кидался на борьбу съ беззаконіемъ, плутовствомъ, пронырствомъ. Нынѣ довольствовался тѣмъ, что самъ поступалъ по закону и совѣсти, а выводить на чистую воду, обличать и карать ему болѣе не хотѣлось. Теперь съ нимъ уживались тѣ, кому ранѣе отъ него житья не было бы.

При Екатеринѣ онъ ставилъ себѣ высокія цѣли и ради нихъ искалъ власти. Теперь, когда онъ рѣшилъ, что борьба бесполезна, уже и самая власть была ему не нужна. Ничего онъ не проповѣдывалъ, ни за чѣмъ не гнался. По законамъ придворной логики это тѣмъ болѣе открывало ему карьеру, ибо никто уже не страшился ни его мыслей, ни его соперничества.

Безъ друзей, безъ враговъ, безъ цѣлей, очутился онъ и внѣ партій — то-есть какъ если бы и во всѣхъ партіяхъ сразу, потому что теперь люди всѣхъ партій равно могли искать у него содѣйствія. Въ то же время никто не боялся, что онъ слишкомъ возвысится: его личныя отношенія съ государемъ заранѣе ставили возвышенію такому извѣстный предѣлъ. Никто не боялся, что Павелъ слишкомъ полюбитъ Державина, да и Державинъ никакъ не годился во временщики.

Итакъ, ни передъ кѣмъ не заискивая, но и не проявляя слишкомъ открыто свой нравъ, единственно благодаря неожиданному ходу придворныхъ дѣлъ, для себя самого неожиданно, Державинъ сталъ возвышаться. Лѣтомъ 1800 г. снова послали его въ Бѣлоруссію. Цѣль была вродѣ той, что и при первой командировкѣ: надѣялись, что онъ изоблечитъ временныхъ владѣльцевъ казенныхъ земель въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, и тогда земли будутъ отобраны въ казну, чтобы попасть въ руки Кутайсова и другихъ. Державинъ опять не исполнилъ того, что отъ него требовалось, но въ его отсутствіе хитрыя придворныя обстоятельства такъ сложились, что онъ вдругъ былъ пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, получилъ почетный командорскій крестъ Мальтійскаго ордена и былъ заочно назначенъ президентомъ возстановленной коммерцъ-коллегіи. Примѣчательно, что узнавъ объ этомъ, онъ писалъ женѣ: «Ты радуешься, но я не очень». Со своей стороны государь, когда Державинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, не пожелалъ принять его и сказалъ генераль-прокурору Оболяянинову:

— Онъ горячъ, да и я: такъ мы, пожалуй, опять поссоримся: пусть доклады его идутъ ко мнѣ черезъ тебя.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ Державинъ, никакихъ подвиговъ не сверша, пошелъ въ гору еще быст-

рше: повелѣно ему «быть вторымъ министромъ при государственномъ казначействѣ и управлять дѣлами обще съ государственнымъ казначеемъ». Это повелѣніе состоялось 21 ноября, а 22-го государственный казначей бар. Васильевъ смѣщенъ вовсе и Державинъ назначенъ на его мѣсто. 23 числа онъ уже сдѣланъ членомъ того самаго Верховнаго Совѣта, изъ-за котораго нѣкогда поссорился съ государемъ, 25-го переведенъ изъ межевого департамента Сената въ I-ый, а 27-го пожаловано ему 6.000 рублей столовыхъ ежегодно. Тогда же назначенъ онъ засѣдать въ совѣтахъ Смольнаго монастыря и Екатерининскаго института.

Человѣкъ слабъ. Легкіе служебные успѣхи, которыхъ Державинъ не знавалъ раньше, начинали ему нравиться. Приятно было, что ордена сами собою сыплются на грудь, а деньги въ карманъ. Порой ему даже казалось, что государь научился его цѣнить. Но государь хмурился по прежнему. Въ самое Крещеніе 1801 года онъ было разсвирѣпѣлъ, узнавъ, что Державинъ обѣдалъ у Платона Зубова. Призвалъ къ себѣ въ кабинетъ, самъ сѣлъ на софу, а Державину велѣлъ сѣсть напротивъ. Говориль, прилежно глядя ему въ глаза, и отпустилъ съ грознымъ видомъ.

Стремительное возвышеніе Державина съ самаго начала объяснялось не благоволеніемъ государя, а происками Кутайсова и генераль-прокурора Оболянинова. Кутайсовъ хотѣлъ погубить Васильева — у нихъ были старые счеты; генераль-прокуроръ подольщался къ Кутайсову. Вотъ и спихнули они Васильева и посадили на его мѣсто безопаснаго Державина, котораго старались задобрить и задарить, внушая, чтобъ онъ, при вступленіи въ должность, настойчивѣй провѣрялъ денежную отчетность. Кутайсовъ надѣялся, что удастся представить Васильева воромъ.

Но Державинъ былъ непослушнымъ орудіемъ; онъ сталъ дѣйствовать добросовѣстно и не спѣша. Кутайсовъ и Оболяниновъ на него ворчали, такъ что Державинъ побаивался, какъ бы, «снисходя къ Васильеву, самого себя вмѣсто его не упрятать въ крѣпость». Наконецъ, уже въ мартѣ 1801 года онъ представилъ рапортъ, изъ коего слѣдовало, что въ отчетности казначейства имѣются недостат-

ки, но въ общемъ счеты между собой согласны. Этотъ рапортъ разсматривался въ Совѣтъ 11 марта, въ присутствіи великаго князя Александра Павловича, недавно туда назначеннаго. Обольяниновъ нападалъ на Васильева, обвиняя его въ преступленіяхъ; наслѣдникъ, напротивъ, съ горячностію вступался, отрицая даже и неисправности; Державинъ «балансируетъ на ту и другую сторону», подтверждая наличность ошибокъ со стороны Васильева, но отрицая злой умыселъ. На другой день ему предстояло докладывать императору для окончательнаго рѣшенія. Вечеръ провелъ онъ у генераль-прокурора, трактуя о соляныхъ подрядахъ. Около полуночи поѣхалъ домой. Стояло ненастье. Луна бѣжала въ громоздкихъ, быстролетающихъ тучахъ. Рѣзкій вѣтеръ, всегда подавляющей душу и родящій тревогу, налеталъ съ сиповатымъ ревомъ, напоминающимъ голосъ императора. Завтрашній докладъ безпокоилъ Державина: обманувшись въ расчетахъ, Кутайсовъ, навѣрно, успѣлъ пожаловаться. Укладываясь въ постель, Державинъ прислушивался, какъ за окномъ шумитъ буря.

За ночь, однако же, вѣтеръ упалъ. Солнце, вступая въ знакъ Овна, сіяло поутру среди голубого неба, началась оттепель; то былъ первый день первой весны девятнадцатаго столѣтія. Часовъ въ восемь вбѣжала Параша Бакунина (теперь уже, впрочемъ, госпожа Нилова) и объявила, что государь убитъ. Изъ Зимняго дворца привезли повѣстку: «Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Павловичъ указать соизволилъ сего марта 12 въ 9 часовъ по утру имѣть пріѣздъ во дворецъ Его Императорскаго Величества для принесенія присяги на вѣрность Его Императорскому Величеству».

VIII.

Если нѣкогда воцареніе Павла I показалось вторженіемъ непріятеля въ завоеванный городъ, то его смерти радовались, какъ изгнанію супостата. При дворѣ, въ канцеляріяхъ, въ частныхъ домахъ, на улицахъ люди поздравляли другъ друга, обнимались, спѣшили облечься во фраки, жилеты и круглыя шляпы; панталоны и сапоги съ отворотами появились всюду; всѣ головы причесались а ля Титюсъ, косички были уничтожены и букли обрѣзаны. Дамы, не теряя времени, перемѣнили моду. Экипажи съ французскою и нѣмецкою упряжью исчезли, и появилась вновь русская упряжь, кучера и фореиторы. Общество предавалось ребяческой радости. Самъ молодой императоръ поспѣшилъ снять съ себя знаки мальтійскаго ордена. Словомъ, восторгъ, по выраженію свидѣтеля, «выходилъ даже изъ предѣловъ благопристойности». Правда, его изъявляло преимущественно дворянство; прочія сословія приняли вѣсть о переворотѣ молчаливо. Быть можетъ, за этимъ молчаніемъ скрывалось и неодобреніе.

Державинъ считалъ, что у Павла были добрыя свойства ума и сердца, но они слишкомъ скоро «обратились въ ничто», были въ конецъ изуродованы необузданнымъ и фантастическимъ своеволіемъ. Недаромъ онъ сторонился покойнаго императора и глядя на Павла учился вздыхать о Екатеринѣ. Грядущее было еще неясно, но избавленіе отъ Павла казалось уже несомнѣннымъ счастіемъ для Россіи. На восшествіе Александра I написалъ Державинъ стихи, въ

которыхъ сильнѣйшія строки были посвящены не столько ожиданію будущихъ благъ, сколько изображенію миновавшихъ золъ. Ода на воцареніе новаго императора обернулась одою на сверженіе тирана.

Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ...

Въ этихъ стихахъ видѣли портретъ убитаго государя. Александръ поступилъ двусмысленно и, если угодно, въ духъ покойной бабушки: Державину онъ прислалъ бриллиантовый перстень, а стихи запретилъ — то ли изъ уваженія къ горю вдовствующей императрицы, то ли по другимъ причинамъ, которыхъ не хотѣлъ высказать. Впрочемъ, уже было поздно: ода, какъ водится, распространилась въ публикѣ, ее заучивали.

Между тѣмъ служебныя обстоятельства Державина очутились неблагоприятны. Въ ночь царевубійства Кутайсовъ бѣжалъ изъ дворца и спрятался. Онъ дрожалъ напрасно: все обошлось для него отставкой, которую вмѣстѣ съ Оболяниновымъ получилъ онъ въ первый же день новаго царствованія. То были первыя жертвы, которыя Александръ принесъ общественному негодованію и собственному презрѣнію. Дѣло Васильева въ этой опалѣ сыграло роль незначительную, но самъ Васильевъ забытъ не былъ. Его безупречность Александръ Павловичъ отстаивалъ въ Совѣтѣ всего лишь за нѣсколько часовъ до своего воцаренія. Возстановленіе Васильева въ прежней должности не заставило себя ждать. Тѣмъ самымъ Державинъ, слѣдственно, отстранялся. Мѣсто государственнаго казначея пришлось возвратитъ Васильеву. Положеніе было не изъ пріятныхъ, но Державинъ чувствовалъ, что роптать онъ не въ правѣ. Хоть и не поступилъ онъ ради Кутайсова справедливостью; хоть и передъ Васильевымъ его совѣсть была чиста (онъ искренно считалъ, что въ государственные казначеи Васильевъ не годился и запустилъ дѣла чрезвычайно); хоть самъ Васильевъ недавно пріѣзжалъ къ нему и со слезами благодарилъ за кое-какія поблажки, — все же онъ сознавалъ, что послѣдніе ордена свои, чины, должности и награды получилъ черезъ самыя грязныя руки

имъ же осужденнаго царствованія — черезъ руки Кутайсова. Самое приспособленіе Державина къ обиходу павловскаго двора было слабостию, паденіемъ, за которое теперь наступила расплата, сравнительно еще не тяжелая: Державинъ могъ ожидать, что взаимнъ казначейства получить иную должность. Нерасположеніе государя онъ прямо почувствовалъ только черезъ двѣ недѣли. 26 марта былъ упраздненъ Верховный Совѣтъ, а 30-го послѣдовалъ высочайшій указъ объ учрежденіи Совѣта Непремѣннаго, составленнаго изъ двѣнадцати лицъ, «довѣренностью Нашею и общею почтенныхъ»: въ число этихъ двѣнадцати Державинъ не былъ включенъ. Недруги по обычаю злорадовались. Самого Державина занимали мысли и чувства гораздо болѣе сложныя, чѣмъ простая обида.

**

*

Еще въ молодые годы пришла ему первая мысль о томъ, что внутреннее неблагополучіе російскаго государства какъ-то связано съ формой правленія. Увлеченіе Наказомъ и духъ эпохи привели къ тому, что, не затрагивая вопроса объ объемѣ самодержавной власти, Державинъ отважился на нѣчто большее (казавшееся ему, вѣроятно, меньшимъ): онъ усомнился въ ея божественномъ происхожденіи. Такъ родилась мысль о томъ, что единственное основаніе царской власти — не рожденіе и не помазаніе, а народная любовь, даруемая смотря по заслугамъ и добродѣтелямъ, которыхъ отсутствіе превращаетъ помазанника въ тирана; тиранъ же можетъ быть свергнуть по волѣ народа.

Такимъ образомъ, первоначально избѣгая судить самодержавіе, Державинъ отнюдь не отказывалъ себѣ въ правѣ судить каждаго даннаго самодержца. Тогда же онъ опредѣлилъ главные признаки добродѣтельнаго монарха: такой монархъ долженъ быть, во-первыхъ, стражъ и слуга закона; второй, столь же необходимой его добродѣтелью Державинъ призналъ способность къ добровольному и постоянному изліянію свободъ и милостей. Именно эти свободы и милости, не что иное, называлъ онъ щ е д-

рота ми. Въ пору наибольшаго восхищенія Фелицей вложилъ онъ въ уста сей воображаемой идеальной монархини многозначительныя слова:

Самодержавства скипетръ желѣзный
Своей щедротой позлащу.

Въ этихъ немногихъ основныхъ положеніяхъ державинскаго монархизма слишкомъ нетрудно найти великое множество слабыхъ мѣстъ и противорѣчій: въ какой, такъ сказать, мѣрѣ скипетръ самодержавія можетъ оставаться желѣзнымъ и до какой степени самодержецъ обязанъ его позлащать? Каковъ наименьшій объемъ щедротъ, безъ котораго самодержецъ объявляется тираномъ? Съ какого момента становится позволительнымъ его свергнуть? Кто и въ какой формѣ полномоченъ судить о заслугахъ монарха и выражать мнѣніе и волю народа? Въ какихъ предѣлахъ и почему самодержецъ обязанъ чтить и блюсти законы, если ему же дана верховная власть оныя учреждать и отмѣнять? Что выше: щедрота или законъ? Можетъ ли законъ стѣснять добродѣтельнаго монарха въ его щедротѣ? Не обязанъ ли самъ блюститель законовъ порою преступать ихъ ради щедротолубія?..

Число этихъ простыхъ, но неразрѣшимыхъ вопросовъ можно весьма увеличить. Какъ, на примѣръ, разрѣшилъ бы Державинъ вопросъ о замѣщеніи престола? Извѣстно лишь то, что даже послѣ павловскаго закона о престолонаслѣдіи онъ остался вѣренъ традиціи Петра Перваго и жалѣлъ, что Екатерина не успѣла передать власть Александру, минуя Павла. Какъ частный случай, это было бы допустимо и съ точки зрѣнія Державина. Но чтобы быть вполне послѣдовательнымъ, Державину, при его системѣ свободныхъ тираносверженій, должно бы вообще отрицать наслѣдственный переходъ императорской власти и остановиться на выборномъ началѣ. Межъ тѣмъ, если бы ему предложили нѣчто подобное, онъ ужаснулся бы.

Всѣ эти несообразности были, конечно, видны самому Державину. Если не сразу, то постепенно онъ ему уяснились. Не могъ онъ не понимать, что идеальный самодержецъ, созданный его воображеніемъ, есть въ сущности

самоограничивующійся; что идеаль этотъ недостижимъ, ибо никакихъ личныхъ доблестей не хватитъ монарху на то, чтобы возмѣстить ими пороки самой системы; наконецъ — что судя самодержцевъ вмѣсто того, чтобъ судить самодержавіе, онъ не рѣшаетъ вопроса, а лишь обходитъ или оттягиваетъ рѣшеніе.

Однако жъ, и этотъ судъ совершился уже давно, самъ собой; въ сердцѣ Державина даже отчетливѣй и быстрѣй чѣмъ въ умѣ. И въ нерадостной своей юности, и потомъ, созерцая жизнь, принимая ея удары, препираясь съ вельможами и царями., прислушиваясь къ голосу совѣсти («поелику же духъ Державина склоненъ былъ всегда къ морали»), приучился онъ ощущать самодержавіе, какъ непомерную тяжесть, налегшую на жизнь, волю и самую мысль Россіи. Постепенно чувство это окрѣпло. Въ 1797 году, когда Храповицкій въ стихотворномъ посланіи назвалъ Державина орломъ, — онъ не выдержалъ и отвѣтилъ:

Страхъ скованнымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ ярмомъ,
Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
А когда бъ и возлетали —
Чувствуемъ ярмо свое.

Эти стихи онъ въ послѣдствіи напечаталъ, но вообще избѣгалъ высказывать подобныя мысли. Не корысть и не страхъ заставляли его таиться. Причина была иная. Поклоненіе закону потому такъ остро, едва ли не болѣзненно развилось въ Державинѣ, что вокругъ себя видѣлъ онъ постоянно неуваженіе къ закону, иногда какъ бы даже незнаніе о немъ. Быть можетъ нѣсколько преувеличивая, Державинъ считалъ, что въ понятіяхъ русскихъ людей власть и произволъ суть одно и то же. Власть государственная въ такихъ обстоятельствахъ становилась какъ-бы огромнымъ вмѣстилищемъ произвола, сосудомъ яда. Всю жизнь будучи свидѣтелемъ дворянскихъ посползовеній раздѣлить власть съ самодержцами, Державинъ приходилъ въ ужасъ при мысли о томъ, что дворянское засилье, какое онъ видѣлъ при Екатеринѣ, можетъ подняться до

степени узаконеннаго раздѣла власти. Именно поэтому онъ считалъ неизбѣжнымъ охранять полноту и неприкосновенность самодержавія. Въ рукахъ надсословнаго и просвѣщеннаго монарха желѣзный скипетръ въ счастливомъ случаѣ могъ быть позлащенъ, тяжесть самодержавія могла равномерно ложиться на всѣхъ, какъ жертва, приносимая благополучію государства. Сдѣлавшись достояніемъ дворянства, власть, по мнѣнію Державина, превратилась бы въ нестерпимое и безнравственное угнетеніе всѣхъ прочихъ сословій, и государство было бы приведено къ гибели.

Самодержавіе, такимъ образомъ, оказывалось наименьшимъ зломъ. Мысль Державина, описавъ кругъ, возвращалась къ добродѣтельному монарху, существу высшему, бытіе котораго опровергалось умомъ и опытомъ, но въ которое еще оставалось вѣрить, какъ въ чудо. Жизни Державина суждено было протекать въ упованіяхъ, обольщеніяхъ и разочарованіяхъ. Голосъ музы его становился то мягокъ, то грозенъ, то вкрадчивъ, то дерзокъ; Державинъ то воспѣвалъ щедроты царей, то грозилъ имъ судомъ народа: стихи его полны на сей счетъ угрозъ и предостереженій. Не уставая «уроки для владыкъ гремѣть», онъ шелъ на уступки, обличалъ, просилъ, требовалъ, умолялъ, льстилъ, — можно сказать, вызывалъ добродѣтельнаго монарха, какъ вызываютъ духа.

«Блаженству общему радѣя», охраняя то самодержавіе отъ дворянства, то, въ ряду прочихъ сословій, дворянство отъ самодержавія, Державинъ неизмѣнно ставилъ себя въ положеніе трудное. Выступая на той сторонѣ, которая въ каждую данную минуту и по каждому данному поводу была угрожаема, онъ то и дѣло сознательно мѣнялъ одну невыгодную позицію на другую. Въ концѣ концовъ, оказывался онъ всякій разъ между двухъ огней. Благоговѣя передъ Екатериной за вольности, ею провозглашенныя и дарованныя, онъ съ ней поссорился потому, что она «угождала своимъ окружающимъ», «противъ которыхъ явно возставать можетъ быть и опасалась»; иными словами — потому, что она потворствовала дворянскому засилію. Къ досадѣ вельможъ, онъ привѣтствовалъ первые шаги Павла, уповая, что будутъ исправлены ошибки Екатерины. Но

Павель довелъ охрану самодержавія до тиранства — и Державинъ прославилъ цареубійство, несмотря на то, что оно было совершено дворянами. Онъ видѣлъ въ немъ судъ народа:

Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченныхъ душъ,
Какъ паръ возносятся высокій
И зараждають громъ средь тучъ:
Онъ вержется, падеть незапно
На горды зданіевъ главы.
Внемлите правдѣ сей стократно,
О власти сильныя, и вы!
Внемлите — и тѣснить блюдитесь
Вамъ данный управлять народъ.

Державинъ не зналъ о заговорѣ. Но если бы зналъ — вѣроятно, сочувствовалъ бы ему, хотя предвидѣлъ бы, что на другой день послѣ переворота вступить въ борьбу со своими вчерашними единомышленниками.

— Батюшка скончался апоплексическимъ ударомъ; все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ.

Таковы были первыя, чуть слышнымъ голосомъ, сквозь слезъ сказанныя слова молодого императора, когда шатаясь отъ горя и страха, вышелъ онъ къ карауламъ семеновцевъ и преображенцевъ. И хотя первая половина этой фразы, предназначенная для солдатъ, была завѣдомою ложью, — второй, предназначенной для дворянъ-офицеровъ, Державинъ имѣлъ основаніе вѣрить вмѣстѣ со всѣми прочими. Поскольку Россія избавлялась отъ Павла, Державинъ встрѣчалъ первый день Александрова царствованія, какъ «день спасенія и утѣхъ». Но Александръ обѣщалъ стать дворянскимъ царемъ — и Державинъ насто-роился.

Многіе екатерининскіе сановники были тотчасъ призваны къ власти; нѣкоторые изъ нихъ вернулись изъ деревень, куда сосланы были Павломъ. Кидаясь въ объятія Трощинскаго, Александръ воскликнулъ: «Будь моимъ руководителемъ!»! Трощинскій написалъ манифестъ о восшествіи на престоль и былъ назначенъ состоять при осо-

бѣ Его Величества у исправленія дѣлъ, по особой довѣренности государя на него возложенныхъ. Съ нимъ вмѣстѣ явились и окружили тронъ Васильевъ, Александръ Воронцовъ, Беклешовъ (въ должности генераль-прокурора), Завадскій; всѣ — болѣе или менѣе недруги Державина. Удаленіе Державина изъ Совѣта было не только слѣдствіемъ ихъ вражды, но и знаменіемъ того, что впрямь воскресаетъ екатерининская пора; правленіе Павла словно бы выпало изъ чреды временъ; Державинъ вновь очутился въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ былъ 6 ноября 1796 года, — не у дѣлъ. Пока что — ему оставалось наблюдать. Но вскорѣ событія развернулись причудливо, какъ причудлива была вся судьба Державина.

**
*

Въ Россіи давно уже повелось такъ, что каждый новый императоръ вступалъ на престолъ либо въ порядкѣ открытой дворцовой революціи, либо питая столь глубокую непріязнь къ личности и правленію своего предшественника, что всякое воцареніе становилось похоже на революцію. При появленіи новаго самодержца всякій разъ трепетали не только придворные, но, казалось, и сами законы. Они словно бы повисали въ воздухѣ и ждали себя подтвержденія либо отмѣны. (Отчасти потому общество ихъ и не уважало).

Не удивительно, что и царствованіе Александра, возведеннаго на тронъ убійцами его отца, началось рѣзкой смѣной лицъ и порядковъ. Наступленіе новой государственной эпохи молодой государь спѣшилъ возвѣстить въ указахъ и манифестахъ, чуть ли не ежедневныхъ. Они затрагивали самыя различныя стороны жизни, поражая воображеніе современниковъ своимъ либеральнымъ духомъ. Въ гуманныхъ мѣропріятіяхъ Александра Павловича видѣли отраженіе его образа мыслей, что, разумѣется, вполне справедливо. Однако, не трудно замѣтить въ нихъ и неизбежное слѣдствіе очередного переворота: чѣмъ круче былъ Павелъ, тѣмъ его преемникъ долженъ былъ выказать себя мягче (хотя бы на первыхъ порахъ).

Тѣмъ не менѣе, щедроты оставались щедротами. Серд-

цу Державина онѣ говорили многое. Общее восхищеніе государемъ передалось и ему. Александръ нѣкогда былъ воспѣтъ имъ еще «въ пеленахъ». Двадцать лѣтъ назадъ, предрекая порфирородному отроку царствованіе, Державинъ ему завѣщалъ высокое правило:

Будь на тронѣ челоуѣкъ!

Теперь эти слова припомнили; многимъ они казались пророческими. Въ первыхъ шагахъ Александра Державинъ и самъ былъ склоненъ узнать того царевича Хлора, которому богоподобная Фелица съ младенчества указала путь

Взойти на ту високу гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ.

Лично для Державина новое царствованіе начиналось, какъ предыдущее, полуотставкой. Но на сей разъ онъ уже не хотѣлъ и не могъ «сидѣть смирно». Въ немъ слишкомъ были возбуждены и надежды, и опасенія. И тѣ, и другія одинаково влекли къ дѣйствию.

Екатерина начала, а Павелъ довершилъ ослабленіе Сената путемъ усиленія власти генераль-прокуроровъ. Беклешовъ, назначенный Александромъ Павловичемъ, могъ уже править по своей волѣ, рѣшая дѣла единолично и не останавливаясь передъ нарушеніемъ закона. Сенаторы не смѣли ему перечить, его же цѣлью было лишь угодить государю. А какъ послѣдній желалъ на каждомъ шагу сзначить различіе между собой и своимъ предшественникомъ, то «охуждая правленіе императора Павла, зачали безъ разбора, такъ сказать, все коверкать, что имъ ни сдѣлано».

Дошло до того, что Беклешовъ принудилъ Сенатъ отмѣнить соляные контракты, заключенные съ откупщиками Перетцомъ и Штиглицемъ. Правда, контракты были невыгодны для казны; но Павелъ незадолго до кончины утвердилъ ихъ. Во имя закона Державинъ настаивалъ на ихъ выполненіи. Онъ поднесъ государю записку, въ кото-

рой напоминалъ, что при вступленіи на престолъ Александръ обѣщалъ строго держаться законовъ. Но Александръ, какъ и слѣдовало ожидать, сталъ на сторону Беклешова. Первая стычка кончилась не въ пользу Державина. За нею послѣдовала вторая, со всѣхъ сторонъ болѣе любопытная.

Еще при покойномъ государѣ молоденькая красавица Наталья Алексѣевна Колтовская (ей было всего лѣтъ двадцать) разошлась съ мужемъ. Павелъ подписалъ указъ объ учрежденіи опеки по ея дѣламъ. Но опекуны явно держали сторону мужа. Тогда государь, будучи неравнодушенъ къ Колтовской, по ея просьбѣ назначилъ опекуномъ Державина. Этотъ приказъ былъ отданъ словесно, и теперь Беклешовъ потребовалъ возстановленія прежней опеки, ссылаясь, на то, что письменный указъ дѣйствительнѣе словеснаго. Державинъ возражалъ, что дѣйствительность словеснаго указа подтверждена самимъ Сенатомъ, однажды принявшимъ его къ исполненію; что указъ, принятый къ исполненію, отмѣненъ быть не можетъ; что, наконецъ, исполненіе письменнаго указа было бы равносильно передачѣ имущества въ руки мужа, т. е. лишило бы Колтовскую всего состоянія даже безъ разсмотрѣнія дѣла въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ. Державинъ дѣйствовалъ тутъ по совѣсти: онъ отстаивалъ справедливость, законъ и достоинство Сената. Но горячести придавали ему два обстоятельства постороннихъ: Беклешова считалъ онъ однимъ изъ виновниковъ своего устраненія изъ Совѣта, а голубые глаза Колтовской заронили огонь и въ его сердце.

По закону голосъ cadaго отдѣльнаго сенатора долженъ былъ доходить до государя наравнѣ со всѣми прочими. Но черезъ нѣсколько дней Державину вдругъ показали конфирмованный Александромъ докладъ, въ которомъ не только было сокрыто мнѣніе, заявленное Державинымъ, но даже имя его не упоминалось. Тогда явился онъ къ государю и прямо спросилъ, на какомъ основаніи его величеству угодно оставить Сенатъ. «Ежели, — прибавилъ онъ, — генераль-прокуроръ будетъ такъ самовластно поступать, то нечего сенаторамъ дѣлать, и всеподданнѣйше прошу меня изъ службы уволить».

Этими словами Державинъ выразилъ чувства не только свои. Трощинскій, недавній другъ Беклешова, уже читалъ государю записку о властолюбивыхъ видахъ лицъ, чрезъ которыхъ Сенатъ представляетъ свои дѣла. Теперь Державинъ подалъ сигналъ къ новому натиску. Александру напомнили о его обѣщаніяхъ. Вопросъ сталъ уже не о личности Беклешова, но глубже и откровеннѣй: о предѣлахъ самой генераль-прокурорской власти и о порабощеніи Сената. Государь былъ вынужденъ уступить, и 5 іюня былъ данъ высочайшій указъ, въ которомъ значилось: «Уважаая всегда Правительствующій Сенатъ, яко верховное мѣсто правосудія и исполненія законовъ, и зная, сколь много права и преимущества, отъ государей предковъ моихъ ему присвоенныя, по времени и различнымъ обстоятельствамъ подвергались перемѣнѣ къ ослабленію и самой силы закона, всѣмъ управлять долженствующаго, я желаю возставить оный на прежнюю степень ему приличную и для управленія мѣстъ ему подвластныхъ толико нужную; и на сей конецъ требую отъ Сената, чтобы онъ, собравъ, представилъ мнѣ докладомъ все то, что составляетъ существенную должность, права и обязанность его, съ отверженіемъ всего того, что въ отмѣну или ослабленіе оныхъ доселѣ введено было»...

Съ этого дня начались работы по установленію правъ Сената. Неразрывно связанныя съ необходимостью пересмотрѣть всю систему управленія, онѣ повлекли за собой рядъ важныхъ преобразованій, всколыхнули общество и съ новою остротой поставили вопросъ о взаимоотношеніяхъ дворянства и короны. Голубые глаза оказались не безъ вліянія на ходъ исторіи.

**
*

Послѣ обѣда, вставъ отъ стола, государь недолго бесѣдовалъ съ приглашенными, послѣ чего удалялся. Между тѣмъ, пока разѣзжались прочіе гости, четверо молодыхъ друзей императора — гр. П. В. Кочубей, гр. П. А. Строгоновъ, Н. Н. Новосильцовъ и кн. Адамъ Чарторыйскій — направлялись особымъ ходомъ во внутренние покои. Тамъ, въ небольшой туалетной комнатѣ, за чашкою кофе обсу-

ждались проекты благодѣтельныхъ и просвѣщенныхъ реформъ. Одушевленные самыми передовыми европейскими идеями (кроме Строгонова, всѣ они только что прибыли изъ-за границы), эти молодые люди весьма были бы удивлены и даже оскорблены, если бы имъ сказали, что образованный ими неофициальный или негласный комитетъ какъ разъ и есть настоящее дѣтище ненавистнаго деспотичества, ибо созданъ единственно по произволу монарха и намѣренъ вершить судьбы Россіи неофициально, негласно, т. е. безотвѣтственно, черезъ голову высшихъ государственныхъ учреждений. Вполнѣ характерно, что, по признанію Строгонова, возраженія и идеи, которыя высказывалъ государь въ комитетѣ, не всегда были основательны, но противорѣчить ему не рѣшались. Чарторыйскій писалъ впоследствии, что Александръ «охотно даровалъ бы свободу всему міру, при условіи, чтобы всѣ согласились подчиниться единственно его волѣ».

Воспитанный въ либеральнѣйшемъ духѣ, Александръ искренно мечталъ «обуздать деспотизмъ нашего правительства», какъ онъ выражался. Гдѣ-то въ прекрасномъ отдаленіи ему мерещилась конституція. Но наряду съ этой затверженной мыслию дѣйствовалъ въ немъ и глубокой наслѣдственный инстинктъ — инстинктъ сохраненія самодержавія. Негласный комитетъ ему очень нравился. Здѣсь люди все были свои: молодые, мечтательные, либеральные — и, въ сущности, послушные. Въ Сенатѣ сидѣли бабушкины вельможи: спорщики и дѣльцы. Всѣ эти Воронцовы, Завадовскіе, Зубовы, Трощинскіе уже начали надѣдаться Александру. Конституція, о которой краснорѣчиво мечтали въ комитетѣ, была дѣломъ отдаленнаго будущаго, а бабушкины сенаторы требовали себѣ власти тотчасъ.

Сенатъ, дѣйствительно, закипѣлъ. Тамъ составлялись проекты — одинъ другого рѣшительнѣе. Иные прямо носили названіе конституцій. Платонъ Зубовъ требовалъ превращенія Сената въ законодательное собраніе. Александръ былъ озабоченъ до чрезвычайности, порой падалъ духомъ и бывалъ близокъ къ тому, чтобы подписать одинъ изъ этихъ проектовъ: по крайней мѣрѣ все разомъ кончится. Лишь въ неофициальномъ комитетѣ онъ находилъ утѣшеніе и поддержку. Тамъ Новосильцовъ съ горячно-

стію доказывалъ, что, руководствуясь началами Петра Великаго, не слѣдуетъ обращать Сенатъ въ законодательное учрежденіе — достаточно предоставить ему власть судебную. Вскорѣ пріѣхалъ Лагарпъ. Старый воспитатель Александра Павловича теперь уже былъ не тотъ якобинъ, что прежде. Гельветическая республика не прошла для него даромъ. Царя сталъ онъ удерживать отъ всего, чему нѣкогда обучалъ великаго князя. Онъ предостерегалъ отъ опасностей призрачной свободы, отъ либеральныхъ увлеченій — въ частности отъ расширенія правъ Сената. Что могло быть пріятнѣе? Александръ пріободрился.

Комитетъ былъ, однако же, правъ, намѣреваясь связать реформу Сената съ реформой отдѣльныхъ частей управленія. Александру Павловичу досталось хаотическое наслѣдство. Власть коллегій, учрежденныхъ Петромъ Великимъ, при Екатеринѣ почти цѣликомъ перешла къ палатамъ и губернскимъ правленіямъ. Коллегіи были парализованы, Екатерина начала постепенно ихъ упразднить. Теперь надлежало въ той или иной формѣ усилить дѣйствіе центральнаго правительства. Но возникалъ вопросъ: возстановить ли петровскія коллегіи или замѣнить ихъ министерствами, придавъ управленію характеръ единоличный? Уже Павель, стремясь непосредственно подчинить отдѣльные части правительства своей волѣ, сталъ назначать министровъ — наряду съ директорами коллегій, что создавало путаницу и двоевластіе. Неофициальный комитетъ настаивалъ на окончательной замѣнѣ коллегій министерствами, что болѣе соответствовало европейской политической модѣ и считалось болѣе либеральнымъ. Въ русскихъ условіяхъ оно, впрочемъ, становилось вовсе не либерально. Тамъ, гдѣ верховная неограниченная власть находится въ однѣхъ рукахъ и гдѣ народъ, не имѣя своихъ представителей, безсиленъ вліять на дѣйствія главныхъ правительственныхъ лицъ, власть этихъ лицъ (и въ конечномъ счетѣ власть самодержца, который ихъ назначаетъ и предъ которымъ только они отвѣтственны), хоть отчасти можетъ быть умѣряема лишь совѣщательными при нихъ органами. Вѣрный сословный инстинктъ возстаивалъ большинство старыхъ дѣятелей противъ министерствъ и на дѣлѣ оказывался болѣе либеральнымъ, чѣмъ

словесный либерализмъ негласнаго комитета. Трощинскій написалъ трактатъ въ защиту коллегій. Но столь же вѣрный инстинктъ самодержца побуждалъ Александра Павловича въ особенности настаивать на созданіи министерствъ. Лагарпъ и въ этомъ его поддерживалъ.

Таковы были обстоятельства, при которыхъ Державинъ составилъ проектъ, получившій имя державинскихъ кортесовъ.

«Составъ сей организаціи былъ самый простой», говоритъ Державинъ. Пожалуй, вѣрнѣе было бы назвать его со всѣхъ сторонъ хитрымъ. Въ основѣ проекта лежали два стремленія, отчасти другъ другу противорѣчащія: охранить полноту царской власти и ослабить власть царемъ назначаемыхъ министровъ. (Державинъ, какъ и пристало ему, былъ сторонникомъ коллегій, но онъ зналъ, что созданіе министерскихъ должностей предрѣшено и отъ этой затѣи государь не отступится). Психологическая окраска этихъ стремленій также была различна: осуществить первое казалось Державину совершенно необходимымъ, но его тайному убѣжденію оно не соотвѣтствовало; зато второе было имъ глубоко выстрадано — однако жъ, онъ чувствовалъ, что осуществленіемъ перваго уже затрудняется достиженіе второго.

Напомнивъ о замыслѣ Екатерины образовать Сенатъ согласно ея положенію о губерніяхъ, Державинъ предлагалъ разбить Сенатъ на отдѣлы и департаменты, соотвѣтствующіе среднимъ и низшимъ мѣстамъ губернскимъ. Самое это раздѣленіе было довольно путано и основано на идояхъ ложныхъ, но суть не въ томъ. Сенату предоставлялась власть административная и судебная — отнюдь не законодательная. Что же касается министровъ, то Державинъ ихъ ставилъ лишь во главѣ соотвѣтствующихъ департаментовъ, съ тѣмъ, чтобъ они «не иначе были, какъ опекуны только и надзиратели за успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ и понудители оныхъ, имѣющіе власть предлагать только *) своему департаменту и по утвержденіи его входить съ докладомъ къ Императорскому Величеству и ни-

«Только» относится здѣсь къ слову «предлагать», а не «своему». В. Х.

чего сами собою вновь постановляющаго или рѣшительнаго не дѣлать».

Отказывая Сенату во власти законодательной, Державинъ вручалъ ему охрану законовъ самую дѣятельную. (Характерно, что въ замѣщеніе сенаторскихъ мѣстъ отчасти вводилось начало выборное, черезъ что и надзоръ за министрами получалъ нѣкоторый оттѣнокъ общественности). Важное значеніе пріобрѣтали не только департаменты, но и мнѣнія отдѣльныхъ сенаторовъ: въ случаѣ разногласія они всякій разъ должны были доводиться до свѣдѣнія государя наравнѣ съ голосами большинства.

Такимъ образомъ, сохраняя за государемъ всю полноту законодательной власти, Державинъ всю исполнительную передавалъ Сенату, чѣмъ и осуществлялся, по его мнѣнію, «гармоническій составъ въ управленіи Имперіи». На дѣлѣ все гармонизирующее начало было заключено въ усмотрѣніи монарха, который являлся центромъ всѣхъ властей и арбитромъ во всѣхъ разногласіяхъ, какъ внутри Сената, такъ и между Сенатомъ и министрами.

Согласно проекту, министры были не только отвѣтственны предъ Сенатомъ, но какъ будто, работали подъ прямымъ надзоромъ его. Однако, Сенатъ былъ безсиленъ подчинить министра закону, ибо министръ всегда могъ апеллировать къ государю, который, уважая въ немъ свой собственный выборъ или дѣйствуя черезъ него, могъ измѣнить или отмѣнить законъ. Итакъ, единственнымъ залогомъ дѣйствительнаго уваженія къ закону и Сенату оказывались все то же симоограниченіе и личная добродѣтель монарха — безвыходная мечта Державина. Недаромъ старался онъ въ ту же пору увлечь Александра идеальнымъ портретомъ Царевича Хлора, какъ нѣкогда соблазнялъ Екатерину изображеніемъ Фелицы:

Такъ: шепчуть, будто саму власть,
Въ твоихъ рукахъ самодержавну,
Господства безпредѣльну страсть,
Ты чтишь за власть самоуправну;
Что будто мудрая та блажь
Нерѣдко въ умъ тебѣ приходитъ,

Что царь — законовъ только стражъ,
Что онъ лишь въ дѣйство ихъ приводитъ
И ставитъ въ томъ въ примѣръ себя;
Что ты живешь лишь для народовъ,
А не народы для тебя,
И что не выше ты законовъ.

Голосомъ увѣщательной лиры старался онъ обезпечить то, чего не обезпечивала его конституція.

Противъ добродѣтели Александръ ничего не имѣлъ. Онъ любилъ всю полноту своихъ правъ — право на самоограниченіе, можетъ быть, даже въ особенности. Способность относиться къ себѣ самому со спартанской суровостію порой умиляла его до сладкихъ слезъ. Проектъ Державина, въ числѣ прочихъ, былъ брошенъ въ общій котель негласнаго комитета, гдѣ и подвергся суровой, во многомъ справедливой критикѣ. Но Александръ запомнилъ его съ признательностію и въ совѣщаніяхъ не разъ заставлялъ къ нему возвращаться. При случившейся вскорѣ коронаціи награды вообще были немногочисленны. Тѣмъ болѣе примѣчательно, что Державинъ получилъ Александра Невскаго.

**
*

Своимъ проектомъ снискалъ онъ благоволеніе государя, за что вскорѣ и поплатился. Александръ поручилъ ему ревизовать дѣйствія калужскаго губернатора Лопухина, рядомъ съ которымъ Гудовичъ и Тутолминъ показались бы ангелами: однихъ у г о л о в н ы хъ дѣлъ за нимъ тотчасъ набралось цѣлыхъ тридцать четыре, а ш а л о с т е й больше ста. Но Лопухинъ умѣлъ защищаться и у него были сильные покровители. Ревизія обернулась великими неприятностями для самого Державина и испортила ему много крови. Въ концѣ концовъ онъ восторжествовалъ, но передъ тѣмъ мѣсяцевъ пять жилъ въ возбужденіи неопикуемомъ и оказался лишенъ всякаго хладнокровія какъ разъ къ той порѣ, когда оно всего болѣе понадобилось.

8 сентября 1802 г., послѣ долгихъ обсужденій и споровъ, Александръ подписалъ, наконецъ, указъ о правахъ и обя-

занностяхъ Сената и манифестъ объ учрежденіи министерствъ. Въ тотъ же день вечеромъ, когда у Державина были гости, Новосильцовъ пріѣхаль съ предложеніемъ отъ государя — занять постъ министра юстиціи и генераль-прокурора. Согласно указу, Сенату предоставлялась лишь административная и судебная власть; министры должны были предъ нимъ отчитываться. Державину, такимъ образомъ, не было основаній отказываться — онъ предложеніе принялъ. (Воронцовъ и Завадовскій, взявшіе министерства иностранныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, проявили въ семъ случаѣ менѣе послѣдовательности и больше приспособляемости). Прочіе министерскіе посты были заняты Вязмитиновымъ, Мордвиновымъ, Кочубеемъ, Васильевымъ и Румянцовымъ. Кромѣ Кочубея, все это были старые дѣятели. Молодежь, въ лицѣ Чарторыйскаго и Строгонова, была къ нимъ приставлена на правахъ т о в а р и щ е й — то ли ради ученія, то ли ради надзора; вѣроятно, и для того, и для другого заразъ. Александръ старался предъ нею затушевать предпочтеніе, оказанное старикамъ.

Державинъ переселился въ генераль-прокурорскій домъ на Малой Садовой. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ онъ здѣсь впервые явился къ Вяземскому — неопытнымъ стихотворцемъ и скромнымъ коллежскимъ совѣтникомъ, ищущимъ покровительства. Теперь онъ самъ былъ генераль-прокуроромъ, однимъ изъ высшихъ сановниковъ Имперіи Россійской, и признаннымъ ея бардомъ. Какой предметъ для раздумія и стиховъ! Но у Державина не было на то времени.

Очень скоро обнаружилось то, о чемъ не довольно подумалъ онъ, соглашаясь на предложеніе государя: въ комитетѣ министровъ онъ былъ окруженъ старыми врагами и молодыми недоброжелателями. вмѣсто того, чтобы облегчить положеніе, онъ обострилъ его тотчасъ: не потому, что хотѣлъ сводить старые счеты (этимъ занялись другие), но потому, что немедленно и умышленно завелъ новые. Своимъ призваніемъ почиталъ онъ борьбу съ самоуправствомъ и превышеніемъ власти — врожденными пороками вельможъ, которыхъ вздумалъ онъ теперь звать страннымъ, полупрезрительнымъ именемъ в о з в ы ш е н н ы

це въ. Въ лицѣ министровъ онъ заранѣ видѣлъ превышателей власти — и этого мнѣнія не скрывалъ.

Права и обязанности министровъ не были точно означены въ манифестѣ; было сказано, что на сей счетъ послѣдуютъ особыя инструкціи. До составленія инструкцій теченію дѣлъ оставалось покоиться на обычаяхъ, на личномъ благоразуміи каждаго министра и на его чувствѣ законности. Основаніе шаткое — особенно въ глазахъ Державина. Засѣданія комитета министровъ происходили по вторникамъ и пятницамъ, подъ предсѣдательствомъ самого государя. Державинъ въ первомъ же засѣданіи потребовалъ составленія инструкцій. Вѣроятно, не стали бы съ нимъ и спорить — юридически онъ былъ правъ. Но свое требованіе онъ облекъ въ столь рѣзкую форму и такъ явственно выказалъ недовѣріе къ товарищамъ, что вызвалъ общія возраженія. Изъ этого онъ заключилъ, что попалъ всѣмъ не въ бровь, а въ глазъ, и рѣшилъ быть особо бдительнымъ.

Съ того дня, каждый вторникъ и каждую пятницу, одного за другимъ изобличалъ онъ министровъ передъ лицомъ государя: въ самовольномъ распоряженіи казенными милліонами, въ заключеніи контрактовъ безъ торговъ и публикацій, въ поблажкахъ откупщикамъ, въ раздачѣ наградъ и чиновъ «по прихотливой волѣ каждаго министра» и т. д. Правда бывала на его сторонѣ, но сконфуженный государь выгораживалъ и покрывалъ своихъ ставленниковъ. Это лишь подзадоривало Державина. Онъ настоялъ на томъ, чтобы министры представили свои отчеты Сенату за первый же годъ. Изъ этого вышла «одна проформа», ибо и самъ Сенатъ не былъ подготовленъ къ принятію отчетовъ. Зато Державинъ окончательно возстановилъ противъ себя всѣхъ. Уже черезъ три-четыре мѣсяца онъ сталъ «приходить часъ отъ часу у Императора въ остуду, а у министровъ во вражду». Французскій агентъ (какъ водится — путая вѣрныя свѣдѣнія со вздоромъ) доносилъ о Державинѣ Таллейрану: «C'est un dogue de Themis qu'on garde pour lâcher contre le premier venu, qui déplaît à la bande ministérielle, mais peu dressé au manège il mord souvent ses camarades mêmes qui donneraient beaucoup pour le perdre».

Давно развращаемый собственнымъ безправіемъ, Сенатъ въ большинствѣ, въ толщѣ своей, состоялъ изъ людей невысокаго уровня. Уважая идею Сената, Державинъ не уважалъ сенаторовъ. Самъ онъ работалъ не покладая рукъ, его память и знаніе законовъ были исключительны, честность онъ доводилъ до педантизма. Сенаторы этими качествами не обладали, потому что доселѣ съ нихъ спрашивалось одно послушаніе. Теперь, когда положеніе Сената было какъ будто поднято, Державинъ сразу потребовалъ отъ сенаторовъ труда, ума, знанія, всевозможныхъ гражданскихъ доблестей. Всего этого надобно было добиваться упорнымъ, медленнымъ перевоспитаніемъ. Но Державинъ какъ разъ въ воспитатели не годился: онъ не воспитывалъ, а обличалъ. «Сенатъ благоволитъ давать откупщикамъ милліоны, а народу ничего!» — кричалъ онъ. Такими фразами онъ вскорѣ добился того, что сенаторы хоть и не стали лучше, но самолюбіе въ нихъ пробудилось: Державина возненавидѣли и въ Сенатѣ, и это вполне обозначилось какъ разъ къ тому времени, когда поддержка Сената была бы всего нужнѣе.

Согласно грамотѣ о вольности дворянства и жалованной грамотѣ 1785 г. дворяне, вступившіе въ военную службу солдатами и не выслужившіе офицерскаго чина, не могли выходить въ отставку до истеченія двѣнадцатилѣтняго срока. Правило это постепенно забылось, и унтеръ-офицеры, особенно изъ поляковъ, едва поступивъ въ полкъ, уже просились въ отставку. Военный министръ Вязмитиновъ счелъ нужнымъ возстановить прежній порядокъ. Его докладъ уже былъ утвержденъ государемъ и принятъ Сенатомъ къ исполненію безъ всякаго замѣчанія, какъ вдругъ гр. Северинъ Потоцкій, еще не обрусѣвшій полякъ, объявилъ, что этимъ указомъ унижено россійское дворянство. Державину, какъ генераль-прокурору, препроводилъ онъ весьма патетическую записку, въ которой предлагалъ Сенату войти къ его величеству со всеподданнѣйшимъ докладомъ: «не благоугодно ли будетъ повелѣть министрамъ рассмотреть вновь столь важное рѣшеніе?».

Дѣйствительно, указомъ 8 сентября Сенату дано было право представлять императору о неудобноисполнимости того или иного указа. Но въ данномъ случаѣ дѣло

шло не о новомъ узаконеніи, а лишь объ исполненіи стараго; сверхъ того, вопросъ уже былъ разрѣшенъ въ общемъ собраніи и вторичному обсужденію не подлежалъ. Державинъ поэтому усомнился, вносить ли мнѣніе Потоцкаго въ Сенатъ, и рѣшилъ спросить государя. (Записка Потоцкаго не нравилась Державину и по существу: онъ подозрѣвалъ въ ней умыселъ поляка ослабить русскую армію). Пересмотръ конфирмованнаго доклада, разумѣется, Александру не улыбался. Но государь окруженъ былъ поляками и членами негласнаго комитета; самая бумага Потоцкаго, видимо, была писана съ его разрѣшенія, которое далъ онъ, разумѣется, скрѣпя сердце. Теперь со стороны Державина являлась ему поддержка, но уже было поздно. Поэтому онъ отвѣтилъ съ досадой:

— Что же? мнѣ не запретить мыслить, кто какъ хочетъ: пусть его подаетъ, а Сенатъ пусть разсуждаетъ.

Державинъ пробовалъ возразить, но государь повторилъ:

— Сенатъ это и разсудить, а я не мѣшаюсь. Прикажете доложить.

Александръ все-таки надѣялся, что Сенатъ не захочетъ вернуться къ вопросу, уже рѣшенному, и Потоцкаго ждетъ провалъ. Вышло иначе: сенаторы, за исключеніемъ двухъ, стали на сторону Потоцкаго. Одни поняли, что можно создать прецедентъ, клонящійся къ усиленію Сената и уменьшенію царской власти; другіе — попроще — обрадовались досадить Державину. По тѣмъ же причинамъ и министры, въ комитетѣ своемъ одобрившіе предложеніе Вязмитинова, теперь ни словомъ за него не вступились.

Дѣло потребовало въ Сенатѣ сложной процедуры и цѣлыхъ трехъ засѣданій. Послѣ перваго Державинъ доложилъ государю, что весь Сенатъ противъ него. Александръ «поблѣднѣлъ и не зналъ, что сказать». У самого Державина «оть чрезвычайной чувствительности и потрясенія всѣхъ нервъ» разлилась желчь, и на второмъ засѣданіи онъ не присутствовалъ. Во время третьяго, самаго бурнаго, сенаторы повскакали съ мѣстъ, и Державинъ пустилъ въ ходъ деревянный молотокъ, служившій Петру Великому вмѣсто колокольчика; онъ хранился въ особомъ ящикѣ на генераль-прокурорскомъ столѣ, и со смер-

ти Петра никто не смѣлъ къ нему прикоснуться. Державинъ ударилъ имъ по столу — «сіе какъ громомъ поразило сенаторовъ: пооблѣднѣли, бросились на свои мѣста, и сдѣлалась чрезвычайная тишина... Не показалось ли имъ, что Петръ Великій всталъ изъ мертвыхъ и ударилъ своимъ молоткомъ?» Однако же наслажденіе сей поэтической и нѣсколько горделивой минутой было непродолжительно: голосованіе состоялось противъ Державина.

Отъ имени большинства къ государю явилась депутація: старикъ Строгоновъ (тотъ, что нѣкогда занимался алхиміей) и Трощинскій. Державинъ одинъ представлялъ противное мнѣніе. Александръ, не сказавъ никому ни слова, велѣлъ Трощинскому читать бумаги. По выслушаніи всталъ, весьма сухо сказалъ, что онъ дастъ указъ, и откланялся. Дѣйствительно, 21 марта 1803 г. указъ послѣдовалъ. Въ немъ пояснялось, что дарованное Сенату право входить съ представленіями противъ того или другого указа не касается вновь издаваемыхъ или подтверждаемыхъ Верховною властью законовъ. Такимъ образомъ, по сравненію съ указомъ 8 сентября права Сената урѣзывались. Мнѣніе Потоцкаго оставлено безъ послѣдствій.

Державинъ могъ торжествовать побѣду, но она не принесла ему мира. Напротивъ, ею открылся рядъ самыхъ ожесточенныхъ боевъ. Различествуя въ подробностяхъ, порой весьма сложныхъ, сводились они примѣрно къ одному и тому же.

Александръ находился какъ бы въ сердечномъ плѣну у людей, которые то открыто, то хитростью, изъ побужденій то вовсе низкихъ, то болѣе возвышенныхъ, стремились ослабить единодержавную его власть. Онъ самъ тяготился этимъ плѣненіемъ, но еще не смѣлъ обнаружить истинныхъ своихъ мнѣній. Державина онъ назначилъ министромъ противъ воли этихъ людей и какъ разъ потому, что Державинъ былъ ихъ врагомъ. Но Державинъ былъ слишкомъ негибокъ и неподатливъ — въ степени даже удивительной со стороны человѣка, прожившаго четверть вѣка въ дѣлахъ политическихъ и придворныхъ. Александръ хотѣлъ лавировать — Державинъ на каждомъ шагу понуждалъ его сбросить маску, дѣйствовать напрямикъ.

Двоедушіе вообще утомительно. Александру не такъ

легко давалось притворство передъ друзьями. Когда же выяснилось, что надо еще умѣть предавать ихъ Державину, а Державина имъ, — Александръ очень скоро началъ терять терпѣніе. Однажды онъ сказалъ съ гнѣвомъ:

— Ты меня всегда хочешь учить. Я самодержавный государь и такъ хочу.

Въ томъ то и было ихъ общее съ Державинымъ горе, что самодержавнымъ рѣшался онъ быть только наединѣ съ Державинымъ. Во многихъ чертахъ повторялась теперь исторія кабинетскаго секретарства при Екатеринѣ. Между прочимъ, какъ и тогда, Державина могла спасти леств. Онъ же, по нетерпѣнію и досадѣ, день ото дня становился откровеннѣе. Когда государь, уступая чарамъ Нарышкиной, пожелалъ совершить незаконный поступокъ, Державинъ не только наотрѣзъ отказался ему содѣйствовать, но и объявилъ съ укоризною (почти слово въ слово, какъ нѣкогда Екатеринѣ), что оберегаетъ «не токмо Его законъ, но и Его славу». Въ Сенатѣ онъ вслухъ критиковалъ указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, говоря, что «въ нынѣшнемъ состояніи народнаго просвѣщенія не выдетъ изъ того никакого блага» и что указъ, сверхъ того, неисполнимъ (что позже и было подтверждено событіями).

Положеніе Державина ухудшалось быстро. Для положительной работы оставалось у него мало времени. Окруженный врагами, подвохами, клеветой и насмѣшкой, силы свои растрчивалъ онъ на борьбу. Въ пылу этихъ схватокъ порой помрачались иль искажались его высокія качества; въ мелочахъ жизни мельчалъ и онъ; рвеніе переходило въ злобу, точность — въ придирчивость, законолюбіе — въ формализмъ. Молва, въ свою очередь, все это превеличивала.

Въ первое октябрьское воскресенье государь не принялъ его съ докладомъ и прислалъ на домъ рескриптъ, прося очистить постъ министра юстиціи, но остаться въ Совѣтѣ и Сенатѣ. Вскорѣ произошло личное объясненіе, «пространное и довольно горячее со стороны Державина». Александръ ничего не могъ сказать къ его обвиненію, какъ только:

— Ты очень ревностно служишь.

— А когда такъ, государь, — отвѣчалъ Державинъ,
— то я иначе служить не могу. Простите.

— Оставайся въ Совѣтъ и Сенатъ.

— Мнѣ нечего тамъ дѣлать.

Державинъ уѣхалъ къ себѣ. Повторное предложеніе остаться въ Совѣтъ и Сенатъ дѣлалось съ тонкимъ умысломъ, по наущенію враговъ его. Они побаивались мнѣнія публики. Для нихъ было бы наилучшимъ оправданіемъ, если бъ Державинъ просилъ освободить его лишь отъ должности министра: тѣмъ самымъ призналъ бы онъ, что вообще служить хочетъ, но министерскій постъ ему не по силамъ. Подсылая людей и къ женѣ его. Зная честолюбіе Дарьи Алексѣевны и ея любовь къ деньгамъ, общали Державину въ видѣ пенсіи полное министерское жалованье (16.000 руб. въ годъ) и Андреевскую ленту — только бы онъ написалъ такое прошеніе. Но онъ подалъ краткую просьбу объ увольненіи отъ службы вовсе. За это убавили ему пенсіи и лишили ордена.

Высочайшій указъ былъ данъ 8 октября 1803 г., ровно черезъ тринадцать мѣсяцевъ послѣ манифеста объ учрежденіи министерствъ.

**
*

Отставка сдѣлала большой шумъ. «Мнѣніе графа Потоцкаго дошло въ Москву, которое тамъ знатное и, можно сказать, глупое дворянство приняло съ восхищеніемъ, такъ что въ многочисленныхъ собраніяхъ клали его на голову и пили за здоровье графа Потоцкаго, почитая его покровителемъ россійскаго дворянства и защитникомъ отъ угнетенія; а глупѣйшія или подлѣйшія души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова, яко злодѣевъ, выставить на перекресткахъ, замаравъ ихъ дермомъ для поруганія». Въ обѣихъ столицахъ остряки каламбурили, дамы ахали, канцелярскіе риѣмачи сочиняли пасквили на Державина, а кстати ужъ и на всѣхъ министровъ. Чѣмъ менѣе знали, какъ было дѣло, тѣмъ увѣреннѣе рассказывали. Провинціальныя лѣтописцы на листахъ календарей записывали для потомства исторію, окончательно пере-

вранную. Въ Орлѣ сочинили оду въ честь Потоцкаго и Державина вмѣстѣ.

Къ такимъ вещамъ Державинъ былъ нечувствителенъ. Торжество сильныхъ враговъ волновало его сильнѣе, но на сей счетъ были у него лукавыя надежды. Кто знаетъ будущее? На своемъ вѣку онъ не разъ понижался — и возвышался вновь. Игра Фортуны всегда занимала его и по своему окрыляла. Перебравшись опять на Фонтанку, занялся онъ устройствомъ дома, собирался писать трагедіи, отдыхалъ и копилъ силы для будущаго. 21 декабря, въ Москвѣ, проѣздомъ изъ Крыма, умеръ Николай Александровичъ Львовъ. Державинъ и къ этой вѣсти отнесся философически (она, впрочемъ, была не совсѣмъ неожиданна: Львовъ болѣлъ уже года три).

Въ самомъ началѣ 1804 г. Державинъ писалъ Капнисту: «Благодарю, любезный мой другъ Василій Васильевичъ, за письмо твое отъ 14 декабря, которое я чрезъ Анну Петровну получилъ, и сіе чрезъ нее посылаю, уповая избѣгнуть чрезъ то любопытства, что нерѣдко съ моими письмами, кажется мнѣ, бываетъ. Скажу вамъ о себѣ: я очень доволенъ, что сложилъ съ себя иго должности, которое меня такъ угнетало, что я былъ три раза очень боленъ; а теперь, слава Богу, очень здоровъ, дѣлаю, что хочу, при дворѣ мнѣ кажутъ довольно уваженія, зовутъ на обѣды, на балы, и вчерась былъ у вдовствующей Императрицы, а сегодня къ Императору званъ на ужинъ, да и каждую недѣлю удостоиваюсь сей чести отъ Государыни. Словомъ, пью, ѣмъ да гуляю, а также приволачиваюсь иногда за кѣмъ-нибудь... Вы угадали мои мысли. Мы сами собираемся вояжировать: ежели въ Крымъ не поѣдемъ, то вѣрно хочется посмотрѣть Малороссіи и захватъ къ тебѣ, о чемъ впредь перепишемся... Кратко сказать, мы хотимъ проѣхаться; только по сію пору боюсь, чтобы опять не запрягли».

Тутъ немножко онъ рисовался: вовсе ужъ онъ не такъ былъ доволенъ сложить иго должности и весьма былъ не прочь, чтобы его опять запрягли. Можетъ быть, потому не отправлялся онъ и въ задуманный вояжъ, что хотѣлъ быть на всякій случай поближе къ двору. Въ

ту пору написалъ онъ стихи о мѣрѣ — волшебномъ фона-
рѣ, въ которомъ намъ суждено

Мечтами быть иль зрѣть мечты.

Ибо всѣ мы — только перемѣнныя тѣни, что появля-
ются и исчезаютъ на полотнѣ, по волѣ чудотворнаго, не-
постижнаго мага:

Велить — я возвышаюсь,
Речеть — я понижаюсь...

IX.

Возлѣ Литейной улицы, въ Фурштатскомъ переулкѣ, наспротивъ лютеранской кирки, стоялъ весьма скромной наружности двухэтажный домикъ зеленоватаго цвѣта. Въѣхавъ въ ворота и со двора поднявшись по темной, узкой и нечистой лѣстницѣ, попадалъ посѣтитель въ квартиру домовладѣльца — вице-адмирала, члена адмиралтейскаго совѣта и Россійской Академіи Александра Семеновича Шишкова. Если затѣмъ пройти изъ прихожей въ столовую и, остановившись у запертыхъ дверей, заглянуть въ замочную скважину (какъ иногда и дѣлали, чтобъ узнать, дома ли Александръ Семеновичъ) — то можно было увидѣть маленькій, пыльный, съ невымытыми окнами, заваленный книгами и бумагами кабинетъ — и почти всегда застать въ немъ самого хозяина.

Было ему лѣтъ за пятьдесятъ; росту онъ былъ средняго, сложенія сухощаваго; его сѣдые съ желтизной волосы торчали клочьями. Сухое, холодное лицо съ нависшими черными бровями было поразительно блѣдно. Дома ходилъ онъ въ шелковомъ полосатомъ шлафрокѣ, съ голою грудью, въ истасканныхъ комнатныхъ сапогахъ — ичигахъ. При выѣздахъ надѣвалъ мундиръ, довольно поношенный.

Въ немъ тотчасъ виденъ былъ человекъ, одержимый идеей. Разсѣянность его была легендарна, его безкорыстіе, трудолюбіе и беспомощность въ житейскихъ дѣлахъ — безграничны. Жена была ему нянькой и командиромъ. Звали ее Дарья Алексѣвна, какъ жену Державина, а ро-

домъ она была голландка, изъ простыхъ, дочь корабельнаго мастера, выписаннаго Петромъ въ Россію. Александръ Семеновичъ очень ея побаивался, хотя, кромѣ разсѣянности, грѣховъ за нимъ не водилось. Страстей же было у него три: сухое кievское варенье, катаніе шаровъ и шариковъ изъ воска, снимаемаго со свѣчъ, и славянское корнесловіе. Онъ и предавался обычно всѣмъ тремъ одновременно у себя въ кабинетѣ.

Корнесловіе имѣло прямое отношеніе къ идеѣ. Шишковъ былъ фанатикъ того, что начинали звать русскимъ направлениемъ. По всему складу Шишкова ему бы слѣдовало ненавидѣть всю послѣ-петровскую эпоху. Но до этого онъ не додумывался и даже вѣкъ Екатерины почиталъ исконно-русскою, благодатною стариной. Вся сила ненависти его падала на галломанію послѣднихъ десяти — много, если пятнадцати лѣтъ. Онъ негодовалъ на политическій духъ, заносимый изъ Франціи, ворчалъ на молодыхъ администраторовъ нерусскаго воспитанія, возставалъ противъ французскихъ модъ и обычаевъ, особенно — противъ повальнаго употребленія французскаго языка въ разговорахъ. Дѣйствительно, было противно уму и чувству то, что русскіе люди зачастую вообще разучивались не только писать, но и говорить по русски; иные въ томъ видѣли даже лоскъ и тонкую образованность.

Но въ полнѣйшее отчаяніе приходилъ Шишковъ не отъ употребленія французскаго языка, а отъ порчи русскаго. Онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что молодые писатели стали вводить иностранныя слова и обороты. До извѣстной степени онъ и тутъ былъ правъ, но на бѣду свою былъ такой же плохой филологъ, какъ историкъ: развитіе языка не умѣлъ отличить отъ засоренія, ростъ — отъ порчи. Корень же всѣхъ его заблужденій лежалъ въ печальной увѣренности, будто церковно-славянскій языкъ — то же, что русскій, а разница между ними лишь та, что на церковно-славянскомъ пишутся духовныя книги, а на русскомъ — свѣтскія.

Если не источникомъ, то средоточіемъ всѣхъ золъ словесныхъ (да ужъ кстати и нравственныхъ, и общественныхъ) вообразилъ онъ Карамзина. Пріятный, скромный,

но твердый молодой человекъ, явившійся нѣкогда за столомъ Державина, теперь былъ уже знаменитымъ писателемъ. Московская молодежь клялась его именемъ. Державинъ сорвалъ печати съ глазъ и ушей русской Музы. Карамзинъ осторожно снялъ печать съ ея сердца. Пусть его дарованіе было меньше — велико было дѣло, имъ совершенное. Черезъ Карамзина русская словесность научилась исторгать слезы. Впрочемъ, онъ самъ уже покинулъ художество и обратился къ исторіи.

Государь ему покровительствовалъ, и это усиливало страданія Шишкова. Старый служивый, онъ твердо вѣрилъ, что словесностью можно и должно управлять сверху: голоса генераловъ и сенаторовъ почиталъ не послѣдними въ дѣлахъ литературы. Каково жъ ему было видѣть, что самъ государь поощряетъ развратъ и крамолу? Въ 1803 г. онъ метнулъ во врага «Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ», потомъ «Прибавленіемъ» къ «Разсужденію». Главный врагъ молчалъ, но уже нѣсколько выстрѣловъ донеслось изъ Москвы, его цитадели. Шишковъ рѣшилъ укрѣпиться на берегахъ Невы. У важныхъ сановниковъ онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, это его ободряло. Но гдѣ взять гарнизонъ? Когда-то онъ преподавалъ тактику въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, теперь мечталъ учредить академію для подготовки молодыхъ писателей, не зараженныхъ французскимъ духомъ. Изъ этого ничего не вышло. Оставалось просто искать сочувствующихъ, составлять партію. Авторитета литературнаго у него не было. Онъ сдѣлалъ нѣсколько осторожныхъ намековъ Державину — и получилъ отказъ.

Было наивно ждать, что Державинъ вяжется въ борьбу партій. Считаая, что «похвалы современниковъ ненадежны и на хулу ихъ смотрѣть много не для чего», онъ не слишкомъ уважалъ критику — даже свою собственную. Если авторы добились его мнѣнія объ ихъ писаніяхъ, онъ старался или хвалить, или высказывать мнѣніе вполоткрыто. Въ журнальной полемикѣ онъ не видѣлъ пользы и, написавъ нѣсколько эпиграммъ, ихъ все-таки не печаталъ. Слѣдуя Иисусу Сираху, держался онъ того взгляда, что добро есть добро, а зло скорѣе само заглохнетъ, если не обращать на него вниманія. Авторитетомъ своимъ не

хотѣлъ онъ ни поощрять, ни давить никого, ибо «науки, а паче стихотворство — республика». Словомъ, его литературное миролюбіе равнялось служебному и политическому задору. Къ тому же Карамзина онъ любилъ, какъ писателя, и уважалъ, какъ человѣка. Еще въ 1791 г., вскорѣ послѣ знакомства, онъ воскликнулъ:

Пой, Карамзинъ! И въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьиный —

и съ той поры не переставалъ Карамзину сочувствовать. Не мудрено, что послѣ разговора съ Шишковымъ, онъ писалъ Дмитріеву въ Москву: «Я желаю Никѣлаю Михайловичу такого же успѣха въ исторіи, какъ въ изданныхъ имъ твореніяхъ»...

**
*

Время шло. Оно не принесло Шишкову побѣды, но принесло извѣстность. Правда, извѣстность была скорѣй отрицательная: надъ Шишковымъ смѣялись. Его идеи, его манеры, его филологическія изобрѣтенія, почти всегда несуразныя, даже неаристократическая супруга его — все одинаково возбуждало насмѣшки. Но все-таки онъ привлекъ вниманіе, заставилъ о себѣ говорить, — и это былъ уже нѣкоторый успѣхъ. Понемногу нашлись у него сторонники — большею частію немолодые авторы, обойденные славой: сенаторъ Захаровъ, Павелъ Львовъ, Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ (по родству своему съ Суворовымъ ставшій графомъ); Павелъ Кутузовъ, товарищъ Хвостова по изданію «Друга Просвѣщенія»; драматургъ кн. Александръ Александровичъ Шаховской; молодой поэтъ кн. Ширинскій-Шихматовъ, морякъ, дилетантъ, не лишенный способностей, авторъ поэмы «Петръ Великій», которой Шишковъ восхищался неистово. Были и просто молодые люди: Казначеевъ, чиновникъ Комиссіи составленія законовъ (племянникъ Шишкова) и тамъ же служившій шестнадцатилѣтній юноша, родомъ волжанинъ, Сергѣй Тимоѣевичъ Аксаковъ (впрочемъ, онъ тоже писалъ стихи, хотя болѣе увлекался декламаціей). Къ нимъ надо прибавить

еще флигель-адъютанта Кикина, который до выхода «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ» былъ моднымъ французолобцемъ, но затѣмъ образумился, обратился, сталъ самымъ рьянымъ поклонникомъ Александра Семеновича и на книгѣ его написалъ (увы — по-французски!): «Mon Evangile». Таковъ былъ составъ главныхъ славянороссовъ, или славянофиловъ, какъ ихъ называли, когда не честили попросту старовѣрами и гасильниками.

Простодушный въ иныхъ дѣлахъ, Шишковъ, какъ всякій маниакъ, становился хитеръ, лишь только дѣло касалось его идеи. Къ началу 1807 г. онъ придумалъ маневръ, удавшійся (какъ нельзя лучше. Зная благожелательное отношеніе Державина къ молодежи, онъ предложилъ устроить не то чтобы академію, но просто еженедѣльные собранія, на которыя бы допускались и приглашались молодые писатели для чтенія ихъ произведеній. Эта цѣль восхитила Державина, онъ поддержалъ Шишкова, за нимъ потянулись другіе. Стали устраивать чтенія, каждую субботу, попеременно то у Шишкова, то у Державина, у Захарова, у Хвостова. Шишковъ влился въ эти собранія со всѣмъ кружкомъ своимъ — и что жъ получилось? Представителей карамзинскаго направленія не было — ихъ вообще не было въ Петербургѣ. Собранія состояли либо изъ славянороссовъ, либо изъ людей нейтральныхъ. Это придало имъ оттѣнокъ славяноросскій — что и требовалось Шишкову. Онъ, можно сказать, поставилъ подъ ружье мирное населеніе, и война, которая разгоралась медленно, но которой онъ жаждалъ, стала какъ будто войной шишковистскаго Петербурга противъ карамзинистской Москвы. Свѣжій человѣкъ, попадая въ собранія, выносилъ такое впечатлѣніе, что «изъ москвичей одинъ И. И. Дмитріевъ здѣсь въ почетѣ, да и то развѣ потому, что онъ сенаторъ и кавалеръ, а Карамзинымъ восхищается одинъ только Гаврила Романовичъ и стоитъ за него горюю».

Первая суббота состоялась у Шишкова. Собралось народу человѣкъ двадцать. Кромѣ славянофиловъ, были: Державинъ, Хвостовъ (Александръ Семеновичъ, давнишній другъ), переводчикъ Галинковскій, женатый на племянницѣ покойной Плѣниры, молодой переводчикъ Корсаковъ, еще кое-кто. Это было 2 февраля. Въ тотъ день

получилось извѣстіе о кровопролитномъ сраженіи съ Бонапартомъ у Прейсишъ-Эйлау. Бенигсень, недавно назначенный главнокомандующимъ, доносилъ, по обыкновенію преувеличивая, что «непріятель совершенно разбитъ». Объ этомъ событіи много говорено. Наконецъ, усѣлись, и началось чтеніе. Стихотворецъ Жихаревъ продекламировалъ старые стихи Державина. Послѣ того читали другіе. Между прочимъ, Крыловъ, сочинитель стиховъ и комедій, человѣкъ лѣтъ сорока, толстый и неопрятный, съ неподвижнымъ лицомъ и лукавымъ взоромъ, прочиталъ свою басню «Крестьянинъ и Смерть». На поприще баснописца вступилъ онъ недавно. Читая съ притворнымъ равнодушіемъ, онъ зорко поглядывалъ, каково впечатлѣніе, имъ произведенное.

На слѣдующихъ собраніяхъ происходило въ общемъ то же самое. Оживленія большого не было, молодежь читала не много и не Богъ вѣсть что. Шишковъ огласилъ новую поэму Шихматова «Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ», божилъ, что вещь геніальная, но ему не повѣрили. Впрочемъ, на вечерѣ у гр. Хвостова впервые явился поэтъ Гнѣдичъ съ 7-й пѣснью «Иліады», отлично переведенной александрійскимъ стихомъ. Хотя Галинковскій замѣтилъ, что лучше переводить Гомера экзаметромъ, — всѣ однако же были въ восторгѣ. Непріятно было лишь то, что переводчикъ, на одинъ глазъ кривой и весь какой-то нахохленный, безо всякой нужды напрягалъ свой голосъ до крику. Казалось, того и гляди, начитаетъ себѣ чахотку.

Само собою, Шишковъ то и дѣло принимался громить москвичей, но никто, въ томъ числѣ и онъ самъ, не зналъ толкомъ, что дѣлается въ Москвѣ. Тамъ нарождались новые поэты: Мерзляковъ, Жуковскій, кн. Вяземскій (юный шуринъ Карамзина). Здѣсь о нихъ едва слышали и ими не любопытствовали. Порою Шишковъ заводилъ любимые разговоры о слогѣ, высказывая сужденія мелочныя, придиричивыя, безвкусныя. Крыловъ, слушая, ухмылялся, Державинъ ворчалъ:

— Переливаютъ изъ пустого въ порожнее.

Въ высшемъ обществѣ прослышали о собраніяхъ. Сенаторы, оберъ-прокуроры, губернаторы, генералы и камергеры стали ихъ посѣщать. Шишковъ и Захаровъ ра-

довались поощрительному сему вниманію, не замѣчая, что вечера утрачиваютъ литературный характеръ. Державинъ, завидя «вельможъ», не упустилъ говорить имъ рѣзкости.

Все это время онъ хмурился. Затаенная мечта вновь «подняться» не покидала его три года, до самыхъ недавнихъ поръ. Въ концѣ прошлаго года и въ началѣ нынѣшняго онъ подалъ государю двѣ записки о мѣрахъ, необходимыхъ по его мнѣнію для обороны Имперіи отъ Наполеона. Къ дѣйствительнымъ заботамъ о благѣ отечества здѣсь примѣшивалось желаніе о себѣ напомнить. Но государь мало обратилъ вниманія на представленія своего бывшаго министра. Надежда рушилась, и Державинъ понималъ, что больше ему къ дѣламъ не вернуться.

Бездѣйствіе, между прочимъ, и потому тяготило его, что Державину была ясна связь его лиры съ гражданскимъ поприщемъ. Съ самой отставки ему сдавалось, что на покой онъ уволенъ вмѣстѣ съ Пегасомъ. Лѣтъ десять тому назадъ, когда, послѣ ссоры съ Павломъ, онъ временно удалился отъ дѣлъ, ему удалось перестроить лиру на анакреонтическій ладъ. Но Анакреонтическія пѣсни, хоть онъ и продолжалъ ихъ, въ сущности были уже написаны, даже изданы, принесли свою долю славы — что дѣлать дальше? къ чему обратиться? Трагедіи? Въ глубинѣ души онъ сознавалъ, что онѣ ему не даются. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ обращаться къ поэзіи сельской, но находилъ труднымъ подъ старость з а н я т ь с е б я с и м и у п р а ж н е н і я м и. Все же 4 мая, на послѣднемъ въ ту весну литературномъ собраніи, онъ сказалъ Жихареву:

— Лиризмъ больше не по силамъ, хоча бы и попытаться за цѣвницу.

Обѣщалъ на досугѣ описать сельскую свою жизнь.

Черезъ нѣсколько дней Жихаревъ записалъ въ дневникъ: «Г. Р. уѣзжаетъ завтра и что-то очень не веселъ...»

**
*

Берега Волхова плоски, низменны. Лишь въ одномъ мѣстѣ, верстахъ въ пятидесяти пяти отъ Новгорода, лѣвый берегъ внезапно приподымается. Высоко на холмѣ, глядясь въ рѣку, стоитъ двухэтажный господскій домъ.

Крыша надъ мезониномъ подѣмлется круглымъ куполомъ — отъ этого домъ похожъ на обсерваторію. Передній его фасадъ украшенъ балкономъ о четырехъ столпахъ. Фонтанъ бьетъ на площадкѣ предъ каменной лѣстницею балкона. Отсюда идетъ къ рѣкѣ плавный спускъ, посыпанный желтымъ пескомъ. По обѣимъ его сторонамъ вьются розы.

Вкругъ дома по склону холма раскинутъ садъ съ богатыми цвѣтниками. За садомъ — службы, сараи, птичники, скотни. За службами начинаются крестьянскія избы, а дальше — поля и лѣса обширнаго помѣстья.

Это и есть Званка. На самой зарѣ, когда заиграетъ пастухъ, замычатъ вдалькѣ коровы и заржутъ кони, Державинъ выходитъ въ садъ. Неспѣшно гуляетъ онъ по дорожкамъ. Порой остановится и въ задумчивости чертитъ палкою на пескѣ рисунки воображаемыхъ зданій.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесь, красоть позоръ
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала.

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ,
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще,
Ишу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще.

Въ идиллическихъ этихъ стихахъ Державинъ представилъ себя такимъ, какимъ онъ хотѣлъ бы быть, но какимъ быть ему не вполне удавалось. Что змѣя совѣсти не угрызала его — это сушная правда. Правда и то, что онъ радъ былъ оставить людей, — но какъ разъ потому, что жало честолюбія не вполне было имъ избѣгнуто. Боль обиды таилась на днѣ души; онъ старательно пряталъ ее отъ себя самого.

До отставки онъ любилъ Званку за то, что она была красивѣе и богаче его собственныхъ деревень; за то, что она лежала всего въ ста семидесяти верстахъ отъ Петербурга, у большой московской дороги: было легко, нехлопотно убѣгать сюда изъ столицы. Но послѣ отставки она стала ему дорога въ особенности: вынужденное бездѣйствіе само собой превращалось здѣсь въ добровольное, отставка — въ отдыхъ. Душевная боль отъ этого утихала.

Хозяйство на Званкѣ было обширное и передовое. Первоначально имѣніе было не велико, но за десять лѣтъ хозяйничанья Дарья Алексѣевна исподволь скупила прилегающія земли, такъ что ея владѣнія протянулись по Волхову на девять верстъ и даже перешагнули на другой берегъ. Число душъ доходило до четырехсотъ. На Званкѣ воздѣлывались поля, растились лѣса. Помимо водяной лѣсопилки, имѣлась диковина — паровая мельница. Паромъ же поднималась вода изъ Волхова и приводились въ движеніе двѣ небольшія фабрики: ткацкая и суконная. Шерсть для суконной поставлялась имѣніями Державина, гдѣ разводились овцы. На ткацкой выдѣлывались холсты, пологна, салфетки, скатерти, кружева, ковры. При ней имѣлась своя красильня. Изъ Англіи была выписана прядильная машина, «на которой одинъ человекъ болѣе нежели на ста веретенахъ можетъ прясть». Для подготовки работниковъ посылали крестьянскихъ мальчиковъ и бабъ въ ученіе на мануфактурныя фабрики.

Вмѣстѣ съ разными огородами, пчельниками, скотнями, птичниками все это требовало заботъ и трудовъ. Но Званка принадлежала Дарьѣ Алексѣевнѣ. Когда по утрамъ, послѣ чаепитія, въ сопровожденіи старосты, являлся къ ней толстый управляющій Иванъ Архиповичъ Обалихинъ, Державинъ присутствовалъ въ тихъ совѣщаніяхъ лишь для виду. Онъ почти ни во что не вмѣшивался, и радуясь, что находится здѣсь не у дѣлъ хозяйственныхъ, легче сносилъ пребываніе не у дѣлъ государственныхъ. Живя почти гостемъ на Званкѣ, онъ привыкалъ къ положенію частнаго человѣка и какъ бы гостя въ самой Россіи. Онъ звалъ себя отъ став н ы м ъ с л у ж и в ы м ъ — ядъ обиды старался растворить въ шуткѣ.

Горькій осадокъ все же отстаивался на днѣ души. На-

учившись читать по-французски (говорить онъ не выучился), Державинъ часто теперь повторялъ стихъ Вольтера: «Il est grand, il est beau de faire des ingrats». Эти слова ему полюбились — втайнѣ онъ примѣнялъ ихъ къ себѣ, разумѣя подъ н е б л а г о д а р н ы м и прежде всего трехъ царей, которымъ служилъ на своемъ вѣку. Быть можетъ, онъ кое въ чемъ упрекалъ и само отечество.

Въ войнѣ съ Наполеономъ, конечно, желалъ онъ Россіи побѣды, но чрезвычайно тревожился ходомъ событій и политикѣ правительства не сочувствовалъ: сожалѣлъ, что Александръ Павловичъ «заведенъ былъ окружающими его въ весьма непріятныя военныя дѣла». Въ званской кузницѣ изготовлялось холодное оружіе для милиціи; крестьяне державинскіе вступали въ отряды. Державинъ считалъ однако, что народу и войску приходится расхлебывать кашу, заваренную правителями бездарными или нечестными. Свое раздраженіе онъ порою готовъ былъ переносить на правителей и вельможъ всѣхъ временъ и народовъ. Въ его кабинетѣ стоялъ массивный красный диванъ, противъ котораго на стѣнѣ висѣла историческая карта: «Рѣка временъ, или эмблематическое изображеніе всемірной исторіи». Часто, сидя предъ ней, Державинъ неодобрительно качалъ головой: міръ прекрасенъ, но исторія отвратительна. Отвратительны дѣла тѣхъ, въ чьихъ рукахъ была и есть судьба человѣчества.

Другое дѣло — люди обыкновенные. маленькіе. Средней руки помѣщикъ, купецъ, мелкій чиновникъ, солдатъ, крестьянинъ — равно представлялись Державину жертвами историческихъ великановъ, пушечнымъ мясомъ исторіи. Для этихъ людей все болѣе обрѣталъ онъ въ себѣ участія, снисхожденія, благодати. Ворча на сильныхъ, все болѣе любилъ слабыхъ. Благотворилъ безъ улыбки, пожалуй — безъ ласки, даже безъ добрыхъ (и лишнихъ) словъ — зато дѣятельно. Дарья Алексѣевна почла за благо всѣ деньги прибрать къ рукамъ, а Державину лишь выдавать на карманные расходы, ибо онъ все щедрѣе одарялъ нищихъ, дворовыхъ, слугъ, все легче давалъ взаймы — безъ отдачи. Она же стала управлять и личными его землями, потому что онъ утѣшалъ оплошныхъ приказчиковъ, когда полагалось съ нихъ взыскивать. Онъ за-

вель на Званкѣ больницу для крестьянъ, и врачъ ежедневно являлся къ нему съ отчетомъ. Бѣднымъ мужикамъ покупалъ онъ коровъ, лошадей, давалъ хлѣба, ставилъ новыя избы.

Полевыя работы занимали его только со стороны живописной. При немъ не боялись лѣниться. (Зато стоило вдали показаться Дарьѣ Алексѣевнѣ, какъ самые лѣнивые принимались за дѣло). По праздникамъ изъ своихъ рукъ потчевалъ онъ мужичковъ водкою, бабамъ и дѣвушкамъ раздавалъ платки, ленты, сласти. Любилъ ихъ пѣсни и хороводы. Каждое утро человекъ тридцать ребятишекъ сбѣгались къ нему. Онъ училъ ихъ молитвамъ, потомъ одѣлялъ баранками, кренделями. Потомъ бывший министръ юстиціи разбиралъ ребячьи тяжбы и при себѣ заставлялъ мириться. Случалось — идиллія принимала иной отгѣнокъ: въ жаркій день, прячась между деревьями, «отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ», Россійскій Анакреонъ любовался «плесканьемъ дѣвъ», въ кристальныхъ водахъ рѣки.

**

Три Кондратія было на Званкѣ: камердинеръ, садовникъ и музыкантъ. Однажды Державинъ написалъ комедію для дѣтей: «Кутерьма отъ Кондратьевъ». Въ ней шутивно представлена званская жизнь и о самомъ Державинѣ говорится: «Старикъ любитъ все попышнѣе, пожирнѣе и пошумнѣе».

Дарья Алексѣевна была оборотиста, но не скупа. Она очень любила своихъ родныхъ, людей большею частію небогатыхъ. Домъ постоянно былъ ими полонъ. Сестры Бакунины по прежнему жили у Державиныхъ, хотя Параша была уже замужемъ. Марья Алексѣевна Львова, овдовѣвъ, каждое лѣто гостила съ дѣтьми на Званкѣ. Въ 1807 году она умерла, и три ея дѣвочки, Лиза, Вѣра и Параша, тоже остались на рукахъ у тетки. Старшей было девятнадцать лѣтъ, младшей четырнадцать. Наставницею при нихъ жила г-жа Леблеръ-Лебефъ, француженка-эмигрантка.

Вмѣстѣ съ Державиными это женское общество было,

такъ сказать, основнымъ населеніемъ барскаго дома. Впрочемъ, надо прибавить еще двоихъ: доктора и письмо-водителя Евстафія Михайловича Абрамова, давно ставшаго членомъ семьи. Кругъ занятій его была обширенъ. Онъ вѣдалъ архивы и рукописи Державина, перебѣлялъ письма, а иногда и стихи. Въ случаѣ надобности исправлялъ онъ должность домашняго архитектора, живописца и пиротехника. Тѣсная, хоть не безкорыстная дружба связывала его съ Анисьей Сидоровной, барской барыней. Шестидесятилѣтняя сія дѣва была въ свое время получена Дарьей Алексѣвною въ приданое. День Евстафія Михайловича начинался съ того, что Анисья Сидоровна угощала его кофеемъ и подносила первую рюмочку, за которою съ перерывами слѣдовали другія. Когда, ровно въ полдень, за круглымъ столомъ въ просторной званской столовой собирались къ завтраку, отъ Евстафія Михайловича уже крѣпко пахло виномъ. Дарья Алексѣвна просила мужа не пускать его за столъ при гостяхъ, но Державинъ не соглашался:

— Ничего, душенька: дѣлай, какъ будто ничего не замѣчаешь.

Онъ самъ вина почти не пилъ, за то поѣсть любилъ плотно. Къ столу подавался «припасъ домашній, свѣжій, здоровый» — но тяжелый и жирный. Аппетитъ Гавріила Романовича доходилъ даже до неумѣренности. Желудкомъ онъ начиналъ прихварывать. Уха, куры съ шампиньонами и арбузы были его любимыя кушанья. Изъ-за ухи возникали у него ссоры съ домашними. Случалось, что онъ, вставъ шумно изъ-за стола, уходилъ къ себѣ. Впрочемъ, разгнѣвать его на Званкѣ было нелегко. Будучи недоволенъ, онъ разворчитя, съ укоризною буркнетъ: «Спасибо, милостивыя государыни, поддобротали» — и уйдя въ кабинетъ, погрузится въ пасьянсы. Прийдутъ къ нему, станутъ уговаривать не сердиться, — а онъ ужъ и позабылъ, въ чемъ дѣло: поднимаетъ лысую голову (только съ висковъ разлетаются длинныя, рѣдкія сѣдины) и спрашиваетъ: «За что?»

Кромѣ родныхъ, которые жили при ней постоянно, безчисленные племянники и племянницы, кузены и кузины Дарьи Алексѣвны то пріѣзжали, то уѣзжали. Гости на

Званкѣ не переводились. Сѣзжались и просто знакомые петербургскіе, и сосѣди-помѣщики — иной разъ цѣлыми семьями. Когда не хватало мѣстъ въ домѣ, часть гостей размѣщалась въ банѣ. Только съ однимъ сосѣдомъ были Державины не въ ладу — съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ. Зарѣчная часть Званки граничила съ аракчеевскимъ Грузинымъ. Отсюда возникла пустячная, но многолѣтняя тяжба, которую легко было кончить миромъ. По правдѣ сказать, Аракчеевъ первый дѣлалъ къ тому шаги. Но Державину нравилось препираться съ вельможами. Веденіе тяжбы онъ взялъ на себя и длить ее изъ году въ годъ съ упрямствомъ и удовольствіемъ.

Каждый годъ 3 іюля, справлялся день его рожденія, а 13-го, еще пышнѣй, именины. Державинъ сіялъ радушіемъ, выказывая себя благосклоннымъ и хлѣбосольнымъ сановникомъ, слегка, можетъ быть, сибаритомъ и расточителемъ.

Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ — и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ:

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ шука пестрая — прекрасны!

Обычно къ столу подаетъ служанка Федосья. Но на сей разъ самъ Кондратій Тимоѣевичъ, камердинеръ, стоя за кресломъ хозяина, всѣмъ распоряжается. (Кондратій Тимоѣевичъ — любимецъ и даже наперсникъ Державина; послѣ смерти барина ему обѣщана вольная и пятьсотъ рублей денегъ). Обѣдаютъ долго. Отъ мира, по слухамъ только что заключеннаго государемъ въ Тильзитѣ, нечувствительно переходитъ бесѣда ко всякой всячинѣ. Разговоръ, важный въ началѣ, дѣлается живѣй.

Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка и чернопѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ, —
Бесѣда за сладьми шутлива.

Наконецъ, подается мороженое въ видѣ многобашеннаго замка или древняго храма. Его жаль рушить — такъ затѣйливы его линніи, съ такой красотой подобраны въ немъ цвѣта: воображеніе самого Гавріила Романовича тутъ дѣйствовало. Всѣ въ восхищеніи. Французскихъ винъ по случаю войны нѣтъ. Кондратій наполняетъ бокалы березовымъ или яблочнымъ сокомъ, приготовленнымъ въ видѣ шампанскаго:

Но молча вдругъ встаемъ: бьетъ, искрами горя,
Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣчныхъ
бревенъ:

За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго царя,
Царицъ, царевичей, царевнъ.

Шесть чугунныхъ небольшихъ пушекъ гремятъ съ балкона салютъ, и чудное званское эхо, извѣстное всей округѣ, много разъ его повторяетъ, перекатываясь за Волховъ.

На Званкѣ пріятно было гостить подолгу. Каждый день сулилъ новыя удовольствія. Устраивались прогулки — пѣшкомъ, на дрожкахъ и въ лодкахъ. Надѣвъ бѣлый пикейный сюртукъ, Державинъ водилъ гостей осматривать фабрики, полевые работы, птичники, гдѣ водились лебеди и павлины. Утомясь, пили чай подъ сѣнью скирдовъ или на берегу рѣки. Бывали охоты и рыбныя ловли. Подъ вечеръ, въ гостинной, при звукахъ арфы и тихогрома, дѣтми разыгрывались комедійки, пасторали съ пѣніемъ и танцами. Вились хороводы амурчиковъ и харитъ. Послѣ ужина вдругъ въ саду зажигалась иллюминація, сочиненная Евстафіемъ Михайловичемъ. Огненные гирлянды повисали между деревьями. Сіяли солнца и звѣзды изъ разноцвѣтныхъ шкаликовъ. Транспаранты свѣтились изображеніями Фелицы, или Аполлона, или монограммой Милены. Крѣпостной оркестръ (мальчиковъ для него посылали учиться къ харьковскому помѣщику Хлопову, знаменитому меломану) подъ управленіемъ музыканта Кондратія гремѣлъ маршъ Безбородки. Кончалось все фейерверкомъ, который съ дымомъ и трескомъ сжигался вни-

зу, надъ черной водою Волхова. Всѣхъ счастливей при этомъ бывалъ самъ Державинъ.

Когда разѣзжались гости, онъ писалъ много. Часовъ, особо назначенныхъ для работы, у него не было. Непосѣдливый и нетерпѣливый, онъ всегда трудился заразы надъ нѣсколькими предметами и въ течение дня то удалялся въ свой кабинетъ, то выходилъ оттуда на всякій шумъ и по всякому поводу. Такъ, отрывками, написалъ онъ и «Жизнь Званскую» — послѣднее изъ своихъ лучшихъ твореній. Она стройна, какъ ода на смерть Мещерскаго, задушевна, какъ «Богъ», и какъ «Водопадъ» громка. Въ расточительныхъ образахъ и скупыхъ словахъ званская жизнь здѣсь запечатлѣна съ ея тишиной и шумомъ, вся, полностью, отъ счастливыхъ пустяковъ, вродѣ вечерней игры «въ ерошки, въ фараонъ по грошу въ долгъ и безъ отдачи», до горькихъ раздумій полуопального государственнаго мужа. Слагалась «Жизнь Званская» то по утрамъ въ саду, то на птичникѣ за кормленіемъ голубей, то за пасьянсомъ, то въ часы вечерняго уединенія, когда, сѣвъ на перилахъ балкона, Державинъ слѣдилъ, какъ тихо идутъ по рѣкѣ парусныя суда и опускается на тотъ берегъ багряное солнце; когда горѣли заревомъ стекла дома и безчисленные комары толкли макъ въ сыроватомъ воздухѣ; когда Анисья Сидоровна удила на плоту рыбу, а Дарья Алексѣевна кричала ей сверху: «Дѣвченка! Дѣвченка!» — и старуха ей откликалась: «Сейчасъ, сударыня!»; когда изъ дому доносилось дѣвичье пѣніе подъ звуки арфы; когда съ грустью думалось, что неизяснимо прекрасно все это, но все прейдетъ,

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не вспомнится нигдѣ и имя Званки;

когда старое сердце преисполнялось восторга, благоволенія, мира, но въ потаенной его глубинѣ кипѣла обида и жгло, какъ пламя, сознание безсилія предъ клеветой и завистью; когда этотъ пламень усмирался лишь двумя мыслями: о Богѣ и о судѣ исторіи.

Державинъ давно мечталъ о собраніи своихъ сочиненій, но дѣло по разнымъ причинамъ не ладилось. Теперь, на покоѣ, онъ рѣшилъ за него приняться какъ слѣдуетъ. Хотѣлось собрать воедино то, что было разбросано по журналамъ, брошюрамъ, хранилось въ рукописяхъ. Все чаще ему приходила мысль подводить итоги.

Для начала предполагалось издать четыре тома, которые содержали бы основную часть лирики и нѣсколько драматическихъ сочиненій. Державинъ занялся исправленіемъ и отдѣлкой стиховъ.

Вообще писалъ онъ не медленно и не мало, но большею частью первоначально только набрасывалъ пьесу, а потомъ вновь (и не разъ) возвращался къ ней — продолжалъ, заканчивалъ, передѣлывалъ. Не рѣдко работа надъ стихотвореніемъ длилась нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, цѣлый рядъ пьесъ одновременно бывалъ у него въ работѣ.

На сей разъ, когда дѣло шло о цѣлыхъ четырехъ томахъ, поправки, за рѣдкими исключениями, свелись къ просодическимъ и грамматическимъ частностямъ. Державину съ молодости указывали на его погрѣшности. Когда-то Дмитріевъ, Капнистъ, Львовъ исправляли его стихи. Теперь Дмитріевъ былъ въ Москвѣ, Львовъ въ могилѣ, а съ Капнистами у Державиныхъ года четыре тому назадъ вышла ссора. Съ тѣхъ поръ они не видались и не писали другъ другу. (Причина ссоры осталась семейною тайной; кажется, тутъ замѣшаны были сразу дѣла сердечныя и денежныя).

Въ годы поэтической молодости Державинъ принималъ поправки и передѣлки довольно охотно, потому что вѣрилъ въ просодію и грамматику и признавалъ свою несвѣдомленность. Это въ особенности касалось стихосложенія. Тутъ онъ по большей части безропотно подчинялся учителямъ, они же дѣйствовали рѣшительно. Державинъ написалъ «Ласточку»:

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь;
Надъ гнѣздышкою сидя, поешь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиною въ горлышкѣ бьешь...

Капнисть пришелъ въ ужасъ отъ совершенныхъ здѣсь беззаконій и пренаивно переложилъ всю пьесу правильнымъ четырехстопнымъ ямбомъ, и справивъ рѣемы. Къ счастью, Державинъ внезапно уперся и этимъ спасъ одно изъ лучшихъ своихъ созданий. Вообще же старался онъ усвоить правила, выработанныя не для одной русской поэзіи, освященныя временемъ и авторитетами. Всю жизнь относился онъ почтительно къ просодическому канону и не смѣлъ на него посягать. Только органическія особенности русскаго языка дали ему просторъ и возможность осуществить нѣкоторыя ритмическія и фонетическія вольности. Таковы обильныя пиррихи и спондеи среди хореевъ и ямбовъ, введеніе рѣмоидовъ, квази-какофоническая инструментовка: все, съ чѣмъ при жизни Державина и послѣ него боролись болѣе или менѣе успѣшно и къ чему въ концѣ концовъ все-таки обратились: иногда лѣтъ черезъ сто и больше.

Не такъ было съ языкомъ. Тутъ подчинялся онъ лишь сперва, по ученической робости; потомъ — только въ тѣхъ случаяхъ, когда доводы ему нравились. Постепенно онъ становился все менѣе уступчивъ; пожалуй, дѣлался осмотрительнѣй, но зато и упрямѣй. Понялъ, что учителя сами бродятъ въ потемкахъ. Не видѣлъ, чему и у кого можно учиться по настоящему — и въ значительной мѣрѣ былъ правъ, потому что засталъ русскій языкъ въ одинъ изъ самыхъ бурныхъ и сложныхъ періодовъ его вѣчнаго становленія. Грамматика, всегда замѣтно отстающая отъ жизни самого языка, не успѣла еще понять и закрѣпить его навыки, отчасти неизслѣдованныя, отчасти мнѣняющіеся. Тогдашней филологіи русской это было и не по си-

ламъ. У Державина не было основаній вѣрить въ существованіе прочной и обоснованной грамматики.

Не видя установленнаго закона, чувствовалъ онъ себя въ правѣ поступать вольно, подчиняясь лишь внутреннему чутью и обычаю, но болѣе — свободной филологической морали. Своихъ законовъ онъ никому не навязывалъ, признавая за всѣми право на ту же вольность, какую самъ пользовался. Потому-то онъ защищалъ и Карамзина.

По отношенію къ современной ему грамматикѣ онъ сталъ анархистомъ. Но нельзя поручиться, что онъ не сталъ бы такимъ же по отношенію ко всякой другой. Слишкомъ еще была глубока его связь съ той первобытной, почвенною, народною толщей, гдѣ происходитъ само зарожденіе и образование языка, и куда грамматистъ принужденъ спускаться для своихъ изслѣдованій, какъ геологъ спускается въ глубину вулкана.

Для грамматиста благо есть то, что правильно, т. е. учтено и зарегистрировано. Для Державина правильно все, что выгодно и удобно, что способствуетъ его единственной цѣли — выразить мысль и чувство. Его эстетика полностью подчинена выразительности. Въ русскій языкъ, не смущаясь, заноситъ онъ германизмы, какъ первобытный пастухъ тащитъ къ себѣ овецъ изъ чужого стада. (Здѣсь опять же причина его сочувствія Карамзину, хотя психологія Карамзина, разумѣется, не совпадала съ его психологіей).

Онъ любилъ все «попышнѣе, поживѣе и пошумнѣе» Таковъ и языкъ его — пышный, жирный и шумный. Онъ хотѣлъ выразить себя полностью — и того достигъ даже въ языкѣ. Однажды, когда Дмитріевъ и Капнистъ слишкомъ пристали къ нему со своими поправками, онъ вышелъ изъ себя и воскликнулъ:

— Что жъ, вы хотите, чтобы я сталъ переживать свою жизнь по вашему?

Въ словѣ видѣлъ онъ матеріаль, принадлежащій ему всецѣло. Нетерпѣливый, упрямый и порой грубый, онъ и со словомъ обращался такъ же: гнулъ его на колѣно, по выраженію Аксакова. Не мудрено, что плоть русскаго языка въ языкѣ державинскомъ нерѣдко надлом-

лена или вывихнута. Но духъ дышитъ мощно и глубоко. Это языкъ первобытный, творческій. Въ немъ — абсолютная творческая свобода, удѣлъ дикарей и геніевъ.

**
*

Въ августѣ мѣсяцѣ рукопись всѣхъ четырехъ томовъ была сдана въ типографію Шнора, что на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ лютеранской Петропавловской церкви, а въ февралѣ 1808 г. «Сочиненія Державина» появились въ продажѣ. Зима, такимъ образомъ, ушла на возню съ корректурами, переговоры съ книгопродавцемъ и прочія хлопоты, сопряженные съ выходомъ книгъ. Державинъ не мало суетился и волновался, но далеко не одно это дѣло занимало его въ ту зиму. Переживалъ онъ тревогу вовсе иного рода. Въ его домѣ все чаще стали встрѣчать Наталію Алексѣевну Колтовскую, ту самую, которой Россійская Имперія отчасти была обязана преобразованиемъ Сената и учрежденіемъ министерствъ.

Державинъ былъ очень привязанъ къ Дашѣ, она къ нему. Но побѣдить ея врожденное безстрастіе ему такъ и не удалось. Однажды къ ея портрету написалъ онъ четверостишіе, въ которомъ слышно разочарованіе, если не досада:

Минервы и Цересъ, Діаны и Юоны
Ей нравились законы;
Но въ дружествѣ съ одной Цитерой не жила,
Хоть недурна была.

Что измѣны Державина ее все-таки мучили — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Понятно и то, что самому Державину семейные нелады становились съ годами въ тягость.

Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ — дней въ останкѣ.

Однако же, какъ ни старался онъ не колебать семейнаго мира, — сердечная рана, давно уже нанесенная, теперь то вдругъ и заняла сильнѣе.

Котловской было лѣтъ тридцать. Красавица, модница и богачка, разоидясь съ мужемъ, она не упускала пользоваться свободой. Будь Державинъ моложе, романъ могъ бы разыгратъсь беззаботно и весело. Но Державину было шестьдесятъ четыре года, онъ старѣлъ и нѣсколько робѣлъ передъ нею (раньше съ нимъ этого не случалось). Голубоглазая красавица вызывала въ немъ чувства мечтательныя и нѣжныя, почти молитвенныя, которыхъ она не стоила и которыми ей, быть можетъ, забавно было играть. Отъ этого она казалась ему еще болѣе идеальной.

Лѣтомъ она пріѣзжала гостить на Званку. Державинъ не смѣлъ передъ нею явиться Анакреономъ. Онъ смотрѣлъ на нее снизу вверхъ и прелагалъ для нея сонеты Петрарки, тѣ, въ которыхъ было наиболѣе меланхоліи. Въ концѣ концовъ, во время уединенныхъ прогулокъ, его воздыханія были вознаграждены: Котловская не собиралась походить на Діану. Но чѣмъ сладостнѣй и внезапнѣе было счастье, тѣмъ болѣе мукъ оно во себѣ заключало. Державинъ каждый мигъ чувствовалъ всю его случайность и непрочность. Котловская, наконецъ, уѣхала. Державинъ затосковалъ, кинулся слѣдомъ за ней въ Петербургъ, но здѣсь она не въ примѣръ была холоднѣе. Что было лѣтомъ, то ни къ чему не обязывало ее зимой. Державинъ мучился и съ прощальною нѣжностью вспоминалъ блаженныя тѣ мѣста, гдѣ

Воздухъ свѣжестью своею
Ей спѣшилъ благоухать;
Травки, смятыя подъ нею,
Не хотѣли возставать;
Гдѣ я очи голубыя
Небесамъ подобно зрѣлъ,
Съ коихъ стрѣлы огневыя
Въ грудь брсалъ мнѣ злобный Лель.
О мѣста, мѣста свящанны!
Хоть лишенъ я васъ судьбой;
Но прелестны вы, волшебны

И столь милы мнѣ собой,
Что поднесь о васъ вздыхаю
И забыть никакъ не могъ;
Съ жалобой напоминаю:
Мой послѣдній слышите вздохъ.

**
*

Преосвященный Евгений (въ міру — Евгений Болховитиновъ) учился нѣкогда въ московскомъ университетѣ и въ ранней юности близокъ былъ къ Новикову. Потерявъ жену и дѣтей, въ 1800 г. онъ постригся въ монахи, состоялъ префектомъ петербургской духовной академіи, затѣмъ былъ назначенъ епископомъ старорусскимъ и новгородскимъ викаріемъ. Поселившись въ Хутынскомъ монастырѣ, на Волховѣ, верстахъ въ сорока отъ Званки, онъ не оставлялъ любимыхъ трудовъ по исторіи литературы и въ частности составлялъ словарь русскихъ писателей. Лѣтомъ 1805 г. дошелъ онъ до буквы Д и обратился къ Державину за свѣдѣніями касательно его біографіи. Въ августѣ онъ посѣтилъ Званку, гдѣ «препроводилъ съ отмыннымъ удовольствіемъ время, цѣлыя сутки. Начитался, наговорился и получилъ еще надежду впредь пользоваться знакомствомъ нашего Горациа; слышалъ собственными ушами тысячи эхъ, около его живущихъ, и теперь только понималъ, что такое въ его сочиненіяхъ значить гр о х о ч е т ь э х о». Они подружились, несмотря на разницу лѣтъ (Евгению было всего тридцать восемь, Державину за шестьдесятъ). Державинъ не разъ принималъ Евгения у себя, не разъ ѣздилъ къ нему въ Хутынь. Ему же онъ посвятилъ «Жизнь Званскую», для него же составилъ краткую свою біографію и тетрадь примѣчаній къ стихамъ. Съ тѣхъ поръ мысль изложить и то, и другое болѣе обстоятельно уже не покидала его. Однако жъ онъ медлил: съ примѣчаніями — потому, что и самые стихи были еще не собраны и не изданы, а съ біографіей — потому, можетъ быть, что въ ту пору еще не считалъ ее законченной: втайнѣ мечталъ вернуться къ дѣламъ государственнымъ. Потому онъ этой мечты лишился, потому были изданы пер-

вые четыре тома стиховъ — пора было приступать къ работѣ.

На Званкѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дома, надъ самой рѣкой, высился крутой холмикъ; въ народѣ звали его курганомъ; по преданію, подъ нимъ тлѣли кости древняго колдуна, оборотня, злого генія этихъ мѣстъ; еще называли того колдуна волхвомъ, отъ чего, будто бы, и сама рѣка получила свое прозваніе.

На холмѣ стояла бесѣдка. Въ лѣтніе мѣсяцы 1809 и 1810 г. Державинъ сталъ ходить сюда каждый день со старшей племянницей Лизой Львовой. Онъ диктовалъ ей свои Объясненія, въ томъ порядкѣ, какъ шли стихи въ книгахъ. Лиза писала на большихъ листахъ синей грубоватой бумаги, которую послѣ сшивала тетрадами. О каждой пьесѣ Державинъ рассказывалъ, съ какими событіями и людьми она связана, изъ чего или ради чего возникла, какія имѣла слѣдствія. Часто онъ этимъ не ограничивался и начиналъ объяснять отдѣльныя строфы, стихи, даже слова. Такихъ примѣчаній порой набиралось до пятидесяти и больше къ одному стихотворенію. Нѣкоторые были совсѣмъ короткія (строка, двѣ), другія растягивались на много страницъ. Они пестрѣли историческими и просто житейскими анекдотами, въ нихъ раскрывались имена и намеки, воскресали подробности, мелочи, которыя тѣмъ любовнѣе сохранялись памятью, что имъ не нашлось мѣста въ самой поэзіи.

Эти мелкія примѣчанія Державинъ писалъ съ особеннымъ удовольствіемъ еще потому, что возстановлялъ въ нихъ не только поводы къ творчеству, но отчасти и самый ходъ творчества — лишь въ обратномъ порядкѣ. Ему нравилось разоблачать безчисленныя аллегоріи, метафоры и другіе приемы своей поэзіи, въ которыхъ было заключено ея «двойное знаменованіе». Нерѣдко онъ дѣлалъ это съ очаровательнымъ простодушіемъ, быть можетъ — нѣсколько и лукавымъ. Напримѣръ, дойдя до стиховъ:

На сребророзовыхъ коняхъ,
На золотарномъ фаэтонѣ —

онъ пояснялъ: «У кн. Потемкина былъ славный цугъ сре-

бронзовыхъ или рыжесоловыхъ лошадей, на которыхъ онъ въ раззолоченномъ фаэтонѣ ѣзжалъ въ арміи».

Къ величественнымъ словамъ:

Не заключить меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ —

онъ спѣшилъ приписать: «Средь звѣздъ, или орденовъ совѣмъ не сгнію такъ, какъ другіе».

Вѣроятно, ему и впрямь хотѣлось блеснуть реальною обоснованностью своихъ гиперболъ и аллегорій. Но главное наслажденіе заключалось не въ томъ. Предметы реального міра нѣкогда возносились его парящей поэзіей на страшныя высоты, гдѣ ужъ переставали быть только тѣмъ, чѣмъ были въ дѣйствительности. Теперь Державину было любо возвращать ихъ на землю, облекать прежней плотью. Для поэта бывая дѣйствительность спитъ зъ его поэзіи чуднымъ сномъ — какъ бы въ ледяномъ гробѣ. Державинъ будилъ ее грубовато и весело. Превращая поэзію въ дѣйствительность (какъ нѣкогда превращалъ дѣйствительность въ поэзію), онъ совершалъ прежній творческій путь, лишь въ обратномъ порядкѣ, и какъ бы сызнава переживалъ счастье творчества. Если взглянуть со стороны — это грустный путь, и радости его горьковаты. Но онъ всегда грѣетъ сердце поэта, уже хладѣющее.

Такъ, разрозненными отрывками, оживлялось передъ Державинымъ его поэтическое и житейское прошлое. Когда работа уже подходила къ концу, настала очередь стихотворенію «Признаніе». Оно было написано два года тому назадъ. Державинъ его перечелъ, подумалъ и велѣлъ Лизѣ отмѣтить его, какъ «объясненіе на всѣ свои сочиненія»:

Не умѣлъ я притворяться,
На святого походить,
Важнымъ саномъ надуваться
И философа брать видъ;
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ;
Умъ и сердце человѣчье

Были гениемъ моимъ.
Если я блисталь восторгомъ,
Съ струнъ моихъ огонь летѣль, —
Не собой блисталь я, Богомъ:
Внѣ себя я Бога пѣль.
Если звуки посвящались
Лиры моя царямъ, —
Добродѣтелями казались
Мнѣ они равны богамъ.
Если за побѣды громки
Я вѣнцы сплеталь вождамъ, —
Думаль перелить въ потомки
Души ихъ и ихъ дѣтамъ.
Если жъ гдѣ вельможамъ властнымъ
Смѣль я правду брякнуть въ слухъ, —
Мнилъ быть сердцемъ безпристрастнымъ
Имъ, царю, отчизнѣ другъ.
Если жъ я и суетою
Самъ былъ свѣта обольщенъ, —
Признаюся, красотою
Бывъ плѣненнымъ, пѣль и женъ.
Словомъ: жегъ любви коль пламень,
Падалъ я, вставаль въ мой вѣкъ, —
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ.

Просторный квадратный дворъ державинскаго владѣнія на Фонтанкѣ былъ обнесенъ колоннадой. За колоннами справа и слѣва двухъэтажные флигеля шли въ глубину двора, гдѣ примыкали они къ двухъэтажному дому съ аллегорическими фигурами на фронтонѣ. Со двора и съ улицы казался домъ невеликъ, да таковъ онъ и былъ, когда купили его, лѣтъ двадцать тому назадъ, при жизни Екатерины Яковлевны. Въ ту пору высился онъ довольно одиноко на обширномъ участкѣ принадлежащей къ нему земли. Однако жъ, на этой землѣ Даша сумѣла хозяйничать не хуже, чѣмъ хозяйничала въ деревнѣ. Ея заботами

и трудами воздвиглись сначала упомянутые два флигеля, а послѣ и самый домъ разросся въ нѣсколько разъ. Два узкихъ, длинныхъ его крыла раскинулись вправо и влѣво, образуя за флигелями два боковыхъ двора, гдѣ опять-таки появились строения, занятые людскими и службами. Затратить сразу большую сумму никакъ было невозможно. Поэтому дѣлалось все безъ плана, въ разное время, по мѣрѣ возможности и смотря по надобности. Только въ 1809 г. постройки были закончены и оказались немного разбросаны. Зато представляли собой цѣлую усадьбу. Тутъ были конюшни, коровникъ, птичникъ, каретные и другіе сараи, навѣсы для дровъ, сѣновалы, ледники, кухни, прачечныя и даже, наконецъ, небольшая бойня.

Не считая кухонь, сѣней, переднихъ, лѣстницъ, корридоровъ и тому подобнаго, въ домѣ и флигеляхъ имѣлось до шестидесяти жилыхъ комнатъ, такъ что часть флигелей (небольшую впрочемъ) Даша сдавала внаймы. Въ большей же части жили ея многочисленные родственники.

Въ лѣвомъ крылѣ барскаго дома, внизу, помѣщалась очень большая столовая; рядомъ съ нею — буфетъ и три запасныя комнаты для гостей. Правое крыло было занято двусвѣтною залою, миновавъ которую попадали въ домашній театръ съ нѣсколькими рядами креселъ и ложами по бокамъ. Еще нѣсколько комнатъ было расположено позади сцены. Въ средней же части дома, той, что существовала уже при Плѣнирѣ, находились только швейцарская, официантская, диванная, аванзала, прежде служившая залой, нынѣ же примыкавшая къ новой, двусвѣтной залѣ, а также круглая гостиная. Здѣсь висѣлъ огромный портретъ Державина, жестко, но выразительно писанный итальянцемъ Тончи, художникомъ, музыкантомъ, поэтомъ, безбожникомъ и красавцемъ, однимъ изъ тѣхъ фантастическихъ иностранцевъ, которыхъ немало въ XVIII вѣкѣ заносили въ Россію судьба и любовь къ приключеніямъ. Поэтъ былъ изображенъ во весь ростъ, въ медвѣжьей шубѣ и мѣховой шапкѣ, среди снѣговъ, освѣщенныхъ сѣверною зарей; сзади, со снѣжныхъ скалъ, низвеграется водопадъ. Внизу латинская подпись, сочиненная самимъ живописцемъ:

*Justicia in scopulo, rutilo mens delphica in ortu
Fingitur, in alba corque fidesque nive.*

Три стеклянные двери вели изъ гостиной на широкую полукруглую лѣстницу, по которой спускались въ садъ, раскинутый позади всего дома. Онъ украшенъ былъ лишь недавно — на деньги, вырученныя отъ продажи «Анакреонтическихъ пѣсенъ».

Въ верхнемъ этажѣ сохранился отъ прежнихъ временъ серпанный диванчикъ, гдѣ нѣкогда тѣнь Плѣниры явилась Державину, гдѣ и понынѣ стоялъ ея бюстъ, рядомъ съ бюстомъ Державина. Справа къ диванчику примыкала гостиная, слѣва столовая, тоже въ томъ видѣ, какъ при Екатеринѣ Яковлевнѣ. Далѣе шли: буфетная, кафешенкская, дѣвичья. Еще въ средней части верхняго этажа помѣщались: биллиардная (какъ разъ надъ нижнею аванзалой), спальня, маленькій Дашинъ кабинетъ и кабинетъ Державина — съ венецианскимъ окномъ, приходившимся въ серединѣ фасада, прямо противъ воротъ. Посреди кабинета стоялъ большой письменный столъ, въ сторонѣ — конторка, за которою Державинъ большею частию и работалъ. У стѣны высился диванъ, гораздо выше и шире обыкновенныхъ, со ступеньками отъ полу, съ полкою наверху и съ двумя шкапиками отъ бокамъ. Въ шкапикахъ были ящики для храненія рукописей. На диванѣ валялась аспидная доска съ привязаннымъ грифелемъ. Порою Державинъ ей пользовался, набрасывая стихи.

Верхній этажъ праваго крыла былъ занятъ вторыми свѣтами залы и театра. За ними шли комнаты для прислуги. Камердинеръ Кондратій жилъ здѣсь. Изъ кабинетика Даши полукруглый корридоръ велъ въ верхній этажъ бокового флигеля, въ комнаты доктора, управляющаго, секретаря Аврамова и въ квартиры родственниковъ. Населеніе этихъ квартиръ все время мѣнялось. Въ разные годы тутъ жили Бакунины, Ниловы, Львовы, Дьяковы, Ярцовы. Отсюда выходили замужъ, женились, разлетались по свѣту и вновь сюда возвращались. Здѣсь всегда было шумно и весело. Шумъ и веселье заносились и въ большой домъ.

Содержаніе такого громоздкаго хозяйства обходилось не дешево. Державины тратили въ годъ тысячь до семи-

десяти, которыя Даша умѣла выколотить изъ имѣній. Но Державину былъ по душѣ усадебный укладъ жизни, который и въ Петербургѣ напоминалъ ему Званку. Зимой члѣто онъ вставалъ часовъ въ пять или въ шесть утра. По утрамъ пилъ чай (кофею не любилъ), часа въ два обѣдалъ, а въ десять ужиналъ. Его здоровье портилось. На людяхъ онъ держался бодро, даже нѣсколько суетливо, увлекался въ бесѣдахъ до чрезвычайности, но возбужденіе проходило — и Дашѣ съ докторомъ наступалъ чередъ дѣйствовать. Онъ нерѣдко прихварывалъ — животомъ въ особенности. По прежнему любилъ поѣсть, но послѣ плотныхъ обѣдовъ случались припадки, во время которыхъ онъ жаловался на одышку, раскаивался, давалъ зарокъ быть впередъ воздержнѣй.

Выѣзжалъ онъ не слишкомъ много, являясь на публикѣ въ парикѣ съ мѣшкомъ, въ коричневомъ фракѣ при короткихъ панталонахъ и гусарскихъ сапожкахъ, надъ которыми были видны чулки. При случаѣ онъ игралъ въ карты, но ужъ безъ прежняго увлеченія и безъ прежней удачи; тысячи полторы въ годъ полагалось отъ Даши на проигрышъ. Но вечера, провождаемые дома, въ диванчикѣ, нравились ему все болѣе. Даша играла на арфѣ, племянницы пѣли. Бѣлый пудель Милордъ, потомокъ Фелицына пуделя, погребеннаго въ царскосельскомъ паркѣ подъ пирамидою, иногда не выдерживалъ — подвывалъ, задрывая голову. Тише пуделя вель себя котъ, которому, слушаая музыку, Державинъ тихонько чесалъ усы. Тѣмъ временемъ кто-нибудь изъ дѣвочекъ почесывалъ за ухомъ самому мурзѣ, и мурза, наконецъ, дремалъ.

Разъ въ недѣлю сзывались гости къ обѣду, который по этому случаю начинался часа въ четыре, затягивался до вечера и кончался концертомъ. Вообще музыка въ домѣ не переводилась. Державинъ больше всего любилъ Баха. Заслушавшись, иногда онъ вскакивалъ и ходилъ по комнатѣ; потомъ шага его ускорялись, онъ размахивалъ руками и исчезалъ въ кабинетъ. Тогда ждали новыхъ стиховъ. Послѣ концерта молодежь затѣвала танцы до самой полуночи, а то и позже. Державинъ не долго на нихъ любовался: если не было слишкомъ важныхъ гостей, Дарья

Алексѣевна часовъ въ одиннадцать уводила его навѣрхъ, укладывала въ постель, а сама возвращалась къ танцующимъ.

**
*

Война Петербурга съ Москвой разгоралась медленно. Москва какъ будто не принимала славянороссовъ всерьезъ. Карамзинъ по прежнему не снисходилъ до боя съ Шишковымъ, предоставляя мелкимъ своимъ партизанамъ пострѣливать эпиграммами. Главнымъ застрѣльщикомъ оказался нѣкто Василій Львовичъ Пушкинъ, пухленькій чело-вѣчекъ на жидкихъ ножкахъ, балагуръ, пустоватый авторъ, вовсе не молодой, но донельзя преданный всему молодому. Надъ нимъ трунили въ собственномъ лагерѣ. Пожалуй, всего обиднѣе для шишковистовъ было то, что противъ нихъ выпустили именно Пушкина.

Субботнія собранія литераторовъ продолжались уже четвертую зиму — все такія же скучноватыя. Осенью 1810 года явилась мысль сдѣлать ихъ публичными (все равно не одни литераторы въ нихъ бывали). Шишкову это понравилось. Онъ надѣялся, что публичныя собранія помогутъ распространиться его идеѣ. Въ сущности, его цѣли всегда были общественныя, а не литературныя. При посредствѣ литературы онъ только хотѣлъ укрѣпить въ публикѣ чувства патріотическія. Поелику же сама литература его не слушалась, онъ былъ не прочь начать съ другого конца: черезъ общество воздѣйствовать на литературу. (Можетъ быть, для того, чтобы затѣмъ опять же воздѣйствовать на общество черезъ литературу: онъ самъ какъ-то не могъ разобраться, что чему должно здѣсь предшествовать).

Державинъ увлекся не менѣе, чѣмъ Шишковъ. Конечно, искалъ онъ не славы. Слава у него была — полная, прочная, не поколебленная ни отставкой, ни сплетнями, ни злобной холодностью Александра, ни даже обиліемъ враговъ при дворѣ. Отъ сосѣдства съ Шишковымъ она скорѣе могла пострадать — по крайней мѣрѣ въ глазахъ нѣкоторыхъ литераторовъ. Но Державинъ зналъ, что въ конечномъ счетѣ его не смѣшаютъ съ Шишковымъ, кото-

раго, впрочемъ, онъ уважалъ, какъ человѣка и патриота. Затѣя прельщала его потому, что оживленіе субботъ могло бы способствовать оживленію словесности. Можно было даже разсчитывать, вопреки разсчетамъ Шишкова, что появленіе новыхъ людей ослабитъ засиліе славянороссовъ. Наконецъ, манила Державина и сама новизна публичныхъ собраній, ихъ болѣе пышный обрядъ, блескъ, шумъ. Ему нетерпѣлось. Онъ тотчасъ пожертвовалъ для бібліотеки будущаго общества на три съ половиною тысячи книгъ, объявилъ, что предоставляетъ залу свою для собраній, и вообще взялъ на себя всѣ расходы.

Въ декабрѣ начали обсуждать уставъ общества. Рѣшено устраивать собранія разъ въ мѣсяць и къ участию въ чтеніяхъ допускать постороннихъ лицъ, не иначе однако же, какъ разсмотрѣвъ предварительно ихъ произведенія. Для удобства въ соблюденіи очередей и внутренняго распорядка, весь составъ членовъ былъ разбитъ на четыре разряда, съ предсѣдателемъ и пятью членами въ каждомъ. Эти двадцать четыре члена-учредителя должны были составить основное ядро общества. Помимо нихъ каждый разрядъ избиралъ сотрудниковъ изъ литературной молодежи.

Вопросъ о томъ, кому быть членомъ, а кому только сотрудникомъ, въ иныхъ случаяхъ рѣшить было не легко. Считается пришлось не только съ литературными заслугами, но и со служебнымъ положеніемъ, и даже съ происхожденіемъ. А какъ возрастомъ, титулами и чинами шишковисты въ общемъ превосходили прочихъ, то и обрзовался на ихъ сторонѣ перевѣсъ. Нашлись и обиженные. Гнѣдичу (кажется, не безъ уловки со стороны Шишкова) предложили быть всего лишь сотрудникомъ. Въ отвѣтъ на это прислалъ онъ письмо Державину, объявляя, что согласенъ вступить въ общество только подъ именемъ члена, но не сотрудника: «если жъ на это или не дадутъ согласія г. г. Члены, или не буду я въ правѣ по моему чину; то въ обоихъ случаяхъ мнѣ ничего не остается, кромѣ заслуживать еще и лучшее о себѣ мнѣніе и большій чинъ».

Въ первомъ разрядѣ, подъ предсѣдательствомъ Шишкова, членами оказались: Оленинъ, Кикинъ, Крыловъ, Ших-

матовъ и кн. Дмитрій Петровичъ Горчаковъ, сатирикъ и ловкій авторъ весьма нецензурныхъ стихотвореній. Во второмъ разрядѣ предсѣдателемъ былъ Державинъ, а членами гр. Хвостовъ, умный и просвѣщенный Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, Лабзинъ (масонъ, исторіографъ Мальтійскаго ордена), поэтъ Дмитрій Осиповичъ Барановъ (сенаторъ) и Ѳедоръ Львовъ, тоже поэтъ, пріятель Державина. Въ третьемъ разрядѣ (подъ предсѣдательствомъ А. С. Хвостова) сколько-нибудь выдѣлялся одинъ Шаховской, если не считать Петра Ивановича Солодова; то былъ непремѣнный секретарь Россійской Академіи, человекъ великаго трудолюбія и скромнѣйшихъ намѣреній; его мечты не шли дальше эпистолярнаго и дѣлового слога. «Вся эта поэзія, говаривалъ онъ, всѣ эти трагедіи и поэмы одна только роскошь въ литературѣ; а намъ не до роскоши». Четвертый разрядъ, гдѣ предсѣдательствовалъ неизбѣжный и безнадежный Захаровъ, сплошь состоялъ изъ людей, еще менѣ примѣчательныхъ.

Безцвѣтные сотрудники дополняли этотъ безцвѣтный списокъ, въ которомъ чувствовалась рука Шишкова. Такъ и должно было выйти при упорствѣ Александра Семеновича и критическомъ благодушіи Державина. Впрочемъ, при литературной бѣдности тогдашняго Петербурга, шишковскому натиску некого было противопоставить.

Списокъ почетныхъ членовъ открывался болѣе блестящими именами Капниста, Озерова, молодого драматурга, уже загубленнаго завистію и безуміемъ, и наконецъ — Карамзина. Всѣ трое, къ несчастію, значились лишь по имени: Озеровъ былъ безнадежно боленъ, а Карамзинъ и Капнистъ не жили въ Петербургѣ.

Избраніе Карамзина было большою, но едва ли не единственною побѣдой Державина. Однако, Шишковъ тутъ же и отыгрался: въ почетные члены провелъ онъ цѣлую плеяду державинскихъ недруговъ изъ числа вельможъ: Строгонова, Ростопчина, Козодавлева и даже Сперанскаго и Магницкаго. Послѣдніе два были такъ же непріятны самому Шишкову, какъ и Державину. Но Сперанскій былъ въ силѣ — Шишковъ не осмѣлился обойти его. Магницкій шелъ за Сперанскимъ, какъ за иголкой нитка.

Еще четыре лица попали въ число почетныхъ литераторовъ. Прежде всего, должно быть за принадлежность къ прекрасному полу, — три дѣвицы: княжна Урусова, та, которую тридцать три года тому назадъ сватали за Державина, Анна Петровна Бунина, болѣзненная особа лѣтъ тридцати шести, довольно безталанная стихотворица, и нѣкая Анна Волкова, немного моложе Буниной, но писавшая еще хуже. Четвертымъ былъ Николевъ, пятидесятидвулѣтній поэтъ. За слѣпоту звали его русскимъ Мильтономъ, а также *l'aveugle clairvoyant* (по выраженію императора Павла, который съ чего-то ему покровительствовалъ). Мелкіе чиновники долго еще зачитывались его стишками; двадцать пять лѣтъ спустя, титулярный совѣтникъ Аксентій Ивановичъ Поприщинъ въ любопытныхъ запискахъ своихъ восхищался сердцепипательнымъ четверостишіемъ Николева:

Душеньки часокъ не видя,
Думаль, вѣкъ ужъ не видалъ;
Жизнь мою возненавидя,
Льзя ли жить мнѣ? — я сказалъ.

**
*

2 января 1811 г. уязвленный Гнѣдичъ, поздравляя Капниста съ новымъ годомъ, писалъ ему: «У насъ заводится названное съ начала Ликей, потомъ Аѳиней, и наконецъ Бесѣда — или общество любителей Россійской словесности. Это старая Россійская Академія, переходящая въ новое строеніе; оно есть истинно прекрасная зала, выстроенная Гавриломъ Ром. при домѣ. Уже купленъ имъ и органъ и поставленъ на хорахъ уже и стулья разставлены гдѣ кому сидѣть, и для васъ есть стулъ; только вы не будете съ начала понимать языка г. г. Членовъ. Чтобы въ случаѣ приѣзда вашего и посѣщенія Бесѣды не прійти вамъ въ конфузю, предувѣдомляю васъ, что слово проза называется у нихъ: г о в о р ь, Билеть з н а ч о к ъ, Номеръ ч и с л о, Швейцаръ — в ѣ с т н и к ъ; другихъ словъ еще не вытвердилъ, ибо и самъ новичокъ. Въ залѣ Бесѣды будутъ пуб-

личные чтенія, гдѣ будутъ совокупляться знатныя особы обоого пола — подлинное выраженіе одной статьи Устава Бесѣды»...

Наконецъ, уставъ былъ утверждёнъ, новорожденному обществу объявлено высочайшее благоволеніе за «полезное намѣреніе», и 14 марта состоялось первое собраніе Бесѣды. Изъ аванзалы, отдѣленной колоннами желтаго мрамора, гости вступали въ высокую, освѣщенную ярко залу. Столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, стоялъ посрединѣ, окруженный креслами членовъ. Кресла поменьше, для публики, разставлены были вдоль стѣнъ уступами. Ждали государя, Державинъ даже сочинилъ пріветственный хоръ (самъ Бортнянскій его положилъ на музыку) — но государь не пріѣхалъ.

Билеты заранее были разосланы. Съѣхалось до двухсотъ человекъ — мужчины въ мундирахъ, при лентахъ и орденахъ, дамы же въ бальныхъ платьяхъ. Явился цвѣтъ сановнаго Петербурга. Шишковъ къ нему обратился съ рѣчью. «Какимъ средствомъ можетъ процвѣтать и возвышаться словесность?» спрашивалъ онъ. И отвѣчалъ: «Единственнымъ: когда всѣ вообще люди любятъ свой языкъ, говорятъ имъ, читаютъ на немъ книги; тогда только рождается въ писателяхъ ревность посвящать жизнь свою трудамъ и ученію». Словомъ, онъ призывалъ общество воодушевить словесниковъ.

Сама по себѣ эта рѣчь не была, конечно, причиной литературнаго окостенѣнія, которое охватило Бесѣду тотчасъ и навсегда. Но главная причина окостенѣнія какъ разъ въ этой рѣчи выразилась. Справедливо, что безъ сочувствія публики нѣтъ словесности. Но это сочувствіе — отнюдь не единственное и даже не первое условіе литературнаго процвѣтанія. Литература одушевляется прежде всего идеями литературными, которыя въ ней самой должны зарождаться. У Шишкова были идеи политическія, общественныя и даже филологическія, литературныхъ же не было. Нападки на карамзинское направленіе, въ общественномъ смыслѣ вовсе не основательныя, филологически — пусть даже отчасти справедливыя, не возмѣщали отсутствія положительныхъ литературныхъ стремленій. Людямъ, имѣющимъ такія стремленія, возлѣ Шишкова было бы не-

чего дѣлать. Бесѣда оказалась такъ же мертва, какъ субботнія собранія, изъ которыхъ она возникла. Какъ на субботяхъ (безъ публики), такъ и въ Бесѣдѣ (при публикѣ) могли засѣдать либо люди, никогда не имѣвшіе собственныхъ литературныхъ идей, либо же люди, идеи которыхъ уже были осуществлены въ свое время. Такихъ оказалось въ Бесѣдѣ трое. Во-первыхъ — Державинъ. Во-вторыхъ — Дмитріевъ; назначенный министромъ юстиціи и жившій въ Петербургѣ уже больше года, онъ состоялъ однимъ изъ четырехъ попечителей четырехъ бесѣдныхъ разрядовъ; прямого участія въ дѣлахъ эти попечители не принимали — ихъ званіе было только почетное; всѣ четверо (Завадовскій, Мордвиновъ, Разумовскій и Дмитріевъ) были министры — въ настоящемъ или въ прошломъ; Дмитріевъ попалъ въ попечители именно въ качествѣ министра, а не поэта: таковъ былъ духъ Бесѣды. Третьимъ, наконецъ, былъ Крыловъ — талантъ огромный и лишь недавно сказавшійся; но и онъ не былъ движущею литературной силой, ибо ему было суждено лишь блестящее завершеніе давней басенной традиціи: она съ нимъ и умерла.

Не то въ публицистикѣ. Тильзитская политика Александра, многими осуждаемая, доживала послѣдніе дни. Уже съ весны 1811 года отношенія между Парижемъ и Петербургомъ стали весьма натянуты; осенью сдѣлалось болѣе или менѣе очевидно, что война вспыхнетъ. Поведеніе раздраженнаго Бонапарта было вызывающе; русское общество чувствовало себя оскорбленнымъ. Тогда-то шишковская ненависть къ Франціи дождалась своего часа и торжества. Хоть и побаиваясь «безъ воли правительства возбуждать гордость народную», Шишковъ однако рѣшился: онъ прочиталъ въ Бесѣдѣ «Разсужденіе о любви къ отечеству». Впечатлѣніе было разительное. Мертвымъ собраніямъ сообщилось одушевленіе, котораго не могла въ нихъ вызвать славяноросская литература. Бесѣда сдѣлалась первою вѣстницей, а на время и средоточіемъ патрістическаго подъема.

Двѣнадцатый годъ насталъ. Но прежде, чѣмъ началась война, должно было совершиться паденіе Сперанскаго. 17 марта оно совершилось, и вскорѣ Шишковъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ. Конечно, самый

объемъ его мыслей былъ вовсе не тотъ, что былъ у Сперанскаго. Но именно за этотъ объемъ палъ Сперанскій. Шишковъ былъ призванъ не замѣнить его, но лишь занять его должность.

Въ должности этой, какъ составитель рескриптовъ и манифестовъ, старикъ оказался вдругъ даже величественъ. Его первой работой былъ первый манифестъ о рекрутскомъ наборѣ. Его писанія, порой неуклюжія, неотесанныя, порой даже опрометчивыя, почти какъ стихи Хвостова, были исполнены странной силы. «Они дѣйствовали электрически на цѣлую Русь», Шишковъ «двигалъ духомъ Россіи». Иныя слова его сдѣлались лозунгами Отечественной войны и остались памятниками ея. Ихъ повторяли тогда и еще сто лѣтъ послѣ, уже не зная, кѣмъ они были сказаны. Это и есть народная слава.

**
*

Межъ тѣмъ, какъ Россія вступала въ полосу бурь и всѣ ея помыслы были устремлены въ будущее, мысль Державина обращалась къ прошлому. Осенью 1811 года онъ приступилъ къ писанію своей біографіи. Замысловатымъ, съ обильными завитушками почеркомъ, почеркомъ восемнадцатаго столѣтія, слегка дрожащей уже рукой, онъ вывелъ на первомъ листѣ тетради: «Записки изъ извѣстныхъ всѣмъ происшествіевъ и подлинныхъ дѣлъ, заключающія въ себѣ жизнь Гаврилы Романовича Державина».

Объясненія, диктованныя Лизѣ Львовой, уже содержали немало воспоминаній. То были однако жъ воспоминанія отрывочныя, въ составѣ своемъ ограниченныя (ибо такъ иль иначе связанныя съ поэзіей), подчиненныя не хронологіи, но порядку стихотвореній и потому разрозненныя. Записки Державинъ повелъ въ формѣ повѣствованія связнаго, плавнаго и послѣдовательнаго. Онъ началъ съ поры своего младенчества, но его главною цѣлью былъ рассказъ о гражданской дѣятельности на разныхъ поприщахъ.

Лиза Львова съ годъ тому назадъ вышла замужъ. Диктовать теперь было некому, да это вышло бы и громоздко. Чтобы не замедлять работы, Державинъ писалъ, по-

ложившись на память, не обращаясь за справками къ своему архиву и только изрѣдка прибѣгая къ помощи Аврамова. Впрочемъ, нашелся у него родъ дневника, веденнаго во времена пугачевщины; этотъ дневникъ онъ просто подшилъ въ надлежащемъ мѣстѣ. Обдумавъ напередъ фразу, онъ заносилъ ее на бумагу и дѣлалъ не слишкомъ много помарокъ. Отъ этого своевольный и грубый слогъ его сталъ еще своевольнѣе и грубѣе. Порою фраза давалась ему съ трудомъ, и самый смыслъ затемнялся. Но Державинъ спѣшилъ, быть можетъ намѣреваясь исправить слогъ въ будущемъ, а вѣроятнѣе — не замѣчая его недостатковъ. Иныя мѣста Записокъ силой и мѣткостью удивительны: въ иныхъ не сразу добьешься толку.

Свои Объясненія Державинъ намѣренъ былъ напечатать вскорѣ (хотя цензура, конечно, не пропустила бы въ нихъ очень многого). Записки писалъ онъ для будущаго. Передъ лицомъ потомства онъ хотѣлъ быть правдивымъ, и въ отношеніи внѣшней стороны событій это ему удавалось. Но если онъ надѣялся сохранить безпристрастіе въ ихъ внутреннемъ изъясненіи, то это не удалось ему вовсе.

«Бывшій статсъ-секретарь при Императрицѣ Екатерины Второй, сенаторъ и коммерцъ-колегіи президентъ, потомъ при Императорѣ Павлѣ членъ верховнаго совѣта и государственный казначей, а при Императорѣ Александрѣ министръ юстиціи, дѣйствительный тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, Гавріилъ Романовичъ Державинъ родился въ Казани отъ благородныхъ родителей, въ 1743 году іюля 3 числа... Подобно Цезарю, Державинъ писалъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Этотъ эпическій приемъ довольно долго способствовалъ спокойной важности изложенія. Впрочемъ, была и другая причина, по которой дѣйствительный тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ спокойно, даже и съ удовольствіемъ вспоминалъ страданія, униженія, бѣдность, нѣкогда выпавшія на долю казанскаго гимназиста, а затѣмъ преображенскаго солдата. Всю жизнь онъ гордился тѣмъ, что дошелъ до высокихъ степеней «изъ ничтожества». Чѣмъ ничтожество выходило очевиднѣе, тѣмъ контрастъ получался рѣзче. Исторію своего шулерства Державинъ изложилъ безжалостно и подробно. Онъ въ сущности былъ благодаренъ лю-

дямъ и обстоятельствамъ, доведшимъ бѣднаго, неопытнаго молодого человѣка до такого паденія.

Вообще, несправедливости и обиды, наносимыя ему лично, онъ прощалъ и въ Запискахъ такъ же легко, какъ въ жизни, оттого что былъ очень добръ и очень самолюбивъ. Его обманывали, обкрадывали, на него клеветали, — онъ не помнилъ зла, дѣлалъ нерѣдко видъ, что не замѣчаетъ его, и ни разу въ жизни не отомстилъ никому. Но препонъ, поставленныхъ его дѣятельности служебной иль государственной, но обидъ, наносимыхъ въ его лицѣ возлюбленному Закону, онъ не прощалъ и прощать не считалъ себя въ правѣ. Первые столкновенія такого рода произошли у него во время пугачевщины. Начиная съ обороны Саратова, онъ и въ Запискахъ сталъ увлекаться изображеніемъ борьбы, въ которой позже прошла его жизнь. Такъ какъ по существу онъ отстаивалъ дѣло правое, то и въ Запискахъ, какъ въ жизни, пришелъ къ увѣренности въ неизмѣнной и постоянной своей правотѣ. Такъ какъ причина столкновенія всегда лежала не въ немъ, то онъ и вообразилъ себя въ жизни и представилъ въ Запискахъ чрезвычайно миролюбивымъ, хотя на самомъ дѣлѣ случилось ему открывать гражданскія дѣйствія и затѣмъ идти уже напроломъ. Единственнымъ недостаткомъ своимъ признавалъ онъ горячность, но въ глубинѣ души почиталъ и ее достоинствомъ и относился къ ней съ любовной, какъ бы отеческой мягкостью. При такихъ обстоятельствахъ эпическій ладъ Записокъ довольно скоро пересталъ отвѣчать ихъ внутреннему лиризму.

Настала весна 1812 года. Въ предстоящей войнѣ никто ужъ не сомнѣвался. 9 апрѣля, взявъ съ собой Шишкова, государь выѣхалъ въ Вильну. Державинъ лишь краемъ уха прислушивался къ надвигающейся грозѣ. Онъ погруженъ былъ въ свои Записки — воевалъ съ Вяземскимъ, съ Тутолминымъ, съ Гудовичемъ. Перебрался на Званку — и тамъ продолжалъ писаніе. Бонапартъ перешелъ черезъ Нѣманъ и вторгся въ предѣлы Россіи — Державинъ былъ занятъ Екатериной.

Всю тщетность своей многолѣтней борьбы онъ позналъ глубоко, но знанія этого не принялъ. Обернись время вспять, начнись завтра все сызнова, старикъ дѣйствовалъ

бы во всемъ точно такъ же, какъ дѣйствовалъ въ молодости. Попрежнему былъ бы онъ рѣзокъ и неуступчивъ, попрежнему отвергалъ бы возможное ради должнаго, былъ бы готовъ сломиться, но не согнуться и съ гордостью повторилъ бы жизненные свои ошибки — всѣ какъ одну, съ первой и до послѣдней.

Не принявъ житейскаго опыта для себя, онъ не принялъ его и для Екатерины. Составительница Наказа знала, какова должна быть Фелица, идеальная монархиня, — слѣдовательно и должна была стать ею, хотя бы не только люди, но и самыя небеса были противъ. Если не стала — ея вина. Правда, за послѣдніе годы Державинъ много думалъ о ней и пришелъ къ выводу, что въ ея обстоятельствахъ ничего не оставалось, какъ или погибнуть, или стать такой, какою она была. Разсудивъ такъ, онъ по челоуѣчеству, снисходя къ слабости челоуѣческой, даже простилъ ее, но это прощеніе ощущалъ въ себѣ тоже, какъ слабость и какъ уступку. Передъ лицомъ же священной справедливости онъ считалъ, что «сія мудрая и сильная Государыня въ сужденіи строгаго потомства не удержитъ на вѣчность имя Великой». Таково было его послѣднее заключеніе.

Между тѣмъ, событія шли своимъ чередомъ. 7 іюля рускія войска стали отходить изъ укрѣпленнаго лагеря на Дриссѣ. Покинувъ армію, государь явился въ Москвѣ. Въ Успенскомъ соборѣ, осажденномъ народными толпами, разъ ликующими и плачущими отъ всеобщаго воспламененія чувствъ и сердецъ, епископъ Антонинъ привѣтствовалъ Александра достопамятными словами: «Царю! Господь съ тобою: Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бури, и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны потопныя. — Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!».

Но армія отступала. Простодушный Захаровъ, препровождая въ подарокъ третье, вновь исправленное изданіе своего застарѣлаго «Телемака», надъ которымъ трудился болѣе тридцати лѣтъ, сообщалъ о растерянности властей и тревогѣ жителей: «Вся Россія наканунѣ всеобщаго трюра. У кого сынъ, у кого братъ, у кого мужъ: всѣ подъ опасностію смерти — но важнѣй и того — въ опасности

повергнуться въ рабство. — Боже! Спаси!» По дѣламъ рекрутскаго набора Державинъ ѣздилъ во Псковъ, гдѣ «наѣхалъ довольно суматохи отъ близкаго военнаго театра», потомъ въ Новгородъ, уже охваченный паникой. Военные бюллетени и извѣстія «Сѣверной Почты» не вселяли бодрости. Насталъ августъ мѣсяць. Многіе жители покидали Петербургъ, вывозя имущество. Державинъ по этому поводу получилъ письмо отъ Леонида Львова, брата Лизы, Параши и Вѣры, и отвѣчалъ ему: «По неприятому отъ васъ полученному извѣстію ежели обстоятельство такъ же дурны, какъ вы пишете, и прочіе укладываются, то должно согласиться съ давшими вамъ совѣтъ, чтобъ и намъ что-либо спасти, коли можно. И для того мы пришлемъ къ вамъ съ лошадьми фуры, на коихъ и привезть къ намъ сюды: 1) два сундука, которые въ кабинетѣ моемъ, покрытые коверными чахлами; 2) сундучокъ плоскій, который подъ моимъ бюрою съ бумагами; 3) сундукъ въ новомъ кабинетѣ Дарьи Алексѣевны, покрытый красною кожею; 4) большой сундукъ въ Онисьиной комнатѣ; 5) Другія вещи, какъ то: трое бронзовыхъ часовъ въ нижнихъ комнатахъ, мраморные въ кабинетѣ Дарьи Алексѣевны, рѣзную серебряную филиейную фигуру, которая стоитъ въ нижнихъ комнатахъ, буфетное серебро сложить въ одинъ ящикъ и отправить сюды. 7) Прикажите Павлу, чтобъ положилъ также въ одинъ сундукъ всѣ штофные занавѣсы и отправьте сюды же; за прочими же вещами, какъ то: за столовыми люстрами и мебелими, когда обстоятельства позволятъ, пришлемъ еще лошадей, или ранжируемъ другимъ образомъ. Мы пришлемъ также Евстафья Михайловича для разобранія моихъ бумагъ, изъ которыхъ по данной ему запискѣ онъ возьметъ сюды. Впрочемъ, ежели слухи и обстоятельства перемѣнились, дай Боже, къ лучшему, что спокойнѣе въ городѣ стало и перестали суетиться къ отправленію вещей, то и вамъ поостановиться, кажется, должно, — и насъ увѣдомить... Теперь явно видно, что Барклай не честный человѣкъ и невѣрный или глупый вождь, что впустилъ столь далеко врага внутрь Россіи, дасть укрѣпляться въ Могилевѣ, Витебскѣ, Бабиновичахъ, въ Оршѣ и далѣе, не дѣйствуетъ и не сражается».

Это письмо Державинъ писалъ 12 августа, еще не зная

ни о потерѣ Смоленска, ни о томъ, что какъ разъ наканунѣ новый главнокомандующій Кутузовъ выѣхалъ изъ Петербурга къ арміи.

Второй, трагическій періодъ Отечественной войны начался. Въ тяжелые дни Бородина (гдѣ полковникъ Преображенскаго полка Воейковъ, женихъ Вѣры Львовой, командовалъ бригадой, защищавшей Шевардино), въ дни отступленія на Москву, Державинъ вернулся къ Запискамъ. Теперь онъ рассказывалъ о душевныхъ ранахъ, еще не зажившихъ — о временахъ Павла и Александра, о людяхъ, которые «привели государство въ такое бѣдственное состояніе, въ которомъ оно нынѣ, то есть въ 1812 году, находится». Ни высокаго гнѣва, ни простой злобы сдержать онъ уже не могъ. Припомнилъ все, дѣйствительно бывшее — и даже не вполне бывшее. То, что онъ только подозрѣвалъ, о чемъ только слышалъ, теперь казалось ему непреложной истиной. Екатеринѣ и ея сподвижникамъ онъ былъ готовъ простить многое — было за что. Нынѣшнимъ онъ не только не прощалъ ничего, но даже и справедливости ихъ не удостоивалъ. Однимъ преступленіемъ больше, однимъ меньше — не все ли равно, стоитъ ли проверять? Врядъ ли онъ, напримѣръ, вѣрилъ самъ, что Сперанскій былъ взяточникъ, — однако же написалъ и это. Желчь въ немъ разлилась. Забывая эпическій слогъ, онъ все чаще сбивался съ третьяго лица на первое и почти съ наслажденіемъ перечислялъ подвохи, подкопы, шиканы, поставленные его дѣятельности, и обиды, нанесенныя ему лично. Не вытерпѣвъ, онъ составилъ особый реестръ пятнадцати главнымъ своимъ заслугамъ, «за которыя имѣлъ бы право быть вознагражденнымъ, но напротивъ того терпѣлъ разныя несправедливости и гоненія».

Онъ писалъ и на Званкѣ, и позже, осенью, переѣхавши въ Петербургъ. Здѣсь каждое утро приходилъ къ нему Платонъ Зубовъ. Наклонясь надъ большою картой, слѣдили они движеніе непріятеля и страдали вмѣстѣ, и растравляли другъ другу сердечныя раны, и распаляли другъ въ другъ злобу. Онъ писалъ и въ тѣ дни, когда горѣла Москва, и казалось — Россія гибла. Горе и страхъ терзали его, изливаясь въ Запискахъ яростью. Отпылала Москва; супостатъ, «таинственныхъ числъ Звѣрь», бѣжалъ

изъ нея, оставляя кровавый слѣдъ на раннемъ снѣгу чудотворной зимы; съ каждымъ днемъ приходили вѣсти о нашихъ побѣдахъ надъ его разстроенными полками; молодой стихотворецъ Жуковскій (тогъ самый, что въ дѣтствѣ присутствовалъ на потемкинскомъ праздникѣ), на время оставивъ задумчивыя элегіи и романтическія баллады о мертвецахъ, въ лагерѣ при Тарутинѣ написалъ «Кубокъ воина», иначе — «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», патриотическую пѣснь, которую всѣ теперь повторяли. Русская слава воскресала въ побѣдахъ. Жуковскій взывалъ къ Державину:

О старецъ! да услышимъ твой
Днесь голосъ лебединый —

но Державинъ дописывалъ самыя желчныя страницы своихъ Записокъ. Когда надежды брезжили надъ Россіей, его удѣломъ были воспоминанія. Передъ Россіей открывалась новая эпоха — онъ выводилъ на послѣдней, 564-й страницѣ рукописи: «Сіе кончается 1812 годомъ».

Судьба Бонапарта была имъ предсказана совершенно точно четырнадцать лѣтъ тому назадъ въ пророчески-косноязычныхъ стихахъ:

Кто вѣсть, что галльскій витязь, Риму
Словами только вольность давъ,
Надѣтъ боялся діадиму;
Но что, гордыней обуявъ,
Еще на шагъ рѣшится смѣлый
И какъ Сампсонъ, столпы дебелы
Сломивъ, падетъ подъ ними самъ?

Теперь, когда судьба эта совершилась, Державинъ среди всеобщаго ликованія оставался почти равнодушенъ, какъ если бъ и нынѣшнее торжество было имъ пережито уже въ прошломъ. Онъ написалъ пространный, тяжелый, пышный «Гимнъ лиро-эпическій на прогнаніе Французовъ», но паренія прежняго въ немъ уже не было. Всѣ сердца были окрылены — на душѣ Державина лежалъ камень.

Тайкомъ отъ людей, для себя самого, на какомъ-то черновикѣ, сбоку, набросаль онъ четверостишіе:

Тебѣ въ наслѣдіе, Жуковскій,
Я ветху лиру отдаю;
А я надъ бездной гроба скользкой
Ужъ преклоня чело стою.

**
*

А все-таки было что-то необычайно прекрасное въ русской веснѣ 1813 года — что-то похожее на начало выздоровленія или на утро послѣ грозы. Ея теплое дуновеніе коснулось и дома Державиныхъ. Справили свадьбу Вѣры съ Воейковымъ, перебрались на Званку и стали готовиться къ пріятному путешествію.

Тому назадъ почти уже годъ пришло письмо отъ Капниста: «Любезный другъ, Гаврила Романовичъ! Я увѣренъ, что мы другъ друга любимъ: зачѣмъ же слышкомъ долго представлять противныя сердечнымъ чувствамъ роли? — Вы стары; я весьма старѣюсь; не пора ли кончить, такъ какъ начали? — У меня мало столь истинно любимыхъ друзей, какъ вы: есть ли у васъ хоть одинъ, такъ прямо васъ любящій, какъ я? — По совѣсти скажу: сумнѣваюсь: — въ столицѣ есть много, — но столичныхъ же друзей. — Не лучше ли опять присвоить одного, не престававшаго любить васъ чистосердечно? — Если я былъ въ чемъ ни будь виноватъ передъ вами, то прошу прощенія. — Всякъ челоуѣкъ есть ложь: я могъ погрѣшнить, только не противъ дружества: оно было, есть и будетъ истинною стихіею моего сердца; оно заставляетъ меня къ примиренію нашему здѣлать еще новый — и не первый шагъ. — Обнимемъ мысленно другъ друга, и позабудемъ все прошлое, кромѣ чувства, болѣе тридцати лѣтъ соединявшаго наши души. — Да соединитъ оно ихъ опять, прежде чѣмъ заорется въ землю!..»

По полученіи письма рѣшено было помириться и озаменовать миръ поѣздкою въ Малороссію, — если только, Богъ дастъ, все будетъ къ хорошему концу. Дарья Алек-

сѣвна кстати тогда же дала обѣтъ въ случаѣ благопріятнаго окончанія войны сѣздить въ Кіевъ на богомолье. Все, такимъ образомъ, складывалось одно къ одному, и 15 іюня, взявъ съ собой доктора и Парашу Львову, Державины выѣхали со Званки. Двигались медленно и только 24 числа прибыли въ Москву. Бѣлокаменную застали въ прискорбномъ видѣ. Проворный Василій Львовичъ Пушкинъ, какъ любитель сенсацій, тотчасъ сдѣлался при Державинѣ чичерономъ. Нѣкогда, воротясь изъ Парижа, усердно показывалъ онъ друзьямъ привезенные жилеты и фраки и давалъ дамамъ обнюхивать свою голову, умасненную модной помадой; съ тою же пріятностью показалъ онъ Державину разоренный Кремль и Голицынскую больницу. Изъ Москвы тронулись дальше — на Мценскъ и Орель. Здѣсь, въ домѣ знакомаго помѣщика, отпраздновали день рожденія Гаврилы Романовича. Путешествіе совершалось все такъ же медленно. На остановкахъ являлись къ Державину то почитатели таланта его, то чиновники въ полной формѣ, воображавшіе, что онъ ѣдетъ не иначе, какъ въ качествѣ тайнаго ревизора. Наконецъ, добрались до Обуховки.

Державины давно извѣстили Капнистовъ о томъ, что къ нимъ будутъ, но срока нарочно не обозначили. 7 іюля, послѣ обѣда, Александра Алексѣевна Капнисть отдыхала. Вдругъ ей сказали, что какая-то бѣдно одѣтая женщина желаетъ ее увидѣть. Александра Алексѣевна вышла къ женщинѣ, усадила ее и стала спрашивать, откуда она и что ей надобно. Та отвѣчала, что изъ Москвы, что лишилась всего имущества, просить помощи — и вдругъ разсмѣялась. Александра Алексѣевна подумала, что передъ ней сумасшедшая, и испугавшись хотѣла уже уйти, какъ вдругъ гостыя откинула капюшонъ салопы. Отъ радости съ Александрой Алексѣевной сдѣлалось дурно: передъ ней была Даша. Сестры не видѣлись двадцать лѣтъ. Слезы, объятія, поцѣлуи, весь домъ сбѣжался, всѣ кинулись на гору, гдѣ ждалъ въ экипажѣ Державинъ съ Пашей и докторомъ. Ихъ привели въ домъ — и объятія возобновились. Сердца смягчились донельзя. Сюрпризъ удался на славу — однако тотчасъ обернулся и нѣсколько затруднительной стороною: какъ разъ въ эти дни гостилъ у Кап-

нистовъ сосѣдъ — Трощинскій! Вотъ гдѣ Богъ привелъ встрѣтиться! Дмитрій Прокофьевичъ постарѣлъ изрядно, однако же сохранилъ осанку красавца и сердцеѣда. Молодежи забавно было и поучительно видѣть, съ какимъ ледянымъ уваженіемъ старые недруги встрѣтились, какъ раскланивались по старинному, какъ величали другъ друга «ваше высокопревосходительство» и ни за что не хотѣли сѣсть одинъ прежде другого. Но подъ іюльскимъ небомъ Украйны ледъ понемногу сталъ таять, и проживъ нѣсколько дней подъ одною кровлей, враги чуть ли не подружились. Воспоминаніямъ и разговорамъ конца не было.

Державины прогостили въ Обуховкѣ дней двѣнадцать, предаваясь всѣмъ удовольствіямъ дружества и природы. Державинъ былъ веселъ, даже и напѣвалъ, и насвистывалъ, и сочинялъ стишки, обращаясь къ птичкамъ, которыми домъ Капнистовъ былъ полонъ. Какъ онъ любилъ все крылатое! Не даромъ воспѣлъ не только орла, соловья, лебедя и павлина, но и ласточку, ястреба, сокола, голубя, аиста, пѣночку, зяблика, снигиря, синичку, желну, чечетку, тетерева, бекаса и, наконецъ, даже комара... Съ Капнистомъ онъ велъ бесѣды хозяйственныя, политическія, литературныя. Съ двумя барышнями-красавицами, блондинкою и брюнеткою, что въ ту пору тоже гостили въ Обуховкѣ, гулялъ подъ руку и шутилъ.

26 іюля прибыли въ Кіевъ, провели тамъ три дня, помолились въ Лаврѣ, осмотрѣли достопримѣчательности и поѣхали подъ Бѣлую Церковь, въ имѣніе графини Браницкой, той самой племянницы Потемкина, на рукахъ у которой онъ умеръ дорогою въ Николаевъ. Передъ памятью дяди графиня благоговѣла; въ его честь былъ воздвигнутъ ею родъ пантеона, гдѣ бюстъ Державина высился среди прочихъ. Графа Ксаверія Петровича не случилось дома. Зѣта Элиза, кокетливая и быстроглазая дочка графини, въ любезности не отставала отъ матери. Державину былъ оказанъ пріемъ заразъ торжественный и сердечный — какъ автору «Водопада» и старому другу. На другой день пустились въ обратный путь. Москва на сей разъ удивила быстрою переменою. Близилась осень, богатые жители собирались вернуться изъ подмосковныхъ на старья пе-

пелища. Вездѣ кипѣла работа, стучалъ молотокъ, топоръ погромыхивалъ, неслись пѣсни каменщиковъ и маляровъ.

26 августа, въ годовщину Бородина, усталые, но довольные, Державины возвратились на Званку.

Ближайшимъ слѣдствіемъ поѣздки было то, что Державинъ опредѣлилъ на службу двухъ сыновей Капниста, Ивана и Семена. Въ концѣ года они пріѣхали въ Петербургъ и, разумѣется, поселились въ державинскомъ домѣ. Имъ отвели во флигелѣ тѣ покойчики, гдѣ ранѣе жили сестры Львовы. (Послѣ замужества Лизы и Вѣры, Параша осталась одна — ее перевели въ большой домъ, поближе къ дядѣ и теткѣ). Одинъ изъ молодыхъ Капнистовъ, Семень Васильевичъ, пописывавшій стихи, тотчасъ сдѣлался любимцемъ Державина и отчасти секретаремъ — насколько ему позволяла служба.

Притокъ молодежи въ домъ не прекращался — и слава Богу: старикъ безъ нея не могъ обходиться. Но окружать себя молодежью заставляла его не просто любовь къ суматохѣ и не одна только живость характера (которая, кстати сказать, все болѣе умѣрялась болѣзнью, упадкомъ силъ и растущей сонливостью). Была причина болѣе важная, имѣвшая прямое отношеніе къ его поэтическому самочувствію.

Отраженіе эпохи не есть задача поэзіи, но живъ только тотъ поэтъ, который дышетъ воздухомъ своего вѣка, слышитъ музыку своего времени. Пусть эта музыка не отвѣчаетъ его понятіямъ о гармоніи, пусть она даже ему отвратительна — его слухъ долженъ быть ею заполненъ, какъ легкія воздухомъ. Таковъ законъ поэтической біологіи. Въ поэзіи гражданской онъ дѣйствуетъ не сильнѣе, чѣмъ во всякой иной, и лишь очевиднѣе проявляется.

Отойдя отъ дѣлъ государственныхъ, Державинъ сталъ какъ бы глохнуть — и сразу это почувствовалъ, чѣмъ дальше, тѣмъ явственнѣй. Событія перестали въ немъ вызывать тотъ быстрый и рѣзкій отзвукъ, которымъ была сильна его лира. Правда, сперва можно было допустить, что эпоха невдохновительна сама по себѣ. Державинъ не даромъ былъ не въ ладу съ нею. Но настали двѣнадцатый, тринадцатый, наконецъ — четырнадцатый годъ. Казалось — кому воспѣть ихъ, какъ не Державину? Жуковскій пря-

мо его вызывалъ на это. Но за тяжеловѣснымъ лиро-эпическимъ гимномъ послѣдовали холодные, словно вынужденные стихи на сраженіе подъ Люценомъ. Можно себя представить, что было бы, если бъ не Александръ, а Екатерина выиграла Кульмскій бой! Но Державинъ на это событіе даже и не откликнулся, а на торжество небывалое, неслыханное, передъ которымъ всѣ Очаковы и Измаилы ничто, на вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ, написалъ стихи не замѣчательнѣй люценскихъ. Все величіе времени онъ сознавалъ, но его музыки не улавливалъ. Писалъ по долгу патриота и поэта-исторіографа, потому что въ его положеніи нельзя было не писать, — и только. Публика принимала его стихи восторженно — онъ самъ вовсе былъ не въ восторгѣ.

Такъ было и въ иныхъ отрасляхъ поэзіи. Державинъ пробовалъ новыя темы и развивалъ старыя, искалъ новыхъ пріемовъ и прибѣгалъ къ испытаннымъ; дѣлалъ это съ умѣніемъ, можетъ быть, даже большимъ, чѣмъ прежде, но безъ прежняго одушевленія. То былъ не упадокъ таланта, но упадокъ вдохновенія.

Вѣроятно, играли тутъ свою роль и старость, и нездоровье, но главное — все въ новомъ времени, и хорошее, и дурное, было Державину какъ-то чуждо. Все чаще среди величавыхъ событій онъ испытывалъ неодолимую скуку. Но какъ, засыпая среди разговора и вдругъ просыпаясь, любилъ онъ видѣть вокругъ молодыя лица, такъ и въ поэзіи все искалъ молодежи, льнулъ къ ней.

Онъ потрудился много, любилъ исторію и Россію, самъ сталъ исторіей и Россіей — хотѣлъ теперь видѣть и слышать тѣхъ, кто будетъ трудиться впредь. Быть можетъ, хотѣлось ему кого-то усыновить, какъ бездѣтный богачъ усыновляетъ пріемыша. Свой домъ съ любовію наполнялъ племянниками, а въ поэзіи все искалъ преемника, но в а г о Д е р ж а в и н а, не второго, не подражателя своего, но именно новаго, который въ своемъ времени разслышитъ то, что Державинъ нѣкогда разслышалъ въ своемъ, найдетъ новое содержаніе и новую форму, принесетъ ту творческую новизну, которую Державинъ принесъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Онъ когда-то мечталъ, что Бесѣда будетъ способство-

вать появленію молодыхъ дарованій. Мечта оказалась несбыточной. Бесѣда все болѣе походила на казенное учрежденіе. На мѣсто умершаго Завадовскаго попечителемъ избрали Попова; тому назадъ двадцать лѣтъ не умѣлъ онъ грамотно прочитать Екатеринѣ стихи Державина; съ тѣхъ поръ его знанія впередъ не подвинулись. Среди почетныхъ членовъ Сперанскаго замѣнилъ Новосильцовъ и явился архимандритъ Фотій. Самъ Шишковъ охладѣлъ къ своему дѣтищу. Въ 1813 году государь назначилъ его президентомъ Россійской Академіи. Вернувшись изъ-за границы, онъ предлагалъ просто слить Академію съ Бесѣдой, чтобы ужъ разомъ засѣдать тамъ и здѣсь. Изъ домика на Фурштатской переселился онъ въ роскошную казенную квартиру напротивъ дворца, оставилъ филологическія упражненія и мало интересовался литературой. Бесѣдчики читали другъ другу свои сочиненія и другъ друга не уважали. Хвостовъ Александръ Семеновичъ изводилъ шутками и эпиграммами Хвостова Дмитрія Ивановича — и былъ правъ, потому что Дмитрій Ивановичъ писалъ совершенную чепуху: то, завидѣвъ издали тучу, убѣждался онъ, подошедъ поближе, что это всего лишь куча; то голубъ зубами перегрызаль у него узелки; то осель лѣзъ на рябину, цѣпляясь лапами; то ужъ становился на колѣни — и прочее въ томъ же родѣ. Со своей стороны Дмитрій Ивановичъ возмущался тѣмъ, что Александръ Семеновичъ предсѣдательствуетъ въ своемъ разрядѣ, — и тоже былъ правъ, ибо Александръ Семеновичъ уже лѣтъ тридцать, какъ пересталъ писать вовсе. Ихъ фигуры могли бы отчасти служить олицетвореніемъ всей Бесѣды: одинъ не писалъ ничего, другой писалъ слишкомъ много и слишкомъ плохо. Крыловъ потѣшался равно надо всѣми: на четыре разряда Бесѣды написалъ басню «Квартетъ», а потомъ и еще обиднѣй — «Парнассъ»:

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ
И по мирянамъ ихъ дѣлать помѣстья стали,
Кому-то и Парнассъ тогда отмежевали;
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъ ословъ...

Дмитрій Ивановичъ въ отместку сочинялъ пасквили на

Крылова, называя его Обжоркинымъ. Державинъ ради приличія старался водворить миръ, хотя Хвостовъ и его выводилъ изъ себя.

Послѣдніе года два всѣ были поглощены войной и писали сплошь о войнѣ. Но послѣ взятія Парижа патриотическій пылъ началъ ослабѣвать, а литературные бои разгораться. Чудакъ-Шишковъ какъ разъ въ это время вздумалъ прекратить полемику; его непониманіе литературныхъ дѣлъ было поразительно; онъ, кажется, думалъ, что послѣ паденія Наполеона Карамзинъ падетъ уже самъ собой. Теперь онъ молчалъ — зато изъ противнаго лагеря насмѣшки и рѣзкости посыпались на Бесѣду. Къ Державину онъ никогда не относились: враги чтили въ немъ великаго русскаго поэта и считали себя учениками его. Державинъ иногда позволялъ себѣ роскошь обижаться за своихъ сочленовъ, но втайнѣ противники Бесѣды были ему любопытнѣе и милѣй, чѣмъ она сама. По привычкѣ и потому, что всю жизнь дѣлалъ все истово и не любилъ бросать однажды начатое, онъ еще занимался дѣлами Бесѣды. Но она сама мало ими занималась. Къ началу пятнадцатаго года она была почти уже въ летаргіи.

Большой четырехэтажный флигель царскосельскаго дворца, тотъ, что высокою аркой соединяется съ хорами пятиглавой придворной церкви, былъ отведенъ учрежденію, нѣкогда составлявшему предметъ особыхъ и нѣжныхъ заботъ императора. То былъ Лицей, основанный съ цѣлью «образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной и составленнаго изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ знатныхъ фамилій». Еще съ осени 1811 года тридцать мальчиковъ вступили въ Лицей, готовясь безвыѣздно прожить въ немъ шесть лѣтъ и пройти обученіе, раздѣленное на два трехлѣтія или курса. Нынѣ меньшей курсъ былъ оконченъ, и лицеисты держали экзамены при переходѣ въ старшій.

Лицей оказался на дѣлѣ довольно далекомъ отъ того, какимъ онъ когда-то мерещился Александру Павловичу.

Ученіе шло безпорядочно. Однако, высокая лихорадка умовъ и сердець, вызванная грозными и чудесными событіями Отечественнѣй войны, передалась царскосельскимъ затворникамъ. Исторія была ихъ воспитательницей, и не имѣя глубокихъ знаній, они развивались быстро. Нашлись между ними такіе, что еще изъ дому занесли охоту къ литературнымъ упражненіямъ, и поэзія вскорѣ сдѣлалась настоящею страстью многихъ. Изъ рукописныхъ лицейскихъ журналовъ произведенія неопытныхъ перьевъ перенеслись въ печатные. На важныхъ страницахъ «Вѣстника Европы», «Россійскаго Музеума», «Сына Отечества», «Сѣвернаго Наблюдателя» являлись стихи пятнадцатилѣтнихъ поэтовъ. (Шишковъ былъ бы весьма опечаленъ, когда бы узналъ, что сія юная поросль чуть не сплошь состоитъ изъ завзятыхъ карамзинистовъ).

Начальство лицейское сперва поощряло авторство, потомъ запрещало, потомъ стало поощрять сызнова. Поэтому-то въ программѣ публичнаго испытанія изъ руссійскаго языка пунктомъ 4-мъ значилось: «Чтеніе собственныхъ сочиненій». Экзаменъ назначенъ былъ на 8 января, а наканунѣ разнеслась вѣсть, что Державинъ будетъ въ числѣ гостей. Поэты лицейскіе взволновались, особенно Александръ Пушкинъ. Онъ не былъ изъ числа первыхъ учениковъ, но считался едва ли не первымъ среди тамошнихъ стихотворцевъ: Илличевскаго, Кюхельбекера, Яковлева, барона Дельвига. Ему-то и предстояло читать стихи свои на экзаменѣ и слѣдственно предъ самимъ ветераномъ руссійской поэзіи.

Александръ Пушкинъ (помянутому Василию Львовичу онъ приходился племянникомъ) не былъ столь пламеннымъ обожателемъ Державина, какъ на примѣръ его другъ баронъ Дельвигъ. Но пьеса, имъ сочиненная для экзамена, посвящалась военной славѣ Россіи подъ скиптромъ Екатерины и Александра; сообразуясь съ высокостію предмета, Пушкинъ ее написалъ совершенно въ духѣ Державина, который и самъ былъ въ ней торжественно именованъ. Много въ ней было прямыхъ отголосковъ державинской лиры — начиная съ заглавія «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», напоминавшаго «Прогулку въ Царскомъ Селѣ». Теперь все это приходилось какъ нельзя болѣе кста-

ти. Однако же, возникало и важное затруднение. Пьеса началась обращениемъ къ Жуковскому — автору «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ»: признавая свое безсиліе, Пушкинъ вызывалъ Жуковскаго, какъ самаго громкаго изъ поэтовъ новой поры, воспѣть Александра. Въ присутствіи Державина такое обращеніе могло стать неучтивостію. Какъ быть? Проказливый сочинитель рѣшилъ слукавить: на одинъ только разъ, ради завтрашняго чтенія, замѣнить Жуковскаго Державинымъ. Для этого лишь въ одномъ стихѣ:

Какъ нашихъ дней пѣвецъ, Славянской Бардъ
дружины, —

явный намекъ на Жуковскаго надо было превратить въ намекъ на Державина. Тогда и все прочее становилось обращениемъ къ нему же.

Дѣло оказалось не такъ просто. Всему мѣшала непремѣнная рима на -и ны. Кончилось тѣмъ, что Пушкинъ, отчаявшись съ честью выйти изъ затрудненія, написалъ:

Какъ древнихъ лѣтъ пѣвецъ, какъ лебедь странъ
Еллина.

Что значитъ Еллина, онъ самъ не зналъ; ея никогда не существовало. Ежели даже счесть ее за Элладу, то почему же Державинъ — лебедь Эллады? Допустимъ, это намекъ на анакреонтическіе стихи. Но кстати ли обращаться къ Державину-Анакреону, когда рѣчь идетъ о военныхъ подвигахъ? Но выхода не было, Пушкинъ рѣшилъ, что сойдетъ и такъ. Вся строфа была вообще довольно туманна. Предстояло еще переписать стихи для поднесенія Державину. Они были длинные, вышло восемь страницъ, Пушкинъ надъ ними трудился весь вечеръ, писалъ старательно, слѣдя больше за почеркомъ, — и сдѣлалъ много опісокъ.

Тотъ вечеръ въ домѣ Державина проходилъ, какъ обычно. Дарья Алексѣевна, должно быть, не доглядѣла, и Гавріиль Романовичъ за ужиномъ опять съѣлъ лишнее. Въ 11 часовъ-она проводила его наверхъ, уложила, ушла.

Державинъ тотчасъ уснулъ, но спалъ безпокойно. Въ шестомъ часу утра, какъ всегда, онъ проснулся и кликнулъ Кондратія. Тотъ вошелъ со свѣчами и мундиромъ, приготовленнымъ съ вечера. Одѣвшись, Державинъ спустился въ столовую, въ ночномъ колпакѣ и мундирѣ. Парика онъ терпѣть не могъ и надѣвалъ его лишь въ послѣднюю минуту. Въ столовой горѣли канделябры. Семенъ Васильевичъ встрѣтилъ дяденьку и пожелалъ добраго утра. Они сѣли пить чай. Дарья Алексѣевна почивала.

На конюшнѣ чистили лошадей, заложили, подали. Лицейскій экзаменъ не очень былъ любопытенъ Державину, но ему всегда не сидѣлось, когда предстояло куда-нибудь ѣхать; онъ всюду являлся первымъ. Кондратій принесъ парикъ и красную ленту. Державинъ надѣлъ ихъ предъ зеркаломъ въ круглой гостинной, среди обоевъ, расшитыхъ рукой Плѣниры. Въ подѣздѣ подали ему шубу и бобровую шапку.

Было еще темно. Зыѣхавъ изъ воротъ на Фонтанку, возокъ свернулъ влѣво, къ Московской заставѣ, и хоть дорога въ Царское была хорошо наѣзжена, послѣ заставы Державина стало укачивать. Онъ жалѣлъ, что передъ отѣздомъ не разбудилъ Максима Фомича, доктора, и не принялъ рвотнаго. Когда, уже бѣлымъ днемъ, миновали первые дома Царскаго и вѣхали подъ лицейскую арку, Державину сдѣлалось невтерпежъ.

Круглый, подслѣповатый лицеистъ съ бѣлобрысой круглою головою, баронъ Дельвигъ, заранѣе «вышелъ на лѣстницу, чтобы дожидаться Державина и поцѣловать ему руку, руку, написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара:

— Гдѣ, братецъ, здѣсь нужникъ?

Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига. Онъ отмѣнилъ свое намѣреніе», возвратился въ залу, и съ простодушіемъ и веселостію рассказалъ Пушкину свое приключеніе. Зала наполнилась царскосельскою публикой, лицеистами, ихъ родными, впрочемъ немногочисленными. Съѣхались и почетные гости: ректоръ С.-Петербургской духовной академіи архимандритъ Филаретъ, ми-

нистръ народнаго просвѣщенія гр. Разумовскій, попечитель учебнаго округа Сергѣй Семеновичъ Уваровъ (почетный членъ Бесѣды), генераль Саблуковъ, котораго покойный государь прогналъ съ караула въ ночь на 12 марта. Среди нихъ, въ первомъ ряду кресель, усадили Державина. Начальство лицейское размѣстилось у стола сбоку.

Экзаменъ очень утомилъ Державина. Въ красномъ мундирѣ, украшенномъ орденами, сияя бриллиантовою короной Мальтійскаго креста, сидѣлъ онъ, подперши рукою голову и разставивъ ноги въ мягкихъ плисовыхъ сапогахъ. «Лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы». Онъ дремалъ все время, пока лицеистовъ спрашивали изъ латинскаго языка, изъ французскаго, изъ математики и физики. Послѣднимъ начался экзаменъ русской словесности. «Туть онъ оживился: глаза заблестали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной». Наконецъ, вызвали Пушкина.

Лицействъ небольшого роста, въ синемъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина, началъ свои стихи. Никто никогда не могъ бы описать состояніе души его. Когда дошелъ онъ до стиха, гдѣ упоминалъ имя Державина, голосъ его отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилося съ упоительнымъ восторгомъ...

Безсмертны вы вовѣкъ, о Росски Исполины,
Въ бояхъ воспитанны среди бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О громкій вѣкъ военныхъ споровъ.
Свидѣтель славы Россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
Потомки грозные Славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ страшась дивился міръ;
Державинъ и Петровъ Героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

Сердце его было такъ полно, что самый обманъ, совершенный имъ, какъ бы исчезъ, растворился, и читая послѣднюю строфу, онъ уже во истину обращался къ сидящему предъ нимъ старцу:

О Скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламенной
Взгреми на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ Герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огонь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца!

И Державинъ вдругъ всталъ. На глазахъ его были слезы, руки его поднялись надъ кудрявою головою мальчика, онъ хотѣлъ обнять его — не успѣлъ: тотъ уже убѣжалъ, его не было. Подъ какимъ-то невѣдомымъ вліяніемъ всѣ молчали. Державинъ требовалъ Пушкина. Его искали, но не нашли.

Послѣ обѣда у Разумовскаго, гдѣ много важнаго вздору было говорено, усталый Державинъ уже ввечеру пріѣхалъ домой, досталъ изъ кармана тоненькую тетрадку, писанную легучимъ и острымъ почеркомъ, и для памяти надписалъ на ней: «Пушкинъ на лицейскомъ экзаменѣ».

*
**

Дѣла сердечныя, не литературныя, заставиши Жуковскаго покинуть Москву. Весной 1815 года переѣхалъ онъ въ Петербургъ и очутился бѣльмою на глазу Бесѣды. Осенью Шаховской непристойно и грубо вывелъ его въ своей комедіи. Нѣсколько друзей изъ числа молодыхъ литераторовъ и дилетантовъ — Александръ Тургеневъ, Вигель, Дашковъ, Блудовъ (родня Державину) — сплотились вокругъ Жуковскаго. Закипѣла полемика, или, лучше сказать, перебранка. Вигель, человекъ злой и умный, имѣя связи въ обоихъ лагеряхъ, усердно подливалъ масла въ огонь. Уваровъ, котораго не любили въ Бесѣдѣ, перекинулся на сторону враговъ и сумѣлъ составить изъ нихъ

небольшое сообщество. Поэтъ Жихаревъ, бесѣдный сотрудникъ, примкнулъ тоже. Такъ возникъ Арзамасъ. Жуковский былъ избранъ секретаремъ — председателя въ Арзамасъ не было. Собирались по четвергамъ у Блудова или Уварова.

Закончивъ восемь томовъ Исторіи, Карамзинъ повезъ рукопись въ Петербургъ. Онъ прибылъ 2 февраля 1816 года, захвативъ съ собою шурина, кн. Вяземскаго, поэта и остроумца, молодого человѣка съ длиннѣйшими ногами и маленькой головой. Василиій Пушкинъ, конечно же, увязался за ними — ему страхъ хотѣлось сдѣлаться арзамасцемъ. Въ Арзамасъ къ этому времени прибавились еще члены — и Арзамасъ расцвѣлъ. Не было у него ни разрядовъ, ни попечителей, ни публичныхъ засѣданій, но слухи о немъ носились, самой замкнутостью онъ возбуждалъ любопытство, казался собраніемъ избранныхъ, посвященныхъ въ новѣйшія тайны литературы. Многіе, кто, быть можетъ, мечталъ проникнуть въ него, были бы очень разочарованы, узнавъ, что никакимъ откровеніемъ романтизма въ Арзамасъ не учатъ и вообще не разговариваютъ на важныя темы. Арзамасъ былъ затѣянъ въ противовѣсъ Бесѣдѣ и не могъ быть представителемъ романтизма хотя бы ужъ потому, что сама Бесѣда была недостойна представлять классицизмъ. Она была ничто, и всерьезъ спорить съ ней было не о чемъ. Арзамасъ и не снисходилъ до спора. Въ немъ умнѣе всего было то, что шутку призналъ онъ самымъ сильнымъ и подходящимъ оружіемъ противъ Бесѣды. Въ его собраніяхъ потѣшались надъ бесѣдчиками не во имя новаго направленія, а просто во имя молодости: ума, вкуса, образованія — во имя всего, что въ свое время было у классицизма, но чего никогда не было у Бесѣды. Онъ сталъ пародіей на Бесѣду. Въ каждомъ собраніи отпѣвали кого-нибудь изъ ея живыхъ покойниковъ — и вышло такъ, что отпѣтою оказалась она сама, со всѣми ея потугами начальствовать надъ словесностью, ничего не дѣлая. Не насмѣхались только надъ. Державинимъ и Крыловымъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ Карамзинъ сдѣлалъ визитъ Гаврину Романовичу. Жуковский и Вяземскій поѣхали съ нимъ, чтобы быть представленными. Имъ однако не повезло:

Державинъ былъ нездоровъ, хмуръ и чѣмъ-то видимо озабоченъ. На Жуковского не обратилъ онъ особеннаго вниманія, на Вяземскаго и подавно: его сердце уже было занято младшимъ Пушкинымъ. Кромѣ того, арзамасскія погребенія и другія шалости были ему, несомнѣнно, вѣдомы, и онъ ихъ не одобрялъ. Общество, занятое одной полемикой, не могло ему нравиться. Когда рѣчь зашла о полемикѣ Дашкова противъ Шишкова, старикъ, въ свое время пожурившій и самого Дашкова, замѣтилъ многозначительно, что не слѣдуетъ раздувать огня. Разставаясь, просилъ онъ Карамзина въ одинъ изъ ближайшихъ дней къ обѣду — кстати ужъ и со спутниками. Приглашеніе въ такой формѣ прозвучало небрежно.

На ту бѣду Карамзинъ въ назначенный день былъ отозванъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и прислалъ извиненіе. Пришлось Вяземскому съ Жуковскимъ отправляться вдвоемъ. Державинъ встрѣтилъ ихъ въ такомъ видѣ, какъ представилъ его живописецъ Васильевскій на портретѣ, недавно выставленномъ въ Академіи Художествъ: въ бѣломъ колпакѣ и въ малиновомъ бархатномъ халатѣ, опущенномъ сооблями; бѣлый шейный платокъ и палевая фуфайка виднѣлись изъ-подъ халата.

Обѣдъ прошелъ вяло. Другихъ гостей не было, молдые люди робѣли, и храбрясь отъ смущенія, слишкомъ много говорили объ Арзамасѣ. Державинъ, напротивъ, говорилъ мало, разсѣянно и болѣе, кажется, занятъ былъ бѣленькою собачкой, сидѣвшей у него за пазухой, чѣмъ гостями. Послѣ обѣда онъ показалъ имъ рисунки къ своимъ стихамъ и замѣтилъ, что такой оды, какъ «На Коварство», ему теперь ужъ не написать. Побывъ недолго, поэты откланялись, не весьма очарованные пріемомъ. Державинъ опять былъ не въ духѣ.

У него были на то причины физическія и нравственныя. Чтобы ихъ объяснить, надо вернуться мѣсяца на полтора назадъ.

Въ типографіи Плавильщикова печаталась пятая часть сочиненій Державина: стихи, написанные въ послѣдніе годы. Державинъ зналъ, что она слабѣе частей предыдущихъ, и тѣмъ тревожился. Но особенное безпокойство въ немъ возбуждали тома шестой и седьмой, которые долж-

ны были выйти будущей осенью. Въ нихъ заключались сочиненія драматическія, а также мелочи: надписи, эпиграфы, посланія, мадригалы. Однажды Державинъ признался прямо, что въ этихъ родахъ поэзіи не силенъ. Теперь, когда выходъ книгъ уже былъ объявленъ, Державинъ сталъ мучиться. Отказаться отъ замысла мѣшали упрямство и самолюбіе, но онъ чувствовалъ, что искушаетъ славу. То и дѣло онъ перелистывалъ рукописи, словно пытаясь угадать ихъ грядущую судьбу. Ему хотѣлось бы прочесть ихъ чужими глазами, чтобы узнать заранѣе, каково будетъ ихъ дѣйствіе на цѣнителей, на потомство. Обидно было ему явиться передъ нынѣшней критикою не въ полномъ блескѣ.

Тутъ-то онъ и прослышалъ, что существуетъ замѣчательный чтець, тотъ молодой человѣкъ, что бывалъ просто у Шишкова, нѣкогда посѣщаль субботнія чтенія, а потомъ и Бесѣду: Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ. Случайно объ эту пору не было его въ Петербургѣ, но онъ долженъ былъ прибыть вскорѣ. Державину показалось, что само небо ему посылаетъ Аксакова, что въ чужомъ, но хорошемъ чтеніи онъ, наконецъ, услышитъ стихи свои какъ бы со стороны и сумѣетъ ихъ оцѣнить тоже какъ бы со стороны. Каждый день онъ навѣдывался, не пріѣхалъ ли уже Аксаковъ, и ждалъ его съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго. Все это были признаки старости и упадка. Державину шель семьдесятъ третій годъ.

Однажды подъ вечеръ, въ срединѣ декабря, Аксаковъ пріѣхалъ и «совершенно обезумѣлъ» отъ счастья, когда объявили ему, что Державинъ требуетъ его тотчасъ. Но онъ рѣшилъ отложить посѣщеніе до утра, потому что съ мороза былъ красенъ, какъ ракъ, и голосъ у него сѣлъ. Поутру посланный отъ Державина уже явился за нимъ, и черезъ часъ Аксаковъ входилъ, трепеща, въ державинскій кабинетъ. При его появленіи хозяинъ вскочилъ съ дивана, отбросилъ въ сторону грифельную доску, на которой что-то писалъ, и протянулъ руку:

— Добро пожаловать, я давно васъ жду...

Затѣмъ онъ быстро заговорилъ о стихахъ Аксакова, о молодыхъ поэтахъ, о Пушкинѣ. Ему хотѣлось, чтобы

Аксаковъ началъ читать сей же часъ, но онъ сдержался. Началъ спрашивать о Казани, объ Оренбургѣ, называлъ Аксакова своимъ землякомъ, — все это съ безпокойною торопливостью и не безъ желанія польстить. Наконецъ, все-таки, попросилъ читать. Гость признался, что и самъ того жаждетъ, только боится, «чтобы счастье читать Державину его стихи не захватило дыханья».

— Такъ успокойтесь, — сказалъ Державинъ, схвативъ его за руку и самъ волнуясь еще сильнѣе. Онъ принялся выдвигать ящики своего дивана, досталъ двѣ толстыхъ тетради съ сафьянными корешками: въ одной были трагедіи, въ другой мелкія стихотворенія. Но Аксаковъ хотѣлъ начать съ оды на смерть Мещерскаго, и Державину пришлось согласиться. Онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, подъ конецъ обнялъ декламатора со слезами на глазахъ и сказалъ тихимъ, растроганнымъ голосомъ:

— Я услышалъ себя въ первый разъ...

И вдругъ принялся расхваливать громко, преувеличенно:

— Мастеръ, первый мастеръ! Куда Яковлеву! Вы его, батюшка, за поясъ заткнете.

Хитреца промелькнула въ глазахъ его, и онъ опять потянулся къ тетради съ трагедіями. Упоенный успѣхомъ, Аксаковъ согласился тутъ же прочесть «Ирода и Маріамну». Державинъ послалъ за Дарьей Алексѣевной, Парашей и Семеномъ Капнистомъ. Чтеніе началось. Аксаковъ «былъ въ такомъ лирическомъ настроеніи, что радъ бы читать Державину что угодно, хоть по-арабски. Въ какіе бы то ни было звуки хотѣла вылиться вскипѣвшая душа! Въ такія минуты всякіе стихи, всякія слова, пожалуй, неизвѣснаго языка — будутъ полны чувства и произведутъ сочувствіе». Онъ читалъ часа полтора. Его чтеніе было «мало сказать невѣрно, несообразно съ характерами и словами дѣйствующихъ лицъ, но даже нелѣпо и бессмысленно». Ему казалось, что оно происходитъ на какомъ-то невѣдомомъ языкѣ, но тѣмъ не менѣе и на него, и на всѣхъ присутствующихъ оно произвело магическое дѣйствіе. Державинъ «рѣшительно былъ похожъ на человѣка, одержимаго корчами... Онъ не могъ сидѣть, часто вскакивалъ, руки его дѣлали безпрестанные жесты, голова, все тѣло бы-

ли въ движеніи. Восхищеніямъ, восторженнымъ похваламъ, объятіямъ — не было конца», а счастію Аксакова не было мѣры. Державинъ ему написалъ тутъ же стихи, и онъ ушелъ, опьянѣвъ отъ восторга.

Съ того дня начались у нихъ отношенія странныя, даже нѣсколько фантастическія. Сперва Аксаковъ являлся часто, потомъ сталъ ходить каждый день. «Хозяинъ готовъ былъ слушать съ утра до вечера, а гость — читать и день и ночь». Ни трагедіи, ни мелочи Аксакову не нравились; подъ всяческими предлогами онъ отъ нихъ уклонялся, сворачивая на оды. Державинъ и оды выслушивалъ съ удовольствіемъ, но при первомъ удобномъ случаѣ заставлялъ возвращаться именно къ мелочамъ и трагедіямъ.

Аксаковъ былъ настоящій художникъ декламации. Въ «жарѣ и громѣ» его чтенія (какъ онъ самъ выражался), слабая трагедіи и стихи пріобрѣтали тѣ магическія, непостижныя уму свойства, безъ которыхъ нѣтъ великой поэзіи, но которыхъ какъ разъ этимъ трагедіямъ и стихамъ недоставало. Державинъ слушалъ — и декламаторскія достоинства чтенія старался относить на счетъ литературныхъ достоинствъ читаемаго (хотя, конечно, отдавалъ должное и таланту Аксакова). Чѣмъ его болѣе волновало чтеніе, тѣмъ онъ болѣе утѣшался и успокаивался за судьбу неудачныхъ своихъ твореній. Онъ заставилъ Аксакова перечитать всѣ трагедіи, даже переводныя, и всѣ надписи, эпитафіи, посланія, басни и прочее. Если Аксаковъ, случалось, читалъ съ меньшимъ жаромъ, — очарованіе пропадало, Державинъ сердился и говорилъ:

— У васъ все оды въ головѣ, вы способны только чувствовать лирическіе порывы, а драматическую поэзію не всегда и не всю понимаете.

Съ каждымъ днемъ эти чтенія становились Державину все болѣе необходимы. Онъ къ нимъ привыкъ, какъ къ лѣкарству, утишающему боль. Онъ словно пьянѣлъ отъ нихъ — и они его сладостно изнуряли. Въ началѣ чтеній, на святкахъ пятнадцатаго года, дважды были у Державина гости. По обычаю танцовали. Державинъ не отходилъ отъ Колтовской — его нѣжное обхожденіе было даже замѣчено — и держался бодро. Но къ срединѣ января его уже нельзя

было узнать. Онъ осунулся, ослабѣлъ и находился въ непрестанномъ возбужденіи.

Однажды Аксаковъ явился въ обычный часъ, но швейцаръ попросилъ его, не заходя къ Гавриилу Романовичу, пройти къ Дарьѣ Алексѣевнѣ. Дарья Алексѣевна приняла его ласково, но сказала, что мужъ ея нездоровъ, что онъ провелъ дурно ночь, что у него «сильное раздраженіе нервъ» и что докторъ приписываетъ это тому волненію, съ которымъ Гавриилъ Романовичъ слушаетъ чтеніе. Аксаковъ покраснѣлъ до ушей, принялся извиняться и вдругъ объявилъ, что и самъ давно боленъ и докторъ требуетъ, чтобъ онъ недѣли двѣ сидѣлъ дома. Вечеромъ онъ зашелъ къ Державину, чтобы съ нимъ на время проститься. «Гавриила Романовичъ чуть не заплакалъ... Онъ самъ былъ очевидно нездоровъ. Глаза у него были мутные и пульсъ бился, какъ въ лихорадочномъ жару; но самъ онъ и слышать не хотѣлъ, что онъ боленъ, и жаловался, что съ нѣкоторыхъ поръ хотятъ увѣрить его, что онъ хвораетъ, а онъ напротивъ давно не чувствовалъ себя такъ бодримъ и крѣпкимъ». Наконецъ, они съ болю разлучились.

Въ семейныхъ кругахъ Державина и Аксакова вся эта исторія надѣлала много шутокъ и смѣха. Говорили, что Аксаковъ «з а ч и т а л ъ старика и самъ з а ч и т а л с я». Вскорѣ слухи пошли по городу — съ обычными украшеніями. Рассказывали, что «какой-то пріѣзжій сумасшедшій декламаторъ и сочинитель едва не уморилъ старика Державина чтеніемъ своихъ сочиненій, и что наконецъ принуждены были чрезъ полицію вывести чтеца-сочинителя изъ дома Державина и отдать на излѣченіе частному лѣкарю».

Для Державина начался двухнедѣльный карантинъ, которымъ онъ тяготился. Вотъ на эти-то дни, когда уже, впрочемъ, карантинъ подходилъ къ концу, и пришлось посѣщенія Вяземскаго съ Жуковскимъ. Потому-то и былъ такъ суровъ оказанный имъ пріемъ.

Аксаковъ не лгалъ, говоря, что тоже нуждается въ лѣченіи. Но свое нездоровье онъ объяснялъ петербургскимъ климатомъ — это была неправда. Онъ тоже былъ изнуренъ чтеніями, если не такъ, какъ Державинъ, то лишь потому, что ему было двадцать четыре года. По своему

онъ переволновался не меньше Державина. Въ каждомъ художникѣ заключенъ мучитель. Терзать душу зрителя или читателя для него наслажденіе. Аксаковъ былъ упоенъ корчами Державина, какъ Державинъ — его декламацией. Другого такого слушателя у него не было ни прежде, ни послѣ. Не даромъ лишь только положенный срокъ миновалъ, онъ тотчасъ явился къ Державину. Сперва оба дѣлали видъ, что вовсе ужъ не такъ жаждутъ терзать другъ друга, но сами только и ждали малѣйшаго къ тому повода. Поводъ представился очень скоро, и чтенія возобновились, — правда, ужъ не столь частыя и бурныя: Даша теперь слѣдила за ними. Но по прежнему странные друзья проводили долгіе часы вмѣстѣ. Аксаковъ читалъ, Державинъ слушалъ, привычно поглаживая головку собачки, торчащую у него изъ-за пазухи. Собачка была воспоминаніемъ добраго дѣла: одна бѣдная женщина, которой онъ помогаль, подарила ее Державину. Звали ее Горностайка, а уменьшительно Таѣка. Державинъ съ нею не разлучался. Иногда прерывала она декламацию звонкимъ лаемъ, Державинъ ее унималъ, нахлобучивалъ поплотнѣе колпакъ — и чтеніе возобновлялось.

Полемика между Бесѣдой и Арзамасомъ была ему не по душѣ. Онъ находилъ въ ней мало возвышеннаго и надѣялся, что Карамзинъ съ Шишковымъ придержать своихъ сторонниковъ, если короче узнаютъ другъ друга. Едва оправившись отъ болѣзни, онъ позвалъ ихъ обѣдать. Еще нѣкоторыя бесѣдчики должны были присутствовать. Карамзинъ при всѣхъ обстоятельствахъ умѣлъ себя держать съ любезностью и достоинствомъ. Сидя подлѣ хозяина (по другую руку котораго сидѣлъ Шишковъ), онъ не безъ лукавства поглядывалъ на своихъ смѣшныхъ непріятелей, какъ самъ выражался, и былъ, пожалуй, не прочь ихъ шармировать. Онъ ихъ старался забавить грамматикой, синтаксисомъ, этимологіей. Но они хмурились и дичились. Когда пили его здоровье, онъ сказалъ, что считаетъ себя не врагомъ Шишкова, а ученикомъ, и выразилъ Александру Семеновичу благодарность за умѣніе писать, которымъ ему обязанъ. Это было, конечно, преувеличеніе, но Карамзинъ дѣйствительно находилъ долю правды въ шишковскихъ нападкахъ. Шишковъ былъ

смущень, насутился и, наклонясь надъ тарелкой, нѣсколько разъ повторялъ сквозь зубы: «Я ничего не сдѣлалъ. Я ничего не сдѣлалъ». Карамзину показался онъ честень, даже учтивъ, но тупъ. Какъ бы то ни было, Державинъ былъ очень доволенъ, что дѣло какъ будто идетъ на ладъ. Желая еще подвинуть его впередъ, замѣтилъ онъ, что пора Николаю Михайловичу стать членомъ Россійской Академіи. Онъ сказалъ это въ простотѣ сердца, но вышло весьма не кстати. Въ двѣнадцатомъ году, при отставкѣ Сперанскаго, Шишковъ перебилъ у Карамзина мѣсто государственнаго секретаря; въ тринадцатомъ, по смерти Нартова, карамзинисты считали, что за отказомъ Державина Карамзину подобало бы стать президентомъ Россійской Академіи, — но опять Шишковъ, а не Карамзинъ былъ назначень. Теперь Державинъ предлагалъ Карамзину стать простымъ членомъ этой шишковской Академіи, какъ звали ее въ Арзамасѣ. Карамзинъ нашелся: отвѣтилъ, что до конца своей жизни не назовется членомъ никакой академіи, — но все же отъ державинскаго обѣда остался у него неприятный осадокъ. Вяземскому онъ жаловался, что ничего ѣсть не могъ — горчица и та была невозможна. Впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ постоянно заботился о своемъ здоровьѣ, въ ѣдѣ и питіи былъ крайне воздержанъ, вареный рисъ и печеныя яблоки были его любимымъ кушанья, столъ же Державина былъ тяжелый, старозавѣтный.

Карамзинъ понималъ, что Державинъ дѣйствовалъ изъ побужденій чистѣйшихъ, и не обидѣлся. Но мѣсяць спустя отомстилъ жестоко, хоть неумышленно. Можетъ быть, именно для того, чтобы показать, будто не почувствовалъ на обѣдѣ никакой неловкости, онъ самъ вызвался прочитать въ томъ же обществѣ отрывокъ изъ своей Исторіи. Самъ же онъ и назначилъ быть чтенію 10 марта, въ семь часовъ вечера. Державинъ созвалъ гостей, кабинетъ его наполнился приглашенными. «Бьетъ семь часовъ — Карамзина нѣтъ; въ Державинѣ сейчасъ обнаружилось нетерпѣніе... Проходитъ полчаса, и нетерпѣніе его перешло въ безпокойство и волненіе. Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ послать къ Карамзину и спросить: будетъ онъ или нѣтъ, но Дарья Алексѣвна его удерживала. Наконецъ, бьетъ

восемь часовъ, и Державинъ въ досадѣ садится писать записку... Онъ перемарывалъ слова, вычеркивалъ цѣлыя строки, рвалъ бумагу и начиналъ писать снова. Въ это самое время принесли письмо отъ Карамзина. Онъ извинялся, что его задержали, писалъ, что онъ все надѣялся какъ-нибудь пріѣхать и потому промѣшкалъ, и что просить Гаврилу Романовича назначить день и часъ для чтенія, когда ему угодно, хоть послѣзавтра». Записка была исполнена глубокаго сожалѣнія и деликатности. Но Державинъ остолбенѣлъ отъ полученнаго а ф р о н т а. Потомъ сталъ онъ шагать по комнатѣ и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, но таково было выраженіе лица его, что «всѣ гости въ нѣсколько минутъ нашлись вынужденными развѣхаться».

**
*

Високосные годы — несчастные, незадачливые. Видно, вышелъ таковъ и шестнадцатый. Отъ всей его весны, съ недомоганіями, съ безпокойными аксаковскими чтеніями, съ обидой на Карамзина, съ тревогой за пятый томъ вышла одна доука. Петербургъ сдѣлался въ тягость, хотѣлось скорѣй на Званку. Державинъ сердился, ворчалъ, и съ самага понедѣльника Ѳоминой недѣли принялся за укладку рукописей и книгъ: собирался въ путь. Наконецъ, они тронулись. Ѳхали, не считая слугъ, вшестеромъ: двое Державиныхъ, Параша Львова, Александра Николаевна Дьякова (тоже племянница Дарьи Алексѣевны), неизмѣнный Аврамовъ и докторъ Максимъ Ѳомичъ. Тайка была седьмая.

30 мая, въ 5 часовъ утра, увидѣли милый домъ на горѣ, выѣзли изъ кареты и по лѣстницѣ поднялись въ садъ. Чудное было утро, Волховъ синѣлъ внизу, пѣли птицы. Сирень подъ окнами кабинета всѣхъ поразила пышностью. Долго ей любовались, потомъ пошли въ комнаты, а вернувшись — ахнули: цѣлая туча жуковъ, откуда-то налетѣвъ, уничтожила весь пышный цвѣтъ; листья поблекли и приняли красноватый оттѣнокъ; сирень стояла, какъ опаленная. Державинъ сказалъ:

— Видно сглазили!

Позавтракали. Державинъ съ Дарьей Алексѣвной пошли отдохнуть, слуги еще убрали со стола, — внезапно поднялся вихрь, Волховъ вздулся и почернѣлъ, началась гроза, хлынулъ ливень. Въ пять часовъ управляющій пришелъ доложить, что у Вѣрочкина вяза молнія обожгла трехъ женщинъ, а четвертую убила. Ее внесли въ домъ, она вся была черная.

— Какъ нынѣшній годъ нашъ прїѣздъ несчастливъ! — сказала Дарья Алексѣвна.

Но уже небо расчистилось, солнце глянуло, ступени крыльца обсохли; Державинъ, сѣвши на нихъ, любовался, какъ парусныя суда идутъ мимо, твердилъ:

— Какъ здѣсь хорошо! Не налюбуюсь на твою Званку, Дарья Алексѣвна! Прекрасна, прекрасна!

И припѣвалъ вполголоса свой любимый маршъ Безбородки.

Жизнь Званская потекла привычнымъ порядкомъ, съ утренними прогулками по саду, съ отчетами управляющаго, съ раздачею кренделей ребятамъ. Порой прїѣзжали сосѣди. Порой сами катались по Волхову. Флотилія державинская теперь состояла изъ стараго бота и маленькой лодочки; ходили они всегда неразлучно; боть Державинъ назвалъ «Гаврииломъ», а лодочку «Тайкой».

Только для самыхъ мелкихъ шрифтовъ Державинъ употреблялъ лупу. Однако, любилъ, чтобы ему читали вслухъ, особенно когда просто хотѣлъ убить время. Можетъ быть, думалъ при этомъ совсѣмъ о другомъ — свою, особую думу. Каждый день часъ поутру и часа два послѣ обѣда Параша читала вслухъ дядѣ. Ей шелъ двадцать третій годъ, она стала взрослою барышней; была хороша собой, тиха, разсудительна; сестры повыходили замужъ — она съ замужествомъ не спѣшила; лишившись отца десяти лѣтъ, а матери четырнадцати, къ Державинимъ была глубоко привязана и стала во многомъ походить на Дарью Алексѣвну, только сердцемъ была помягче. Во время чтеній Державинъ, сунувъ Тайку за пазуху, садился на красный диванъ предъ «Рѣкой времени». Читали газеты, журналы, иногда — «Исторію» Роллена въ переводѣ Тредьяковскаго; слушающаго это чтеніе, Державинъ посмѣивался и пожималъ плечами: подумать — сколько воды утекло! Ко-

гда-то знавалъ онъ Василья Кирилыча, а нынче вотъ — Карамзинъ что дѣлаетъ!.. Послѣ объѣда для разнообразія принимались за «Бахаріану» Хераскова — довольно нелѣпую смѣсь всякой всячины изъ русскихъ и не русскихъ сказокъ, съ привидѣніями, превращеніями, похищеніями. «Экой бредъ!» говорилъ Державинъ, «однако забавно...» Впрочемъ, больше одной пѣсни въ день не могли осилить. Когда вовсе другого чтенія не было — дѣлать нечего, вырчалъ «Всемирный путешественатель» аббата Де ла Порта, благо было въ немъ двадцать семь томовъ.

Иногда вмѣсто чтенія Державинъ просто раскладывалъ свой пасьянсъ — «блокаду» иль «пирамиду». Иногда, расхаживая по комнатѣ, объяснялъ тексты священнаго писанія, сличалъ мнѣнія толкователей. Тогда сияли глаза его, и цвѣтъ лица оживлялся; говорилъ онъ краснорѣчиво и ясно. Также любилъ вспоминать время Екатерины и то, какъ былъ ей представленъ послѣ «Фелицы», какъ она на него взглянула:

— Я вѣкъ этого взгляда не забуду; я былъ молодъ; ея появленіе, величіе ея окружавшее, этотъ царственный взглядъ, все такъ меня поразило, что она мнѣ показалась существомъ сверхъестественнымъ. Но теперь, когда все поразмыслию, долженъ сознаться, что она... мастерски играла свою роль и знала, какъ людямъ пылъ въ глаза бросать.

Вздумалъ онъ продолжать «Объясненія» къ своимъ стихамъ, которыя нѣкогда диктовалъ Лизѣ. Велѣлъ читать вслухъ пятый томъ, но скоро соскучился и сказалъ:

— Эта часть какъ-то скукой пахнетъ и напоминаетъ то время, въ которое она писана была, или, попросту сказать, оттого что я старъ сталъ.

Часто, прельстясь хорошей погодой, они прерывали занятія. Державинъ садился на ступеняхъ крыльца. Параша приносила арфу, и онъ съ Александрой Николаевной пѣли дуэтомъ его стихи: «Вошедъ въ шалашъ мой торопливо». Пѣсню эту онъ написалъ въ ту самую пору, когда умерла Плѣнира и онъ сватался къ Дашѣ. Далеко съ высоты холма неслись звуки арфы и пѣнія; славное званское эхо подхватывало конецъ куплета:

Тоскуеть сердце, дай мнѣ руку;
Почувствуй пламень сей мечты.
Виновна ль я? Прерви мнѣ муку:
Любезень, миль мнѣ ты!

Однажды, гуляя по саду съ Парашей, встрѣтили у бѣсѣдки Дарью Алексѣвну. Она указала Державину, какъ всѣ посаженныя при нихъ деревья хорошо принялись, такъ что даже и баню совѣмъ закрыли. — Все это хорошо, прекрасно, — отвѣчалъ онъ, — но все это меня что-то не веселитъ.

Когда же Дарья Алексѣвна отошла, онъ прибавилъ:

— Я старъ сталъ и кое-какъ остальные деньки дотаскиваю.

*
**

Ночью на 5 іюля случились у него легкіе спазмы въ груди, послѣ которыхъ сдѣлался жаръ и пульсъ участился. День прошелъ какъ обычно. Только уже подъ вечеръ, раскладывая пасьянсъ, Державинъ вдругъ измѣнился въ лицѣ, легъ на спину и сталъ тереть себѣ грудь. Отъ боли онъ громко стоналъ, но затѣмъ успокоился и уснулъ. Вечеромъ, за бостономъ, стали его уговаривать ѣхать въ Петербургъ, къ извѣстному доктору Роману Ивановичу Симпсону. Но онъ наотрѣзъ объявилъ, что ни въ коемъ случаѣ не поѣдетъ, а пошлетъ только подробное описаніе болѣзни съ запросомъ, какъ поступать и что дѣлать.

Онъ, однако жъ, не написалъ и письма, потому что два дня чувствовалъ себя отлѣнно, гулялъ, работалъ въ кабинетѣ, слушалъ Парашино чтеніе, жаловался, что понапрасну его морять голодомъ.

8 числа къ ужину заказалъ онъ себѣ уху, ждалъ ее съ нетерпѣніемъ и съѣлъ двѣ тарелки. Немного спустя ему сдѣлалось дурно. Побѣжали за Максимомъ Ѳомичемъ. Державинъ прошелъ въ кабинетъ, раздѣлся и легъ на диванъ. Призвавъ Аврамова, сталъ онъ ему диктовать письмо въ Петербургъ, къ молодому Капнисту:

«Пожалуй увѣдомь, братецъ Семень Васильевичъ, Романа Ивановича, что сегодня, то есть въ субботу, часу по

утру въ седьмомъ, я принималъ обыкновенное мое рвотное, которое подѣйствовало очень хорошо... я думалъ, что болѣзнь моя совсѣмъ прошла; но послѣ полудни часу въ 6-мъ мнѣ захотѣлось сильно ѣсть. Я поѣлъ ухи... мнѣ было очень хорошо; но черезъ четверть часа опять поднялись пары... Когда поднимаются сіи пары, то вступаетъ жаръ въ виски, сильно жилы бьются и я нѣкоторое время какъ опьянѣваю; но спасибо, все это бываетъ весьма коротко: я получаю прежнее положеніе, — кажется, здоровъ, но употреблять не могу пищу, и довольно строгій содержу діетъ. Боюсь, чтобъ какъ не усилилась эта болѣзнь, хотя не очень большая, но меня, а особливо домашнихъ много беспокоящая. А теперь почувствовалъ лихорадку, то есть маленькій ознобъ, и сдѣлались сини ногти. Расскажи ему все подробно и попроси средства, что бы избавиться. Впрочемъ мы, слава Богу, находимся по прежнему въ хорошемъ состояніи.

Далѣе собственною рукой приписалъ онъ: «Кланяйся всѣмъ. Покорнѣйшій вашъ Державинъ». И еще велѣлъ сдѣлать постскриптумъ: «Пожалуй доставь немедленно приложенную записочку Петру Ивановичу Соколову».

Послѣ диктовки начались у него сильные боли. Онъ стоналъ и по временамъ приговаривалъ:

— Охъ, тяжело! охъ, тошно!.. Господи, помоги мнѣ грѣшному... Не зналъ, что будетъ такъ тяжело; такъ надо! Господи, помилуй меня, прости меня!.. Такъ надо, такъ надо!

Такъ онъ долго стоналъ и жаловался, порой съ укоризною прибавляя еще одно слово, которое относилось, должно быть, къ сѣжденной ухѣ:

— Не послушался!

Однако, и эта боль миновалась, онъ пересталъ стонать, приободрился.

— Вы отужинали? — спросилъ онъ: — больно мнѣ, что всѣхъ васъ такъ взбудоражилъ; безъ меня давно бы спали.

Тутъ опять поднялся разговоръ о поѣздкѣ въ Петербургъ. Державинъ противился, но потомъ уступилъ и часовъ въ одиннадцать приказалъ Аврамову сдѣлать второй постскриптумъ:

«Послѣ сего часу въ десятомъ вечера я почувствовалъ настоящую лихорадку, а въ постелю ложившись напыюсь бузины; завтра же тетенька думаетъ, коль скоро лучше послѣ того не будетъ, то ѣхать въ Петербургъ».

Въ самомъ дѣлѣ, наполнился онъ бузины и перешелъ изъ кабинета въ спальню. Тамъ вскорѣ страданія возобновились, и черезъ нѣсколько времени Аврамовъ уже продолжалъ письмо отъ своего имени:

«Въ постелѣ послѣ бузины сдѣлался жаръ и бредъ. Наконецъ Дарья Алексѣевна приказала вамъ написать, что они рѣшились завтрашній день ѣхать въ Петербургъ; если жъ Богъ дастъ дяденькѣ облегченіе, и они во вторникъ въ Петербургъ не будутъ; то тетенька васъ проситъ прислать нарочнаго сюды на Званку съ подробнымъ наставленіемъ Романа Ивановича Симпсона. Вашъ покорнѣйшій слуга Евстафій Аврамовъ».

Но странному письму и на этомъ не суждено было кончиться. Державинъ лежалъ безъ памяти, Дарья Алексѣевна велѣла сдѣлать еще приписку:

«Р. С. Тетенька еще приказала вамъ написать, что дяденькѣ нѣтъ лучше, и проситъ васъ, что бы вы, или ктонибудь изъ братьевъ вашихъ, по полученіи сего письма, поспѣшили пріѣхать на Званку, какъ можно поскорѣе».

Въ исходѣ второго часа, когда Дарья Алексѣевна удалилась на время и въ спальнѣ остались только Параша съ докторомъ (который совсѣмъ растерялся и не зналъ, что дѣлать), Державинъ вдругъ захрипѣлъ, пересталъ стонать, и все смолкло. Параша долго прислушивалась, не издастъ ли онъ еще вздоха. Дѣйствительно, вскорѣ онъ приподнялся и глубоко, протяжно вздохнулъ. Опять наступила тишина, и Параша спросила:

— Дышитъ ли онъ еще?

— Посмотрите сами, — отвѣтилъ Максимъ Ѳомичъ и протянулъ ей руку Державина. Пульса не было. Параша приблизила губы къ его губамъ и уже не почувствовала дыханія.

*
**

Въ три часа утра, когда солнце уже вставало, и пробуждались птицы, и легкій туманъ еще покрывалъ поля.

и Волховъ, казалось, остановился въ своемъ теченіи, Дарья Алексѣевна и Параша вошли въ пустой кабинетъ Державина. Тамъ, въ дневномъ свѣтѣ, горѣла еще свѣча, его рукою зажженная, лежало платье, скинутое имъ съ вечера. Молитвенникъ былъ раскрытъ на той страницѣ, гдѣ остановилось его чтеніе. Параша взяла аспидную доску — на ней было начало оды:

Рѣка время въ своемъ стремленьи
Уносить всѣ дѣла людей
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Черезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

Только это и было написано. Восемь всего стиховъ, но все въ нихъ величественно и прочно, какъ въ славнѣйшихъ одахъ Державина, и въ то же время такъ просто, какъ онъ не писывалъ еще никогда.

Жизнь со всѣми ея утѣхами онъ всегда любилъ и того не стыдился. Хотѣлъ «устроить ее ко благу» — личному и общественному, ради чего и работалъ, не покладая рукъ. Но еще въ ту пору, когда, при Читалагайской горѣ, рождалась его поэзія, онъ былъ пронзенъ мыслию о непрочно-сти жизни: «О Мовтерпій, дражайшій Мовтерпій, какъ ма-ла есть наша жизнь!.. Лишь только ты родился, какъ уже рокъ дня того влечетъ тебя къ разрушающей нощи... Нѣтъ на свѣтѣ ничего надежнаго, даже и самыя наивеличайшія царства суть игралище непостоянства... Терзаемся безпре-станно хотѣніемъ и теряемся въ ничтожествѣ! Сей есть предѣлъ нашей жизни». Его эпоха на каждомъ шагу да-вала поводы къ размышленіямъ такого рода. Отъ смерти Мещерскаго до паденія Наполеона онъ не переставалъ твердить о минутности дѣлъ человѣческихъ. Не было, слѣдовательно, ничего новаго въ первомъ четверостишіи его предсмертныхъ стиховъ. Но было кое-что новое во второмъ.

Онъ любилъ исторію и поэзію, потому что въ нихъ

видѣль побѣду надъ временемъ. Въ поэзіи самъ былъ отчасти историкомъ. На будущаго историка своей жизни взиралъ съ довѣріемъ:

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженъе счастья,
Единой правдою меня въ умахъ людей
Черезъ Кліи воскресишь согласиа.

Въ безсмертіе поэтическое вѣрилъ онъ еще тверже и многократно высказывалъ эту вѣру, подчасъ даже съ нѣкоторымъ упрямствомъ, не безъ задора:

Враговъ моихъ червь кости сгложетъ,
А я пійть — и не умру...

Въ могилѣ буду я, но буду говорить...

Стихи о «Рѣкѣ время» писалъ онъ 6 іюля и вѣроятно тогда не думалъ, что только два дня отдѣляютъ его отъ смерти. Но онъ зналъ, что «дотаскиваетъ послѣдніе деньки». Время для него кончалось. Онъ задумался о томъ, что будетъ, когда оно вообще кончится, и Ангелъ, поклявшийся, что времени больше не будетъ, вырветъ трубу изъ Кліиныхъ рукъ, и самъ вострубитъ, и лиричнаго голоса Мельпомены не станетъ слышно. Исторія и поэзія способны побѣждать время — но лишь во времени. Жерломъ вѣчности пожрутъ и онѣ сами. Тутъ отказывался Державинъ отъ мечты, утѣшавшей его всю жизнь. Отсюда и обнаженная простота его предсмертной строфы: всѣ прикрасы какъ бы совлечены съ нея вмѣстѣ съ надеждою.

Стихи были только начаты, но ихъ продолженіе угадать не трудно. Отказываясь отъ историческаго безсмертія, Державинъ долженъ былъ обратиться къ мысли о личномъ безсмертіи — въ Богѣ. Онъ началъ послѣднюю изъ своихъ религіозныхъ одъ, но ея уже не закончилъ.

Б о г ъ было первое слово, произнесенное имъ въ младенчествѣ — еще безъ мысли, безъ разумѣнія. О Богѣ была его послѣдняя мысль, для которой онъ уже не успѣлъ найти словъ.

10 іюля прїѣхали изъ Петербурга племянники: Семень Капнисть съ Александромъ Николаевичемъ Львовымъ. Они-то и взяли на себя всѣ заботы о похоронахъ. Замѣчательно, что неизмѣнная твердость Дарьи Алексѣевны на сей разъ ее покинула. Кажется, она даже не имѣла мужества взглянуть на покойника. Во всякомъ случаѣ, она не присутствовала ни на панихидахъ, ни при выносѣ. Отъ потрясенія она слегла, ее перевели во второй этажъ. Племянницы находились при ней почти безотлучно.

Рѣшено было хоронить Державина въ Хутынскомъ монастырѣ, который такъ ему нравился, куда онъ ѣзжалъ къ Евгенію. 11 числа вечеромъ привезли изъ Новгорода все необходимое. Тѣло было положено въ гробъ и тогда же отслужена послѣдняя панихида.

Параша хотѣла проводить печальное шествіе хоть до лодки, которая повезетъ тѣло въ Хутынь, но Дарья Алексѣевна взяла съ нея обѣщаніе остаться въ комнатахъ. Была уже полночь, когда Параша пришла съ панихиды. Вдругъ внизу раздалось похоронное пѣніе. Гробъ только что понесли, и это пѣніе вполголоса походило скорѣе на протяжные стоны, которыхъ, можетъ быть, не было бы и слышно если бъ не тишина, наступившая во всемъ домѣ. Параша бросилась запираеть двери, чтобъ Дарья Алексѣевна ничего не услышала. Потомъ, подойдя къ окну, она увидала внизу толпу людей съ фонарями. Неся гробъ на головахъ, они стали спускаться съ горы. Ясно свѣтились широкіе серебряные галуны на гробѣ, который все удалялся и наконецъ донесенъ былъ до лодки. Въ черномъ Волховѣ отражались звѣзды іюльскаго неба.

На носу помѣстились пѣвчіе, на кормѣ предъ налоемъ псаломщикъ читалъ молитвы. Малиновый гробъ былъ поставленъ на катафалкѣ, воздвигнутомъ посерединѣ лодки; черный балдахинъ колыхался надъ катафалкомъ. По угламъ стояли четыре тяжелыхъ свѣчи въ церковныхъ подсвѣчникахъ. Лодка шла бечевою, за ней слѣдовала другая съ провожатыми. Ночь была такъ тиха, что свѣчи горѣли во все время плаванія.

К о н е ц ъ .